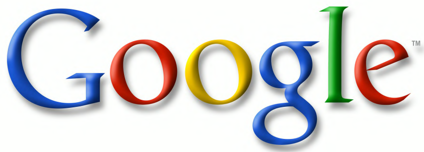
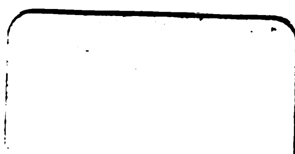

VE RI
TAS

VE RI
TAS

Мирной Трудъ

№ 1.

1905.

...въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к.

Бородинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп.

Бородинъ М. М. „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого". Цѣна 20 коп.

Бородинъ М. М. „Необходимость Самодержавія для Россіи". Ц. 20 к.

Бродовичъ І. А. проф. „Христіанство въ Японіи". Цѣна 15 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣна 20 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы". Цѣна 10 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к.

Денисовъ Я. А. проф. „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на русскій народъ". Цѣна 20 к.

„**Десятилѣтіе правленія** Государя Императора Николая II". Ц. 20 к.

Заяитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія". Цѣна 25 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Выпускъ I. Цѣна 20 к. съ пер. 25 коп. Выпускъ II. Цѣна 20 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко". Цѣна 10 к.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота". Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла цѣликомъ жертвуется на военныя нужды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ.** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 коп. **Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота.**

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

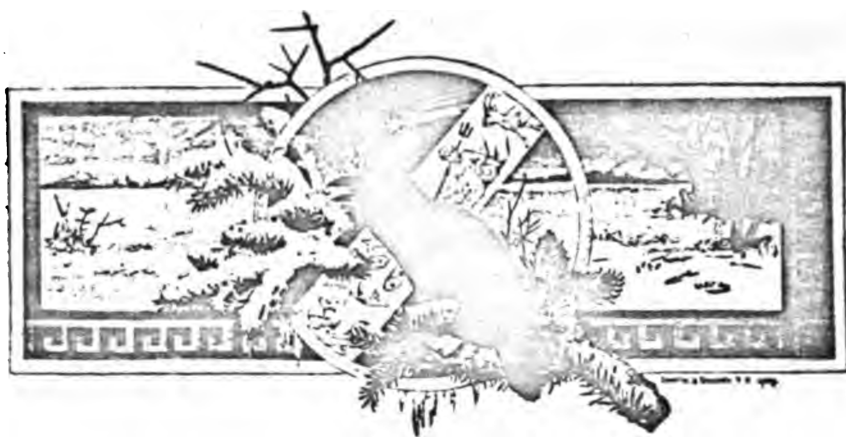
(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 1.

(Январь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1905.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 27 Января 1905 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

январьской книжки журнала „Мирный Трудъ“.

Портреты: кн. Д. П. Голицына, Н. И. Бобрикова, Ѳ. М. Достоевскаго и Р. И. Кондратенко.

Челобитная „Русскаго Собранія“.

31-го декабря 1904 года, въ 12 час. дня, предсѣдатель совѣта Русскаго Собранія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Д. П. Голицынъ, товарищи предсѣдателя—генералъ-маіоръ А. И. Золотаревъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Л. Мордвиновъ, и члены совѣта, писатели: князь М. Н. Волконскій и Н. А. Энгельгардтъ, имѣли счастіе всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Русскаго Собранія, изложенное въ особой челобитной.

Его Императорскому Величеству, по выслушаніи челобитной, благоугодно было осчастливить представителей Русскаго Собранія слѣдующими словами:

„Благодарю отъ души за честныя, истинно-русскія мысли. Въ томъ, что вы прочли, ничего ни добавить, ни убавить, нельзя“.

Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ, Всемилостивѣйше удостоивъ каждаго изъ имѣвшихъ счастіе представиться нѣсколькихъ вопросовъ, до дѣятельности и цѣлей Собранія относящихся, соблаговолилъ произнести:

„Дай Богъ счастія всему Русскому Собранію, на благо русское. Передайте это Собранію. Желаю ему дальнѣйшаго развитія“.

Вышеозначенная челобитная, къ которой приложено было болѣе двадцати страницъ подписей членовъ Русскаго Собранія, изложена была въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Благочестивый Государь.

«Русское Собраніе возникло въ тѣ дни, когда обозначилась для русскихъ людей необходимость сплотиться ради мирной работы и духовнаго противодѣйствія чуждымъ нашему отечественному укладу теченіямъ. Нынѣ теченія эти стали чрезмѣрно шумны. Въ то время, какъ доблестные сыны Россіи на Дальнемъ Востокѣ творятъ великій подвигъ, здѣсь раздаются голоса, дерзновенно требующіе отказа отъ нашихъ родныхъ святынь.

Русское Собраніе не можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ подобнаго явленія. Въ духовномъ единеніи со всѣми истинно-русскими людьми. Русское Собраніе знаетъ, что мощь нашей родины зиждется на нераздѣльной святынѣ Православія, Самодержавія и народности. Въ господствѣ Церкви православной оно усматриваетъ основный залогъ силы нашей государственности и нашей народности. Оно ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ относится съ уваженіемъ, но любитъ только православную вѣру, матерь нашихъ вдохновеній, любовію своею обнимая и тѣхъ истинно-русскихъ людей, которые, съ семнадцатаго вѣка разошедшіеся съ нами въ буквѣ, не отступили, однако, отъ Животворящаго Слова. Опредѣленно отвергаетъ Русское Собраніе всякую мысль объ измѣненіи устоевъ Самодержавной Власти, Господнимъ велѣніемъ призванной защищать нашу церковь и духовныя сокровища русскаго народа. Ему дорога увѣренность въ томъ, что нашъ государственный строй огражденъ отъ посягательствъ, могущихъ сказаться не только въ прямомъ поврежденіи нашихъ вѣковыхъ основъ, но и въ поползновеніяхъ лицъ, возомнившихъ

себя призванными переустраивать нашъ государственный укладъ. Не страшится русское сердце установленія такого тѣснаго общенія между возлюбленнымъ Царемъ и русскимъ народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго непосредственно доходили бы до Помазанника Божія, но да избавитъ насъ Всевышній отъ того, чтобы, подъ видомъ подобнаго общенія, затронута была цѣлость Самодержавія. И не время теперь, когда жизнь наша осложнена войной, отвлекать Государево вниманіе отъ творимой Русью крестовой борьбы.

Русское Собраніе не относится враждебно къ народностямъ, пріобщеннымъ къ коренному населенію по пути достиженія нами нашихъ государственныхъ цѣлей, но оно видитъ мощь Россіи въ укрѣпленіи русскаго духа, силою котораго обусловливается истинное величіе нашего Отечества, и въ единеніи тѣхъ, чьи предки своею кровію и трудами своими созидали Русь. Враги русской государственности усмотрѣли, что въ обезличеніи народной русской души таится залогъ успѣха ихъ начинаній, направленныхъ къ тому, чтобы русское дѣло подвергалось чуждымъ ему вліяніямъ.

Мы, члены Русскаго Собранія, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные, осмѣливаемся повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашимъ выраженія нашихъ вѣрованій и молимъ Всевышняго, да продлитъ Онъ дни Вашего Величества на многія лѣта, во славу Руси, и да укрѣпитъ Онъ Цареву Десницу, держащую насъ на пути живой правды».

Челобитная Харьковскихъ обывателей.

На докладѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ при представленіи челобитной, скрѣпленной подписями 420 харьковскихъ жителей, Его Величеству благоугодно было собственноручно начертать:

„Искренно благодарю обывателей города Харькова“.

Челобитная эта составлена въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

«Великій Государь. Мы нижеподписавшіеся, харьковскіе обыватели разнаго званія и состоянія, присягнувъ на вѣрность Самодержавному Царю, свято помнимъ свою присягу и не можемъ сочувствовать смутѣ, разсѣеваемой сторонниками зарубежныхъ конституцій. Мы понимаемъ, что въ наши дни надо всей землѣ поддержать своего Царя для одолѣнія наглаго врага, напавшаго на святую Русь. Толки о коренныхъ преобразованіяхъ только смущаютъ умы и отвлекаютъ отъ первой обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ поддержать всѣми силами Помазанника Божьяго, Который Своей Самодержавной властью послѣ почетнаго мира даруетъ Родинѣ удовлетвореніе всѣхъ назрѣвшихъ потребностей народной жизни.

Внемли, Всемилостивѣйшій Государь, нашей челобитной и властнымъ словомъ Своимъ ободри Твой безпредѣльно преданный Православію и Самодержавію народъ, душа котораго изнываетъ отъ тяжелой смуты, нами переживаемой».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Новый годъ начинается для всей Россіи при весьма тяжкихъ условіяхъ. Помимо войны съ храбрымъ и беззастѣнчивымъ внѣшнимъ врагомъ, на наше Отечество надвинулась грозная туча внутренней смуты. Обѣ невзгоды застали насъ недостаточно подготовленными, тогда какъ недруги исподволь, въ теченіи ряда лѣтъ, искусно вели свою разрушительную работу, подкапываясь подъ основы нашего международнаго положенія и нашего государственнаго и общественнаго строя.

Правда, неоднократно раздавался съ высоты Престола предупреждающій голосъ Верховнаго Вождя, обращавшагося къ народу со словомъ увѣщанія и призывомъ всѣхъ вѣрноподданныхъ къ дружному противодѣйствію нашимъ многочисленнымъ нестроеніямъ. Государь дѣйствовалъ „подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же *люди спали*, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы“ (Матѳ. XIII, 24—25). Теперь всѣмъ видѣнъ буйный ростъ этихъ плевелъ, и плоды нашего общественнаго сна на лицо: печать почти цѣликомъ проповѣдуетъ отступничество отъ родныхъ устоевъ, ибо находится въ рукахъ инородцевъ и космополитовъ; въ школѣ—мѣстѣ святомъ, царитъ мерзость запустѣнія и происходитъ калѣченіе подростающихъ поколѣній, такъ какъ національзація воспитанія не достигнута по отсутствію необходимыхъ работниковъ; уклоненіе избирателей отъ пользованія ихъ правами, въ сущности являющимися обязанностью, привело къ захвату людьми опредѣленной партіи земскихъ и городскихъ управленій, находящихся нынѣ почти повсемѣстно въ рукахъ сторонниковъ зарубежнаго уклада...

Но ихъ шумные крики все таки не воспроизводятъ дѣйствительнаго настроенія всей русской земли, ибо ихъ про-

пустили въ гласные, имѣя въ виду лишь опредѣленныя задачи, возлагаемыя на самоуправленіе городовымъ и земскимъ положеніями, т. е. безкорыстное служеніе мѣстнымъ нуждамъ, нынѣ остающимся въ небреженіи, благодаря погонѣ за властью.

Политическая честность требовала отъ нашихъ „общественныхъ дѣятелей“ предварительно узнать доподлинное настроеніе русскихъ людей, а не выступать самозванными выразителями мнимыхъ мнѣній молчащихъ избирателей: они виновны въ безучастіи къ общественнымъ дѣламъ, но нигдѣ и никому не давали полномочій требовать, въ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, государственнаго переворота. Поведеніе нашихъ земскихъ и городскихъ „политиковъ“ имѣло бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы были всюду произведены *новые выборы* во всѣ городскія и земскія управленія, и они получили бы большинство голосовъ, выразившихъ такимъ образомъ свое сочувствіе участію уполномоченныхъ, излюбленныхъ людей, въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Свободное избраніе ихъ было бы, дѣйствительно, одобреніемъ избирателями опредѣленной, *заранѣе извѣстной имъ* программы. Разъ этого нѣтъ, всѣ заявленія и „требованія“ остаются лишь выраженіемъ пожеланій только подписавшихъ ихъ лицъ, но отнюдь не мнѣніемъ всей страны; ихъ нельзя считать голосомъ всего общества, а тѣмъ болѣе народа: многомилліонная Русь не говоритъ устами сотенъ представителей лишь *части* зажиточныхъ классовъ. Это ясно для всякаго добросовѣстнаго человѣка, не омраченнаго партійными вожделѣніями.

Но наши „политики“ всегда отождествляютъ свои собственныя мечтанія съ пожеланіями *„всего народа“* и позволяютъ себѣ дѣйствовать отъ его имени, прибѣгая въ часы войны къ предъявленію самыхъ неумѣренныхъ требованій, приправленныхъ плохо прикрытыми угрозами, соблазняя „малыхъ сихъ“ на забастовки и уличные безпорядки, за которые платится неимущій людъ, ибо его хотятъ заставить вытаскивать каштаны для другихъ: ни крестьяне, ни рабочіе властвовать не будутъ при „переворотѣ“, а этого не хотятъ понять у насъ многіе, не задающіе себѣ даже такого простого вопроса, какъ, „кто правитъ страной при конституціонномъ строѣ?“ Вовсе не

народъ, а капиталисты! Стоитъ приглядѣться къ глухой, напряженной соціальной борьбѣ, которая происходитъ на всемъ Западѣ и сейчасъ же станетъ ясно, что нигдѣ конституція не дала рабочему люду удовлетворенія его справедливыхъ потребностей, что всегда можетъ сдѣлать власть, стоящая выше партій. Рабочіе никогда не могутъ сами стать у кормила правленія, ибо нельзя одновременно зарабатывать трудами рукъ своихъ пропитаніе семьѣ своей и „государить". Въ такомъ же положеніи находятся 80 милліоновъ нашихъ крестьянъ, для которыхъ „правовой порядокъ" будетъ густыми дебрями, гдѣ они заблудятся съ своими обычными представленіями, со своимъ стремленіемъ жить „по совѣсти", „по божьему". Уничтоженіе неотчуждаемости надѣловъ повлечетъ за собою усиленную скупку земель и подъ гнетомъ податей, которыя несомнѣнно увеличатся отъ затѣй кабинетныхъ заправилъ, огромная масса населенія превратится въ вѣчныхъ батраковъ, лишенныхъ своего угла, обреченныхъ на смерть подъ заборомъ. „Конституція", такимъ образомъ, принесетъ вѣчную кабалу и безпросвѣтное экономическое рабство самому многочисленному изъ нашихъ сословій. Не выиграютъ и остальныя. Пусть духовенство не забываетъ Комба, россійскіе послѣдователи котораго кое гдѣ откровенно высказываютъ свои вожделѣнія. Православная Церковь, несомнѣнно, будетъ ими обездолена, сведена съ своего первенствующаго положенія, приравнена къ шаманству и язычеству, ибо новые язычники оказываются главными застрѣльщиками „переворота". Смута погубитъ и среднее купечество, прервавъ правильный оборотъ денегъ и товаровъ, а соперничество юркихъ инородцевъ, получившихъ право повсемѣстной торговли, доведетъ его до окончательнаго закабаленія. О разоренномъ, задолжавшемъ дворянствѣ и говорить нечего, такъ какъ его ждетъ полная утрата обломковъ родовыхъ имѣній за невозможностью ихъ удержать при измѣнившихся условіяхъ. Только капиталисты, крупные торговцы, фабриканты и владѣльцы обширныхъ помѣстій могутъ ждать *для себя* выгодъ отъ участія въ управленіи страной, ибо народъ, нынѣ не пользующійся дарованнымъ ему закономъ самоуправленіемъ, уклонится, по экономическимъ причинамъ, отъ

бремени власти. И тогда Россію ждетъ участь древняго Рима, погубленнаго своекорыстіемъ и раздорами представителей самыхъ состоятельныхъ слоевъ населенія. Имперія эта пала потому, что дѣлала имъ уступки, обрекая на разложеніе трудящіеся, производительные классы и выбирая опорой своего врага—капиталистовъ. Та же ошибка происходитъ и на нашихъ глазахъ...

Широкіе круги общества заблуждаются, по своей политической неподготовленности, въ своихъ представленіяхъ о благахъ „конституціи", отожествляя ее съ осуществленіемъ самыхъ завѣтныхъ мечтаній, вопреки наглядному опыту странъ Запада.

Впрочемъ, слабость политическаго и общественнаго сознанія явственно выступаетъ даже у вожаковъ современнаго движенія. Это—обыкновенно, или своекорыстные дѣльцы или люди отвлеченной мысли, книжныхъ настроеній, *вѣрящіе* во всемогущество *слова*. Какъ наивный предокъ нашъ вѣрилъ, что „по щучьему велѣнію, по Иванушки хотѣнію" явится и скатерть самобранка, и коверъ самолетъ и другія диковинки, такъ наши современники вѣрятъ въ волшебное могущество „конституціи". Словно древніе заклинатели, отвращающіе общественныя бѣды таинственными словами, многіе думаютъ взмахомъ волшебной палочки искоренить всѣ общественные недочеты, исцѣлить язвы, болѣзненно терзающія *все* человѣчество! Развѣ это не пережитокъ, не обломокъ давно уже пройденной ступени въ развитіи человѣческаго мышленія?
Но отсутствіе критики простительно „некультурному человѣку", тогда какъ притязающіе на званіе „передовыхъ людей" обязаны не закрывать глаза на современные „порядки" въ конституціонныхъ государствахъ, не замалчивать крушенія „говориленъ" во всѣхъ странахъ міра. Нелѣпо прибѣгать къ лѣкарству, безсиліе котораго раскрыто воочію.

Сильное правительство, хорошо знающее нужды *своей* страны, высоко держащее знамя ея національнаго достоинства и народныхъ интересовъ, самосознающее общество, довѣряющее своему правительству, какъ созданію историческихъ силъ, и помогающее всѣми силами осуществленію имъ какъ міровыхъ задачъ, такъ и разрѣшенію назрѣвающихъ внутрен-

нихъ вопросовъ, вотъ что нужно всѣмъ государствамъ безъ исключенія. Формы же правленія разнообразны и, какъ дѣло человѣческое, всѣ имѣютъ свои достоинства и недостатки, оказываются плодомъ длиннаго развитія, созданіемъ даннаго народа, но ставить какую либо изъ нихъ на высоту общечеловѣческаго идеала, выдавать ее за единственно пригодную для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ—значитъ впадать въ ошибку, изобличенную исторіей, и поднимать безконечный теоретическій споръ. Примѣръ на нашихъ глазахъ: „россійскіе конституціоналисты" уже объявлены подлежащими сдачѣ въ архивъ, ибо новымъ волшебнымъ ключемъ къ всеобщему благополучію является „демократическая республика", хотя уже слышатся крики, что наилучшимъ заклинаніемъ противъ всѣхъ бѣдъ—служитъ анархія, которую де и надлежитъ водворить на Руси по самому передовому мнѣнію.

Такимъ образомъ, дѣлежъ еще не захваченной власти вызываетъ раздоръ и борьбу въ средѣ самихъ смутьяновъ, что служитъ яснымъ предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, какія дастъ Русскому народу осуществленіе затѣи желающихъ „государить" надъ нимъ „политикановъ".

Суть же дѣла просто въ томъ, что съ теченіемъ времени дѣятельность человѣческихъ обществъ должна становиться болѣе сознательною, а потому люди должны стремиться къ достижимому, всестороннему развитію хорошихъ сторонъ своего уклада и устраненію его недочетовъ. У насъ, наоборотъ, хотятъ непремѣнно сломать выстроенный тысячелѣтней работой предковъ домъ и воздвигнуть на его мѣстѣ англійскій коттеджъ или французскую виллу, забывая о нашихъ морозахъ! Безспорно, домъ нуждается въ починкѣ; кое гдѣ онъ осѣлъ; окна малы; развелись назойливые сверчки; крысы и мыши истребляютъ припасы; паразиты расползаются по всѣмъ комнатамъ. Но вѣдь можно пустить больше свѣта и воздуха, можно освободить заброшенные покои отъ разнаго сора и нечисти, не сламывая зданія, дававшаго надежную защиту отъ многочисленныхъ историческихъ бурь и непогодъ. Вдобавокъ, надо спросить всѣхъ жильцовъ, желаютъ ли они очутиться подъ открытымъ небомъ, хотя бы „весною", согласны ли они

оставаться безъ крова, до тѣхъ поръ пока разрушители рѣшатъ, какой стиль лучше, конституціонный, республиканскій или анархическій!

Всѣ переживаемыя событія наглядно показываютъ, что самозванные вожаки русскаго народа не дали себѣ даже надлежащаго отчета въ своихъ стремленіяхъ, что они гоняются за пышными словами и непригодными учрежденіями, забывая о необходимости и спасительности производительнаго труда, который одинъ только вывелъ изъ варварства культурное человѣчество и способенъ стяжать ему относительное, возможное на землѣ благополучіе.

Вотъ почему, вступая въ третій годъ своего существованія, наше скромное изданіе по прежнему будетъ работать надъ уясненіемъ и укрѣпленіемъ нашихъ родныхъ, завѣтныхъ идеаловъ, отнюдь не отожествляя ихъ съ современной дѣйствительностью, не раболѣпствуя передъ иноземнымъ, но и не отвергая всякихъ улучшеній. Все хорошее, пріобрѣтенное однимъ народомъ, является достояніемъ всего человѣчества, которое не должно быть однородной, подстриженной на одинъ ладъ, думающей по одной мѣркѣ совокупностью людей безъ рода и безъ племени, но братской семьей равноправныхъ членовъ, сохраняющихъ свой обликъ, свое мышленіе и свой домашній укладъ.

Можно смѣло сказать, что всѣ животныя никогда не превратятся въ „общезвѣря", не сдѣлаются и люди „общечеловѣками". Святая книга не даромъ говоритъ намъ: И будетъ Онъ (Господь) судить *народы* и обличитъ многія *племена*; и перекуютъ мечи свои на орала и копья свои—на серпы; не подниметъ *народъ на народъ* меча и не будутъ болѣе учиться воевать (Исаіи II, 4).

Таковъ великій идеалъ для всего человѣчества и его водворитъ не принужденное объединеніе, не насиліе надъ иномыслящими, не превращеніе всѣхъ въ общечеловѣческое стадо, пасомое капиталистами, а служеніе великимъ завѣтамъ христіанства, открывающимъ всему человѣчеству единую вселенскую истину.

Къ сожалѣнію, у насъ явственно сказывается ея забвеніе: требованія христіанской нравственности подмѣниваются

Воевода Дмитрій Боброкъ.

(Канунъ 8 сентября 1380 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда разсвѣта нашей славы,
Героевъ русской старины,
Смущалъ мнѣ образъ величавый
Мои младенческіе сны;
Когда душа лишь ихъ любила,
Когда ихъ мощь боготворила,
Имъ поклонялась, ихъ звала,
Ихъ въ окружающемъ искала
И міра грезы, идеала,
Какъ на яву, къ себѣ ждала,—
Кто въ этотъ лепетъ поклоненья
Могъ заронить-бы ядъ сомнѣнья
Въ тщету младенческой мечты?...
Но дни бѣжали, мчались годы,
Пора надеждъ, любви, свободы,
Куда, куда дѣвалась ты...
Гдѣ тѣ, что мнѣ о прошломъ пѣли...
— Волною жизни снесены!
Но все у той же колыбели
Мои плѣнительные сны:
У колыбели русской славы,
У дѣлъ ея богатырей,
Въ преддверьи выросшей державы
Широковѣнчанныхъ царей.
Но если ядъ житейской прозы
И повседневной суеты
Разсѣялъ дѣтскія мечты,
Развѣялъ сладостныя грезы,

токъ русской жизни, М. Е. Щедринъ. Вѣдь и нынѣ „всякій французъ желаетъ быть чиновникомъ!" Наша „интеллигенція" тоже, въ общемъ, можетъ существовать только народнымъ трудомъ, сама по себѣ будучи подготовлена лишь къ канцелярскимъ занятіямъ, составленію обширныхъ плановъ коренного переустройства съ цѣлью облагодѣтельствовать все человѣчество, кромѣ просто русскихъ людей...

Всѣ эти явленія наглядно показываютъ, что спасеніе корабля общей нашей матери Россіи, попавшаго нынѣ въ историческій водоворотъ, требуетъ особыхъ усилій, тѣмъ болѣе, что часть гребцовъ не хочетъ слушать приказовъ рулевого и алчетъ взять кормило въ свои руки, чтобъ плыть на огни, зажженные коварной рукой, съ цѣлью вызвать крушеніе и воспользоваться богатой добычей. Тѣмъ дружнѣе должны сплотиться всѣ сохранившіе вѣрность кормчему, дабы облегчить ему выходъ на водную ширь. Надежное указаніе даетъ путеводная звѣзда, озарявшая тысячелѣтній путь нашей Родины, слѣдовать по которому и призываетъ Державный Вождь.

Съ Богомъ впередъ, русскіе люди, за творческую работу, за великое Государево и земское дѣло, за внутреннее строеніе нашего Отечества!

Вѣдь наши дорогіе братья мужественно подвизаются на далекомъ ратномъ полѣ, а мы сугубо должны всемѣрно облегчить ихъ бранный подвигъ честнымъ мирнымъ трудомъ, понимая, что всякая домашняя смута выдастъ ихъ головой непріятелю. Русскій народъ никогда не былъ предателемъ своей Родины и своихъ кровныхъ сыновъ; его мощный отпоръ сокрушилъ множество недруговъ и не японцамъ съ ихъ купленными приспѣшниками одолѣть дружную Россію!

12 Января 1905 года. *Проф. А. Вязигинъ.*

Ему исходъ откроетъ битвы...
И съ вѣрой знаменье креста
Творитъ рука, твердятъ уста
Слова любви, слова молитвы;
Неудержимая волна
Предъ нимъ бѣжитъ воспоминаній:
Какъ гибла Русь, какъ вдругъ она,
Годами искупивъ страданій
Дни бурныхъ лѣтъ, удѣльныхъ смутъ,
Къ Москвѣ подняла молча взоры,
Въ Москву пошла на правый судъ,
Въ Москву пошла искать опоры;
Какъ онъ,—потомокъ Калиты,—
Терпѣлъ позора дни и годы,
Но первымъ призракомъ свободы
Вскормилъ давнишнія мечты.
„О Вседержитель, Боже Правый!
Неужто день прошедшей славы,
Побѣды русскаго меча,
Померкъ со смертью Бегича,
И вновь отъ вѣка и до вѣка
Москвою править Чанибека
Однихъ преемниковъ рука
Дастъ силой власти ярлыка?
И передъ нимъ—его дружина,
Руси окрѣпшей первый цвѣтъ,
Но гдѣ преемникъ Гедемина?
Зачѣмъ полковъ рязанскихъ нѣтъ?
Олегъ! Безумецъ окаянный!
Лгала намъ грамота твоя
И звалъ ты насъ на подвигъ бранный,
Измѣну въ сердцѣ затая!
Но Божій судъ насъ здѣсь разсудитъ,
Намъ—крестъ—надежда, вѣра—щитъ,
Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ будетъ
И силу правдой поразитъ.
Не здѣсь,—у Троицкой святыни,
Подъ ѳиміамъ святыхъ кадилъ,
Предрѣчена побѣда нынѣ
И торжество христьянскихъ силъ;

Не здѣсь, съ молитвою смиренной,—
Тамъ облачилъ въ доспѣхъ нетлѣнный
Игуменъ Сергій двухъ борцовъ,
Тамъ обнадежилъ бранной славой,
Благословя на бой кровавый
За вѣру дѣдовъ и отцовъ!"
И шепчетъ князь: „Святый, моли,
Моли Творца о нашей долѣ...
Но все да будетъ въ Божьей волѣ
На небеси и на земли!"

III.

А ночь бѣжитъ, часы разсвѣта
Все ближе, ближе впереди...
И, въ изстрадавшейся груди,
Молитвой чистою согрѣта,
Душа его вкусила сонъ;
Вдругъ слышитъ князь, вдругъ чуетъ онъ
Къ себѣ руки прикосновенье
И шопотъ рѣчи, тихій гласъ:
„Прости за то, что въ этотъ часъ,
Что въ этотъ мигъ отдохновенья
Я нахожусь передъ тобой;
Но глянетъ день—начнется бой,
Кто скажетъ. свидимся ли снова,
Кто знаетъ, встрѣтимся-ль къ ночи,
Кому могила тамъ готова,
Кого изрубятъ тамъ мечи".
Глядитъ Димитрій: недвижимъ
Въ его шатрѣ, съ мечемъ, у входа,
Стоитъ печальный передъ нимъ
Боброкъ, волынскій воевода.
„Великимъ даромъ предсказанья,—
Такъ вновь Боброкъ заговорилъ,—
На радость, чаще—на страданье
Меня Господь благословилъ.
Случайный звукъ—моя примѣта,
Случайный шорохъ—кину взоръ,
Однимъ прочту слова привѣта,
Другимъ—безмолвный приговоръ.

Шумъ рѣкъ,—которымъ мирно течь
Предрѣчено судьбой отъ вѣка,
Блескъ звѣздъ—все жребій человѣка,
Все – многозначущая рѣчь;
Въ лѣсу мнѣ птицъ понятенъ голосъ,
Мнѣ правду шепчетъ спѣлый колосъ,
Мнѣ крикъ звѣрей, мнѣ вѣтра стонъ,
Ручья бѣгущаго журчанье,
Листа на вѣткѣ трепетанье—
Все говоритъ, со всѣхъ сторонъ.
Предугадавъ не измѣнить
Судьбы суровой назначенья.
Скажи, что горше можетъ быть,
И есть ли худшее мученье?
Но ты не робокъ, ты судьбѣ
Пойдешь со мной сейчасъ на встрѣчу:
По звукамъ ночи я отвѣчу,
Что предстоитъ въ бою тебѣ".

IV.

Часы разсвѣта ближе, ближе,
Мѣняясь вѣчной чередой,
Огни небесъ сверкаютъ ниже,
Звѣзда уходитъ за звѣздой;
Въ шатрахъ давно замолкли рѣчи,
Предъ часомъ Божьяго суда,
Предъ близкимъ часомъ страшной встрѣчи
Уснула грозная орда.
Уснули ратники Россіи,
И лишь огни сторожевые
За цѣпью цѣпь, за рядомъ рядъ,
Холоднымъ заревомъ горятъ.
Но чу! Въ зловѣщей тишинѣ
Вдругъ стукъ копытъ и рѣчи слово.
Кто сна лишенный, на конѣ
Спѣшитъ на полѣ Куликово?
Въ душѣ волненье затая,
Князь Дмитрій проситъ воеводу:
„Успѣхъ предскажешь-ли, невзгоду,
Пусть знаю истину лишь я.

Пусть предсказанье роковое
Ни вѣры въ счастье боевое,
Ни духа бодрости дружинъ
Моихъ сомнѣніемъ не тронетъ,
Пусть сердце лишь мое застонетъ,
И знаю все лишь я одинъ!"
„О, князь,— въ отвѣтъ ему гадатель,—
Не для того меня Создатель
Послалъ сюда на грозный бой,
Чтобъ я печальною трубой
Сталъ пораженія до сѣчи
Твоихъ дружинъ; другія рѣчи,
Отваги духъ, надежды силъ,
Я-бъ въ нихъ вдохнулъ, я-бъ въ нихъ вселилъ.

V.

Но погоди, настало время,
И, опершись ногою въ стремя,
Мгновенно осадивъ коня,
Крестомъ широкимъ осѣня
Себя, литовскій воевода,
Къ полкамъ врага оборотясь,
Шепнулъ: „пора. что слышишь князь,
Что говоритъ намъ мать природа"?

Дмитрій (*прислушиваясь; урывками*).

„Что слышу я? и кличь, и стукъ,
Несчетныхъ трубъ немолчный звукъ,
Зловѣщій гулъ, печальный стонъ,
Вотъ ближе онъ. вотъ громче онъ,
А тамъ, за нимъ - голодный вой
Волковъ оравы кочевой.
А въ сторонѣ. постой, постой,
Тамъ — надъ Непрядвою рѣкой—
Я слышу крикъ: на вражій станъ
Несется туча вѣщихъ вранъ,
Орлиный клекотъ въ вышинѣ
Теперь, Димитрій, слышенъ мнѣ;
Не заглушить его трубой,
Тамъ бой теперь, орлиный бой

О, какъ онъ страшенъ, какъ онъ дикъ,
Какъ злобенъ ихъ растущій крикъ,
Какъ онъ могучъ, какъ онъ жестокъ,
Какъ все въ немъ смерть и смерть, Боброкъ!"

Боброкъ

„Оборотись къ своимъ полкамъ,
Что видишь, князь, что слышишь тамъ!

Димитрій (*прислушиваясь*).

„Тамъ миръ, тамъ тишь, тамъ благодать,
Спокойнымъ сномъ объята рать,
И лишь безчисленныхъ огней
Тамъ блескъ все ярче и сильнѣй".

. . . .

Замолкъ Димитрій и въ отвѣтъ
Раздался голосъ воеводы:
„На смѣну многолѣтнихъ бѣдъ—
Лучъ счастья, славы и свободы:
Надъ русской ратью вижу сѣнь,
Святой покровъ всевышней длани;
Благословенъ грядущій день,
Печальный день жестокой брани!
Молитвами пречистыхъ силъ
И Божьей Матери хранима,
Усѣявъ поле тьмой могилъ,
Знай, рать твоя неодолима;
И Божій бичъ, исконный врагъ
Твоей земли, склонивши стягъ,
Утративъ пылъ отваги славной
И жизни часъ своей кляня,
Погонитъ, жалкій, вспять коня
Передъ дружиной православной.
Воспрянетъ Русь, увидитъ свѣтъ!
Молись Петра святому лику,
Молись, Димитрій, прошлыхъ лѣтъ
Низвергнетъ битвы день владыку;
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаютъ полчища Мамая
И цѣпь, цѣпь рабства вѣковая,
Исчезнетъ съ наступленіемъ дня;

А тотъ, кто мнилъ въ своей гордынѣ,
Смирить потомка Калиты,
Познаетъ, дерзновенный, нынѣ
Весь ядъ развѣнчанной мечты.
О, внемли вѣщему глаголу:
Передъ тобой склонится долу
Непобѣдимая орда,
И ты, вчерашній рабъ и данникъ,
Ты, силой Вышняго, избранникъ
Стереть позорные года!
Ударитъ лучъ желанный свѣта,
Ты побѣдишь къ закату дня.
Но, погоди, еще примѣта,
Еще другая у меня".

VI.

Бѣгутъ мгновенья грозной ночи,
Ужъ дышетъ заревомъ востокъ,
Вперивши въ даль съ молитвой очи,
Димитрій ждетъ; къ землѣ Боброкъ
Приникъ и затаивъ дыханье,
Весь—слухъ, чутье и ожиданье;
И вдругъ воспрянулъ: „Князь великій,
Ударъ судьбы неотвратимъ;
Я слышалъ битвы грозной клики.
Внималъ я, дерзновенный, имъ;
Я чуялъ смерть, я чуялъ стоны,
Я видѣлъ, какъ спокойный Донъ
Потекъ, шумя, окровавленный,
Какъ поднялся отъ крови онъ.
О. какъ жестокъ грядущій бой,
Какъ смерти духъ надъ нами рѣетъ,
Сколькихъ онъ унесетъ съ собой
И сколько душъ осиротѣетъ.
Сквозь стукъ мечей, сквозь шумъ и ревъ,
Доспѣховъ заглушивъ бряцанье,
Татарскихъ женъ и русскихъ дѣвъ
Несется горькое рыданье;
Имъ все полно. Рѣдѣетъ рать,

Полки рѣдѣютъ за полками,
Сестра, жена, старуха-мать...
Но мнѣ-ли, мнѣ-ли передать
Моими слабыми словами
Весь холодъ смерти и потерь,
Весь ужасъ предстоящей дани...
Иди, смирись, молись и вѣрь,
Все—Божій перстъ, все—въ Божьей длани,
Ты побѣдишь!"...

VII.

Востокъ алѣй.
Ужъ дуновеньемъ предразсвѣтнымъ
Ковыль колышется полей.
Уже становится замѣтнымъ
И тихій Донъ, и темный боръ,
И различить способенъ взоръ
Уже предметовъ очертанья,
И дня, дня смерти и страданья,
Безстрастной красотой горя,
И, погасивъ свѣтила ночи,
Блеснуть готова сразу въ очи
Золотокудрая заря...

VIII.

Минувшихъ лѣтъ, минувшей славы
Давно исчезнувшіе дни!
Сквозь мглу вѣковъ не бой кровавый,
Не жертвы брани—не они
Волнуютъ насъ, намъ сердце грѣютъ;
О нѣтъ, не ихъ душа лелѣетъ,
Порыва чистаго полна,
Имъ поклоняться только смѣетъ,
Но имъ завидуетъ она.
О Русь! Годами испытаній
Пробивъ невзгодъ суровыхъ ночь,
Тлетворный духъ завоеваній
Ты гнала безпрестанно прочь.

Чисты судьбы твоей скрижали,
На историческомъ пути,
Но тѣхъ, что встарь тебя сражали,
Гдѣ разыскать ихъ. Гдѣ найти?
О Русь! О чудная держава,
Превознесенная судьбой,
Вокругъ тебя витаетъ слава,
Ея сіянье—надъ тобой.
Но если вдругъ, какъ въ дни былые,
Забывшись, дерзновенный врагъ
Подниметъ горделиво выю
И посягнетъ на славный стягъ,—
Сомнѣній нѣтъ. Храня преданья
Сѣдой, далекой старины,
Былыхъ побѣдъ воспоминанья
Мы воскресимъ—твои сыны.

Лейтенантъ Маллѣевъ.

(Гибель „Страшнаго“).

Ребята. слушай и учись:
На рѣчь не троватъ,
Я разскажу, какъ мы дрались,
Какъ бился супостатъ.
Спускался на море туманъ,
А съ нимъ, поди, бѣда;
Мы курсомъ шли въ Ляотешанъ,
Сбиваясь иногда;
Узловъ пятнадцать, можетъ быть,
Нашъ „Страшный“ выгребалъ;
Бурунъ сталъ по морю ходить,
Проклятый нордъ крѣпчалъ;
Въ конецъ измаялась душа
Отъ вѣчныхъ непогодъ
И, поневолѣ не спѣша,
Мы двигались впередъ.
Веселымъ былъ нашъ командиръ,
Любилъ его матросъ;

Бѣдняга, призванъ въ лучшій міръ,
Служить не довелось!
Веселымъ былъ, а въ этотъ день,
Къ нему не подойти:
То зашагаетъ, словно тѣнь,
То въ даль глядитъ (видна сажень,
По водному пути).
Мы шли. Бѣжалъ за часомъ часъ,
Я слышалъ склянокъ звонъ,
Волна захлестывала насъ,
Бурля со всѣхъ сторонъ;
Смѣнилась вахта чередой;
У рупора въ мою—
Стоялъ Маллѣевъ молодой
Испытанный въ бою.
Мы шли; шли часъ и два, и три;
Вдругъ слышу голосъ: „посмотри
На право, Алексѣй".
„Есть". —Что тамъ? „Пусто, никого".
И впрямъ, въ туманѣ я его
Не вижу, ей-же ей.
Но рѣже, рѣже пелена,
Прозрачнѣе туманъ,
Виднѣй далекая волна,
Широкій океанъ.
И вотъ, знать вправду отъ судьбы
Уйти намъ не дано,
Сталъ различать я двѣ трубы,
Японское судно.
И слышу снова: „Алексѣй!
Гляди-ка въ право!"—Есть!
„Сочти-ка, братъ, повеселѣй,
Кажись ихъ пять, иль шесть".
И нашъ чередъ, и намъ пора
Пришла сразиться, другъ.
Гляжу, считаю: крейсера,
Ихъ пара, а вокругъ,
Вздымаясь вверхъ, ныряя внизъ
По вздувшимся волнамъ,

Три миноносца. Ну держись,
Что мигъ, то ближе къ намъ.
Рѣдѣетъ мгла. Давъ полный ходъ,
Пустился бѣшенно впередъ
Нашъ „Страшный“, да куда!
Артуръ далеко, не видать.
И сталъ насъ шибко нагонять
Японецъ безъ труда.
„Ребята“, молвилъ капитанъ,
(Мы стали вкругъ него)
„Благой удѣлъ намъ Вышнимъ данъ;
Умремъ до одного.
Здѣсь трусовъ не было и нѣтъ,
Когда пришла пора,
Узнаетъ, кто мы, врагъ и свѣтъ...
— Ура! ура!“ Ему въ отвѣтъ,
Могучее ура!
Врагъ ближе, ближе каждый мигъ.
Раздавшись по мѣстамъ!
Мы ждемъ, когда-бъ уже настигъ!
Глядимъ, какъ цѣлятъ тамъ.
И вотъ сошлись, въ двухъ кабельтахъ.
Господь благослови!
Мы съ кормовой въ него таррахъ!
Каленую лови!
И началось. И вой, и адъ,
Снаряду въ слѣдъ другой снарядъ,
Какъ грозный ураганъ;
Ударъ. И ницъ въ крови лежитъ,
Осколкомъ перваго убитъ,
Нашъ храбрый капитанъ.
Повсюду смерть, повсюду стонъ,
Но кровью залита,
Уже корма со всѣхъ сторонъ,
Безмолвна и пуста.
„Смѣлѣй, ребята!“ Слышимъ вдругъ,
И вотъ онъ самъ, сердечный другъ,
За минный аппаратъ,
Маллѣевъ, „Страшнаго“ кумиръ.

„Попомнишь, молвилъ командиръ,
Проклятый супостатъ“.
Прицѣлъ, ударъ, ура! ура!
Мгновенье—цѣлый часъ.
Гнались за нами крейсера,
Какъ вѣренъ смѣлый глазъ:
Ужасный взрывъ, зловѣщій дымъ,
И, двигаясь едва,
Мы бой ведемъ уже съ однимъ,
А было цѣлыхъ два.
Но пользы нѣтъ, окружены
Мы тѣсною стѣной;
Краснѣетъ пѣна у волны.
А пушекъ ни одной:
Всѣ поверженными къ бортамъ,
Родимыя, лежатъ,
Но нашъ Маллѣевъ здѣсь и тамъ;
Огнемъ пылаетъ взглядъ,
Въ немъ сила вѣры бьетъ ключомъ:
„Впередъ, друзья, впередъ,
Снарядомъ, пулею, мечемъ,
Намъ жизнь безъ славы ни по чемъ;
Живыхъ насъ не возьметъ.
За мной, ребята, не плошай,
Пока огонь въ груди“.
Но громче крикъ „банзай! банзай!“
Онъ слышенъ впереди.
Что нужды.—Минный аппаратъ,
На „Страшномъ“ былъ другой;
Къ нему рванулся бѣдный братъ;
Вотъ онъ у „спусковой“.
Еще минута—спасены.
Но нѣтъ спасенья намъ.
Шестидюймовымъ снесены
Всѣ тѣ, что были тамъ.
Погибли вдругъ.—Одинъ конецъ
И братъ мой—доблестный боецъ,
И Дмитріевъ, а съ нимъ,
Гляжу, растерзаннымъ въ куски,
Уже безъ ногъ и безъ руки,
Акинѳьевъ—недвижимъ.

Шабашъ, шабашъ, кричитъ намъ врагъ!
Что мигъ, то меньше васъ.
Но мы-ли спустимъ русскій флагъ!
Впередъ!—Не пробилъ часъ:
Пусть нѣтъ орудій. духъ силенъ,
Есть русскія сердца.
Погаснетъ въ нихъ лишь съ ними онъ,
Имъ вѣрный до конца.
Маллѣевъ здѣсь, Маллѣевъ тамъ,
„Впередъ, друзья смѣлѣй,
Что есть въ рукахъ, что ближе къ вамъ,
Тѣмъ поражай и бей".
Но громче крикъ ихъ, гуще градъ
Ужаснаго свинца.
Въ машину угодилъ снарядъ.
Забыть-ли мигъ конца!
Нашъ „Страшный" сталъ. Вплотную къ намъ
Прижались сразу по бокамъ
Два вражескихъ судна.
Банзай! банзай! Но сраму нѣтъ
Тому, въ комъ, покидая свѣтъ,
Любовь горитъ одна.
Любовь къ странѣ могучихъ силъ,
Чью славу воинъ разносилъ
На западъ и востокъ,
Къ странѣ, гдѣ лишь побѣдный кликъ
Пойметъ, и понимать привыкъ,
Послѣдній уголокъ.
Пусть нѣтъ орудій - духъ силенъ,
Есть русскія сердца.
И только съ ними гаснетъ онъ,
Имъ вѣрный до конца.
„Прощай товарищъ лучшихъ лѣтъ",
Вдругъ слышу за собой,
„Ты палъ съ надеждою, я—нѣтъ.
Безумнымъ былъ нашъ бой".
Гляжу, обнявши милый прахъ
Дмитріева—тамъ,
Гдѣ разрушенья грозный страхъ
Не передать устамъ,

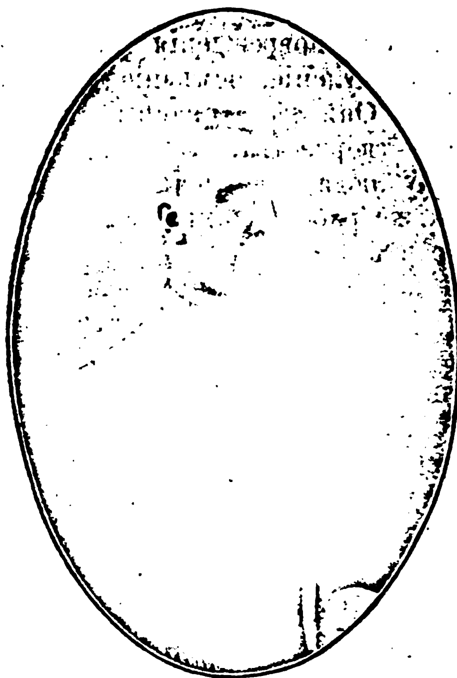
Скажи мнѣ, кто своей отчизнѣ
Вреднѣй послѣдняго врага,
Кто въ ней, какъ хамъ, и какъ слуга,
Въ часы заупокойной тризны,
Когда подъ гнетомъ неудачъ
Она, державная, мужая
И заглушивши скорбный плачъ,
Живетъ, такъ твердо уповая
На мощный духъ своихъ сыновъ,
Кто въ эти дни одинъ готовъ
Клеймить избранниковъ позоромъ
И, вѣря въ свой авторитетъ,
Марать ихъ подвиги разборомъ,
Гдѣ чести, какъ и правды, нѣтъ!
Въ былые дни, былого Рима,
Когда, сраженными у Каннъ,
Въ крови лежали недвижимо
Его сыны, и бездыханъ
Межъ нихъ Эмилій благородный,
И этотъ Римъ. всегда свободный,
Знававшій лишь побѣдный бой,
Могъ ожидать, что въ часъ любой
Его раздавитъ побѣдитель,
Кто въ эти дни въ немъ, какъ спаситель,
Сенатомъ встрѣченъ у воротъ!
Въ комъ Римъ увидѣлъ свой оплотъ!
Кого въ тѣ дни скорбей и стоновъ,
Успѣвши горе затаить,
За доблесть павшихъ легіоновъ
Пошелъ сенатъ благодарить!
Кого?! —Разбитаго Варрона!
И онъ былъ правъ. Прошли года,
Отъ Карѳагена ни слѣда,
Но ярче вспыхнула звѣзда
Страны безсмертнаго Катона.

II.

Мой другъ Суворовъ былъ уже
Великимъ генераломъ,
Когда являлся въ неглиже
И сталъ оригиналомъ;
Тогда число его заслугъ
Всѣ странности прощало.
Но ты, что корчишь, милый другъ,
Свершивъ, увы, такъ мало.
Начавъ съ великаго, шутомъ
Онъ умеръ, и, понятно,
Мы всѣ забыли о второмъ,
Намъ первое пріятно.
А ты, изыдя изъ того,
Чѣмъ сталъ онъ, намъ, конечно,
Не дашь въ грядущемъ ничего,
Кривляться-жъ будешь вѣчно.

В. Пуришкевичъ.

Князь Д. П. Голицынъ.

О своемъ домѣ.

(Сообщеніе Кн. Д. П. Голицына, читанное въ „Русскомъ Собраніи“ 8 марта 1903 года).

Человѣчество управляется настроеніями, въ данное время преобладающими въ области его духовнаго міра, а настроенія эти порождаются тѣми понятіями, которыя являются, опять таки въ данное время, для него исходными точками мышленія. По мѣрѣ того, какъ жизнь человѣчества, въ своемъ прохожденіи по ряду историческихъ столѣтій, не только укладывалась и разрабатывалась, но и усложнялась, происходило усложненіе и размноженіе тѣхъ понятій, которыя почитаются основными; загадочное иногда становилось яснымъ и несомнѣннымъ, безспорное дѣлалось предметомъ спора. Правды, разумѣется, отъ этого на землѣ не прибавилось, потому что человѣкъ, въ лучшемъ случаѣ, только открываетъ правду и ей служитъ, въ области же ошибокъ и неправды творчество его не ограничено. Создаются искусственныя теченія духа, иногда очень увлекательныя, и, въ своей погонѣ за успѣхомъ, отдѣльныя личности, подчасъ чрезвычайно сильныя, безошибочно шли

къ этому успѣху путемъ повреждения того, что было человѣчествомъ достигнуто. Хуленіе, осмѣяніе, оскверненіе, разрушеніе—легче созиданія. Они тѣмъ опасны, что порою обладаютъ внѣшними чертами творчества. Въ нихъ есть дѣятельность, движеніе. И поэтому люди, разрушающіе домъ, иногда представляются такими же работниками, какъ и тѣ, которые стремятся зданіе достроить.

На первыхъ порахъ созиданія, человѣкъ сталъ строить свое жилище. Затѣмъ народы начали строить свою родину. Родина, для народности,—это свой домъ, свой очагъ. Наряду съ понятіемъ о народности явилось сознаніе необходимости дать народности основу, очертанія и осѣдлость. Народности родина такъ же необходима, какъ человѣку семья. У народа, такъ же какъ и у отдѣльнаго человѣка, громадная потребность въ любви, въ преданности и самопожертвованіи. Эту любовь народность отдаетъ своей родинѣ. Въ этой любви—сила народности, вся ея душа. Она—самое благородное, самое творческое, самое святое изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ.

Мы, русскіе, коренными чертами своего духа выработали въ себѣ совершенно особое отношеніе къ своей родинѣ. Мы любимъ тѣхъ, за кого страдаемъ, о комъ болѣемъ, и въ нашей преданности отечеству сказывается эта душевная наша черта. Родину свою мы называемъ страдальческою, святою. Мы ей поклоняемся, какъ мученицѣ, чьи страданія неустанно смѣнялись на пространствѣ вѣковыхъ испытаній. Французъ говоритъ „прекрасная Франція", нѣмецъ восхваляетъ силу Германіи, англичанинъ цѣнитъ въ своей родинѣ, какъ бы особый усовершенствованный приборъ для чеканки выгодъ, и мы говоримъ „святая Русь". произносимъ эти слова не въ смыслѣ того самовосхваленія, которое присвоило Китаю наименованіе Небесной имперіи. Русь для насъ святая, потому что она для насъ въ дѣйствительности святыня, потому что она болѣе всѣхъ познала борьбу за вѣру и, если не пріобщила себя къ міровымъ крестовымъ походамъ, зато творила у себя дома крестовую борьбу. Такого натиска, такого враждебнаго отношенія не испытывала, можетъ быть, ни одна народность. Въ чредѣ другихъ, она какъ бы признавалась безправною, и до сихъ поръ этотъ взглядъ на нее остался, ибо всякое со стороны Россіи проявленіе желанія быть русскою отмѣчается, какъ признакъ, если не варварства, то отсталости, буйнаго неподчиненія законамъ, издаваемымъ иногда далеко за предѣлами нашего отечества, грубаго непониманія нами нашихъ обязанностей.

Насъ мучили татаре, и никто къ намъ на помощь не

пришелъ. Очевидно, предполагалось, что о насъ безпокоиться не стоитъ. Я думаю, что намъ объ этомъ не слѣдуетъ жалѣть. Отъ Калки до Куликова поля мы шли болѣе полутораста лѣтъ мучительнымъ путемъ. Сколько людей было убито и замучено, сколько поселеній сожжено! Но сила русскаго духа осталась незыблемою, она одержала верхъ. Мученія нашей родины какъ бы породнили ее съ безплотными силами, которыя заступились за насъ. То ли было бы, если бы Западъ пришелъ къ намъ на помощь? Не смѣнилось ли бы одно иго другимъ, гораздо худшимъ, при которомъ разрушены были бы не наши города, а наши духовные устои. Западъ, приходящій къ намъ подъ видомъ друга, былъ бы опаснѣе врага, пришедшаго съ Востока. Враждебный Западъ повелъ къ сожженію Москвы, но дружественный ее, пожалуй, перестроилъ бы на свой ладъ. Когда, въ смутное время, къ намъ пришли наши братья по крови, поляки, вооруженные противъ насъ Римомъ, они потому насъ и поколебали, что пришли въ качествѣ враговъ. Западъ думалъ сдѣлать изъ нихъ противъ насъ орудіе, но впалъ въ великую ошибку, потому что Россіи врагъ никогда не былъ страшенъ, если только онъ не притворялся ея другомъ. Русскій духъ потому и силенъ, что закалился въ испытаніяхъ. Татарщина и польское лихолѣтье не нанесли ему ущерба, а укрѣпили его. Закалилась наша родина, объединилась, окончательно создалась. Образовался нашъ домъ.

Вдругъ, наступаетъ въ нашей жизни переломъ, вызванный появленіемъ Петра. Его великія преобразованія были вовсе не къ тому направлены, чтобы подчинить насъ Западу и нанести какое либо поврежденіе русскому духу. Онъ завоевалъ въ нашу пользу западное просвѣщеніе, покупалъ услуги иностранцевъ, пользовался ими на благо русскаго дѣла, спѣшно и вдохновенно трудился надъ умственнымъ перевооруженіемъ Руси. Крупныя его преобразованія были для насъ именно побѣдами, завоеваніями. Но въ мелочахъ произошло не мало досадъ. Достаточно упомянуть о насильственномъ переодѣваніи русскихъ людей, о бритьѣ бородъ, о покровительствѣ нравамъ Нѣмецкой слободы. Жизнь такъ складывается, что мелкое часто оказываетъ большее воздѣйствіе, нежели крупное, потому что мелкое проникаетъ всюду, всѣми непосредственно ощущается, находится на уровнѣ самаго несложнаго воспріятія. И нѣкоторымъ сподвижникамъ Петра, и многимъ дѣятелямъ позднѣйшаго времени облегчилась возможность впасть въ ошибку, или же намѣренно идти не въ ту сторону, въ которую слѣдовало. Многіе нашли, что вся суть заключается въ томъ, чтобы пе-

реодѣть Русь, замѣнить все русское западнымъ, признать свое изжитымъ. Положеніе иноземцевъ тогда кореннымъ образомъ измѣнилось. Въ прежнемъ своемъ состояніи наемниковъ они не остались. Они стали творить не русское дѣло, а свое. Выработалось такое явленіе, какъ Бироновщина, обозначилась необходимость русскимъ людямъ настороэжиться въ собственномъ домѣ. То, чего не сдѣлали ни татарское иго, ни польское лихолѣтье, было допущено нами по недосмотру. Русскій духъ оказался въ опасности. Вмѣстѣ съ сознаніемъ опасности явилось у русскихъ людей сознаніе долга по отношенію къ русскимъ завѣтамъ. Къ стихійности любви къ отечеству прибавилась разсудочность. Русскіе люди поняли, что борьба за родное нужна не только тамъ, гдѣ она сказывается въ сраженіяхъ, въ столкновеніи вооруженныхъ силъ. Выяснилась потребность въ борьбѣ духовной, просвѣтительной, направленной къ укрѣпленію народнаго самосознанія, къ тому, чтобы русское дерево не было оторвано отъ своихъ корней. Подъ нашими ногами хотѣли какъ бы подмѣнить почву, хотѣли искусственно отдѣлить насъ отъ нашего прошлаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно не принесло плодовъ, привычныхъ западному вкусу. Нельзя скрыть, что эти старанія не остались безъ послѣдствій. Несомнѣнно, правильное развитіе нашихъ родныхъ началъ было временно нарушено. Естественное теченіе замутилось, произошло шатаніе, понятія перепутались, признаки народнаго самосознанія стали теряться. Многимъ начало казаться, что лучше брать чужое, готовое, нежели трудиться надъ разработкою своего. Такое мнѣніе было на руку лѣнивымъ, было выгодно и нашимъ врагамъ.

И вотъ, теперь наше положеніе среди народовъ стало совершенно особеннымъ. То, что ставится въ заслугу другимъ, по отношенію къ намъ пріобрѣтаемъ значеніе провинности. Англичане могутъ рѣзко обособляться и проявлять при этомъ крайнюю нетерпимость къ чужому даже въ мелочахъ, американцы открыто провозглашаютъ, что Америка—для нихъ, нѣмцы заявляютъ, что Германія—превыше всего. А мы, никому себя не навязывающіе, желающіе дѣлать свою русскую работу у себя дома, не закидывающіеся за свои предѣлы, охотно заимствующіе у Запада все то, что должно быть достояніемъ всего человѣчества,—мы не только оказались бы виновными передъ Европою, если бы сказали „Россія для русскихъ", но подвергаемся нападкамъ каждый разъ, когда проявляемъ желаніе жить по своему въ своемъ домѣ. Вотъ именно этого не хотятъ, чтобы мы жили по своему. Очевидно, наши недобро-

хоты раньше насъ поняли, что въ такой жизни заключался бы залогъ нашего мощнаго и незыблемаго укрѣпленія. Каждый дѣлаетъ то дѣло, которое признаетъ для себя полезнымъ. Не будемъ же осуждать нашихъ недоброхотовъ. Они добиваются того, что имъ выгодно. То же самое должны дѣлать и мы. Наша сила въ нашемъ русскомъ самосознаніи. Опасность для насъ въ подчиненіи чужимъ взглядамъ. Наша задача—выяснить и взращивать свое, спокойно, увѣренно и миролюбиво.

Все это русскіе люди знаютъ не со вчерашняго дня. Многими, очень многими положены великіе труды на пользу выясненія нашихъ русскихъ началъ, русскихъ завѣтовъ. Но не было такого общественнаго устройства, которое бы могло содѣйствовать единенію русскихъ дѣятелей и ихъ работы. Русскій человѣкъ трудился одиночкой, часто внѣ условій бодрящаго общенія съ единомышленниками. Между тѣмъ, потребность въ этомъ общеніи ощущалась опредѣленно. Она была сознана тѣми, которые составили кружокъ учредителей Русскаго Собранія, положили начало дому русскихъ людей.

Этотъ кружокъ учредителей, къ которому я былъ пріобщенъ лишь тогда, когда самая трудная, первоначальная работа его была въ полномъ ходу, собирался много разъ раньше, нежели былъ имъ окончательно выработанъ уставъ нашего Общества. Подробно и всесторонне обсуждались основныя черты нашей будущей дѣятельности, происходило какъ бы взаимное освѣщеніе взглядовъ, и все то, что повело къ сближенію учредителей, обозначилось со всѣми своими основаніями, источниками и цѣлями. Духовная сторона дѣла опредѣлилась для составителей устава вполнѣ. Сторона внѣшняя, которая въ меньшей степени останавливала на себѣ наше вниманіе, конечно, не могла быть нами напередъ подробно разработана. Мы не знали, много ли насъ будетъ, въ какой степени обрисуется къ нашему начинанію сочувствіе. Мы не знали всѣхъ условій будущаго бытового уклада Русскаго Собранія, и все то, что въ этомъ отношеніи можно было предполагать, носило на себѣ до извѣстной степени черты гадательности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что успѣхъ превысилъ наши ожиданія. Въ настоящее время насъ почти двѣ тысячи, за два года, и постоянный притокъ новыхъ сочленовъ, входящихъ иногда сотнями въ нашу среду, не измѣнилъ первоначальныхъ очертаній нашего духовнаго облика. Разумѣется мы должны быть готовы на то, что въ наши ряды современемъ начнутъ вступать лица, не вполнѣ совпадающіе съ нами во взглядахъ на то, по поводу чего у насъ не допускается разнорѣчія, т. е.

не желающія преуспѣянія всего русскаго. Однако, эта опасность не велика, ибо отъ насъ зависитъ вводить къ намъ, въ качествѣ новыхъ сочленовъ, лишь такихъ, относительно которыхъ мы увѣрены, что они съ нами мыслятъ.

Главная цѣль основателей собранія достигнута, образовалось объединеніе русскихъ единомышленниковъ, создался духовный оплотъ, который для каждаго изъ насъ является источникомъ надежды на то, что его труды не пропадутъ даромъ. Началась складчина русскихъ настроеній. Учредители составили уставъ, намѣтили путь нашего шествія, а затѣмъ Русское Собраніе сложилось и сложилось такъ, какъ этого захотѣла жизнь. Тутъ никакія правила не помогли бы, и Совѣтъ, правила издающій, въ этой части своей дѣятельности служитъ только выразителемъ тѣхъ рѣшеній, которыя во всемъ Собраніи создаются. Русское Собраніе всѣмъ своимъ многодушнымъ существомъ намъ заявило, что оно дорожитъ живымъ словомъ, по возможности освѣщающимъ всѣ отрасли русскихъ задачъ. Первоначально мы собирались разъ въ недѣлю, а теперь почти каждый вечеръ у насъ назначается какое нибудь сообщеніе. Внѣшній укладъ жизни Собранія опредѣлился вполнѣ: ему нужно собираться часто, основою для нашего взаимнаго сближенія служатъ наши доклады, несомнѣнно разнообразные и оказавшіе существенную помощь нашему дѣлу.

Теперь, когда насъ стало много, когда предѣлы наши сдѣлались обширны, можетъ быть своевременно повторить въ присутствіи тѣхъ изъ насъ, которые не участвовали въ первоначальной работѣ Собранія, ради чего мы сошлись и къ чему мы стремимся.

Мы служимъ тѣмъ завѣтамъ, которые создали Русь, которые по отношенію къ нашей родинѣ явились творческими. Мы считаемъ, что для каждаго народа естественный путь къ будущему идетъ отъ его прошлаго, а не откуда нибудь со стороны. Мы увѣрены въ томъ, что не въ убѣжденіяхъ заграничнаго происхожденія почерпается сила, что народный духъ развивается и крѣпнетъ лишь на родной почвѣ. Мы не строимъ китайской стѣны, но хотимъ, чтобы стѣны нашего дома остались цѣлы. Мы и не думаемъ отрицать пользу просвѣтительнаго общенія съ другими народностями, но противимся тому, чтобы общеніе превратилось въ подчиненіе.

Мы никого не хотимъ себѣ подчинить, но желаемъ, чтобы никто не мѣшалъ русскимъ дѣлать свое дѣло. Наше дѣло мирное, по существу своему созидательное, по проявленіямъ своимъ никому не враждебное. Враждебность—вся на сторонѣ

нападокъ, которымъ мы подвергались съ перваго же дня своего существованія. Съ нашей стороны было бы большой ошибкой вступать въ пререканія съ нашими внѣшними недоброхотами, терять спокойствіе. Дѣятельность наша на виду у всѣхъ, доступна творцамъ гласности, но управляется она не извнѣ. Разъяснять непонятныя на первый взглядъ озлобленія, отмѣчать клевету, опровергать праздныя измышленія,—все это было бы безполезнымъ трудомъ, отвлекающимъ насъ отъ нашихъ прямыхъ задачъ.

Мы сошлись для того, чтобы трудиться на пользу русскаго дѣла. Намъ стараются прежде всего внушить, что оно въ этомъ не нуждается. Если въ этомъ увѣреніи заключается указаніе на то, что наши силы слишкомъ незначительны по сравненію съ цѣлью, то спорить съ этимъ трудно. Но помощь русскому дѣлу нужна. Противъ него слишкомъ долго шла глухая работа.

Достаточно упомянуть о томъ, что въ теченіе того времени, по отношенію къ которому всѣ мы живые свидѣтели, совершилось какъ бы перемѣщеніе понятія о любви къ отечеству. Мы всѣ помнимъ, что еще сравнительно недавно всѣ на любви къ родинѣ сходились. Обо всемъ спорили, но не объ этомъ. Теперь преданность къ отчизнѣ какъ будто сошла съ того мѣста, которое занимала въ общественныхъ настроеніяхъ. Любить свое, родное, вдохновляться пользами своей народности,—это признается проявленіемъ отсталости. Впрочемъ, я долженъ оговориться: отсталымъ признается любящій родное только въ томъ случаѣ, если онъ русскій. Можно подумать, что все русское—нѣчто прошлое, отжившее, не заслуживающее даже участи ископаемыхъ. Намъ стараются внушить, что все русское плохо, безплодно, безцѣльно, что служеніе ему противорѣчитъ поступательному движенію человѣчества. Основы отечественнаго нашего быта подтачиваются отрицательнымъ настроеніемъ, осмѣяніемъ того, чѣмъ Русь стихійно вдохновляется, и легкомысленнымъ обращеніемъ со святыней нашихъ завѣтовъ Извѣстно, какъ легко составить себѣ успѣхъ на такомъ пути.

Мы сошлись для того, чтобы напомнить другъ другу о томъ, что многіе желали бы предать насильственному забвенію. Сравненіе государства съ человѣческимъ тѣломъ правильно не только какъ наглядное опредѣленіе картины, являемой для насъ государствомъ въ каждое данное мгновеніе. Оно даетъ намъ понятіе о государствѣ, какъ о тѣлѣ, надѣленномъ душею, душа же эта—созданіе прошлаго, сила переживаемаго времени, залогъ будущаго. Наша связь съ прошлымъ не цѣпь, а неисчи-

слимыя извилины естественнаго государственнаго кровообращенія. Въ великомъ тѣлѣ государства кровь обращается подъ біеніе сердца народности, питающаго наше самосознаніе, обращается отъ прошлаго къ будущему. Непомнящіе родства съ прошлымъ близки къ историческому бродяжничеству. Для народа, разобщеніе съ тѣмъ прошлымъ, которое его создало, равносильно полному пренебреженію къ самому себѣ. Покинувъ свое естественное русло, онъ отказывается отъ силы того теченія, которое одно и можетъ вести его впередъ. Не тотъ отсталый, кто помнитъ вчерашній день, а тотъ, кто, внезапно отрѣшившись отъ всего того, что выработало его вѣками, покидаетъ свое историческое мѣсто, забываетъ прежнее и тѣмъ самымъ уходитъ назадъ, по ту сторону высотъ отечественной работы. Промѣнявъ свой домъ на улицу или постоялый дворъ, онъ отрывается отъ творчества, въ лучшемъ случаѣ остается покупателемъ благъ, расходуетъ свое на пріобрѣтеніе чужого. Обиліе такихъ лицъ и создаетъ то, что надо назвать настоящей отсталостью, потому что они искусственно задерживаютъ естественное теченіе народной жизни.

Мы считаемъ, что въ предѣлахъ нашего отечества первенствующее мѣсто должно принадлежать русскимъ. Для себя, а не для другихъ мы строили свой домъ. Не для того переживали мы великія испытанія въ теченіе столѣтій, на пространствѣ которыхъ создалось наше отечество, чтобы отказаться отъ своихъ правъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что наше отношеніе къ инородцамъ должно быть враждебно. Напротивъ, если многіе изъ нихъ искренно обрусѣли, то это было достигнуто терпимостью, обдуманнымъ гостепріимствомъ, а не злобой. Враждебность и озлобленіе противорѣчатъ кореннымъ чертамъ русскаго духа. Россія завоевала свои окраины не для того, чтобы съ ними воевать, а для того, чтобы жить съ ними въ дружбѣ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ завоевать оказалось легче, чѣмъ дружить, вина въ томъ не на сторонѣ русской... развѣ только мы назовемъ виною ту уступчивость, которая, иногда коренной Россіей проявляемая, давала поводъ къ ошибочнымъ или злонамѣреннымъ толкованіямъ. Враждебности и озлобленія у русскихъ нѣтъ и относительно тѣхъ инородцевъ, которыхъ мы никогда и не думали завоевывать, но которые оказались на Руси въ очень большомъ числѣ, безъ всякой выгоды для нашей государственной жизни. Что же касается насъ, Русскаго Собранія, то наше отношеніе къ инородцамъ опредѣлилось пока главнѣйше въ томъ, что мы желаемъ дѣлать свою работу безъ ихъ участія. Этимъ, пожалуй, въ значительной мѣрѣ обезпе-

чивается мягкость о нихъ сужденій, устраняется поводъ къ острымъ спорамъ. Въ односторонность впадаемъ мы? Нѣтъ. Современное общество сложилось такъ, что намъ постоянно представляется возможность слышать рѣчи, внушенныя не русскимъ мышленіемъ, направленныя противъ завѣтовъ Русскаго Собранія. Но здѣсь, въ Русскомъ Собраніи, такія рѣчи раздаваться не должны, и этого не будетъ. Въ инородцахъ мы хотимъ видѣть будущихъ русскихъ людей. Хотя бы только ради этой цѣли должны мы воспитывать въ себѣ силу русскаго духа. Мы знаемъ, что отечество никого заранѣе не осуждаетъ, ото всѣхъ своихъ дѣтей чаетъ одинаковой помощи, но коль скоро выяснилось, что отъ такихъ-то нельзя ожидать содѣйствія общему дѣлу, тогда о равенствѣ всѣхъ передъ лицомъ Руси не можетъ быть и рѣчи.

Намъ нужно быть знакомыми съ нерусскими теченіями, насколько они могутъ отразиться на ходѣ русскаго дѣла. Намъ, конечно, слѣдуетъ съ этими теченіями бороться, но исключительно средствами мирными, просвѣтительными, никого не оскорбляя, безъ нетерпимости и безъ раздраженія, памятуя, что, по выраженію ап. Іакова, гнѣвъ человѣка не творитъ правды Божіей. Мы сошлись не для того, чтобы разрушать чужое, а чтобы укрѣплять свое Наша цѣль—помогать русской созидательной работѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы считаемъ, что въ дѣлѣ укрѣпленія народнаго самосознанія нѣтъ мелочей. Каждый изъ насъ на каждомъ шагу своей дѣятельности, какъ бы она не была скромна, имѣетъ возможность трудиться на пользу русскую. Современемъ, когда у насъ будутъ средства, наши труды умножатся и послѣдствія ихъ будутъ болѣе наглядны, нежели теперь. Постоянный ростъ Собранія, конечно, нѣсколько задерживающимъ образомъ дѣйствуетъ на нашу работу, потому что тѣмъ, на комъ лежитъ забота о правильномъ ходѣ нашей внутренней жизни, приходится считаться съ размножающимися мелочами домашняго распорядка, отдавать время обширной перепискѣ, вести самые разнообразные переговоры. Слава Богу, домашнее дѣло наше стоитъ крѣпко, благодаря тому, что мы не допускаемъ въ него вмѣшательства лицъ, не имѣющихъ къ Русскому Собранію никакого отношенія. Стремленіе къ этому вмѣшательству—несомнѣнно. Намъ стараются навязать соображенія, ни въ какомъ отношеніи для насъ не цѣнныя, послѣ каждой неудачной попытки поколебать наше внутреннее устройство. на насъ сыплются осужденія. Это насъ не должно смущать.

Мы считаемъ, что человѣческая жизнь осмысливается общеніемъ съ жизнью родины, что равнодушіе къ отечественному дѣлу ведетъ къ вымиранію души, что отечество живое существо, требующее отъ насъ жизни. Любятъ говорить, что государство механизмъ, а мы колесики и винты этого механизма. Это невѣрное и губительное сравненіе. Служеніе родинѣ требуетъ искренняго воодушевленія, творчества, вѣры, силы воли, самоотверженія. Родина можетъ быть удовлетворена колесиками и винтами лишь въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ можетъ быть удовлетворенъ искусственной рукой.

Да поможетъ намъ Богъ быть живыми людьми, вдохновенными носителями завѣтовъ, создавшихъ великую и могущественную Россію, отметающими лукавыя ученія, навѣянныя со стороны, творящими работу свою увѣренно, сознательно, у священнаго стяга, на которомъ начертаны слова: Православіе, Самодержавіе, Народность!

Князь Дм. Голицынъ.

НАСТАВНИЦА.

ПОВѢСТЬ.

I.

По одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, поѣздъ мчался по степи. Былъ августъ въ концѣ, и южная природа была еще въ полномъ расцвѣтѣ красы. Вагоны были почти наполовину наполнены учащеюся молодежью обоего пола, не безъ грусти выглядывающею въ окна, на поля и хутора съ вишневыми садами. и подумывающею: „А какъ хорошо было бы еще мѣсяцъ погулять на волѣ!“ Въ некурящемъ вагонѣ третьяго класса сидѣли другъ противъ друга пожилой мужчина и молодая дѣвушка. Онъ былъ огромнаго роста, толстъ и плечистъ. Сѣрые глаза его были полны жизни; на головѣ былъ лишь вѣнчикъ рыжихъ волосъ, по затылку, между ушами. Усы были выбриты, а подбородокъ окаймленъ длинными огненно красными бакенбардами. Дѣвушка, черноглазая, чернобровая и смуглая, была также высока ростомъ, но стройна, и быстра, и ловка, во всѣхъ движеніяхъ. Лицо ея, правильное во всѣхъ чертахъ, быстро мѣняло выраженіе во время разговора, и носило явный отпечатокъ южнаго происхожденія. И въ говорѣ ея былъ замѣтенъ малороссійскій отзвукъ. Простое. по покрою, синее платье сидѣло на ней изящно и обрисовывало всѣ красивыя очертанія ея стана. Мужчина былъ одѣтъ въ бѣлую чечунчу, сидѣвшую на немъ весьма мѣшковато.

— Значитъ, барышня милая, ѣдемъ мы въ одинъ городъ! говорилъ онъ. Вы тамъ никогда не бывали, а я тамъ уже тридцатый годъ трезвоню. Вы хоть все же изъ этихъ мѣстъ, а я „вологочкая курича“. Изъ далека меня

сюда занесло. Да обжился, на чернобривой хохлушкѣ, такой же, какъ вы, женился, хохлятъ да хохлушекъ народилъ, и никуда изъ сего благодатнаго края не стремлюсь, хоть и мой родной край хорошъ съ дремучимъ боромъ и многоводными рѣками. А вы надолго къ намъ ѣхать изволите?

— Я на мѣсто поступаю, въ институтъ, классною дамою, сказала дѣвушка.

— Значитъ сослуживцами будемъ! воскликнулъ бакенбардистъ. Прелестно! Очень радъ! Позвольте познакомиться: Шполяновъ, Александръ Петровъ сынъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Кадниковскаго уѣзда, статскій совѣтникъ и кавалеръ, преподаватель россійской словесности, и, по мѣрѣ силъ и способностей, развиватель юныхъ умовъ. Позвольте узнать ваше уважаемое имя, отчество и фамилію.

— Паисіева, Екатерина Андреевна! представилась дѣвушка.

— Радуюсь, Екатерина Андреевна, что молодыхъ свѣжихъ силъ къ намъ прибудетъ! объявилъ Шполяновъ. Слишкомъ много у насъ затхлаго старья накопилось. Пора у насъ, какъ поетъ турецкій генералъ въ „Фатиницѣ“:

Нэмножко освѣжить,
Нэмножко пэрэмѣнить,
Чтобы полза была.

Вы въ какомъ институтѣ изволили быть?

— Ни въ какомъ. Я гимназистка.

— Трудно будетъ вамъ привыкнуть къ порядкамъ закрытаго учебнаго заведенія. Да ничего! Нужда пріучитъ калачи печь. Привыкните, обойдетесь. Начальница—добрѣйшій человѣкъ, очень радушная и хлѣбосольная хозяйка, любитъ гостей собирать и бесѣды устраивать, за чашкою чая и ужиномъ, надо отдать справедливость, вполнѣ гастрономическимъ. У нея въ домѣ много интересныхъ обмѣновъ мысли можно услышать. Помощница ея, инспектриса Юлія Павловна Боровецкая, „Русскій Вѣстникъ“ читаетъ, да и кабинетъ ея украшенъ портретами Хомякова, Аксаковыхъ и Кирѣевскихъ, но она не сила и не можетъ передѣлать воспитаніе дѣвочекъ, какъ бы хотѣла.

— А кто у васъ сила?

— Силы у насъ есть, и хорошія. Есть между нами стариками, истинные люди шестидесятыхъ годовъ. Есть и молодые люди, учителя высоко носящіе знамя просвѣщенія и русской мысли. Есть, правда, небольшая группа гасителей духа, квасныхъ патріотовъ, отъ которыхъ постнымъ масломъ и кислыми щами за версту несетъ, но ихъ немного, хотя люди они упрямые и не безъ своеобразнаго таланта. Попъ молодой и фанатичный, математикъ Ризниченко, страстный любитель приватныхъ разговоровъ во время урока, всегда сводящій на то, что мы, русскіе—соль земли и столпъ святыни и что равныхъ намъ нѣтъ. Еще есть и мой коллега Лютиковъ, въ концѣ XIX вѣка живущій среди богатырей, русалокъ, домовыхъ и вѣщуновъ и пишущій, въ журналахъ нѣкотораго пошиба, историческія повѣсти слогомъ древнихъ былинъ.

— Я читала нѣкоторыя повѣсти Лютикова, сказала молодая дѣвушка. Онѣ интересны и правдивы.

— И хвастливы, прервалъ Шполяновъ. Ему лавры Сенкевича спать не даютъ. А вездѣ между строкъ читать можно, что мы безъ Европы обойтись можемъ, что мы шестая часть свѣта...

— Но вѣдь это отчасти правда, замѣтила Паисіева. Вѣдь Азіятская Сибирь намъ ближе и роднѣе, чѣмъ Европейская Пруссія.

— И вы туда-же? спросилъ Шполяновъ Поживете съ нами, многое сами передумаете и увидите, кто правъ. На лекціяхъ вы присутствовать будете. Если вамъ дадутъ отдѣленіе старшаго класса, много полезнаго услышите. Во всякомъ случаѣ и на бесѣдахъ у Марьи Исидоровны Вѣнцовой, нашей начальницы, много услышать можно весьма поучительнаго, да и въ нашихъ семейныхъ кружкахъ. Меня съ моею Лукерьею Петровной, женою, удостоете посѣщенія; много у насъ людей собирается, съ которыми поговорить стоитъ. Есть у насъ свѣжій воздухъ и многихъ мы выпустили развитыхъ и мыслящихъ дѣвушекъ. Однѣ своихъ, другія чужихъ дѣтей воспитывать будутъ. Такъ просвѣщеніе распространяется по землѣ русской.

Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмяна.

Гдѣ мы и какъ ихъ добыли,
Внукамъ отчетъ отдадимъ.

— И дай Богъ, чтобъ этотъ отчетъ насъ не посрамилъ, сказала Екатерина Андреевна, чтобъ внуки видѣли, что отъ нашего посѣва Русь стала сильнѣе, просвѣщеннѣе и счастливѣе. Мы, воспитатели женскаго поколѣнія, должны особенно помнить, что на насъ лежитъ главная отвѣтственность. Наши воспитанницы—это первыя сѣятельницы будущаго.

— Вы полны вѣры въ ваше призваніе, улыбнулся учитель. Интересно, какъ оно у васъ родилось?

— Оно должно быть родилось вмѣстѣ со мною, отвѣтила молодая дѣвушка. Я дочь священника и законоучителя той гимназіи, гдѣ я воспитывалась. Взгляды моего отца съ дѣтства привились и ко мнѣ. Кромѣ уроковъ въ гимназіи, отецъ въ приходѣ своемъ сталкивается со всѣми слоями общества и жизнь его научила глубоко познать великое значеніе истиннаго просвѣщенія и вредъ ложно направленнаго Это сознаніе глубоко вкоренилось и во всѣхъ членахъ нашей семьи".

II.

Былъ одиннадцатый часъ вечера, когда поѣздъ пришелъ къ мѣсту назначенія обоихъ пассажировъ. На вокзалѣ толпилось множество народа, какъ во всѣхъ большихъ городахъ. Поѣздъ стоялъ полъ-часа и большинство пассажировъ высыпало въ залъ перваго класса, чтобъ поужинать или чаю напиться. Толпа осаждала буфетъ, у котораго толстый сѣдовласый еврей и молодая, щеголевато одѣтая, еврейка разливали водку и получали деньги, то отъ закусывающихъ, то у сновавшихъ по залу слугъ, одѣтыхъ во фраки, такихъ же сыновъ Израиля, какъ ихъ хозяева. Разговаривали они то по русски, съ невозможнымъ выговоромъ, то на нѣмецкомъ жаргонѣ западныхъ губерній.

Екатерина Андреевна сѣла у одного изъ длинныхъ столовъ, украшенныхъ тропическою зеленью, вазами съ плодами, и батареями бутылокъ, и заказала себѣ ужинъ. Шполяновъ простился съ нею, посовѣтовавши остано-

виться въ „Коммерческой“ гостинницѣ, отъ которой карета ее подождетъ у подъѣзда, такъ какъ кромѣ нея, пассажировъ нѣтъ. Служителю изъ гостинницы она поручила и полученіе ея багажа.

Только успѣли ей принести ужинъ, какъ близъ нея, усѣлись двое немолодыхъ мужчинъ. Одинъ былъ малъ ростомъ, неимовѣрно толстъ, съ бритымъ по актерски лицомъ и лысою головою; другой былъ курчавый бородачъ, средняго роста, въ очкахъ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, худощавый, съ медленными тѣлодвиженіями и сильною просѣдью во всѣхъ волосахъ.

— Слуга! Услужающій! Ицекъ, Абрумъ, Мойшель! завопилъ толстякъ, неистово стуча ножемъ по бокалу.

Прибѣжалъ слуга.

— Первымъ дѣломъ водки бутылку, икры, омаровъ, сардинокъ, ветчины, колбасы чайной и копченой. Вторымъ дѣломъ.. А что вторымъ дѣломъ, Николай Ивановичъ? обратился онъ къ бородачу.

— Конечно пива, отвѣчалъ тотъ. Поросеночка подъ хрѣномъ, да гуська съ капустою.

— Одобряю! пробасилъ толстякъ. Да будетъ тако! Да шевели скорѣе, Абрумка, не то тебя заставлю ветчину съѣсть.

Еврей засмѣялся:

— И цто зе ви, Федоръ Федорицъ, увсе сутите! Намъ вецинку кусать грѣсьно!

— Не разговаривать со мною! гаркнулъ басомъ толстякъ. Заставлю живого поросенка и въ морду и въ хвостъ поцѣловать.

Лакей убѣжалъ, собесѣдники выпили по рюмкѣ и принялись за закуску.

— Благородное постановленіе двадцатое число! глубокомысленно произнесъ толстякъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Получили, теперь сколько дней благодушествуй на вокзалѣ и въ „Коммерческой“.

— А я уже своимъ въ Славянскъ отослалъ половину! сказалъ Николай Ивановичъ. Оно и конечно!

— Твое дѣло инако! отвѣчалъ толстякъ. Пріѣдетъ Лидія Яковлевна съ ребятами, ты заговѣешься. Тогда ты мнѣ уже не компанія. Скоро ихъ ждешь?

— Въ будущую субботу должны пріѣхать. А пока давай еще по единой. Конечно!

Эта единая была уже четвертая.

— За здоровье Лидіи Яковлевны, да Сонечки. Какъ ея здоровье?

— Костыли бросила, съ палочкою ходить, а хромать сильно будетъ. Это уже неизлечимо. Ортопедическій сапогъ ей заказали. И въ гимназію теперь будемъ ее посылать. Ну да. конечно.

— Жаль дѣвочку. Хорошенькая такая, да умненькая. Откуда это у нея?

— Лидочка въ молодости любила въ корсеты затягиваться, да и потанцовать была не прочь. Вѣдь и старшія. Надя и Вѣруша, тоже слегка прихрамываютъ и каблучокъ внутри сапожка тоже носятъ, и наколѣнникъ съ оковкою. Ну да, конечно!

— А ты чего смотрѣлъ? Я бы, уже послѣ Надежды Николаевны, скандалъ съ разносомъ совершилъ.—А какъ дальше въ томъ-же вкусѣ пошло, такъ все сокрушилъ-бы.

— Не хорохорься! отвѣчалъ Николай Ивановичъ. Старый холостякъ! Не знаешь, что такое жена! Жена это женщина. а женщина, это капризы, нервы, слезы, истерика, и прочая, и прочая, и прочая Понятное дѣло? Ну да! И конечно. Попробовалъ я ей разъ о корсетѣ сказать, такъ она мнѣ такого: „брысь подъ лавку!" изрекла, что я недѣлю ошпаренный ходилъ. Да и конечно, не тебѣ хвалиться, когда на тебѣ въ классѣ дѣвчонки чуть что не верхомъ ѣздятъ. Конечно такъ!

— Верхомъ не ѣздятъ, отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а учатся тѣ, которыя хотятъ. Я и баловъ неудовлетворительныхъ никогда не ставлю. Или хорошій. или ничего, будто не спрашивалъ. Терпѣть не могу ихъ слезъ да истерикъ. Да и все равно, знаю что ни одна, выйдя, ни бельмеса изъ исторіи знать не будетъ.

— Я съ баллами не шучу и ставлю строго, но справедливо, заявилъ Николай Ивановичъ. Ну да! Онѣ у меня преуспѣваютъ. Многія пишутъ хорошо, хотя я, какъ Шполяновъ и Лютиковъ, не распинаюсь и себѣ пищеваренія не разстраиваю. Ну конечно! Это фанфароны...

Услышавъ имя своего новаго знакомаго, Екатерина

Андреевна стала прислушиваться. Неужели это то-же ея будущіе сослуживцы? Лица ихъ уже раскраснѣлись Въ бутылкѣ водки оставалось гораздо меньше половины.

— А какъ вспомнишь Харьковъ, да университетскіе годы, сказалъ толстякъ Вѣдь тогда мы вѣрили и жили надеждою на плодотворность нашихъ трудовъ. Мы считали себя просвѣтителями грядущихъ поколѣній. И учителя у насъ были, наши профессора покойники Славные люди были. Кажется ни одного изъ нихъ въ живыхъ не осталось. И заря шестидесятыхъ годовъ была. Сколько мы тогда мечтали! А тамъ жизнь засосала, задаемъ „отселева до селева", поправляемъ диктовки да сочиненія, получаемъ по двадцатымъ числамъ жалованье, да просиживаемъ вечера на вокзалѣ или въ „Коммерческой". Ты еще бури отъ Лидіи Яковлевны выдерживаешь, да дочерямъ ножки лечишь, а у меня и этого разнообразія нѣтъ. Старый бездомовникъ! Поскорѣе бы пенсію выслужить, да хуторокъ купить и дыни да кавуны разводить.

— А я въ городѣ останусь, сказалъ Николай Ивановичъ. Ну да! Конечно! Оно и понятно. На покупку хутора не собрано. Самимъ жить надо было, да хромоножекъ бѣдныхъ лечить. Ну конечно! Отъ казенныхъ уроковъ откажутъ, частными пробавляться надо будетъ. А бутылки то еще осталось безъ малаго половина. Надо кончить, да за пиво приняться. Прокоротаемъ вечеръ, не думая о нашемъ храмѣ дамской науки, ни о нелѣпыхъ отвѣтахъ по исторіи и педагогикѣ, ни о глупыхъ, безграмотныхъ, сочиненіяхъ безмозглыхъ дѣвъ, которымъ мы надоѣли, какъ онѣ намъ. Ну да! Конечно! Оно такъ!"

Екатерина Андреевна не стала дожидаться конца бесѣды двухъ разочарованныхъ и опустившихся педагоговъ, а окончивъ ужинъ, расплатилась и уѣхала ночевать въ гостинницу.

III.

На другой день она подъѣхала къ зданію института. Огромный трехъ-этажный домъ, съ подъѣзднымъ дворомъ, за желѣзною рѣшоткою; отъ дома идутъ по обѣ стороны высокія каменныя стѣны окружающія старый тѣнистый садъ. Старый сѣдой бакенбардистъ швейцаръ, съ тремя

солдатскими Георгіевскими крестами, нѣсколькими медалями и Румынскимъ крестомъ, объявилъ, что начальница недавно пожаловала изъ своей квартиры и находится въ своемъ кабинетѣ при канцеляріи. Молодая дѣвушка прошла туда.

Въ кабинетѣ, украшенномъ портретами трехъ императрицъ. за большимъ столомъ сидѣла женщина съ моложавымъ лицомъ, красивыми чертами, но совершенно бѣлыми волосами, казавшимися будто напудренными. Средняго роста и средней полноты, она тѣмъ не менѣе была величественна во всѣхъ своихъ движеніяхъ. У конца стола сидѣла другая, худощавая, немолодая женщина, съ густыми, довольно безпорядочно взбитыми вверхъ, бѣлокурыми волосами и привѣтливо смотрящими голубыми глазами. Начальница протянула руку вошедшей.

— M-lle Паисіева! сказала она. Благодарю, что скоро пріѣхали. Это моя помощница Юлія Павловна Боровецкая! указала она на другую даму. Сейчасъ пошлемъ за смотрителемъ. Онъ вамъ вашу комнату покажетъ. Ваша предшественница уже вчера изъ нея переселилась къ своимъ знакомымъ. Потомъ познакомлю васъ съ вашимъ отдѣленіемъ. Вы будете завѣдывать вторымъ отдѣленіемъ перваго класса. Дѣвицы выпускныя, болѣе или менѣе зрѣлыя, съ ними меньше хлопотъ, чѣмъ съ маленькими. Съ будущаго года вы уже поведете классъ съ начала до конца и получите отдѣленіе седьмого класса. Обязанности ваши всѣ напечатаны въ Инструкціи, которую вамъ выдадутъ въ канцеляріи. Съ личнымъ составомъ отдѣленія васъ познакомитъ ваша предшественница, m-lle Пожарова. Она у насъ тридцать лѣтъ прослужила и покидаетъ насъ по разстроенному здоровью. Очень развитая особа и ея указанія будутъ для васъ очень цѣнны...

Екатерина Андреевна замѣтила что при этихъ словахъ инспектриса лукаво улыбнулась. Начальница продолжала:

— Во всѣхъ затруднительныхъ совѣтахъ обращайтесь ко мнѣ или къ Юліи Павловнѣ. Мы всегда рады будемъ помочь вамъ совѣтами нашей опытности. По субботамъ у насъ комитеты, на которыхъ обсуждаемъ всѣ дѣла наши сообща. Вотъ, кажется, все касающееся слу-

жбы. По средамъ вечеромъ я всегда дома, у меня собираются мои знакомые. Прошу и васъ, въ тѣ среды, когда вы не дежурная, посѣщать меня. Вамъ, какъ молодой дѣвушкѣ, сближеніе съ городскимъ обществомъ можетъ принести пользу".

Пришелъ смотритель, корявый, лысый, чиновникъ въ вицъ-мундирѣ. Вмѣстѣ съ начальницей и ея помощницей, всѣ пошли въ корридоръ, по которому были расположены квартиры классныхъ дамъ. Каждая состояла изъ комнаты въ два окна, съ отгороженною переборкою, спальнею, и изъ чулана для склада сундуковъ и иныхъ вещей. Кухня и столовая были общія. Распорядительница стола избиралась ежемѣсячно.

— Сегодня же переѣзжайте, сказала начальница. Что вамъ въ гостинницѣ проживаться? Да и завтра прошу начать посѣщеніе классовъ и присутствіе при приготовленіи уроковъ. А сегодня отдохните съ дороги".

Спустились въ классы старшаго возраста, I и II классовъ. По корридору ходила дежурная пепиньерка въ сѣромъ платьѣ.

— Марья Петровна въ классѣ? спросила начальница. Попросите ее въ дежурную комнату.

Вскорѣ пришла худая, съ ястребиными носомъ и глазами, желтая и сморщенная старушка, съ сѣрыми, отъ смѣси бѣлыхъ съ черными, волосами. Вѣнцова познакомила классныхъ дамъ, старшую и новую.

— Рада, душевно рада, что вы меня освобождаете, заговорила Пожарова. Я истрепалась, измоталась, здоровье мое не выдерживаетъ. Я такъ жажду отдыха! Я скажу дѣвочкамъ, чтобъ въ перемѣну онѣ не выходили изъ класса. Нѣтъ, обратилась она къ пепиньеркѣ, идите лучше сейчасъ и скажите. - Я васъ съ ними познакомлю формально, а потомъ мы обо многомъ переговоримъ. Ахъ! Это такъ трудно воспитывать дѣтей! Столько разныхъ характеровъ, такъ различно воспитаніе въ семьяхъ. У меня для каждой написана полная аттестація, я вѣдь шесть лѣтъ съ ними прожила, я душу каждой изъ нихъ знаю лучше, чѣмъ ихъ родители знаютъ, я въ мысляхъ каждой читаю самое сокровенное движеніе души. У меня все записано. Я вамъ оставлю плодъ моихъ наблюденій

за шесть лѣтъ. Вы тамъ все найдете, чѣмъ руководствоваться...

Звонокъ, извѣщающій о перемѣнѣ, прервалъ ея словоизверженія. Она повела Паисіеву въ классъ.

— Прощайте, mesdemoiselles, сказала она воспитанницамъ. Я разстаюсь съ вами! Меня замѣнитъ Екатерина Андреевна Паисіева. Она молода и вы лучше съ нею сойдетесь, чѣмъ со мною, старухою. Я шесть лѣтъ васъ вела и всѣмъ вамъ добра желала. Если я чего не достигла, простите меня. Простите теперь, простите и послѣ, когда поймете мои стремленія. Я изъ всѣхъ васъ хотѣла сдѣлать натуры возвышенныя, понимающія все прекрасное, стремящіяся къ добру, жадныя къ постиженію истины. Если есть пожелавшія оставаться въ низменности привитыхъ съ дѣтства понятій, побоявшіяся подняться выше той среды, которая ихъ выросила, не пожелавшія развить свой умъ чтеніемъ избранныхъ писателей, и моими совѣтами, то *онѣ* не пожелали, а не я. Это вы всѣ по совѣсти скажете. И теперь, и когда окончите курсъ, развивайте свой умъ, читайте писателей болѣвшихъ сердцемъ за слабыхъ и угнетенныхъ, презирайте богатство и внѣшность и помните мои совѣты. Екатерина Андреевна принимаетъ васъ отъ меня и поведетъ дальше до выпуска. Дѣла каждой изъ васъ у меня записаны и будутъ ей извѣстны. Кто сознаетъ, что ими надо стыдиться, пусть старается ихъ исправить и завоевать о себѣ лучшее мнѣніе вашей новой воспитательницы. Въ частности успѣхи въ наукахъ видны изъ класснаго журнала. Девять первыхъ имѣютъ вполнѣ хорошіе баллы: Гостилицкая, Колпакова, Силкова (Анна), Гавриленко, Котомкина, Сухачева, Силкова (Марія), Бойкò, Осипенко. Ни одной дурной отмѣтки. Но Гавриленко строптива и съ большимъ самомнѣніемъ, а съ учителями рѣзка и невѣжлива, Котомкина разсѣянна, забывчива, даже забываетъ, что ей 17 лѣтъ, а не 7. Угрюмова лѣнится, Гилева спитъ и въ классѣ и внѣ класса, Мурачева думать не хочетъ, Рыбарская на мѣстѣ усидѣть не можетъ. Надо обратить на себя вниманіе и взять себя въ руки. Остался одинъ годъ. Постарайтесь его кончить хорошо. Меня же хоть изрѣдка помяните добрымъ словомъ. Прощайте.

Она приложила платокъ къ глазамъ и повернулась къ выходу.

– Прощайте, Марья Петровна! сказали воспитанницы въ одинъ голосъ. Благодаримъ васъ за ваши о насъ заботы. Простите, если когда мы васъ огорчили".

Марья Петровна повела Екатерину Андреевну на верхъ. Въ концѣ корридора съ комнатами классныхъ дамъ, была ихъ общая столовая. Прислуга накрывала на столъ къ завтраку. На концѣ стола сидѣла особа, съ довольно правильными, но болѣзненными чертами лица, лѣтъ 35, худая и блѣдная, средняго роста, но сгорбленная и осунувшаяся, съ подвязанною щекою. Когда она говорила, то моргала глазами и подергивала лицомъ. Пожарова познакомила ее съ Паисіевой.

— Софья Семеновна Закалина, а это моя преемница.

— А я только что встала! объявила Закалина. Съ зубами всю ночь промучалась, и ноги совершенно отнимаются. Боюсь параличъ хватитъ, какъ ненужную тряпку выбросятъ.

– Сердились вчера? спросила Пожарова.

— Да когда же я не сержусь? спросила Софья Семеновна. Такая дрянь эти дѣвченки. Съ большими было трудно, а эти маленькія шестого класса совершенно невыносимы. Прошлаго года, въ седьмомъ, у нихъ еще страхъ былъ, а теперь оперились, воображаютъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь. Ни у одной ни сердца, ни чести, ни жалости къ родителямъ и старшимъ. Умирать буду у нихъ на глазахъ, имъ только смѣхъ да потѣха будетъ. Завидую вамъ, Марья Петровна, что вы выслужили пенсію и можете уйти. А я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу себя представить въ другой обстановкѣ. Десяти лѣтъ меня привезли сюда въ эти стѣны. Семь лѣтъ въ институтѣ, потомъ оставили пепиньеркою, потомъ сдѣлали классною дамою. Въ отпускъ поѣхать мнѣ не къ кому. Не воображу себѣ, что бы я стала дѣлать, если бы лишилась этой службы. Гувернанткою въ частный домъ,—не легче, но еще болѣе подневольное положеніе, экономкою,—сельскаго хозяйства не знаю, да и здоровье не выдержитъ, продавщицею въ магазинъ,—бухгалтерія требуется вездѣ, гдѣ сколько-нибудь приличное жалованье, да это откры-

ваніе дверей, постоянно простуживаться буду. Какъ устрица въ раковинѣ, умру въ институтѣ, если только не умру на больничной койкѣ“.

Окончился послѣдній урокъ и всѣ классныя дамы, кромѣ дежурныхъ, стали собираться къ завтраку. Марья Петровна посадила Екатерину Андреевну рядомъ съ собою; съ другой стороны отъ нея сѣла маленькая черная смуглая, похожая на цыганку, довольно молодая дѣвушка съ неправильными, но выразительными чертами лица.

— Между нами раздѣленъ первый классъ, сказала она Паисіевой. У меня первое, у васъ второе отдѣленіе. У насъ больше всего дѣлъ общихъ будетъ.

— Вы давно служите? спросила Екатерина Андреевна.

— Давно! Семь лѣтъ скоро будетъ. Я это отдѣленіе съ седьмого класса веду. Развѣ вы думаете, что я такъ молода? Ничуть. Мнѣ двадцать восьмой годъ идетъ.

— Все таки, до вашего пріѣзда Клавдія Ивановна самая молодая изъ насъ была! сказала Марья Петровна.

— И самая бодрая! прибавила Софья Семеновна.

— Отчего же бодрость терять? спросила Клавдія Ивановна. Съ воспитанницами я провела шесть лѣтъ слишкомъ. Мы, скажу, выросли вмѣстѣ, потому что и я очень юная и неопытная была, когда ихъ получила на руки. Я ихъ знаю, онѣ меня знаютъ. Живемъ дружно. Иногда, то съ тою, то съ другою, поссоримся. Потомъ помиримся.

— Мы давно всѣ вамъ удивляемся, сказала Закалина. Вѣдь это несноснѣйшія дѣвчонки. Это нарочно набранная сволочь! Я за половину изъ нихъ не поручусь, что онѣ не кончатъ острогомъ или каторжными работами.

Клавдія Ивановна громко разсмѣялась.

— Добрѣйшая Софья Семеновна, сказала она. Эти дѣвчонки точь въ точь такія, какими и мы были въ ихъ годы. Есть у нихъ самолюбіе, которое не надо задѣвать, есть беззаботность, лѣнь, которую надо исправлять, есть непониманіе своихъ правъ и обязанностей, которыя имъ надо выяснить. Вообще съ ними надо говорить, какъ съ людьми, и каждую стараться понять, чтобъ добиться чего она хочетъ и чтобы знать на какой почвѣ ее можно вразумить, если она хочетъ невозможнаго.

— Я много съ ними не разговариваю! густымъ контръальто произнесла высокая, толстая, рыжеволосая съ просѣдью, старуха. У меня запись и наказаніе. Вотъ своихъ теперь до второго класса довела, а веду отдѣленіе, съ начала до конца. четвертый разъ, да два раза еще отдѣленія по особому приказу у меня были. Всего двадцать девять лѣтъ службы. И никогда я, матушки, себя не разстраивала. У меня сила воли есть, я всякую въ бараній рогъ скручу, а сама не поддамся. - А всѣ онѣ дрянь и съ ними миндальничать вредно. Забудутся. Это я вѣрно говорю, матушки мои!

-- Я не миндальничаю, а веду себя со всѣми ровно! раздосадованно возразила Клавдія Ивановна. У меня никто еще не забывался, а всѣ ко мнѣ идутъ безъ страха, зная, что ихъ волненія найдутъ во мнѣ участіе. А все же могу похвалиться шестилѣтнимъ опытомъ, чтобъ не сказали, что это у меня мечты начинающей.

— У меня и ваши по стрункѣ ходятъ! похвалилась рыжеволосая. Гаркну, сразу присядутъ. Вотъ какъ, матушка!

— И это прекрасно знаю. Анна Захаровна. Только есть впечатлительныя, которыхъ вы загоняете, и строптивыя, которыхъ озлобляете такимъ образомъ дѣйствій. А это образуетъ складку въ характерѣ, которую потомъ ничѣмъ не сгладите.

Послѣ завтрака Пожарова повезла Екатерину Андреевну къ себѣ на квартиру къ своимъ знакомымъ. Она провела ее въ свою комнату и достала толстый томъ въ четверть листа съ алфавитомъ на обрѣзѣ. Всѣ ученицы отдѣленія были записаны въ алфавитномъ порядкѣ. О каждой были внесены всѣ біографическія данныя, кто родители, годъ рожденія и поступленія въ институтъ. Далѣе шла характеристика. По прочтеніи ихъ Екатерина Андреевна составила себѣ понятіе о своей предшественницѣ, какъ объ особѣ желчной и, вѣроятно, весьма пристрастной. Особенно щедра была она на опредѣленія: „глупа“, „низменная натура“, „черствая эгоистка“, „подленькая душонка“.

— Я эти опредѣленія не совсѣмъ понимаю. Марья Петровна! сказала она. У васъ записаны глупыми имѣющія очень хорошіе баллы по всѣмъ предметамъ, а клей-

мить молодую дѣвушку, еще не начавшую жить, такими названіями, какія у васъ записаны, мнѣ кажется очень опасно У васъ добрая половина отдѣленія значутся „низменными натурами“. Что вы подъ этимъ словомъ подразумѣваете?

— Не способную ни къ какому возвышенному чувству! горячо воскликнула Пожарова. Не волнующаяся, когда слышитъ, или читаетъ, о геройскихъ подвигахъ и самоотверженныхъ предпріятіяхъ. За то низменныя натуры всегда отлично умѣютъ соблюдать свои выгоды — За героя, не изящнаго, ни одна изъ нихъ замужъ не пойдетъ, но за раззолоченнаго негодяя, безобразнаго и физически и нравственно. она пойдетъ съ восторгомъ и продастъ себя ради денегъ.

— И это можно угадать въ такихъ юныхъ дѣвушкахъ, даже въ дѣтяхъ? Вы нѣкоторыхъ удостоили такого отзыва, когда имъ было 11—12 лѣтъ.

— При наблюдательности все это въ глаза бросается! убѣжденно объявила Пожарова.

— Я такою проницательностью не хвалюсь! сказала Екатерина Андреевна, и больше не стала спорить, рѣшившись провѣрить всѣ эти отзывы собственнымъ опытомъ.

IV.

Вечеромъ она переѣхала въ институтъ, устроилась въ своей комнаткѣ, и спустилась внизъ къ началу уроковъ. Въ дежурной комнатѣ собрались уже прочія классныя дамы старшаго возраста. Екатерина Андреевна узнала, что фамиліи черноглазой и истинно преданной своему дѣлу Клавдіи Ивановны, Блохина, а рыжей старухи, Анны Захаровны, хвалившейся, что она всякую скрутитъ. а сама не поддастся, Кашина. Другая воспитательница второго класса была довольно молодая и крѣпко сложенная на видъ, но мало разговорчивая Елена Николаевна Велина. Лицо ея круглое и бѣлое, какъ мучная булка, съ подслѣповатыми сѣрыми глазами, увѣнчанное космами бѣлобрысыхъ волосъ, выражало сонливость и скуку.

Пришли учителя за классными журналами. Прежде всѣхъ явились собутыльники съ вокзала. Толстякъ

Өедоръ Өедоровичъ узналъ Екатерину Андреенну и сказалъ ей:

— Вы третьяго дня пріѣхать изволили? Видѣли васъ на вокзалѣ! Позвольте рекомендоваться: Рѣпинъ, учитель исторіи.

Отецъ трехъ хромыхъ дочерей объявилъ свою фамилію: Яшкоковъ.—

Вскорѣ послѣ нихъ вошелъ черноусый, небольшого роста, стройный и подвижной молодой французъ Кальмель, наконецъ явился Шполяновъ въ вицъ-мундирѣ изящнаго покроя и тонкаго сукна, съ тщательно расчесанными бакенбардами, которыя онъ еще разглаживалъ на ходу. Онъ пошелъ съ Екатериною Андреевною въ ея отдѣленіе.

Воспитанницы всѣ встали и поклонились учителю. Затѣмъ водворилось полное молчаніе и всѣ устремили глаза на Шполянова, который сѣлъ на свой стулъ въ картинной позѣ, расчесалъ щеточкою свои бакенбарды и открылъ свою папку съ книгами и рукописями на листкахъ. Окончивъ всѣ приготовленія, онъ заговорилъ мѣрнымъ и внушительнымъ голосомъ, самъ съ удовольствіемъ прислушиваясь къ своей рѣчи.

— Сочиненія ваши, сударыни, я просмотрѣлъ. Хорошихъ, къ великому моему душевному прискорбію, мало, очень мало! Гладко написанныя есть. Госпожи Колпакова, обѣ Силковы, Бойко́, Сухачева Осипенко, написали очень приличнымъ слогомъ, но идеи, идеи нѣтъ. А я, я вамъ задалъ это сочиненіе именно ради идеи, чтобъ заставить ваши головки поработать. Король Астурійцевъ Пелаіо попадаетъ въ пещеру, гдѣ спасается ученый дервишъ-мавръ. Встрѣчаются представители двухъ культуръ: средневѣковаго готескаго варварства и утонченной арабской цивилизаціи. Ради пресловутой независимости, Пелаіо и ему подобные, предпочитаютъ нищету въ горахъ и темное невѣжество благамъ той новой цивилизаціи, которая дала міру Альгамбру и Кордуанскія мечети, философовъ Альфараби, Авиценну, Ибнъ-Баяха, Альгазеля, Аввероэса, географовъ Аль-Маруна, Абу-Ишака, Шерифъ-Эдризи, Нассеръ-Эддина, Эбнъ-Хаукаль, Абульфеду (онъ

же историкъ). Уллугъ-Бегъ-Абдаллатива, историковъ Хэшамъ. Ибнъ Мухамедъ-Ибнъ-Шояйбъ-Альхекеби...

— Какая тоска! Скоро ли онъ кончитъ? раздался голосъ на третьей скамьѣ.

-- Госпожа Колобова! сказалъ учитель. Я кончу, когда скажу все, что нужно, а ваше дерзкое замѣчаніе освѣщаетъ вполнѣ ваше сочиненіе, свидѣтельствующее о вашемъ весьма слабомъ развитіи. Но объ этомъ рѣчь впереди. И такъ арабы въ то время представляли культуру и цивилизацію, испано-готеы варварство и мрачный католическій фанатизмъ. У большей части изъ васъ испанецъ герой, а арабъ или глупъ, или подлый приспѣшникъ деспота завоевателя, или кровожадный варваръ.— Объ арабской культурѣ хорошо написала только госпожа Агарь Абдулова. Но и отъ нея, какъ мусульманки, я ждалъ большаго. Она подобрала даже тексты изъ Корана и для чего бы вы думали?... для того чтобъ арабъ извинялся передъ христіаниномъ и доказывалъ, что магометанство вовсе не такъ фанатично, какъ принято думать. О томъ, что арабы сдѣлали великаго для общечеловѣческаго прогресса—ни слова! Это много сбавило баллъ у госпожи Абдуловой. У большинства, съ госпожею Гостилицкою во главѣ, Пелаіо только герой, готовый умереть за отечество; и всѣ симпатіи на его сторонѣ. Забываете, что еслибъ ему удалось изгнать мавровъ, Испанія не подверглась бы арабскому вліянію, не стояла бы два вѣка во главѣ европейскаго прогресса, и не завоевала бы Америку.

— Для Перу и Мексики это было бы великое счастіе! послышалось на второй скамьѣ.

— Это конечно госпожа Гавриленко! обернулся Шполяновъ въ сторону сказавшей, маленькой, толстенькой, рыжеволосой воспитанницы, съ красивыми, южнорусскими чертами лица. Вашъ національзмъ намъ извѣстенъ. Вы за сохраненіе всякихъ этнографическихъ антиковъ. И размалевали же вы вашего Пелаіо, лубочно, крупными мазками. Вышелъ настоящій запорожскій кошевой. Говорите: „одного такого человѣка достаточно, чтобъ спасти народность“; далѣе: „онъ мощною рукою обнялъ испанское государство, онъ его умирающее оживилъ и воскре-

силъ изъ гроба", „мечъ его стоилъ скипетра, онъ царствовалъ не надъ страною, но надъ борцами за родную народность". Это все очень громко, а мною цѣнится балломъ только что не ниже посредственности, такъ какъ идеи у васъ нѣтъ...

— Свои собственныя, какія есть, не взыщите, Александръ Петровичъ! отозвалась рыженькая.

— Газета „Свѣтъ" двѣ копѣйки! засмѣялся Шполяновъ, передразнивая разносчика газетъ. Вотъ—источникъ вашихъ идей. Вы, какъ австрійскіе славяне, благоденствующіе подъ властью конституціоннаго государства и стремящіеся скорѣе стать нищими, чѣмъ допустить истинно культурный языкъ, нѣмецкій, въ своихъ школахъ. Въ исторіи первенство принадлежитъ смѣшаннымъ народностямъ. Аѳины смѣсь четырехъ греческихъ племенъ съ семитами и египтянами. Спарта чистокровные дорійцы. Кому отдадите предпочтеніе? Не менѣе смѣшанныя расы — римляне, позднѣе французы и испанцы. Это законъ скрещеній, доказанный великимъ Дарвиномъ...

— И опровергнутый многими современными учеными! вставила Гавриленко.

— Народности чистокровныя обречены на вырожденіе и вымираніе! объявилъ Шполяновъ Это мы видимъ на Франціи и Испаніи нашихъ дней. Нѣкогда ихъ спасли франки и арабы. Теперь они замкнулись въ своемъ латинствѣ и погибнутъ, если не примутъ германской прививки То же можно сказать и о славянахъ. Россія сдѣлается первою страною въ мірѣ, когда перестанетъ считать себя славянскою державою.

— Лучше жидовско-армянскою? вызывающе спросила Гавриленко. Но Шполяновъ не отвѣчалъ и продолжалъ урокъ:

— Вы приготовили стихотворенія Фета. Изъ ряда прочихъ поэтовъ его выключить нельзя. Звучность его стиховъ и теперь многихъ одурманиваетъ. За нимъ есть и дѣйствительная заслуга—переводъ Фауста—Гёте, Горація, Овидія, Виргилія, Проперція. Но мы остановимся на Фетѣ, чтобы констатировать фактъ печальный—до чего можетъ довести поэта, и не лишеннаго нѣкотораго дарованія, безъидейность. Богатый баричъ Аѳанасій Аѳа-

насьевичъ Шеншинъ кропалъ стишки послѣ сытнаго обѣда, попивая ароматный кофе и прихлебывая бенедиктинъ или шартрезъ. Вокругъ него совершалось великое дѣло освобожденія крестьянъ, а онъ воспѣвалъ

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья...

— Не правда! вмѣшалась рослая темнорусая воспитанница. Онъ былъ однимъ изъ весьма полезныхъ мировыхъ посредниковъ и земскихъ дѣятелей Орловской губерніи.

— Госпожа Анна Силкова, кажется его и Тургенева землячка, засмѣялся учитель; а потому хорошо освѣдомлена? Это впрочемъ во всѣхъ біографіяхъ поэта есть. Но отчего онъ вдохновлялся трелями соловья, а не земскимъ дѣломъ, не борьбою съ невѣжествомъ, съ угнетеніемъ личности, въ тотъ вѣкъ бури и натиска, остается невыясненнымъ, а потому надо думать, что пѣвцу земскія дѣла меньше нравились, чѣмъ земскіе оклады.

Екатерина Андреевна вспомнила его похвальбу въ намекѣ объ истинныхъ людяхъ шестидесятыхъ годовъ Шполяновъ продолжалъ:

— И такъ, госпожа Гостилицкая, вы какіе стихи Фета изучили?

Высокаго роста, бѣлокурая, красивая, дѣвушка съ профилемъ древне-греческой статуи, встала и съ большимъ чувствомъ сказала стихотвореніе:

Я пришелъ къ тебѣ привѣтомъ.

Когда она кончила, учитель спросилъ ее:

— Что вы скажете? Ваше мнѣніе объ этихъ стихахъ?

Гостилицкая заговорила:

— Въ немногихъ словахъ чудная картина утра, пробуждающейся природы.

. . . . . солнце встало
. . . . . горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало.

Съ восходомъ солнца пробуждается *все* на землѣ

. . . . лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой *каждой*,

Каждой птицей встрепенулся
И весенней *полонъ* жаждой...
Все, все проснулось, просыпается и вдохновеніе поэта:
. . . . . со той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
. . . душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова.
Таковъ былъ поэтъ вчера, таковъ онъ и сегодня. Но прекрасное утро, созерцаніе чудесъ природы его возбудило. Мимолетные оттѣнки чувства и ощущеній располагаютъ его высказаться. Онъ кончаетъ свой привѣтъ:
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

Художникъ созерцаетъ и сознаетъ прекрасное, но еще болѣе чувствуетъ его и чувство изливается въ пѣсни. Фетъ, въ одномъ стихотвореніи, говоритъ: „Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость, только художникъ чуетъ прекраснаго слѣдъ". И здѣсь мы видимъ живописное изображеніе того, какъ пробужденіе природы въ прекрасное утро пробуждаетъ чувства поэта, изливаемыя въ прекрасныхъ стихахъ.

— А вы, г-жа Сухачева, какого мнѣнія о стихотвореніи сейчасъ такъ восторженно оцѣненномъ вашею подругою?

Маленькая, худощавая, остроносая смуглянка съ черною косою, и огромными черными глазами, будто готовыми выскочить, сказала восторженнымъ голосомъ:

— Стихи чудные. Природа дѣйствуетъ на человѣка какъ электричество, и здѣсь прекрасно описано, какъ происходитъ этого толчекъ.

— А если-бъ, вмѣсто картины восходящаго солнца и трепещущаго бора, вамъ представили бы фабричную мастерскую съ множествомъ машинъ, васъ эти пѣсни не вдохновили бы? спросилъ учитель.

Сухачева отвѣчала:

— Я на заводахъ бывала много разъ. Они на меня производили сильное впечатлѣніе. Со мною всегда бывали люди, мнѣ все объяснявшіе. Я удивлялась человѣческой

изобрѣтательности, и восхищалась тою громадною силою, которую даетъ паръ и электричество и тѣмъ умѣніемъ, съ которымъ имъ человѣкъ пользуется. Но это настроеніе не было то, которое зарождается отъ созерцанія природы.

— А если васъ приведутъ въ коровникъ? спросилъ учитель.

— Я коровокъ очень люблю, отвѣчала ученица. Я хожу къ нимъ, даю имъ кормъ Это опять третье настроеніе, не имѣющее ничего общаго съ двумя прочими. Всѣ они доставляютъ удовольствіе, но каждое въ своемъ родѣ.

— Почему же предпочтеніе доставляемымъ красотами природы ощущеніямъ?

— Потому что лучше природы ничего на свѣтѣ нѣтъ! отозвалась Гостилицкая. Она естественно вдохновляетъ поэтовъ.

— Поэты, съ тѣхъ поръ какъ завелись, вдохновляютъ другъ друга, объявилъ Шполяновъ. И природу прорекламировали они. Это своего рода щекотаніе пятокъ, возбужденіе нервовъ. Какъ поэтъ описываетъ пробужденіе природы, онъ могъ бы описать постепенное приведеніе всѣхъ машинъ фабрики въ дѣйствіе. У Фета это вышло бы также звучно и картинно Если „она" дочь фабриканта то можетъ

. . . . . со той же страстью,
Какъ вчера, придти онъ снова

и можетъ быть на этотъ разъ получитъ руку и сердце съ приличнымъ приданымъ. Но въ концѣ, по моему мнѣнію, поэтъ совершенно сплоховалъ. Онъ „не знаетъ самъ, что будетъ пѣть, хоть пѣсня зрѣетъ". Можно себѣ представить, много-ли въ пѣсни той будетъ мысли? А мысль есть душа; стихотворная форма только тѣлесная оболочка. Стихотворство безъ содержанія то-же что пусканіе мыльныхъ пузырей.

Затѣмъ были разобраны, такъ-же пристрастно, еще три стихотворенія Фета и произнесенъ надъ поэтомъ строгій приговоръ: „Какъ художникъ и не мыслитель, онъ принесъ русскому слову вредъ, а не пользу". Наконецъ Шполяновъ задалъ сочиненіе на урокъ, ровно черезъ недѣлю: „Еврейскій ребенокъ сирота, воспитанный въ христіанской семьѣ и крещеный, сдѣлавшись на службѣ

важнымъ лицомъ, пріѣзжаетъ въ родное мѣстечко и встрѣчается съ родственниками, знавшими его родителей".

Урокъ кончился. Екатерина Андреевна вызвала Колобову и Гавриленко и замѣтила имъ неумѣстность ихъ перерывовъ и пререканій съ учителемъ. Когда дѣвушки подошли къ ней, она увидѣла, что Гавриленко сильно хромаетъ и носитъ ортопедическій сапогъ. Маленькая рыжеволосая толстушка, улыбнувшись, смѣло подняла на воспитательницу свои голубые глаза и сказала:

— Не могу я молчать, когда онъ возмутительныя вещи говоритъ.

— Я во многомъ съ нимъ не согласна, сказала Паисіева. Но, пожалуйста, во время урока воздержитесь отъ замѣчаній. Обо многомъ мы съ вами въ свободное время поговоримъ, и я не хуже васъ съ нимъ поспорю, тамъ гдѣ это дозволено, а не здѣсь въ классѣ.

— Въ свободное время я здѣсь мало бываю, объявила Гавриленко. Я живу въ лазаретѣ и только въ классы прихожу. Но я поняла, что вы войдете въ наше положеніе. Есть учителя, обо всемъ намъ внушающіе превратныя понятія. Марья Петровна была съ ними за одно и преслѣдовала даже книги, не согласныя съ ея взглядами. Я вамъ покажу, какія книги у меня есть. Что вы не одобрите, то я отправлю домой.

— Хорошо, только урока больше не прерывайте. А посмотрѣть ваши книги я къ вамъ зайду въ лазаретъ.

Вошелъ священникъ. Онъ былъ молодъ, лѣтъ 30 съ небольшимъ; бѣлокурые волосы его падали красивыми волнами на голубую рясу: борода его была кругло подстрижена и тщательно расчесана. На груди его висѣли серебряный наперсный и золотой магистерскій крестъ. Послѣ молитвы онъ началъ спрашивать урокъ. Лекція была о распространеніи христіанства на Руси до призванія князей Новгородомъ Великимъ. Для самой Паисіевой это былъ вопросъ мало знакомый и она съ жаднымъ вниманіемъ слушала отвѣты ученицъ и объясненія законоучителя. Приазовскіе, придонскіе и приднѣпровскіе славяне находились въ постоянномъ общеніи съ греками, разсѣянными по черноморскому побережью. Случаи крещенія русскихъ воеводъ и князей указываются весьма

древними источниками, житіями св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго[1]). Славяне-язычники были приготовлены къ принятію христіанства болѣе многихъ другихъ народовъ. Основою славянскаго язычества было единобожіе. Сварогу не приравнивали сварожичей. духовъ природы Тайное ученіе волховъ вело къ чистому поклоненію Сварогу. Жрецы были только у балтійскихъ славянъ; у прочихъ ихъ замѣняли родовые старшины и князья. И жрецы и кумирни появились въ Новгородѣ и Кіевѣ почти передъ самымъ паденіемъ язычества. Варягъ, убитый съ своимъ сыномъ, могъ быть крещенъ и не въ Греціи, а въ Кіевѣ-же. У св. Ольги въ дружинѣ было много христіанъ.

Во время спроса урока отецъ Алексѣй вставлялъ свои замѣчанія и отпускалъ шутки, иногда отдалялся отъ предмета и сообщалъ чисто историческія и археологическія подробности, которыя всѣ слушали съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Потомъ онъ началъ свою лекцію, говорилъ о крещеніи Руси при св. Владимірѣ, живо и образно, обнаруживая при томъ глубокія познанія въ исторіи не только Руси, но и западнаго славянства Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Дѣвицы! Не думайте, что исторія Св. Церкви вамъ нужна только для экзамена. Исторія православія освѣщаетъ и исторію русскаго государства. Многіе наши святители были совѣтниками князей и царей и самыми передовыми людьми своего времени. Въ тяжелые дни татарскаго ига и смутнаго времени столпы вѣры православной были и оплотами въ освободительной борьбѣ. Очагомъ просвѣщенія были долгое время наши погосты и монастыри. Мало у насъ чудотворныхъ иконъ, явленіе которыхъ не знаменовало бы событія изъ великой борьбы русскаго народа противъ напиравшихъ на нее со всѣхъ сторонъ враговъ. Исторія церкви, это важныя страницы изъ Русской исторіи, и не зная ихъ нельзя называть себя русскими. Вы же не только должны быть сами русскими, но вы призваны еще воспитывать русскихъ буду-

[1]) Д. И. Иловайскій. Историко-критическія замѣтки. Русскій Архивъ 1895 г. Кн. 2.

щаго поколѣнія, сподобитъ-ли кого изъ васъ Господь имѣть своихъ дѣтокъ; или же посвятятъ себя многія воспитанію чужихъ. Вы всѣ призваны воспитать русскихъ людей будущаго, вы должны хорошо познакомиться и съ русскими людьми прошедшаго, а многихъ этихъ людей вамъ покажетъ исторія нашей Св. Русской Православной Церкви.

Струею свѣжаго воздуха пахнуло на Екатерину Андреевну отъ урока отца Алексѣя. Одурманеніе отъ широковѣщательныхъ рѣчей Шполянова прошло.—На третій урокъ надо было вести воспитанницъ въ физическій кабинетъ.

На большомъ столѣ, крытомъ изразцами, стоили машина Аттвуда и машина Морена для опредѣленія законовъ падающихъ тѣлъ. На стѣнѣ висѣла доска съ параллелограммомъ силъ, образуемымъ тонкимъ шнуромъ съ тремя гирями. Передъ столомъ стоялъ полный плечистый мужчина съ парою длинныхъ, запорожскихъ, черныхъ, съ легкою просѣдью, усовъ и съ остриженными подъ гребенку волосами. Сѣрые глаза его были широко раскрыты. Роста онъ былъ средняго, но коренастъ, неладно скроенъ, крѣпко сшитъ. Лѣтъ ему было сорокъ пять, или около того Онъ представился воспитательницѣ: Ризниченко, Илья Хомычъ. Затѣмъ густымъ басомъ вызвалъ:

— Госпожа Мурачева, соблаговолите къ доскѣ.

Маленькая, худенькая, узкая въ плечахъ, дѣвушка съ бѣлокурою косою, вышла къ доскѣ. Она дрожала, какъ осиновый листъ, стараясь не глядѣть въ огромные глаза учителя.

— Грузъ брошенъ снизу вверхъ со скоростью 100 метровъ. Сколько времени ему потребуется, чтобъ упасть назадъ? Поняли?

— Поняла, Илья Фомичъ. Грузъ летитъ вверхъ, все летитъ, значитъ, Илья Фомичъ, вверхъ летитъ.

— А, ей Богу, Илья Хомычъ никуда не летитъ, а сидитъ на стулѣ и васъ слушаетъ. Ну, прилетѣлъ! Что же дальше?

— А дальше упадетъ! Такъ, скоро, скоро, упадетъ.

— Вотъ это-то намъ и любопытно знать, какъ скоро упадетъ?

— Упадетъ вдвое скорѣе, чѣмъ поднимался. Надо раздѣлить 100 на 3. Будетъ 33,3.

Учитель на нее пристально взглянулъ.

— Это почему? Что же дальше будетъ?

— Ускореніе тяжести 9,8 метровъ. Раздѣлю 33,3 на 9,8; будетъ 3,4. Это будетъ время подъема. Время паденія вдвое больше, значитъ 6,8. А всего грузъ пролетитъ туда и назадъ 10,2 секундъ.

— Откуда взялось это вдвое больше? спросилъ учитель, вперивъ на нее свои глазища, показавшіеся ей особенно сердитыми.

— Вы говорили! произнесла она чуть слышно.

— Конечно, я говорилъ! И бабы гошпитальныя про то знаютъ, да я то не помню. Поведенія я трезваго, а въ горячкѣ тридцать лѣтъ не лежалъ. На пятнадцатомъ году тифъ былъ, а съ тѣхъ поръ Богъ миловалъ. Не бредилъ, а такую чепуху только въ бреду и можно сморозить. Госпожа Осипенко, помогите намъ! Въ чемъ тутъ изъянъ?

Свѣтлорусая, средняго роста и средняго сложенія, съ пріятнымъ выраженіемъ свѣтлыхъ голубыхъ глазъ, Осипенко встала и объяснила:

— Грузъ будетъ летѣть, пока скорость его не сдѣлается нулемъ, т. е. пока ускореніе отъ тяжести, умноженное на время, не будетъ равно начальной скорости. По этому время равно начальной скорости, раздѣленной на ускореніе отъ тяжести. 10 : 9,8 = 10,2 секундъ.

— Это то-же что у меня! объявила Мурачева съ оттѣнкомъ радости.

— Ѳедотъ, да не тотъ, сударыня! засмѣялся учитель. Это какое время будетъ?

— Время подъема! сказала Осипенко. А время паденія будетъ то-же. Скорость 100 метровъ, ускореніе 9,8 метровъ. Время 100 : 9,8 = 10,2. Итого, для поднятія вверхъ и паденія, потребуется 20,4 секундъ.

— Вотъ оно, гдѣ вдвое, замѣтилъ Ризниченко, а не тамъ, гдѣ вы увѣряли, на меня напраслину взводя.

У Мурачевой закапали слезы изъ глазъ.

— Прикажете сѣсть Илья Фомичъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ? Я васъ еще спрошу! За что васъ губить дурнымъ балломъ? Вотъ разскажите що-то за махына? ткнулъ онъ пальцемъ въ машину Аттвуда.

Мурачева съ грѣхомъ пополамъ разсказала и была отпущена съ балломъ „душевнаго спокойствія".

Къ доскѣ вызывались многія, каждая рѣшала задачу и отвѣчала на вопросъ изъ теоріи. Заданія въ задачахъ были подобраны такъ, что все касающееся законовъ паденія тѣлъ было въ нихъ примѣнено на всѣ разнообразнѣйшіе лады.

Живая какъ ртуть, и вѣчно разсѣянная, Софья Рыбарская, была захвачена въ расплохъ вопросомъ:

— Какое движеніе падающаго тѣла и какой знакъ его ускоренія?

Она быстро отвѣчала:

— Знакъ минусъ.

— А такое движеніе какъ называется?

— Равноукоснительнымъ.

— Восхитительно! Это ваше мнѣніе? Его раздѣлялъ одинъ англичанинъ. Видя что, жившій надъ нимъ, бѣднякъ выбросился за окно, онъ ему крикнулъ: „Милостивый государь! Потише! Не равно, кого на улицѣ ушибете". Вы, госпожа Рыбарская, видно скучаете. Потрудитесь въ черновой тетрадкѣ подсчитать скорость при паденіи съ высоты 65 метровъ.

Переспросивъ многихъ ученицъ, Ризниченко началъ свою лекцію. Читалъ онъ ясно и понятно для всѣхъ, при выводахъ спрашивалъ то ту, то другую, изъ хорошихъ ученицъ, что по ея мнѣнію должно получиться. Во время лекціи онъ замѣтилъ, что не менѣе Рыбарской живая, хотя болѣе способная, бѣлокурая, тоненькая и вертлявая Любовь Котомкина, рисуетъ. Онъ подошелъ къ ней неожиданно и взялъ рисунокъ.

— Художественный талантъ есть; я очень похожъ, а вотъ особу, шесть лѣтъ радѣвшую о васъ, изобразить съ такими дополненіями, не похвально. Да и мнѣ на рисункѣ приписываете недостойное меня дѣйствіе.

Пожарова была изображена вѣдьмою, верхомъ на

помелѣ, а Ризниченко, часто съ нею не ладившій, запорожцемъ, погоняющимъ ее кнутомъ. Онъ бросилъ каррикатуру въ стоявшую въ углу жаровню, оставшуюся послѣ урока во II классѣ. Потомъ сказалъ:

-- Досадно видѣть, госпожа Котомкина, какъ вы тратите ваши способности на этакій вздоръ. Вы казеннокоштная, значитъ вы родителей въ изъянъ не вводите. За васъ платитъ весь русскій народъ, податная копѣйка, уплоченная мужичкомъ-пахаремъ, бандероль на коробкѣ спичекъ или на четверкѣ табаку, разныя поземельные да квартирные налоги, все это идетъ на ваше содержаніе, въ числѣ многихъ государственныхъ расходовъ. И въ будущемъ вамъ нужда не угрожаетъ. А знаете, что стоитъ ученіе многимъ? У меня товарищъ былъ въ университетѣ, Петръ Петровичъ Панасенко. Въ Кіевъ пѣшкомъ пришелъ; учиться въ университетѣ захотѣлъ. Малому лѣтъ восемьнадцать было. Отецъ дьяконъ въ селѣ, послѣ двухкласснаго училища, подъучивалъ. Конечно голубчика провалили по всѣмъ предметамъ Насъ, три товарища и сожителя, видимъ, что хлопецъ горькими слезами заливается; жить его съ собою пригласили, и давай натаскивать. Черезъ годъ, еще изъ греческаго его срѣзали. Еще годъ поучился, приняли. Мы уже на третій курсъ перешли, а онъ на первомъ. Да первый и второй въ годъ отмахалъ. Мы на четвертый, онъ на третій. А теперь онъ въ Петербургѣ въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ профессорствуетъ, докторъ математики, да членъ корреспондентъ парижской академіи наукъ. А отецъ его только недавно къ сыну переселился, а то извощикомъ въ Кременчугѣ ѣздилъ. Вотъ какъ учатся люди, когда охота есть. А вамъ много дано, съ васъ, по слову евангельскому, много и взыщется. Когда вернетесь домой, развивайте ваше дарованіе, учитесь рисовать у хорошихъ учителей; пожалуй, на досугѣ и въ каррикатуркахъ упражняйтесь, хоть на англійскую или германскую политику; за остроумныя каррикатуры изрядныя деньги платятъ, но уже воспитательницъ и учителей не троньте. Я на этотъ разъ прошу Екатерину Андреевну дѣлу хода не давать и поручусь за васъ, что болѣе не согрѣшите. Мы отвлеклись отъ предмета, да это не бѣда. Дай Богъ

чтобъ мои слова на пользу пошли. И такъ возвращаюсь къ траэкторіи тѣла, брошеннаго наклонно къ горизонту.

V.

Послѣ звонка къ завтраку, Паисіева поднялась на верхъ и въ столовой была окружена классными дамами. желавшими узнать ея впечатлѣнія. Она ихъ высказала такъ.

— Воспитанницы по большей части очень милы, отецъ Алексѣй человѣкъ замѣчательной учености и весьма доброжелательный къ дѣтямъ. Ризниченко прекрасный математикъ и славный душа-человѣкъ, а Шполяновъ шарлатанъ и притомъ вредный и не вполнѣ нормальный.

— Какъ! Шполяновъ? воскликнула воспитательница шестого класса Варвара Ѳедоровна Мирова, бѣлокурая, маленькая, тоненькая, съ острымъ носомъ. Да это свѣтило нашего института! Просвѣщеннѣйшій человѣкъ! Либералъ, конечно, но знанія у него и умѣніе ихъ передать -- одинъ восторгъ.

— Все, что онъ сегодня говорилъ, я у Писарева давно читала, сказала Екатерина Андреевна. А что онъ надъ любовью къ отечеству смѣется, отважился сказать въ классѣ, что Россія первою страною въ мірѣ сдѣлается, когда перестанетъ считать себя славянскою державою, далъ сочиненіе, гдѣ дѣтямъ придется задумываться надъ вовсе не легко разрѣшимымъ еврейскимъ вопросомъ, это совершенно возмутительно. Онъ меня приглашалъ къ себѣ въ домъ. Я у него буду и все ему выскажу.

— Вы націоналистка? спросила Екатерину Андреевну длиннѣйшая, блѣднолицая особа съ бѣлокурымъ шиньономъ, Матильда Яковлевна Курцъ, только что принявшая отдѣленіе седьмого класса, послѣ доведенія прошлогодняго выпуска до конца. Въ лицѣ ея, съ длинными зубами и выдающеюся челюстью, было нѣчто лошадиное.

— Я русская! коротко отвѣтила Екатерина Андреевна.

— Не въ томъ дѣло! воскликнула Курцъ. Русскихъ въ Россіи много. Но есть еще другія племена въ имперіи. Часть нашей литературы ихъ травитъ и возбуждаетъ противъ нихъ ненависть большинства населенія. Нѣко-

торые хотять и въ воспитаніе перенести начало народности, въ сущности антипатичное русскому народу

— Послѣднее я въ первый разъ слышу! засмѣялась Паисіева. Русское племя хочетъ жить въ мирѣ со всѣми другими племенами, но оно имѣетъ также права не менѣе другихъ.

– Вотъ ради этихъ правъ и начинается травля противъ всѣхъ иноплеменниковъ! горячо воскликнула Курцъ. Я родомъ изъ Лифляндіи, Перновскаго уѣзда. Противъ насъ возстановляютъ латышей, въ Эстляндіи натравливаютъ эстонцевъ.

— Развѣ они не люди? спросила Екатерина Андреевна. Чѣмъ ихъ права хуже нѣмецкихъ?

— Я вижу, сказала Матильда Яковлевна. Вы славянофилка и націоналистка. Вѣдь Шполяновъ сказалъ сегодня великую вещь, конечно онъ при дѣтяхъ сказалъ ее осторожно, но это сѣмя, которое должно запасть въ ихъ умы и сердца. Россія, чтобъ идти дальше, должна отречься отъ славянофильства и узкаго націонализма Русское національное племя не достаточно культурно Въ интересахъ всего міра, чтобы громадныя пространства Россіи воздѣлывались возможно лучше и приносили возможно больше на всемірный рынокъ. Обширная нѣмецкая колонизація и упраздненіе черты осѣдлости для евреевъ этого достигнутъ. Нѣмецкій языкъ распространится по всей имперіи, наравнѣ съ русскимъ Польша поддастся германизаціи легко, въ Пруссіи есть ядро, около котораго все прочее соберется; когда Австрія перестанетъ существовать, всѣ ея славянскіе подданные поглотятся германскимъ союзомъ. То же будетъ и съ Балканскимъ полуостровомъ. Германо-славянскій союзъ достигнетъ того, о чемъ не мечтали ни Македонія Александра Великаго, ни Римъ. Латинскія народности, Италія, Франція и Испанія и такъ вымираютъ. Ихъ обратить въ готескія герцогства не трудно будетъ. Во всей Европѣ и въ половинѣ Азіи будетъ первенствовать нѣмецкій языкъ Прочіе останутся въ родѣ мужицкихъ patois, культурные люди ими не будутъ пользоваться и они вымрутъ.

— А литературы всѣхъ этихъ языковъ? сердито спросила Кашина.

— Ихъ будутъ изучать филологи, а впрочемъ нѣтъ на свѣтѣ языка, могущаго сравниться съ нѣмецкимъ! рѣшила Курцъ.

— Ну, матушка Матильда Яковлевна, сказала ей Кашина. Такія фантазіи по моему и не совсѣмъ приличны въ нашемъ кругу. Все же заведеніе казенное, матушка вы моя!

— Я ничего противугосударственнаго не говорю! оправдывалась Матильда Яковлевна. Отзейское дворянство — самые испытанные вѣрноподданные русскаго Государя. Среди нихъ нѣтъ ни анархистовъ, ни нигилистовъ.

— Но тѣ для васъ каштаны изъ огня достаютъ! проворчала старуха, и гнѣвно двинувъ стулъ, вышла изъ столовой. Екатерина Андреевна пошла за нею. Старуха плевалась, приговаривая:

Дрянь нѣмчура! Пусть съ Мировой цѣлуется и продолжаетъ Европу перекраивать. Мирова подлиза! И нашимъ и вашимъ! Спорить съ Курцихой не станетъ. Я, матушка, сама квасныхъ патріотовъ не жалую, а эта говоритъ уже совершенно неподобное.

— Неизбѣжный выводъ изъ уроковъ Шполянова! замѣтила Екатерина Андреевна.

VI.

Послѣ завтрака слѣдовала прогулка. Съ 2 часовъ начинались вечерніе уроки Первый былъ нѣмецкій. Высокій, рябой, съ копною бѣлокурыхъ волосъ и бритымъ лицомъ, нѣмецъ Блаузендъ заставлялъ читать „Разбойниковъ“ Шиллера съ объясненіями историческими, этнографическими, а преимущественно грамматическими. и при грамматическихъ объясненіяхъ доходилъ до санскритскаго корнесловія Когда онъ окончилъ урокъ, Колобова, маленькая свѣтлорусая толстушка, не удержалась и громко воскликнула:

— Слава Богу! Кончилъ! Какая тоска!

На послѣдній урокъ пришелъ средняго роста учитель съ обильными черными волосами и тщательно выхоленною черною бородкою. Черные глаза его блестѣли черезъ стекла лорнетки, которую онъ то надѣвалъ, то

сбрасывалъ съ своего орлинаго носа. Весь обликъ и говоръ его обличали несомнѣнно еврейское происхожденіе. На видъ ему не было еще тридцати лѣтъ. Всѣ движенія его отличались быстротою, но и стремленіемъ къ картинности, къ рисовкѣ. - Одѣтъ онъ былъ въ изящно сшитый, и ловко на немъ сидѣвшій, вицъ-мундиръ. Онъ началъ съ чтенія лекціи.

— Милостивыя государыни Въ прошедшихъ лекціяхъ мы сдѣлали общій обзоръ событій въ Европѣ. начиная съ Вестфальскаго мира. на которомъ остановились въ прошломъ году. Мы видѣли, что этотъ великій актъ усилилъ политическую автономію германскихъ владѣльцевъ и крайне ограничилъ власть императора. То была заря новой эры возрастанія протестантскихъ государствъ и атрофированія католическихъ. которыя въ наши дни, привели къ занятію Пруссіею первенствующаго мѣста въ Германскомъ союзѣ. То было также провозглашеніе великаго принципа религіозной вѣротерпимости. Вы помните также, что возрожденіе искусствъ и наукъ сблизило Европу съ классическою древностью. Старая феодальная Европа умирала и ни король-солнце, Людовикъ XIV, ни его блестящіе, но развращенные. преемники, не могли отвлечь отъ нея удара великой французской революціи, создавшей новый строй жизни, призванный, чтобъ обновить все человѣчество. Какъ шло это развитіе народовъ, мы увидимъ въ дальнѣйшихъ лекціяхъ Теперь вернемся въ Россію, остававшуюся въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ культурныхъ движеній и продолжавшую пребывать въ своей полуазіатской дикости [1]) Мы видѣли. что Россія погибала и едва не совершилось сліяніе обѣихъ восточно славянскихъ монархій подъ властью королей польскихъ. Возстаніе, предводительствуемое Мининымъ, и помощь шведовъ спасли Московское государство, и оно, какъ мы видѣли. съ грѣхомъ пополамъ прозябало при трехъ первыхъ Романовыхъ. Новая эра настала съ воцареніемъ Петра I. Его прозвали Великимъ. Конечно. то, что онъ прорубилъ окно въ Европу и своему народу придалъ хоть внѣшность полуевропейскую, дѣло не ничтожное. Но, mesdemoiselles, не ждите отъ меня однихъ восторговъ

[1]) А. Г. Брикнеръ. Исторія Петра Великаго. Т. I, стр. 5—8.

передъ „Великимъ Преобразователемъ“, какъ принято называть Петра. Я и здѣсь, какъ всегда, съ тѣхъ поръ какъ вы меня знаете, буду вполнѣ безпристрастнымъ, хладнокровнымъ наблюдателемъ и выразителемъ истины. Добросовѣстное объективное изложеніе дѣлъ этого политическаго реформатора весьма умалитъ его въ глазахъ вашихъ. Вы увидите, что только счастливое стеченіе обстоятельствъ, благопріятствующія событія, и невѣжество иностранцевъ относительно Россіи, могли создать изъ него геройскій призракъ, о величіи котораго никто изъ современниковъ и подозрѣнія не имѣлъ. Вы не увидите всеобъемлющаго генія, а найдете человѣка съ причудами, привлекавшими болѣе всего своею новизною. На войнѣ Петръ не былъ храбрецомъ, подобнымъ Карлу XII, и всегда умѣлъ избѣжать личной опасности. Въ мирное время онъ былъ жестокъ, на войнѣ слабъ; иностранцы имъ восхищались, русскіе его ненавидѣли, самовластіе онъ довелъ до крайности. Удача ему замѣнила мудрость. Остается одно, онъ былъ хорошій механикъ, трудолюбивъ, изобрѣтателенъ и готовъ всѣмъ пожертвовать для удовлетворенія своего любопытства [1]). Польскій историкъ Мохнацкій, говоритъ: „Св. Петръ, глава апостоловъ, воздвигъ свой престолъ на скалѣ, Петръ I, папа москалей, воздвигъ свой на Невской грязи“ [2]). Это отзывъ крайній и озлобленный, но озлобленіе въ угнетенныхъ народностяхъ извинительно. Петръ I сдѣлалъ для Россіи много, хотя не достаточно, чтобъ пріобрѣсти имя Великаго. Онъ ненавидѣлъ ханжество и былъ противникомъ средневѣковыхъ византійскихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ народѣ. Монашескій аскетизмъ ему казался чудовищнымъ, болѣзненнымъ и достойнымъ порицанія явленіемъ [3]). Отъ него онъ спасъ русское общество, введя европейскую салонную утонченность, хотя и въ каррикатурномъ видѣ. Онъ хоть по внѣшности повернулъ государство свое къ

[1]). Письмо Фридриха II къ Вольтеру 10 ноября 1737 года. Врагъ Россіи, Христіанъ Островскій, французскій переводчикъ Мицкевича, нашелся сказать о такомъ приговорѣ только: „Вотъ сужденіе о дикомъ татаринѣ развратнаго нѣмца“. (Œuvres de Mickiewicz. 1859. Tome I. Notes. 187 p. 465.

[2]) Тамъ же. 17?. p. 463—464.

[3]) Брикнеръ. Исторія Петра Великаго (т. II, стр. 621 и 651).

Западу и сдѣлалъ возможнымъ хоть сколько-нибудь уйти отъ татарщины, наложившей печать на весь строй русской жизни [1]), печать еще и донынѣ не стертую, и къ несчастію, ревностно оберегаемую нѣкоторыми лжепатріотами. Онъ понялъ, что русскій народъ собственно не славянскій, а крайне смѣшанный, и перенесъ столицу на неславянскую окраину страны [2]). Національному началу, до того господствовавшему въ обществѣ, Петръ противопоставилъ принципъ космополитизма [3]), и секуляризировалъ русскую мысль пересоздавъ духовное управленіе [4]). Онъ насадилъ нѣкоторые нѣмецкіе правовые порядки, и они привились, такъ какъ и первоначальная русская культура была германская, лишь искаженная татарщиною и византизмомъ [5]). Все это Петръ I сдѣлалъ и все это теперь многіе стремятся уничтожить. Темныя стороны его характера и дѣлъ мы увидимъ изъ подробнаго изложенія фактовъ, къ которымъ я приступаю.

По окончаніи лекціи, Гавриленко подошла къ Екатеринѣ Андреевнѣ и сказала ей:

— Я слово свое сдержала. Ни слова ни сказала во все время возмутительной лекціи Мархешванецкаго. Но я записала. Прочитайте! Когда буду ему отвѣчать я съ нимъ поспорю, я ему выскажу, какой онъ нечестный.

— Этого ему не высказывайте, сказала ей Екатерина Андреевна. Отвѣчайте ему только на вопросы. Отъ васъ требуется только знаніе фактовъ и ихъ измѣнить нельзя. Если у учителя неправильный взглядъ на событія, не раздражайте его, а свято храните тѣ убѣжденія, которыя считаете вѣрными. Придетъ время, на направленіе преподаванія обратятъ вниманіе. Но не намъ съ вами его измѣнить. Потерпите, перемелется, мука будетъ.

— А теперь вмѣсто муки — мýка! засмѣялась Гавриленко.

---

[1]) Тамъ же Т. I, стр 7 и 8.

[2]) Тамъ-же т. I, стр. 5—6 Т. II, стр. 393 и 553. Ложь здѣсь явная. Петербургъ стоитъ на древне Новгородской землѣ, лишь по Столбовскому миру 1617 г. отторгнутой отъ Россіи.

[3]) Тамъ-же. Т II, стр. 650 Также стр. 644—646 и 554.

[4]) П. О. Морозовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. СПБ. 1880 г, стр. 7—11, 19—20, 420.

[5]) Эверсъ. „Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи“. М. 1826 и „Древнѣйшее русское право“. М. 1835.

Запись самыхъ нелѣпыхъ положеній Мархешванецкаго была сдѣлана очень дѣльно, ничто не было упущено безъ вниманія. На многое были приписаны и возраженія, нѣкоторыя весьма рѣзкія, иногда заканчивающіяся ругательными выраженіями по адресу учителя. Екатерину Андреевну заинтересовала личность этой несомнѣнно даровитой, но весьма горячей воспитанницы и она обратилась къ книжкѣ Пожаровой. Она прочла въ ней:

Гавриленко Ольга Гавриловна. Родилась въ 1885 г. Пятая изъ восьми дѣтей у родителей. Отецъ войсковой старшина Гавріилъ Гавріиловичъ, мать Марія Павловна. Оба въ живыхъ. Поступила въ VII классъ въ 1896 г. Порывиста, необузданна, къ порядкамъ заведенія относится отрицательно. Авторитетъ старшихъ не признаетъ. Самомнѣніе громадное. Читала много, но безъ разбора. Дурныя манеры уличной дѣвченки, вкусъ къ грубымъ играмъ, некультурность въ мысляхъ и поступкахъ. 11-го апрѣля 1899 года (въ V классѣ) подговорила Лапину, Котомкину и Рыбарскую вчетверомъ подняться въ верхній этажъ разрушенной башни въ саду. При обвалѣ лѣстницы получила переломъ лѣваго бедра съ вывихомъ сустава. 25 мая взята родителями домой. Переведена въ IV классъ безъ экзамена. Вернулась въ IV классъ 22 ноября.—Ортопедическое лѣченіе требуетъ помѣщенія въ лазаретѣ, изъ котораго она ходитъ въ классы, на правахъ приходящей. Въ мартѣ 1900 г. за дерзости учителю русскаго языка, представлена къ исключенію. Оставлена по распоряженію высшаго начальства изъ Петербурга. Въ январѣ 1901 г. за отказъ исполнить приказаніе своей воспитательницы представлена къ исключенію. Оставлена по распоряженію высшаго начальства изъ Петербурга. Прилежна. Успѣхи въ наукахъ очень хорошіе. Поведеніе дурное.

Эти болѣе важныя замѣтки чередовались съ множествомъ мелкихъ записей о разныхъ проступкахъ: то шалостяхъ, то дерзостяхъ учителямъ и воспитателямъ. Видно было, что это дѣвушка съ задатками самостоятельности, хотя, можетъ быть, и ложно направленными. Довѣріе, съ которымъ она отнеслась къ своей новой воспитательницѣ, подавало поводъ надѣяться, что ее можно направить къ благой цѣли.

Михаилъ Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ученый трудъ г-на профессора Грушевскаго: Очеркъ Исторіи Украинскаго Народа.

Слова „народъ" и „украйна"—будемъ-ли ихъ разумѣть въ общемъ значеніи или частномъ, наконецъ даже и услов номъ—имѣютъ во всякомъ случаѣ настолько опредѣленный смыслъ въ нашемъ языкѣ и съ ними связано столь живое представленіе въ умѣ всякаго Русскаго, что выраженіе г. профессора Грушевскаго „Украинскій Народъ" явно обличаетъ съ его стороны нѣкоторую сбивчивость понятій по этой части.

Образецъ тому находимъ на первыхъ-же страницахъ его сочиненія. „Украинская колонизація" (!?) обнимаетъ по его словамъ „750 тысячъ квадратныхъ километровъ, приблизительно между 38° и 59° восточной долготы и отъ 45° до 53° сѣверной широты", куда входятъ: „губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, значительныя части Таврической, Бессарабской, Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, Курской, Воронежской, Донской и Кубанской области"—и сверхъ того часть австрійской территоріи. „Украинское населеніе на этой территоріи нужно считать до 32 милліоновъ". (Очеркъ исторіи Украинскаго Народа, стр. 1 и 2).

Итакъ, вотъ какова *„украинская колонизація"*! Оказывается, что числится свыше 32 милліоновъ украинскаго народа. Такъ какъ, однако-жъ, оба эти слова, „колонизація" и „населеніе", вовсе не синонимы, а здѣсь они какъ бы отождествлены въ понятіяхъ автора, то и нѣкоторая ихъ „сбивчивость" сама собой выступаетъ наружу.

Далѣе читаемъ, что эта территорія въ 750 тысячъ километровъ, „еще со временъ славянскаго разселенія" уже была заселена „украинскимъ племенемъ" (!?). Какъ-бы испугавшись, однако, сорвавшагося съ языка опрометчиваго выраженія, самъ авторъ спѣшитъ оговориться, что разумѣетъ тутъ цѣлую группу: „южную группу восточно-славянскихъ племенъ". Вотъ его подлинныя слова: „На этой территоріи украинское племя—или,

лучше сказать, южная група восточно-славянскихъ племенъ, составившая нынѣшнее украинское населеніе—жило со временъ славянскаго разселенія". (Очеркъ, стр. 2). Такъ какъ за эпоху славянскаго разселенія авторъ принимаетъ, въ одномъ случаѣ, „древнѣйшее время 8-го и 7-го столѣтія", считая „южно-украинской колонизаціей" племена Антовъ, о которыхъ упоминаютъ византійскіе источники, а въ другомъ случаѣ, эпоху, упоминаемую Несторомъ при исчисленіи племенъ славянскихъ—то ясное дѣло, что ни въ какомъ случаѣ, ни въ первомъ ни во второмъ, не можетъ быть и рѣчи объ „украинскомъ народѣ" или объ „украинскомъ племени". Объ Антахъ, впрочемъ, самъ авторъ подтверждаетъ, что относитъ ихъ къ „южной украинской колонизаціи" лишь гадательно; по его выраженію: „*судя по всему*", а не по какимъ-либо точнымъ и обстоятельнымъ даннымъ. Что же касается до славянскихъ племенъ, перечисляемыхъ Несторомъ—ихъ знаетъ наизусть всякій знакомый съ его лѣтописью.—и самъ авторъ весьма точно повторяетъ имена: Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Уличей, Тиверцевъ и Дулѣбовъ. Все это въ собственномъ смыслѣ слова: *племена* и только,—даже *роды-племена*, распадающіеся на поменьшіе міры до крайности—и ничего больше. Совокупность ихъ невозможно назвать ни „украинскимъ племенемъ", ни украинскимъ народомъ": въ обоихъ случаяхъ получился бы абсурдъ. Зачѣмъ-же, вопреки ясному свидѣтельству лѣтописца, что всякое изъ подобныхъ родовъ-племенъ сидѣло само о себѣ, отъ другихъ особо—„имяху обычаи свои"... „Поляномъ живущимъ особо"... „въ Деревѣхъ свое, а Дрегвичи свое"... „кождо свой правъ имѣяху".—зачѣмъ все это разнообразіе, о которомъ не мимо слово: „что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай",—для чего нужно и можно-ли принимать за „*однородный составъ*", которому авторъ и даетъ имя: то „украинское племя", а то „украинскій народъ", въ крайнемъ-же случаѣ „украинская колонизація".

Невольно рождается вопросъ: если вѣкъ за вѣкомъ послѣ того, какъ *Русская Земля стала есть*, перечисленныя племена составили изъ себя не Русскій народъ, а этнографическій спецификъ, зовомый „Украинскимъ Народомъ"—тогда что-жъ такое собственно Русскій-то народъ? былъ ли онъ или не было его—во времена Владиміра святаго, сына его Ярослава, внука Всеволода, при Владимірѣ Мономахѣ и такъ далѣе? Это одинъ вопросъ, а другой—подобный-же. Понимаемому по-своему „украинскому народу", что-же противупоставляетъ авторъ, какъ обратную разновидность?

Вотъ его отвѣтъ: „Кривичи, Дряговичи, Родимичи, Вятичи—предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и Великороссовъ. Они распространяются неустанно на востокъ, колонизуя финскія земли, гдѣ выростаютъ затѣмъ настоящіе центры великорусскаго племени“ (стр. 14). Охотно соглашаемся съ авторомъ, что если-бы обнаружилась въ русской исторіи та или другая этнографическая разновидность подъ специфическимъ терминомъ „великорусской“—ее никакъ бы нельзя было назвать „Русскимъ Народомъ“, а по необходимости слѣдовало бы именовать „великорусскимъ племенемъ“. Но опять спрашиваемъ: гдѣ-жъ самъ-то русскій народъ втеченіи его исторіи отъ Владиміра святаго до татарскаго погрома? Если за все это время былъ на югѣ „Украинскій Народъ“, а сѣвернѣе велись лишь племена: Бѣлорусское и Великорусское, значитъ, тогда не было да и нѣтъ Русскаго народа: онъ—миѳъ. Такъ не вѣрнѣе-ли предположить, что собранный подъ Рюрикову державу Русскій народъ, втеченіи четырехъ вѣковъ, своею исторіей весьма доказалъ свою реальность; а вотъ научная теорія объ „Украинскомъ Народѣ“ и въ соотвѣтствіе тому о „великорусскомъ языкѣ“ и „великорусскомъ племени“—дѣйствительно миѳъ, при томъ ни съ чѣмъ не сообразный.

Такія историческія дѣянія, какъ распространеніе державства князей Дома святаго Владиміра на *всю Русь* и самое крещеніе *всей Руси* ея Равноапостольнымъ княземъ—на ряду съ тѣмъ и такіе памятники словесности, какъ Несторова лѣтопись или Поученіе Владиміра Мономаха со многими другими—доказываютъ, надо полагать, образованіе Русскаго языка и сложеніе Русскаго народа, а никакъ не чего-то другого. Вѣдь, Русскій народъ—не та или другая изъ частей населенія, у коихъ отъ льдинъ Сѣвера до горъ Кавказа, отъ придунавья до предѣловъ Біарміи, княжили потомки святаго Владиміра, водворившіеся—какъ свои у своихъ у родныхъ населеній,—а всеобщее ихъ живое единство. Также точно и русскій языкъ—не то или другое изъ его множайшихъ нарѣчій и поднарѣчій, неисчислимыхъ на широкомъ раздольѣ своенравныхъ говоровъ,—а при всемъ ихъ живомъ разнообразіи въ безчисленности поменьшихъ и самомалѣйшихъ міровъ—ихъ общее замиренье, всеобщее закономѣрное соединенье.

Если Русскій народъ, составившійся изъ племенныхъ разновидностей славянскихъ, неисчислимыхъ въ древности и собравшійся воедино, былъ потомъ постигнутъ страшнымъ погромомъ, весь былъ растерзанъ на части такъ называемыми „Ливонцами“ и зовомою „Литвой“, да еще Татарами, Поляками

и Шведами—тѣмъ удивительнѣе его живучесть! Тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ немъ даже и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при постигшей разрозненности въ государственномъ отношеніи, не искоренилось, а уцѣлѣло образовавшееся многовѣковою родною исторіей внутреннее единство. Вотъ миновала зовомая „Ливонія“ и „Литва“, вотъ разрушилась Польша, ея-же собинныя земли отошли частью къ австрійской имперіи, частью къ прусскому королевству, а похищенныя ею земли у Руси возвратились во-свояси, хотя и въ урѣзанномъ видѣ; смирилась и гордость Шведа Полтавскимъ побѣдителемъ: территорія русскаго государства, къ концу 18-го вѣка, почти уже опять вступила въ прежнія свои границы и предѣлы эпохи Владиміра святаго и сына его Ярослава. И что-же? хотя былыя невзгоды, казалось, до конца разрознили *православный народъ славяно-русскаго языка* и разбили его вдребезги—не тутъ-то было. Въ этомъ народѣ даже такой знатокъ „лингвистики“, какъ Шафарикъ, который лишь Славянскій языкъ почиталъ единственно-достойнымъ этого имени, а напримѣръ Польскій и Чешскій, и нашъ въ томъ числѣ, относилъ въ этомъ языкѣ лишь къ его „рѣчамъ“ съ ихъ нарѣчіями и поднарѣчіями,—незабвенный славянинъ Шафарикъ отличалъ въ *рѣчи* Русскаго народа, лишь три вѣтви, только три стихіи въ качествѣ разновидностей Руси. Великая, Малая и Бѣлая Русь—вотъ эти три стихіи. Пускай объ нихъ еще судятъ и рядятъ всевозможные ученые—всякій по своему, какъ кому любо. Но абсолютно-ли признаются или, напротивъ, лишь условно три типа въ общемъ составѣ русскаго народа—зовомые великоруссы, малороссы и бѣлоруссы—не должно однако ни въ какомъ случаѣ злоупотреблять этими терминами вопреки ихъ историческому смыслу и въ противность дѣйствительному ихъ значенію. Если въ образованіи Русскаго языка примѣчаются слившіеся въ немъ стихіи нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, свойственныхъ зовомому великороссу, и малороссу, и бѣлоруссу—сами по себѣ это будутъ лишь элементы и идіомы Русскаго языка, а не онъ самый.

Иначе о томъ судитъ авторъ „Очерка“, возсоздающій „центральный типъ украинскаго населенія“ и „центральную группу украинскихъ діалектовъ“ согласно собственной научной теоріи. Вотъ его слова: „Этнографическій типъ украинскаго населенія представляетъ на всемъ пространствѣ отъ Львова до Кубани только сравнительно слабыя различія и варіаціи. Этотъ смѣшанный центральный типъ и служитъ представителемъ украинской народности“ (Очеркъ, стр. 8). Странно! типъ, ко-

торый въ одно и то-же время и смѣшанъ и централенъ, признаемся, загадоченъ для насъ. Тѣмъ болѣе, что пространство отъ Львова до Кубани, занимаемое этимъ „этнографическимъ типомъ“, самъ же авторъ подчеркиваетъ какъ весьма протяженное: „*почти двѣ тысячи верстъ*“ замѣчаетъ онъ объ немъ въ скобкахъ. Притомъ еще, занимаемая этимъ типомъ, область смыкается—по словамъ-же автора—на западѣ со Словацкимъ пограничьемъ, а на сѣверѣ уже идетъ рубежъ „украинской и бѣлорусской колонизаціи“. Итакъ, гдѣ-же *центръ* и что принимать въ данномъ случаѣ за *центральность*? Авторъ, повидимому, затрудняется объяснить это сразу и обозначить прямо: не безъ околичностей и не вдругъ онъ подводитъ читателя къ разрѣшенію такой загадки. „Если на нѣкоторыхъ этнографическихъ границахъ“—говоритъ онъ—„украинскіе говоры соединены малозамѣтными переходами съ говорами сосѣдей, и самый этническій типъ не выдѣляется рѣзко, то центральный типъ, представляющій собою преобладающее большинство, отмѣченъ цѣлымъ рядомъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ его отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ: Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Словаковъ“ (Очеркъ, стр. 9).

Новая странность! если Поляки составляютъ лишь „*племя*“ по мнѣнію г. Грушевскаго, то какую однако-жъ безмѣрную экстенсивность и интенсивность приписываетъ онъ великорусскому племени, ровняя его съ цѣлою польскою націей. Мы лучшаго мнѣнія о Полякахъ: признавая Мицкевича ихъ національною, а не племенною славой, мы полагаемъ въ то-же время, что и у насъ Пушкинъ русскій, а не великорусскій поэтъ.

„Группа украинскихъ говоровъ“—продолжаетъ авторъ Очерка—„представляетъ отдѣльный, болѣе или менѣе самостоятельный лингвистическій типъ, связанный извѣстными чертами, объединяющими разнообразіе украинскихъ говоровъ въ одно цѣлое—все равно, назовемъ мы его языкомъ или нарѣчіемъ. Эти черты особенно замѣтны въ вокализмѣ и рѣзко отличаютъ украинскіе діалекты, прежде всего ихъ центральную группу“ (Очеркъ, стр. 9). И по истощеніи уже всѣхъ этихъ оговорокъ по поводу „центральнаго типа“ и „центральной группы“, объявляется наконецъ открыто, что „въ центрѣ украинской колонизаціи въ окрестностяхъ Кіева сидитъ племя *Полянъ*“ (Очеркъ, стр. 14). А далѣе къ этому еще прибавлено, что „Кіевъ лежитъ уже въ районѣ славянской и даже весьма возможно, украинской прародины“ (стр. 40). Вотъ это внезапное открытіе, вдругъ переносящее родину самихъ Дулѣбовъ, Уличей и Тиверцевъ, сказать-бы даже всѣхъ при-Карпатскихъ

славянъ „въ окрестности Кіева“, окончательно обнажаетъ главную мысль автора отъ застѣнчиваго покрывала. Разъ общею колыбелью „украинскихъ племенъ“ полагается при-Днѣпровье и указывается ихъ „*весьма возможная прародина*“ среди Полянъ—о чемъ-же и толковать болѣе! Не остается и сомнѣній, становится какъ день ясно, что новооткрытый авторомъ народъ и языкъ „Украинскій“—старые наши знакомые: тѣ щирые украинцы, которые замѣнили послѣ захуданія Кіева, земляковъ Нестора и то „хохлацкое нарѣчіе“, которое дѣйствительно отличается своеобразнымъ „вокализмомъ“, требующимъ произносить *вусы* вмѣсто усы и *ѳостъ* вмѣсто хвостъ.

О сходствѣ или несходствѣ рѣчи при-Карпатскихъ славянъ съ „хохлацкимъ нарѣчіемъ“ совѣтуемъ г-ну профессору справиться у тѣхъ, не менѣе его во всякомъ случаѣ извѣстныхъ славистовъ, которые не безъ основанія утверждаютъ, что рѣчь поселянъ, распѣвающихъ въ при-Карпатьѣ „*ой, мы просо сѣяли! ой, мы просо вытопчимъ!*“ наиболѣе сходится съ общею Русской рѣчью и сохранилась у нихъ гораздо чище, чѣмъ у такъ называемыхъ малороссіянъ. Кому-же неизвѣстенъ и другой фактъ, что чѣмъ глубже отходить въ старину—тѣмъ болѣе и разнообразныя рѣчи множайшихъ племенъ славянскихъ кажутся приближающимися именно къ Русскому языку. Объ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ позволимъ себѣ обратиться къ автору Очерка со словами Ив. Сергѣевича Аксакова, заимствованными изъ одного его письма, напечатаннаго въ *Русскомъ Архивѣ*: „Прочтите рефератъ по поводу древнихъ Хорватскихъ хроникъ и законниковъ, на вѣчахъ составленныхъ—и вѣетъ родною стариной. Хроника—точно Несторъ! и языкъ, тотъ-же почти, понятнѣе намъ Русскимъ, чѣмъ современнымъ хорватамъ“.

Если-же г. Грушевскій склоненъ предпочитать Польскіе источники и болѣе довѣряетъ свидѣтельству тѣхъ филологовъ, которые готовы до такой степени признавать самобытность и самостоятельность „рутеновъ“ и „русиновъ“, что eo ipso вовсе не признаютъ существованія Русскихъ на свѣтѣ, разумѣется, онъ—какъ авторъ „Очерка исторіи Украинскаго Народа“—встрѣтитъ въ нихъ сочувствіе и они будутъ съ нимъ согласны на первыхъ порахъ, но, въ концѣ концовъ, не споется съ ними. Они—также какъ и онъ, на основаніи „діалектологіи и совокупности соціальныхъ данныхъ“—противупоставятъ его теоріямъ о „центральной группѣ украинскихъ діалектовъ“ и съ своей стороны весьма научную теорію о Червонной Руси, объ Черной Руси, о Карпатской и Угорской и т. д.; объ „рутеніяхъ“ и о „русинахъ“ всевозможныхъ видовъ безъ конца-краю.

Вольно-жъ искать то, чего нѣтъ! Пора перестать коверкать русское имя, въ чемъ одинаково повинны какъ добивавшіеся не одно столѣтіе истребить его въ корень, такъ и тѣ, которые доискивались его корня въ небываломъ народѣ, коего вымышленное прозвище нельзя даже выговорить на нашемъ родномъ языкѣ: *Варяго-Русь*. Это вообще; а въ частности пора забыть и праздный споръ, который подняли наши филологи въ прошломъ вѣкѣ о томъ: по-каковски говорили Поляне? по-каковски объяснялись между собой земляки Нестора и современники Владиміра Святаго и Владиміра Мономаха: по великорусски или по малороссійски?

Забавный споръ! вѣдь, если *„малороссіянство“*—(допустимъ это)—исконная сущность Полянъ, тогда въ качествѣ полярной противуположности Кіеву на Днѣпрѣ, должно будетъ противопоставить Новгородъ-великій и указывать *„великороссіянство“* на берегу Волхова. А такъ какъ подъ „великороссіей“ разумѣютъ отнюдь не Новгородъ, а всю территорію бывшаго Владимірскаго княженія, обратившагося потомъ въ Московское княженіе и еще позднѣе въ Московское государство—то не ясно ли въ чемъ дѣло? Терминъ „Великая Россія“—какъ ни важенъ по своему историческому значенію съ самаго зарожденья и въ этомъ смыслѣ съ каждымъ вѣкомъ все болѣе пріобрѣталъ онъ значенія—но въ значеніи племенной разновидности отъ начала не обозначалъ ничего ровно,—и въ этомъ отношеніи не могъ-бы до поры до времени ничего и обозначать. А когда „Великая Россія“—эта историческая формація, создавшаяся вѣками, пройдя сквозь цѣлый длинный рядъ вѣковъ, обособилась въ нѣчто весьма внушительное и существенное противъ такъ называемой „Бѣлой“ и „Малой“ Россіи, которыя въ свою очередь тѣми-же вѣками терпѣли ущербъ и не къ добру видоизмѣнились противъ того, чѣмъ были встарь—(каждая по собственнымъ историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ)—такъ что казались уже разновидными племенами, само собою разумѣется, что и особливость „великороссіянина“ по сравненію съ Бѣлоруссомъ и Малороссомъ глядѣла новою-же—какъ бы *третьею разновидностью*, пріобрѣла уже нѣкій весьма выразительный общій видъ въ лицѣ всѣхъ-же безъ исключенія „великоруссовъ“: кажущійся видъ какъ-бы даже племеннаго отличія. Такъ не забавно-ли, въ самомъ дѣлѣ, было со стороны филологовъ XIX-го вѣка, судившихъ и рядившихъ съ ученой важностью объ историческомъ явленіи, образовавшемся въ окончательной формѣ почти около ихъ времени, спорить

между собой именно о томъ: существовало-ли оно за тысячу лѣтъ прежде?

Вѣдь, одно изъ двухъ. *Или* въ самомъ дѣлѣ „малороссіянству“ Полянъ на Днѣпрѣ должно будетъ противупоставить „великороссіянство“ Новгородцевъ на берегу Волхова, и тогда подобнаго рода „великоруссы“ будутъ лишь исключительнымъ племенемъ, запечатлѣннымъ всею рѣзкостью клейма этой исключительной племенной особливости. *Или* титулъ „Великая Россія“, образовавшійся въ исторіи Русскаго народа втеченіи Владиміро-Московскаго періода, напротивъ того, ничего подобнаго въ себѣ не заключаетъ и никакой племенной исключительности собой не обозначаетъ. И тогда изъ вѣка въ вѣкъ—чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе—самый терминъ „великоруссъ и великорусскій“ естественно получаетъ и упрочиваетъ за собой значеніе всего, что только есть наиболѣе русскаго на Руси, прямо сказать: становится синонимомъ Русскаго языка и народа.

Одно изъ двухъ, повторяемъ, третьяго тутъ быть не можетъ по самой простой причинѣ. Ибо терминъ „Великая Русь“ образовался не ранѣе Всеволода (Большое Гнѣздо) по возвеличеніи Владимірскаго княженія Андрѣемъ Боголюбскимъ; утвердился же впрокъ много позднѣе, уже послѣ зачатія Московскаго княженья. Это было, какъ разъ, то самое время, когда потомки захудалаго Романа Галицкаго стали себя именовать королями и герцогами „Russiae Minoris“, Малой Россіи или собственно *Меньшой* Россіи, какъ тотъ край именовался первоначально. А кому-же неизвѣстно, что во 1-хъ) Новгородцы древнихъ временъ и Кіевляне древней-же эпохи вовсе не рознились нарѣчіями своими,—если даже и рознились, допустимъ, то никакъ не въ такой мѣрѣ, чтобы *„украинскій діалектъ“* противупоставлять, какъ полярность, новгородскому. На этомъ сходствѣ и даже полномъ тождествѣ съ особенною горячностью настаивалъ Н. И. Костомаровъ, мало компетентный изрекать судъ по существеннымъ вопросамъ Русской исторіи, но ad hoc судья для насъ наиболѣе желанный и самый авторитетный, такъ какъ былъ сильно пристрастенъ къ автономности малороссійскаго нарѣчія. А во 2-хъ) не менѣе извѣстно и то, что Владимірское княженіе отъ начала не было заселено какимъ-либо отдѣльнымъ славянскимъ племенемъ, а наполнилось сходцами со всѣхъ концовъ Руси, спустя много времени послѣ того, какъ „Русская Земля стала есть“. Отличіе новаго княженія отъ прочихъ, сложившихся издревле, и заключалось въ томъ, что тутъ не было изначала

отдѣльнаго рода-племени славянскаго, которое бы сидѣло само о себѣ, отъ другихъ особо. Не было и живыхъ рубежей по сосѣдству: т. е. не находилось сосѣднихъ племенъ-родовъ, которые бы замыкали здѣшнія границы. Здѣшней Землѣ не было и названія по роду-племени: она заселилась пришлымъ со всѣхъ сторонъ людомъ и обстроилась городами уже послѣ того, какъ перевелись названія старинныхъ родовъ-племенъ, когда всюду были заведены княженія и пошелъ одинъ народъ Русскій. Выглянувъ на свѣтъ лишь съ теченіемъ времени, именно какъ серединная страна—вдоль между Новгородомъ и Кіевомъ, а поперекъ—между незанятыми мѣстами, подходившими къ Волжанамъ-Болгарамъ, и самими Кривичами—сердце Русской Земли, прямо сказать, и заселилось *всею Русью*. Сюда были перекинуты выселенники даже съ Серета и Дуная, отъ Карпатскихъ горъ; даже исключительную разновидность южнорусскаго племени (ядро населенія послѣдующей Малороссіи) Черкасовъ перекинулъ сюда заботливый Князь, основатель Владимірскаго княженія. А добровольный наплывъ переселенцевъ былъ безпрерывный и не прекращался уже изъ вѣка въ вѣкъ. Сюда валилъ народъ изъ-за Волги, изъ-за Днѣпра, и отъ Черниговскихъ мѣстъ, и отъ Кривичей: здѣсь сошлись сходцы со всѣхъ сторонъ и концовъ, ото всѣхъ племенъ: *вся Русь*. Какъ только сложилось Владимірское княженіе—ужъ оно и было мѣстомъ *всея Руси*. Съ того и началась его слава.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ дальнѣйшія подробности, однако-жъ для окончательнаго разъясненія всей ошибочности ученаго взгляда г. Грушевскаго на „Украинскій народъ", необходимо о зовомыхъ „малороссахъ" и объ „Малороссіи" прибавить еще нѣсколько словъ.

Кіевляне могли имѣть, и дѣйствительно имѣли, собственныя отличія противъ Новгородцевъ, еще во времена Полянъ: это безспорно. Но Поляне, имѣвшіе свой собственный мѣстный отпечатокъ, встарь не имѣли нынѣшняго малороссійскаго оттѣнка: они не хохлы. Полярная противуположность между Новгородомъ на берегу Волхова и Кіевомъ на Днѣпрѣ,—т. е. между Новгородцами и Полянами,—обусловливалась искони уже и тѣмъ, напримѣръ, что первые сосѣдили съ Варяжскимъ взморьемъ, а вторые съ дикимъ Полемъ. Изъ Новгорода былъ вольный выходъ въ море, къ варягамъ; а Кіевъ стоялъ на рубежѣ Поля: за нимъ открывалась ширь и даль Черноморскихъ степей. Одно это ужъ должно было наложить совершенно особенный отпечатокъ на тѣхъ и другихъ,—оно-же даетъ угадывать разницу ихъ нравовъ отначала, въ силу чего одни

сѣли тамъ, другіе здѣсь. Но если какой-либо исключительный мѣстный отпечатокъ и выпалъ на долю Новгородцевъ, а другой на долю Полянъ—правильно будетъ допустить въ такомъ случаѣ еще и то, что тотъ и другой нашли себѣ наконецъ гармоническое замиреніе—при полюбовной встрѣчѣ и Кіевлянина и Новгородца—въ томъ во всѣхъ отношеніяхъ серединномъ мѣстѣ, въ средней полосѣ Россіи. гдѣ зародилось Владимірское княженіе и образовалось Московское. Здѣсь, въ Москвѣ, уже не *„великороссіянство"* или *„малороссіянство"*, а точка безразличія этой полярности или примиреніе двухъ крайнихъ полюсовъ. Дѣйствительно, во Владиміро-Московскомъ княженіи происходило органическое замиреніе не только двухъ этихъ разновидностей съ обоихъ концовъ Русской Земли, но и прочихъ: отъ Кривичей, и отъ Сѣверянъ—какъ въ лицѣ Черниговцевъ, такъ и старинныхъ ихъ выселыиковъ Рязанцевъ; сюда же заглядывали и Вятичи и Родимичи и т. д.

Языкъ Русскій или, что то-же самое, Русскій народъ—историческіе языкъ и народъ. Первоначально Кіевъ дѣлалъ Русскую исторію: ту эпоху и зовутъ Кіевскою. Потомъ стремя Русской исторіи обратилось на сѣверъ: это ужъ Владимірскій или, прямо сказать, Московскій періодъ. А хохлы никогда не дѣлали Русской исторіи: они входили въ нее, при своемъ зарожденіи, едва замѣтною струею во время Кіевскаго періода, и тогда сливались въ общемъ потокѣ Русской исторіи. Особливость собственно хохлацкая и усиленіе хохлацкой стихіи—позднѣйшее явленіе кіевскихъ мѣстъ; очень не вдругъ, а мало по малу и, собственно говоря, лишь по мѣрѣ упадка и захуданія Кіева сообщала она ему, и всей кіевской области, все болѣе и все гуще свою окраску: напослѣдокъ. когда Кіевъ утратилъ свое прежнее, на всю Русь простиравшееся значеніе,—именно въ пору полнаго своего захуданія наканунѣ Татаръ,—вся кіевская область уже весьма ярко обличала такую исключительно-мѣстную особливость. Слабые начатки этого—„хохлачины", если можно такъ выразиться—уже предвозвѣщались еще и во времена Кіевскаго главенства—отъ Поросьскаго населенія, отъ Поршанъ. Торки и остатки разныхъ черноморскихъ кочевыхъ скопищъ, поселенные подъ Переяславлемъ на Альтѣ,—Ревуги и Шельбиры, Могутные и Татраны, поселенные въ Черниговскихъ мѣстахъ; наконецъ Ковуи, Берендеи и весь Черный Клобукъ, зовомые Черкасы—вотъ издревле зарождающееся населеніе будущей „Малороссіи": то есть будущіе Хохлы. Въ XI и XII-мъ вѣкѣ они потому и входили едва замѣтною струей въ общее теченіе жизни Русскаго народа, что—едва зародившись и только

басни,—точь-въ-точь какъ ранѣе того сочиняли цѣлыя же басни объ имени Славянъ, производя его отъ sclavi: рабы-невольники. Сами Заморяне, приглашенные въ Новгородъ—когда потомъ чужестранцы ихъ спрашивали: какого они рода? какъ зовется тотъ народъ, къ которому они принадлежатъ? русскіе варяги недоумѣвали: о чемъ собственно ихъ спрашиваютъ? и отвѣчали обыкновенно: „мы отъ рода Руськаго". Иначе нельзя было и отвѣтить. Вѣдь, тогда на *„750 тысячахъ километровъ"*, занятыхъ, по мнѣнію г. Грушевскаго, *„украинскою колонизаціей"* и на прочихъ километрахъ, выпавшихъ на долю *„бѣлорусской и великорусской колонизаціи"*, не было еще одного народа, который бы подъ одною державой носилъ и одно громкое имя. Самъ Рюрикъ, и Олегъ съ Игоремъ, и Святославъ Игоревичъ,—однимъ словомъ всѣ пришлые князья, ранѣе Святаго Владиміра,—нашли на руси племена, сидѣвшія розно, каждое само о себѣ, отъ другихъ особо и „кождо свой правъ имѣяху", хотя въ то же время все это былъ одинъ родъ и одинъ языкъ славянскій. Это была сплошь сельщина-деревеньщина, распадавшаяся на безчисленные роды-племена, помнившіе большею частью еще стариковъ, своихъ родоначальниковъ, которые подняли ихъ со стараго коренища и перевели на новоселье, чтобъ жить по старинѣ. Одни только новгородцы, распространяясь выселками своими по рѣкамъ да по озерамъ, производили захваты во всѣ стороны и удерживали ихъ за собою сборными дружинами и ватагами удалой вольницы; одни они, собственно, и не имѣли родоваго имени: потому на вопросъ о родѣ и звали себя просто Славянами. Славянами же, разумѣется, были и русскіе варяги, пришедшіе по ихъ зову: *„славянскій языкъ и русскій—одно есть"*. Такимъ образомъ, имя „русь"—изъ грубаго обратившееся въ громкое имя, которое на первыхъ-же порахъ своего пришествія русскіе князья заставили повсюду честно и грозно соблюдать всѣми, возведенное въ титулъ державной страны Рюриковичей—даже по обращеніи изъ такъ называемаго въ грамматикахъ „нарицательнаго" въ такъ называемое „собственное" имя—не подавало повода къ кривотолкамъ между грамотными людьми временъ Нестора. Уже гораздо позднѣе—послѣ страшнаго татарскаго погрома, по утвержденіи такъ называемой „Ливоніи" и зовомой „Литвы", съ тѣмъ вмѣстѣ и по окончательномъ завладѣніи Балтійскаго поморья нѣмцами—вотъ когда вконецъ заглохла память на Руси о варяжскомъ морѣ. Византійцы того времени—около того, какъ сама ихъ память погибла въ мірѣ и Царьградъ замѣнился Стамбуломъ—успѣли собственную привычку

еще складываясь—сливались тогда въ общемъ потокѣ его Исторіи. Потомъ, оторвавшись отъ нея, замерли въ Запорожцевъ и окончательно кристализовались въ мѣстный провинціализмъ того заглохшаго края—уже подъ вліяніемъ Польщизны. Если на сѣверѣ, даже на далекомъ сѣверѣ, въ Олонецкихъ мѣстахъ, народъ вѣчно поминалъ въ своихъ пѣсняхъ „Красное Солнышко князя Владиміра съ его могучими богатырями"—уже не то было на берегахъ Днѣпра. Пѣсенная память „малороссовъ" не простиралась далѣе Запорожской старины. Въ „Малороссіи" преданіе собственно о Кіевской старинѣ—далѣе временъ Богдана Хмѣльницкаго не досягало.

Термины „Малороссія и малороссы", такимъ образомъ, ровно ничего не значутъ, когда говорятъ о Полянахъ: до нихъ не относятся ни мало. Поляне Кіевскихъ мѣстъ и позднѣйшіе Хохлы—не одно и то-же. Существенное отличіе „великорусскаго" типа отъ „малороссійскаго" заключается въ томъ, напримѣръ, что первый далъ Уральскаго казака, Волжинскаго и Донского, а второй—Запорожца: ихъ не смѣшаешь одного съ другимъ. Но Донскіе казаки и Волжинскіе прямо-таки сродни Новгородцамъ, а Запорожцы—не отъ Полянъ. Кто употребляетъ термины „великороссъ, малороссъ, бѣлоруссъ"—повторимъ въ заключеніе—тотъ не долженъ злоупотреблять ими вопреки ихъ историческому смыслу и въ противность ихъ дѣйствительному значенію. Безъ того, путаница тутъ неизбѣжна. Но кто не далъ себѣ труда вдуматься въ смыслъ и значеніе трехъ титловъ—„Великая, Малая и Бѣлая Русь",—кто не имѣетъ о томъ яснаго понятія, разумѣется, вовсе собьется съ толку по главному и коренному вопросу о самой Руси: она-то что-жъ такое? Что такое языкъ Русскій и самъ русскій народъ?

Въ отдаленную старину временъ лѣтописца Нестора это не составляло даже и вопроса. Онъ сказалъ коротко и ясно: *„Славянскій языкъ и Русскій—одно есть"*... Такъ какъ на Варяжскомъ вѣзморьѣ ватаги и дружины, занимавшіеся варяжскимъ промысломъ, состояли изъ многообразныхъ разноплеменниковъ, то Несторъ въ точности и обозначилъ еще, что Рюрикъ съ братіей, князья призванные новгородцами изъ-за моря—были имъ свои. Это были—не Готы, не Дане, не Англяне, не Свеи и не Мурманы—пишетъ онъ—а русскіе варяги. Чего-жъ яснѣе?

Но такъ какъ слово *„русь"*, живое и сейчасъ въ народной рѣчи нашего крестьянства, не было понятно Византійцамъ, чуждо и нѣмцамъ, то ихъ писатели—древнѣе у византійцевъ, позднѣе у нѣмцевъ—по поводу этого имени и путали

писать и произносить *„Россъ, Россія“* сообщить нашимъ грамотѣямъ,—внушили и самимъ державцамъ, *„ихъ-же рогъ царствія возвышашеся“*, что такъ будетъ лучше. Въ концѣ концовъ и пришло къ тому, что московскіе грамотѣи, именно временъ Василія Іоанновича, уже производили собственное имя „Россія“ и „Россіяне“ отъ слова *„разсѣяніе“*; тогда-же и русскихъ варяговъ уже почитали: *отъ нѣмецъ*.

Было бы не странно и даже весьма простительно, еслибъ г. профессоръ Грушевскій повторялъ о русскомъ имени и объ варягахъ тѣ обычныя ошибки своей ученой собратіи, которыя еще со временъ Шлецера, Миллера, Эверса, Стриттера и т. п. переходятъ, какъ бы по наслѣдству, къ послѣдователямъ ихъ. Но онъ примыкаетъ къ нимъ лишь отчасти: сходится съ ними только въ мелочныхъ подробностяхъ, а въ общемъ остается совершенно оригиналенъ. Такъ, напримѣръ, заодно съ ними и онъ возводитъ на Нестора обычную небылицу, будто лѣтописецъ производитъ Рюрика съ братіей *отъ нѣмцевъ* и считаетъ конунгами Скандинавіи, тогда какъ въ лѣтописи говорится прямо противуположное. Также точно повторяетъ онъ и другую вѣчную ошибку, а именно выдаетъ за строго-научную истину, будто въ старину одно только Кіевское княженіе называлось Русью, а вся земля русская не звалась Русью. Въ этомъ отношеніи онъ даже шагнулъ впередъ и оставилъ своихъ собратій по наукѣ далеко за собою. По его мнѣнію „Кіевщина“ и „Русь“ чуть не синонимы. По крайней мѣрѣ онъ прямо утверждаетъ, что „кіевщина“ сообщила Русской Землѣ и Русскому народу ихъ общепринятое имя. Но имя Русь—если и синонимъ, то никакъ не „кіевщины“, а именно всей *„восточно-европейской равнины“*, гдѣ земля еще лежала большею частью совсѣмъ впустѣ, никѣмъ не занятая и вся страна издревле почиталась невѣдомымъ непочатымъ краемъ,—куда и удалились отъ старой жилой Европы мизинныя славянскія племена: тутъ и сѣли на руси. Съ самаго-же крещенія при святомъ Владимірѣ, когда народъ славилъ и пѣлъ: „Высоко на небѣ солнце красное! широко раздолье по всей русской землѣ!“ ей ужъ не было и другого имени въ народѣ, какъ „святая Русь, земля святорусская“.

Впослѣдствіи, когда размножившіеся потомки св. Владиміра требовали себѣ удѣловъ, естественно, всякій обездоленный князь *„иде въ Русь“*: обращался въ Кіевъ, шелъ къ Кіевскому Князю за надѣломъ. Вотъ именно для такихъ-то князей *идти въ Русскую землю* и просить себѣ волости на *Руси* значило именно идти въ Кіевъ, просить именно у Кіевскаго Князя

наслѣдка на свою долю—именно изъ „Кіевщины“. А удѣлы, разобранные по рукамъ, ужъ звались по своимъ удѣльнымъ названіямъ,—также и цѣлыя обширныя земли: Черниговская, Суздале-Ростовская, Смоленская и проч. Въ противуположность владѣніямъ самого Новгорода приходилось, при разныхъ случаяхъ, Кіевскія владѣнія особо именовать Русью. Такія-то чисто-случайныя, такъ сказать при той или другой оказіи неизбѣжныя пріурочснія имени Русь къ „кіевщинѣ“ и послужили поводомъ для нѣкоторыхъ ученыхъ выдавать за аксіому, будто святорусская земля не именовалась своимъ именемъ, а оно было исключительною принадлежностью только одного Кіева. Повтореніемъ этой обычной ошибки г. Грушевскій не только сходится съ послѣдователями Шлецера, Миллера, Эверса, Стриттера и проч., а еще—какъ уже было сказано—и далеко превосходитъ ихъ. Но, за исключеніемъ одного этого, между нимъ и ими общаго ничего нѣтъ. Напротивъ, его собственная „*теорія возникновенія кіевскаго государства*“ по своей наукообразности единственная въ своемъ родѣ и—по несообразности, какъ съ Несторовой лѣтописью, такъ и вообще съ „курсами русской исторіи“—всецѣло принадлежитъ одному ему.

По необходимости должны будемъ изложить ее подлинными словами автора; но самъ онъ предварительно счелъ долгомъ заподозрить правдивость Несторовой лѣтописи. *Повѣсть временныхъ лѣтъ*—по его словамъ—„не выдерживаетъ критики, невозможнымъ стало принимать на вѣру ея сообщеніе“ (стр. 44). Вся она имѣетъ легендарный характеръ. Существенная невѣрность—видите-ли—заключается уже въ разсказѣ о томъ, какъ прежде у Полянъ княжили въ родѣ своемъ потомки Кія, и въ разсказѣ о приходѣ на берега Днѣпра Олега съ Игоремъ. „Когда кіевскій книжникъ въ половинѣ XI вѣка взялся за перо, чтобъ выяснить себѣ происхожденіе и первые моменты развитія кіевскаго государства (?!) процессъ его сформированія былъ стариною достаточно давнею“ (Очеркъ, стр. 41) говоритъ авторъ. Вотъ этою давностью онъ и объясняетъ сбивчивость и запутанность Несторова изложенія. Упоминаніе лѣтописца о родоначальникѣ Полянъ, объ Кіѣ съ братіей, г. Грушевскій принимаетъ „за *искаженную версію*“ того историческаго факта, что „Кіевская княжеская династія“ была мѣстная издавна, а вовсе не повелась отъ находниковъ varяговъ. А такъ какъ за давностью лѣтъ память о „*кіевской княжеской династіи*“ затемнилась и самого Нестора „*автора Повѣсти временныхъ лѣтъ легенды и комбинаціи* объ Кіѣ *не удовлетворили*, Несторъ и *предложилъ свою очень сложную тео-*

рію въ объясненіе происхожденія кіевскаго государства. По мнѣнію автора *Повѣсти*, Русь—это народъ Скандинавскій (варяжскій), его привели въ Новгородъ три брата Конунга; изъ Новгорода эти варяжскіе конунги овладѣли Днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кіевомъ и положили начало княжеской династіи" (стр. 42).

Но въ данномъ случаѣ спутался не Несторъ, а самъ г. Грушевскій.

Во-первыхъ, мѣстные князья, какъ старшины народные, велись не только у Полянъ, но и во всѣхъ вообще родахъ-племенахъ славянскихъ. Какъ у Кіевлянъ могъ княжить въ родѣ своемъ Кій съ братіей, такъ у Родимичей княжилъ Родимъ, у Вятичей Вятко. Отъ Вятка велись и послѣдующіе князья, старшины народные, вплоть до Ходоты, когда напослѣдокъ всѣхъ ихъ перевелъ и окончательно замѣнилъ у Вятичей державный князь Владиміръ Мономахъ. У Древлянъ поминается князь Малъ; о прочихъ свидѣтельствуютъ сами Древляне: „наши князи добры суть, хорошо пасутъ землю древлянскую". Итакъ, разсказавъ преданіе Полянъ объ своемъ родоначальникѣ Кіѣ и о томъ, что насчетъ его ходили разные толки въ народѣ, самъ лѣтописецъ ничуть не представляется черезъ то легендарнымъ повѣствователемъ и того менѣе *„книжникомъ, вообще очень склоннымъ къ гипотезамъ и комбинаціямъ"*—какимъ его, будто „съ фактами въ рукахъ", считаютъ книжники нашего времени и за какого выдаетъ его (на стр. 43) самъ г. Грушевскій. А во-вторыхъ, разсказывая о началѣ Русскаго государства (а не кіевскаго, какъ выражается авторъ Очерка исторіи Украинскаго народа), о томъ именно: *откуда пошла Русская Земля и стала есть*, лѣтописецъ нигдѣ ни единымъ словомъ не упоминаетъ, что „Русь—это народъ скандинавскій и его привели конунги". Напротивъ того, Несторъ свидѣтельствуетъ точно и опредѣленно, что Рюрикъ съ братіей—не Даны, не Свеи, не Готы, не Англяне и не Мурманы,—а русскіе варяги. Но запутавшись и сбившись по этому поводу, самъ г. Грушевскій, дѣйствительно, предлагаетъ „очень сложную теорію возникновенія кіевскаго государства" въ доказательство того, что Олегъ съ Игоремъ Рюриковичемъ и Святославъ Игоревичъ были исконными туземцами въ Кіевѣ и что они Полянамъ—свои, а не пришлые варяги.

Вотъ эта оригинальная теорія: „Имя Руси связано ближайшимъ образомъ съ землею Полянъ и, очевидно, было ея исконнымъ именемъ (стр. 44). Нельзя класть разсказовъ Повѣсти, лѣтописи 11 вѣка, въ основаніе исторіи Кіевскаго го-

сударства, принимать ея теорію о томъ, что это государство обязано своимъ возникновеніемъ скандинавскимъ конунгамъ и такъ далѣе. Имя Руси указываетъ на Полянскую землю и ея старый центръ Кіевъ. Географическія, культурныя и экономическія условія подкрѣпляютъ это указаніе, поясняя, что здѣсь скорѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было на восточно-европейской равнинѣ вообще, и въ нашихъ (!?) земляхъ спеціально, должна была почувствоваться нужда въ образованіи постоянныхъ военныхъ силъ, болѣе прочной и интенсивной государственной организаціи и были на лицо матерьяльныя средства къ ея созиданію" (стр. 45).

Какія именно были на лицо матерьяльныя средства къ созиданію болѣе прочной интенсивной государственной организаціи—отвѣтомъ на это служатъ у автора слѣдующія строки: „Кіевскій патриціатъ, сословіе богатыхъ купцовъ-воиновъ, расширяя районъ своихъ торговыхъ сношеній, закладывая свои факторіи и филіи на главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ, въ своихъ интересахъ долженъ былъ стремиться къ образованію военныхъ силъ, къ созданію политической организаціи для охраны торговыхъ интересовъ. Затѣмъ охрана дорогъ и сношеній переходила сама собой въ покореніе племенъ, сидѣвшихъ по этимъ торговымъ дорогамъ... Недаромъ имя Руси, то есть спеціальное имя кіевщины, прежде чѣмъ стать именемъ государства, становится у иностранныхъ писателей—Константинъ Порфирородный, Ибнъ-Дастъ X вѣка—именемъ этого класса купцовъ-дружинниковъ... связавшихъ въ государственную организацію свою систему торговыхъ дорогъ и факторій. Кіевщина была очагомъ его и сообщила ему свое имя Руси. Этотъ классъ репрезентовалъ государственную организацію, созданную кіевскимъ патриціатомъ, и передалъ русское имя этой государственной системѣ, системѣ племенъ и земель, входившихъ въ ея составъ. Такъ представляется происхожденіе русскаго Кіевскаго государства" (?!) (стр. 41).

Но „классъ купцовъ-дружинниковъ", которыхъ вольнó-жъ г-ну профессору называть „*патриціями*", очень опредѣленно именовался, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ—варягами. Совершенная правда, такимъ образомъ, что „водный путь изъ Варягъ въ Греки" и обратно былъ чрезвычайно важенъ для варяговъ. Несомнѣнно, они дорожили имъ и всячески старались обезпечить его въ своемъ владѣніи и въ свою пользу. Но, вѣдь именно Новгородцы славились своею торговлею и, обще съ варягами, пользовались этимъ путемъ—кіево-новгородскимъ. Такимъ образомъ, весь приведенный наборъ ученыхъ фразъ и

научныхъ словъ г-на Грушевскаго оказывается вздоромъ. Г. профессоръ—шутка—забылъ Новгородъ и варяговъ. Ему бы справиться хоть съ тѣмъ бытовымъ явленіемъ, что торговля по всей Украйнѣ и строительныя предпріятія даже въ настоящее время производятся исключительно тамошними поселенцами, пришлыми изъ сѣверныхъ губерній; даже сейчасъ вся Украйна обстраивается не иначе, какъ Ярославцами и Костромичами, да Рязанцами, да Тверичами; не мѣшало бы вспомнить и то, какъ еще при Ярославѣ Мудромъ кіевляне, поднятые Святополкомъ противъ Новгородцевъ, корили ихъ: „вотъ, мы васъ заставимъ на насъ рубить хоромы". Самое наименованіе Полянъ отъ Поля, то есть степи, указываетъ уже на степной характеръ здѣшняго населенія.

Но допустимъ, съ г-мъ Грушевскимъ, что „имя Руси связано съ землею Полянъ и было ея исконнымъ именемъ",—попробуемъ согласиться съ нимъ даже и въ томъ, что „кіевщина" сообщила Русскому народу и Русской землѣ ихъ имя. Что-жъ онъ выиграетъ черезъ это? Тогда будетъ вдвойнѣ нелогично и уже ни съ чѣмъ несообразно кликать народонаселеніе „свыше 32 хъ милліоновъ на 750 тысячахъ километровъ" какимъ-то „украинскимъ", а не Русскимъ народомъ. И для того написана имъ цѣлая книга! о которой онъ еще въ Предисловіи поясняетъ, что она составляетъ лишь *„краткое извлеченіе"* изъ его большаго курса, „читаннаго имъ весною 1903 года по приглашенію русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ"!

Можно пожалѣть его парижскихъ слушателей,—и нельзя будетъ не согласиться съ г-мъ Грушевскимъ, что его большой курсъ „ни въ украинскомъ оригиналѣ: Історія Украинк-Руси, 4 тома. Львовъ, 1898—1904,—ни въ нѣмецкомъ переводѣ, Лейпцигъ у фирмы B. G. Teubner—не можетъ получить значительнаго распространенія вь Россіи" (Предисловіе къ Очерку). Хотя, разумѣется, самъ онъ за причину такой невозможности считаетъ „научную репрезентацію" своего большого курса, имѣющаго сокрушить предразсудокъ о значеніи *„великорусскаго языка"*... но въ этомъ онъ ошибается, какъ и въ томъ, напримѣръ, что принятіе Владиміромъ христіанства было вызвано лишь желаніемъ его—по примѣру прочихъ средневѣковыхъ варваровъ—получить королевскую корону изъ рукъ греческихъ императоровъ. (Очеркъ, стр. 62).

Мы глубоко убѣждены, что Тейбнеровское изданіе сочиненія г. Грушевскаго и самъ украинскій оригиналъ не могутъ получить распространенія въ средѣ сознательныхъ русскихъ читателей просто по несообразности содержанія.

Москва. Декабрь. 1904 г. *Н. М. Павловъ.*

Французская печать и ея отношеніе къ Россіи.

(Докладъ Г. К. Дорофеева на бесѣдѣ „Русскаго Кружка" въ Варшавѣ 20-го сентября 1904 года).

I.

Мм. гг.! Съ половины іюня текущаго года до половины августа мнѣ пришлось прожить во Франціи въ Vilers sur mer, одномъ изъ второстепенныхъ курортовъ на берегу Ламанша. Второстепенность эта, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ Ви леру быть гораздо лучше, и по пляжу, и по окрестностямъ, и по удобствамъ жизни, многихъ первоклассныхъ морскихъ курортовъ сѣверной Франціи. По крайней мѣрѣ я, посѣтивъ въ это же лѣто Гавръ, Діеппъ, Trepors sur mer, Boulogne, Calais и знаменитый Остенде въ Бельгіи, вторично поѣхалъ бы въ Вилеръ, если бы нужда вновь заставила меня искать отдыха и лѣчить больные нервы. Если же ко всему сказанному о Вилерѣ прибавить еще сравнительную дешевизну жизни на этомъ курортѣ, то станетъ понятно, почему я предпочелъ скромный и милый Вилеръ лежащему въ 11 километрахъ Трувилю, не по заслугамъ прославленному во Франціи и за границею. Впрочемъ, господа, кто чего ищетъ: въ Вилерѣ очень скромное казино, нѣтъ симфоническаго оркестра, нѣтъ ни оперетокъ, ни оперы, зато есть чудесныя прогулки среди лѣсистыхъ холмовъ и садовъ Кальвадоса, есть прекрасный пляжъ, отличное купанье, для нуждающихся въ лѣченіи—гидропатическое заведеніе съ ваннами и душами и самое главное—тишина, та, прямо сказать деревенская тишина, въ которой такъ нуждается трудящійся городской обыватель. Впрочемъ, съ нашей половины августа и въ Вилерѣ становится многолюдно и довольно шумно; но въ это время я уже выѣзжалъ изъ предѣловъ Франціи. Вотъ эта-то тишина и отсутствіе шумныхъ развлеченій дали мнѣ возможность посвящать очень много времени чтенію французскихъ газетъ, которыя, въ виду совершающихся на Дальнемъ Востокѣ событій, представляли для меня жгучій инте-

ресъ, такъ какъ въ свободной французской печати я разсчитывалъ найти и дружественный и вмѣстѣ безпристрастный голосъ,—что бы тамъ ни говорили,—а все же высоко-культурнаго и, въ общемъ, разумнаго народа.

Общественной читальни въ Виллерѣ нѣтъ. Казино открыто было съ 1-го августа нов. стиля, да въ немъ читальная комната обставлена очень плохо. Но зато въ Виллерѣ есть двѣ газетныхъ лавки, въ которыхъ за пустяки можно получать книги для чтенія и покупать всевозможныя газеты, французскія, нѣмецкія, англійскія, даже американскія, журналы и другія иллюстрированныя изданія. Пріобрѣтая въ день до 10 газетъ, я тратилъ очень немного; но это дало мнѣ возможность дѣлать вырѣзки наиболѣе интересныхъ и важныхъ статей и извѣстій, такъ что, приготовившись подѣлиться съ вами моими впечатлѣніями, я буду говорить о французской печати не по воспоминаніямъ, а на основаніи, такъ сказать, документальныхъ данныхъ, собранныхъ мною въ теченіе семи—восьминедѣльнаго пребыванія въ предѣлахъ Франціи, а также и опираясь на обмѣнъ мыслей съ французскими, случайными моими знакомыми и собесѣдниками.

Предметомъ моихъ докладовъ будутъ служить во 1-хъ, *характеристика французской печати*, на основаніи моихъ наблюденій и впечатлѣній и, во 2-хъ, *выясненіе ея отношеній къ намъ и нашей войнѣ съ Японіей*. Первая половина сообщенія является попыткой указанія и объясненія многихъ своеобразныхъ и чрезвычайно интересныхъ особенностей, замѣченныхъ мною, случайнымъ наблюдателемъ этой стороны жизни Франціи; вторая же половина будетъ состоять изъ изложенія выводовъ, характеризующихъ отношеніе французской печати къ Россіи по поводу нашей войны съ Японіей вообще и въ частности по поводу инцидента съ „Малаккой" на основаніи фактовъ, взятыхъ изъ многихъ французскихъ газетъ самаго различнаго и противоположнаго направленія. Считаемъ нужнымъ для точности оговориться: подъ „французской печатью" мы будемъ разумѣть, не все то, что печатается во Франціи въ данный моментъ времени и даже не все то, что въ ней выходитъ въ формѣ періодическихъ изданій, а только французскія газеты, les journaux", какъ ихъ тамъ называютъ.

2.

Французы раздѣляютъ свои газеты на двѣ главныя группы: первую составляютъ газеты, оппозиціонныя дѣйствующей политикѣ Комба, каковы: Figaro, Gaulois, Gil Blas, Echo de

Paris, Liberté, Patrie, Libre Parole, Petit Journal, Presse, Eclair, Intransigeant, République Française; во второй группѣ, т. е. въ числѣ сторонниковъ режима Комба, состоятъ: Matin—всегдашняя министерская газета, мѣняющая свое направленіе вмѣстѣ съ перемѣной министерствъ, Petit Parisien, Radical. Rappel, Petite République, Aurore, рѣзко антиклерикальный Lanterne, L'Humanité, органъ извѣстнаго Жореса, того самаго Жореса, который въ самомъ началѣ нашей войны съ Японіей поспѣшилъ заявить требованіе расторгнуть союзъ съ Россіей, и, наконецъ Action—газета, имѣющая всѣ признаки трогательнаго единомыслія съ органомъ Жореса въ отношеніи крайняго руссофобства. Есть, впрочемъ, еще небольшая группа газетъ, entre deux, не принадлежащихъ ни къ одной изъ вышеназванныхъ группъ, каковы: Le Journal, Journal des Débats и нѣкоторыя другія.

Мы однако не отвѣчаемъ за безусловную правильность такой группировки газетъ: провѣрить ее въ деталяхъ мы не имѣли возможности, такъ какъ нашъ интересъ былъ сосредоточенъ не на внутренней политикѣ французскаго правительства, а на отношеніи французской печати къ намъ и на вопросѣ, какую роль суждено сыграть союзной намъ странѣ, всегда стоявшей во главѣ европейской цивилизаціи, въ новой распрѣ народовъ, *новой* не потому только, что она недавно началась, а потому, что она послѣ многовѣкового перерыва вновь ставитъ вопросъ объ отношеніяхъ между бѣлой и желтой расами, между арійско-христіанской и монголо-языческой культурами. Однако принадлежность къ сторонникамъ министерства Комба органовъ печати съ рѣзко антирусскимъ направленіемъ весьма характерна и даже, можетъ быть, знаменательна для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ во внѣшней политикѣ Франціи въ настоящемъ и въ будущемъ. Кромѣ выше названныхъ столичныхъ газетъ, мы имѣли случай ознакомиться съ нѣкоторыми провинціальными, каковы: Calvados, Peuple Normand и др., а также со многими сатирическими журнальчиками, выходящими въ Парижѣ.

Вотъ тотъ матеріалъ, на основаніи котораго мы будемъ характеризовать французскую печать и ея отношеніе къ Россіи и русско-японской войнѣ.

3.

Есть два основныхъ начала, изъ которыхъ, какъ слѣдствія изъ своихъ оснований, вытекаютъ своеобразныя особенности французской печати, рельефно выступающія предъ гла-

зами сторонняго внимательнаго наблюденія. Первое основное начало, опредѣляющее общую физіономію французской печати—это совокупность господствующихъ чертъ характера самаго народа, того сложнаго и безсмертнаго духа талантливой и культурной націи, который живетъ въ ней, проникаетъ собою всѣ виды и формы ея существованія и съ особенной выпуклостью выражается въ живомъ ея словѣ, въ ея печати. Второе начало, или даже, если угодно, стихія—это полная и безусловная свобода, которой пользуется печать во Франціи: тамъ всякій воленъ говорить и печатать, что угодно, доказывать свои мысли и опровергать чужія, какъ угодно, всякій можетъ спорить, кричать, браниться... Однако, къ слову сказать, полемика въ тамошнихъ газетахъ куда сдержаннѣе и приличнѣе полемическихъ пріемовъ, практикуемыхъ въ нашихъ газетахъ и въ журналахъ: знакъ привычки къ добровольной дисциплинѣ и къ уваженію личности, а также и чужихъ взглядовъ, какъ бы они не казались странны, нелѣпы и даже печальны и опасны.

Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ основныхъ началъ—духа націи и свободнаго его выраженія—и возникаютъ самыя разнообразныя, и хорошія и худыя, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересныя особенности французской прессы.

Какъ это ни странно, но первое слѣдствіе свободы слова, первая черта, сразу же бросающаяся въ глаза читателю французскихъ газетъ—это господство коммерческаго характера въ газетномъ дѣлѣ: большая часть газетъ носитъ всѣ признаки торговаго предпріятія, подверженнаго всѣмъ послѣдствіямъ свободной конкурренціи, и потому нуждающагося въ самой широкой рекламѣ для привлеченія покупателя. Отсюда удивительное разнообразіе рекламы и снисходительное или вѣрнѣе безразличное отношеніе публики къ ея пріемамъ и формамъ, какіе только не придумываетъ изобрѣтательность редакцій, поощряемая борьбой за привлеченіе читателей и стремленіемъ къ полученію большаго барыша на затраченный капиталъ.

Свѣтящіяся вывѣски на стѣнахъ или кровляхъ домовъ, далеко видимыя и привлекающія вниманіе; разноцвѣтныя афиши огромныхъ размѣровъ, расклеиваемыя по всему пространству Франціи, отъ столицы до послѣдней деревушки, безчисленныя приложенія и преміи,—все это практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и далеко еще не исчерпываетъ всего того, къ чему прибѣгаютъ французскія газеты для саморекламированія. Одна газета съ простынныхъ объявленій извѣщаетъ, что число ея читателей равно 5 милліонамъ; другая—

что она получаетъ черезъ специальныя отдѣленія новости со всего свѣта; третья—что она самая освѣдомленная и самая распространенная газета во всемъ мірѣ; четвертая кричитъ, что число выпускаемыхъ ею ежедневно номеровъ превосходитъ количество номеровъ газетъ всего свѣта и т. д. и т. д...

Французы любятъ, что называется, пытать счастья, удачи, склонны ко всякаго рода состязаніямъ и даже къ азарту. Въ здѣшнихъ Casino по приморскимъ курортамъ читальныя комнаты и библіотеки поставлены плохо, но за то даже въ самыхъ скромныхъ клубахъ можно найти прекрасныя приспособленія для игры въ petits chevaux—родъ рулетки, игра въ которую во Франціи вообще развита и практикуется въ самыхъ разнообразныхъ и часто неожиданныхъ формахъ и видахъ. Въ базарные дни на городскихъ и деревенскихъ площадяхъ разбиваются временныя палатки съ разными товарами, которые распредѣлены по группамъ; каждая группа имѣетъ свою ставку, и торговцы бойко разыгрываютъ среди толпы свой хламъ. Играютъ даже дѣти: торговцы сластями при своихъ ларяхъ имѣютъ колеса, позволяющія по 5 сантимовъ за ударъ дѣлать ставки на выигрышъ сластей.

Газеты пользуются этой чертой характера своихъ читателей и устраиваютъ всевозможныя праздники съ играми, разнообразныя состязанія съ призами за счетъ редакцій. Такъ, напримѣръ, въ это лѣто „Le Journal" устроилъ „блестящій" праздникъ съ состязаніями, играми и фейерверкомъ въ Трувилѣ, прославленномъ курортѣ Франціи на берегу Ламанша; Petit Journal объявилъ конкурсъ на состязаніе среди любителей уженья рыбы и въ теченіе полутора мѣсяца писалъ сообщенія о ходѣ состязаній, а потомъ о присужденіи премій, мужчинамъ и дамамъ, любительницамъ этого рода спорта. Не говорю уже о спеціальныхъ спортивныхъ газетахъ и журналахъ, которые по своей спеціальности устраиваютъ en grand различныя состязанія: стрѣльбу въ цѣль, велосипедныя и автомобильныя гонки, военныя состязанія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частей и т. п. вплоть до отыскиванія денегъ, спрятанныхъ на извѣстной улицѣ въ неизвѣстномъ мѣстѣ. Обо всемъ этомъ печатаются бойкія, хлестко написанныя сообщенія, привлекающія вниманіе публики, всему этому посвящаются цѣлыя хроники, поддерживающія среди читающей публики постоянный и напряженный интересъ къ газетѣ, что, конечно, и требуется для редакціи. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что этимъ путемъ газеты достигаютъ и другихъ результатовъ; поддерживая среди населенія духъ соревнованія, онѣ

много содѣйствуютъ успѣшному развитію индустріи и техники во Франціи въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя газеты этимъ путемъ популяризируютъ новыя изобрѣтенія, не даютъ заглохнуть усовершенствованіямъ, покровительствуютъ изобрѣтателямъ или достигаютъ прямо благотворительныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей, служа вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ излюбленнымъ принципамъ.

Le Matin, напримѣръ, въ это лѣто заказалъ 350 тысячъ медалей для награжденія учащихъ и учащихся въ низшихъ школахъ Франціи; антиклерикальный Radical собираетъ подписку въ пользу дѣтей учительскаго персонала „Общества первоначальнаго *свѣтскаго* образованія"; La Presse имѣетъ собственныхъ воспитанниковъ, содержимыхъ на добровольныя пожертвованія своихъ читателей, и т. п. Чаще же газеты по уговору и, надо полагать, не даромъ, рекламируютъ торговыя фирмы или курорты. Послѣднее дѣлаютъ и самыя солидныя газеты. Такъ, напримѣръ, упомянутый выше праздникъ въ Трувилѣ устроилъ Le Journal, несомнѣнно ради рекламы этого не по заслугамъ прославленнаго курорта; солидная клерикальная газета Gaulois теперь устраиваетъ „fête d'automobiles sur la magnifique terrasse de Deauville" (тоже морской курортъ рядомъ съ названнымъ выше Трувилемъ). Figaro не отказалъ помѣстить на своихъ страницахъ „Письмо одного изъ своихъ читателей", въ которомъ такъ расхваливается Journal de Paris, кафешантанъ въ Елисейскихъ поляхъ, и такъ рекламируются разныя его „несравненныя, восхитительныя" пѣвицы, что у стороннихъ читателей этой газеты не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ близкихъ отношеніяхъ автора этого письма къ прославляемому увеселительному заведенію.

Journal на своихъ страницахъ такъ расхвалилъ свой „Grand fête de Trouville", что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести нѣсколько образчиковъ французскаго рекламнаго краснорѣчія. За нѣсколько дней до него Journal помѣстилъ зажигательную замѣтку: все готовится въ необычайныхъ размѣрахъ, все необыкновенно и превосходно!.. „Поѣдемте же въ Трувиль, чтобы видѣть праздникъ собственными глазами!" Въ канунъ праздника и въ самый праздникъ опять статьи, опять восторги: „Les fêtes de Trouville" крупными буквами; ниже помельче: La soirée d'hier. Rétraite aux flambaux. Le Journal acclamé; еще ниже текстъ телеграммы! „Отъ нашего корреспондента": „Праздникъ начинается. 9 часовъ вечера. Я посылаю эту телеграмму подъ звуки трубъ: это проходитъ факельное шествіе, традиціонное факельное шествіе,

безъ котораго не обходится ни одинъ народный праздникъ. Предшествуемые отрядомъ велосипедистовъ, прелестно украсившихъ свои машины цвѣтами и венеціанскими фонарями, жители Трувиля движутся по улицамъ, площадямъ, по пляжу. Въ свѣтѣ бенгальскихъ огней гремятъ барабаны, звучатъ трубы. Очарованная публика составляетъ кортежъ. Смѣются. Пьютъ. Апплодируютъ. Всюду восклицанія. Кричатъ: Vive le Journal! и т. д., въ этомъ родѣ—цѣлый столбецъ восторговъ и восклицаній. Это ничего, что „праздникъ“ вышелъ довольно обыдененъ, что улицы Трувиля крайне узки, а площади миніатюрны и содержатся не вполнѣ опрятно, что пляжъ—песчаная пустыня, въ которой ноги такъ вязнутъ, что нужно было сдѣлать деревянные мостики-троттуары: дѣло не въ этомъ, а въ веселья при всякихъ условіяхъ, въ рекламѣ и въ доходахъ. Право, мы, русскіе, не умѣли цѣнить, рекламировать и пользоваться своимъ, а оно не хуже, а часто гораздо лучше многаго заграницей; говорю это по личнымъ впечатлѣніямъ, весьма многочисленнымъ и по многолѣтнему опыту. Коммерческое же начало побуждаетъ газеты помѣщать среди текста газеты, между отдѣльными статьями, торговыя объявленія: „L'autocyclette Clement, Panamas Leon pour dames“, конечно съ указаніемъ адресовъ. Съ непривычки непріятно читать все это послѣ серіозной статьи о войнѣ, объ англійскихъ бѣшенно руссофобскихъ демонстраціяхъ и т. п. явленіяхъ, имѣюшихъ міровое значеніе. Мало этого, во многихъ газетахъ, какъ напримѣръ, въ томъ же Le Journal, въ Echo de Paris, въ Liberté, помѣщаются цѣлыя статьи рекламнаго характера, въ родѣ слѣдующихъ; „A la mer!“ Къ морю.

„Черезъ нѣсколько дней въ Парижѣ останутся только тѣ, которыхъ удерживаютъ обязанности службы или профессіи. Страшныя жары ускоряютъ отъѣздъ. Всѣ спѣшатъ на берегъ моря или въ деревню, гдѣ надѣются найти болѣе чистый и менѣе душный воздухъ. Всюду запираютъ чемоданы, дѣлаютъ покупки, такъ какъ всякій желаетъ и на дачѣ устроиться, насколько можно, съ комфортомъ Не мѣшаетъ такимъ лицамъ заглянуть въ магазинъ такой-то!..“ Слѣдуетъ похвала владѣльцу и его товарамъ и адресъ и т. д., перечисляется рядъ всевозможныхъ магазиновъ въ перемежку съ развязнымъ бойко написаннымъ текстомъ и все съ похвалами и адресами вплоть до магазина фотографическихъ принадлежностей. Но особенно „граціозенъ“ конецъ этой статьи, несомнѣнно отлично оплаченной.

„Olida!.. Почему это имя невольно приходитъ намъ на

мысль въ это время, когда всѣ спѣшатъ въ деревню? Мы не имѣемъ никакого намѣренія рекламировать (sic!) его ветчины, его пирожки и всевозможные съѣстные припасы, мы желаемъ только указать на печатные листки заказовъ, въ формѣ закрытыхъ и открытыхъ писемъ, по которымъ всегда и очень быстро можно получать отъ него необходимую провизію... Allons, счастливые парижане, которые могутъ бѣжать отъ пыли и душнаго воздуха бульваровъ, дѣлайте поскорѣе свои покупки и въ дорогу къ морю, къ зелени лѣсовъ и садовъ, гдѣ уже вы не будете имѣть нужды покупать освѣжающаго дыханія сѣвернаго вѣтра. Paul Zewis".

Эта замѣтка взята изъ Echo de Paris, газеты очень серьезной и симпатичной по направленію... Очевидно всѣ подобныя явленія въ нравахъ страны, они никому не кажутся неблаговидными; для нихъ имѣются свои спеціальные авторы, подписывающіеся подъ произведеніями этого рода полнымъ именемъ.

Насколько намъ кажется, все это объясняется тѣмъ, что у французовъ господствуетъ въ жизни принципъ: „laissez faire, laissez passer". Все это вытекаетъ изъ естественныхъ потребностей человѣка и въ то же время не оскорбляетъ другихъ, не мѣшаетъ имъ, все это допускается, терпится, считается натуральнымъ, а потому непредосудительнымъ. Оттого французы куда менѣе чопорны, чѣмъ мы; они болѣе просты, болѣе общительны и весьма уступчивы и снисходительны другъ къ другу и ко взаимнымъ недостаткамъ: „дѣлай, что хочешь и какъ хочешь, только не обижай другихъ, не мѣшай сосѣду; ну а если немного и помѣшаешь, то извинись, и ничего, rien du tout". Оттого и въ домашней, и особенно въ уличной жизни здѣсь наблюдается большая непринужденность, царитъ веселое оживленіе, жизнь играетъ всѣми цвѣтами радуги и удивляетъ этимъ насъ, россіянъ, боящихся навлечь косые взгляды встрѣчныхъ малѣйшимъ нарушеніемъ общепринятаго шаблона.

Французы очень впечатлительны, любопытны и, какъ дѣти сказку, любятъ все необычайное, поразительное, сенсаціонное. Редакціи газетъ и тутъ идутъ на встрѣчу и мастерски эксплоатируютъ эту черту національнаго характера своихъ соотечественниковъ; листы газеты обыкновенно начинаются кричащими анонсами, отдѣльныя статьи обыкновенно раздѣлены на маленькія главки (иногда въ 5—6 строкъ) съ заглавіями дѣйствующими на воображеніе и раззадоривающими любопытство читателя. Вотъ, для примѣра, заглавія первой попавшейся въ руки газеты, Echo de Paris. Заглавія отдѣльныхъ статей:

Incroyable drame Drame passionel. L'accident du Mont Blanc. Grave accident d'automobile. Tramway emballé. Подраздѣленія послѣдней: Un tramway dans une boulangerie; Plusieurs blessés; или La catastrophe de Bosel: Nouveaux détails; une mort atroce, écoliers sauvés; acte de courage; un douziéme cadavre и т. д. Для удовлетворенія страсти къ сенсаціонному редакціи пользуются всѣмъ: судебными процессами, несчастными случаями, пикантными приключеніями, особенно, если они относятся къ извѣстнымъ людямъ, семейными драмами; любовь къ необычайному приводитъ даже къ тому, что въ газетахъ помѣщаются разсказы изъ давно прошедшихъ временъ, лишь бы только они отличались необычайностью и били по нервамъ. Въ газетѣ Le Petit Parisien недавно былъ помѣщенъ разсказъ: La mort par la faim, о случаѣ, происшедшемъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ; „mais il a conservé son tragique interêt", замѣчаетъ газета, приступая къ его изложенію. И ужъ если произойдетъ какой-либо случай, дѣйствительно выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, то газеты излагаютъ его съ такой старательностью, съ такимъ мастерствомъ во всѣхъ деталяхъ, смакуютъ его съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ только gourmet способенъ наслаждаться изысканнымъ блюдомъ или стаканомъ рѣдкостнаго и дорогого вина.

Въ этихъ же видахъ каждая газета имѣетъ по два—по три фельетона; въ нихъ редакціи помѣщаютъ разительнѣйшіе романы и повѣсти; при этомъ о предстоящемъ появленіи новаго романа задолго печатаются анонсы, расклеиваются по улицамъ огромныхъ размѣровъ картины въ краскахъ, изображающія необыкновенныя сцены—задушеніе, нападеніе на дѣвушку, убійство и т. п. Начало романа печатается на отдѣльномъ листѣ съ картиной въ краскахъ и раздается безплатно всякому встрѣчному. Разсказъ обыкновенно начинается съ невѣроятно запутанныхъ коллизій и обрывается, что называется, на самомъ интересномъ мѣстѣ съ приглашеніемъ читать продолженіе его въ такой-то газетѣ. Въ такихъ романахъ, конечно, едва-ли можно искать художественныхъ достоинствъ и глубины изображеній жизни; но написаны они мастерски съ точки зрѣнія запутанности положеній и очень искусно изъ номера въ номеръ возбуждаютъ любопытство читателей и особенно читательницъ.

Вотъ наиболѣе выдающіяся внѣшнія особенности французскихъ газетъ, проистекающія изъ господства коммерческаго характера въ газетныхъ предпріятіяхъ въ связи съ свободой слова и народнымъ характеромъ французовъ.

Въ связи съ этимъ же коммерческимъ характеромъ газетнаго дѣла во Франціи стоитъ значительная, даже удивительная дешевизна большинства газетъ и необычайное обиліе и разнообразіе какъ газетъ, такъ и всякихъ къ нимъ приложеній. Это явленіе, конечно, создалось, благодаря свободной конкуренціи между редакціями. Къ самымъ дорогимъ газетамъ относятся Figaro, Temps, отдѣльные номера которыхъ продаются въ Парижѣ и окрестностяхъ его по 15, а въ провинціи по 20 сентимовъ ($7^1/_2$ коп), номера Gaulois стоятъ по 10 сантимовъ (3,8 коп.). Остальныя же газеты [1]) столичныхъ изданій продаютъ свои номера по 6 или 8 страницъ текста въ Парижѣ, въ провинціи, даже въ сосѣдней Бельгіи до голландской границы по 5 сантимовъ, что составляетъ на наши деньги 3,7 копѣйки по теперешнему курсу, сопровождая чуть ли не каждый номеръ разнообразными, большею частью весьма недурно исполненными, иллюстрированными приложеніями. При этомъ за новыя взимается доплата въ 5 или 10 сантимовъ, а прежнія раздаются безплатно.

Приложенія французскихъ газетъ настолько характерны и разнообразны, что на нихъ небезъинтересно также остановиться нѣсколько подробнѣе.

Огромное большинство газетъ, прежде всего, даютъ въ видѣ приложенія отдѣльные листки или тетради дамскихъ модъ съ рисунками въ краскахъ и гравюрахъ, сопровождая ихъ еще готовыми выкройками изъ кальки наиболѣе трудныхъ или интересныхъ фасоновъ. Эти моды издаются весьма тщательно; онѣ даютъ хорошій заработокъ художникамъ-спеціалистамъ этого дѣла и, несомнѣнно, воспитываютъ въ массѣ вкусъ къ изящному въ костюмахъ, чѣмъ и объясняется всесвѣтное прочное господство французскихъ модъ, не смотря на значительную конкуренцію въ этомъ отношеніи со стороны Вѣны и Берлина, особенно Вѣны.

Кромѣ модъ газеты даютъ еще иллюстрированныя приложенія (въ краскахъ и гравюрахъ) съ текстомъ па текущія событія и злобы дня, въ формѣ тетрадей in quarto въ 8 страницъ.

За новыя взимается доплата; но французы не любятъ доплачивать, и потому эти прибавленія остаются нераспроданными и потомъ раздаются даромъ. Этотъ обычай оказался

---

[1]) Для интересующихся приведемъ цѣны на годовую подписку распространенныхъ французскихъ газетъ для заграничной отправки: Figaro 86 франковъ, Temps 72 фр., Petit Parisien, Matin — по 30 фр., Echo de Paris, Le Journal — 35 фр., Petit Journal, Patrie — 36 фр., Libre Parole 35 фр. и въ этомъ родѣ. Провинціальныя изданія стоятъ дороже столичныхъ

для меня сущимъ кладомъ, находкой, такъ какъ именно благодаря ему, я получилъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ и картинами этихъ приложеній, начиная съ января текущаго года, т. е. съ начала нашей войны съ Японіей, что при другихъ условіяхъ я едва ли былъ бы въ состояніи исполнить и за деньги, живя въ небольшомъ курортѣ на берегу Ламанша. Сверхъ этихъ приложеній газеты время отъ времени выпускаютъ на отдѣльныхъ листахъ хорошей бумаги различныя бытовыя картины въ краскахъ, портреты выдающихся современныхъ дѣятелей, а на открытыхъ письмахъ изображенія важныхъ событій изъ французской исторіи, отечественныхъ героевъ съ пояснительнымъ текстомъ. Иллюстраціи вообще въ большомъ ходу въ французскихъ газетахъ; онѣ охотно помѣщаютъ ихъ и на своихъ страницахъ, куда чаще всего попадаютъ портреты современныхъ выдающихся лицъ, французовъ и иностранцевъ, или же людей, чѣмъ либо привлекшихъ къ себѣ всеобщее вниманіе, подсудимыхъ, преступниковъ, мошенниковъ и шантажистовъ, а теперь и репродукціи фотографій разныхъ сценъ русско-японской войны, доставляемыхъ въ редакцію ихъ спеціальными корреспондентами, карты мѣстъ Дальняго Востока, ознаменованныхъ военными дѣйствіями и т. п. Иллюстраціи или просто каррикатуры тѣмъ охотнѣе помѣщаются среди текста газетъ, что этимъ путемъ достигается уменьшеніе самаго текста. Побуждаемыя взаимной конкуренціей, редакціи довели объемъ своихъ газетъ до весьма значительной величины и по формату и по числу страницъ текста (6, 8, 10 и болѣе 12 страницъ!). Заполнить ихъ ежедневно— задача очень трудная и дорого стоющая: вотъ тутъ, какъ нельзя даже кстати, бываютъ дешевыя иллюстраціи; этимъ же вызваны дѣленія и подраздѣленія статей на мелкія части съ подробными заглавіями каждой, причемъ послѣднія нерѣдко занимаютъ столько же мѣста, сколько и самый текстъ. Впрочемъ, если иллюстраціи въ приложеніяхъ исполняются вполнѣ тщательно, то этого никакъ нельзя сказать о тѣхъ, которыя помѣщаются на страницахъ газетъ: вслѣдствіе огромнаго количества оттисковъ дешевой репродукціи и плохой бумаги, газетныя иллюстраціи бываютъ нерѣдко крайне неясны и напоминаютъ въ совершенствѣ тѣ пятна, которыми наша цензура иногда „иллюстрируетъ“ приходящія въ Россію иностранныя изданія. Часть изъ всѣхъ названныхъ приложеній разсылается и прилагается къ газетамъ въ розничной продажѣ безплатно, часть, какъ уже мы сказали, за незначительную приплату.

Но вотъ что удивительно: истинными благодѣтелями пуб-

лики въ этомъ отношеніи являются разносчики газетъ. Во всякомъ городкѣ или мѣстечкѣ можно найти газетную лавку, одну, двѣ, три, смотря по потребности; лавки эти содержатся редакціями разныхъ печатныхъ органовъ; если вы будете покупать газеты въ лавкахъ, то безплатно вы никакихъ приложеній въ нихъ не получите; если же вамъ придется покупать ихъ у разносчиковъ, то почти ни одного номера газеты они вамъ не продадутъ, не присоединивъ къ нему какого-либо приложенія. Разносчики—это послѣдній одушевленный рычагъ сложной печатной машины, соединяющій редакцію съ публикой; дѣйствіе конкуренціи между редакціями разныхъ органовъ и на нихъ сказывается съ особенною выразительностью. Получивъ еще влажные номера вновь вышедшихъ въ свѣтъ газетъ, разносчики опрометью разбѣгаются по улицамъ и бульварамъ Парижа съ такими неистовыми выкрикиваніями названій своихъ газетъ и наиболѣе сенсаціонныхъ новостей, что, помню, года четыре назадъ, услышавъ такіе крики изъ номера гостинницы, мы приняли ихъ за тревогу по случаю пожара или какого-либо скандала, происшедшаго на улицѣ: это вышли номера Patrie, Temps и Presse. Разносчики неслись по улицѣ, стараясь опередить другъ друга, обливаясь потомъ и лишь на мгновеніе останавливаясь предъ покупателемъ, чтобы затѣмъ опять продолжать свою скачку съ неослабѣвающимъ увлеченіемъ и азартомъ. Страшно было смотрѣть на этихъ людей, усатыхъ, бородатыхъ, даже иногда съ просѣдью, задыхающихся и облитыхъ крупными каплями пота, стекающаго со лба, щекъ, капающаго съ носа, такъ какъ вытереть его нельзя: руки заняты, да и некогда, такъ какъ надо торопиться разсовать какъ можно болѣе номеровъ своей газеты, привлечь какъ можно болѣе покупателей и получить отъ наиболѣе щедрыхъ лишнихъ 5 сантимовъ, „pourboire". Это „pourboire„ принимается безъ всякаго искательства, съ достоинствомъ, но очень охотно и съ великой благодарностью; его любятъ во Франціи вездѣ и вездѣ даютъ, даже на конкахъ и омнибусахъ кондукторамъ, взимающимъ плату за проѣздъ; но такъ какъ его никто, кромѣ garçon'овъ въ ресторанахъ и извозчиковъ, не требуетъ и размѣры его всегда ничтожны, то этотъ обычай не обременителенъ, а получившій его не только поблагодаритъ, но еще, если представится возможность, и окажетъ вамъ услугу. Такія же картины при продажѣ новыхъ газетъ намъ пришлось наблюдать и въ провинціи.

Борьба за привлеченіе читателей побуждаетъ редакціи французскихъ газетъ имѣть утреннія и вечернія изданія и до-

водить освѣдомленность своихъ органовъ до полноты и совершенства, у насъ мало знакомыхъ. Спеціальные и частные корреспонденты, envoyés имѣются въ большомъ числѣ въ различныхъ городахъ, отъ столицъ до сколько нибудь важныхъ торговыхъ центровъ, какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ государствахъ за границею. Эта армія сотрудниковъ, поощряемая получаемымъ содержаніемъ, часто очень значительнымъ, а также любовью къ своему дѣлу и увѣренностью въ томъ, что результаты ихъ труда не встрѣтятъ никакихъ внѣшнихъ препятствій къ обнародованію,—эта армія, говоримъ мы, обнаруживаетъ такую удивительную энергію, такую неусыпную бдительность, настойчивость въ обслѣдованіи, проницательность и назойливую пронырливость, предъ которыми не скроется ни одна деталь и поблѣднѣетъ самое тщательное офиціальное слѣдствіе.

Правда, погоня за сенсаціонными новостями и стремленіе сообщить ихъ въ своемъ органѣ прежде другихъ приводитъ иногда и, можетъ быть, даже нерѣдко къ смѣшнымъ заблужденіямъ или даже печальнымъ недоразумѣніямъ, но при общей бдительности печати они разсѣиваются и разъясняются, а въ общемъ французская пресса на этотъ счетъ обставлена солидно, и въ главныхъ центрахъ корреспонденты очень чутки, добросовѣстны, освѣдомлены и прямо талантливы; оттого, не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что отъ французской печати не ускользаетъ ни одинъ выдающійся или даже просто интересный фактъ, имѣющій общій экономическій, культурный, а тѣмъ болѣе политическій интересъ. Притомъ всякій интересный фактъ, а особенно какое-либо важное событіе или вопросъ въ области внутренней или внѣшней политики живо и дружно подхватывается всѣми органами печати. Газеты съ увлеченіемъ, горячо, часто съ большимъ знаніемъ дѣла дебатируютъ поднятый вопросъ, каждая съ точки зрѣнія своего направленія и, если въ каждой газетѣ въ отдѣльности напрасно было бы искать полноты его раскрытія и совершеннаго безпристрастія къ его оцѣнкѣ, то всѣ вмѣстѣ органы печати быстро достигаютъ разносторонняго, яркаго и основательнаго освѣщенія поднятаго вопроса, иногда съ самыхъ неожиданныхъ сторонъ. Полная возможность не считаться съ внѣшними препятствіями придаетъ сужденіямъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, изъ которыхъ большинство прекрасные стилисты, яркость, искренность, убѣжденность и рѣшительность, благодаря чему достигается опредѣленность взятаго газетой направленія, которое не только ни отъ кого не скрывается,

а, наоборотъ, всячески афишируется. Это чрезвычайно облегчаетъ возможность оріентироваться стороннему читателю среди многоголосаго хора французской прессы.

4.

По направленію и окраскѣ воззрѣній французскія газеты можно раздѣлить на много группъ. Вотъ—наиболѣе важныя изъ нихъ:

1) По своему отношенію къ правящему министерству газеты раздѣляются на министерскія—сторонники дѣйствующаго правительства, и оппозиціонныя. Объ этой группировкѣ газетъ мы уже говорили въ началѣ этой главы.

2) По отношенію къ религіознымъ вопросамъ органы печати раздѣляются на клерикальные и антиклерикальные. Лучшимъ представителемъ перваго направленія является „Gaulois", солидно и богато обставленная газета; сюда же относятся нѣсколько старыхъ и совсѣмъ недавно возникшихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій, каковы: L'Autorité, съ девизомъ: Pour le Dieu et pour la France. Le pays d'Auge, le Journal de Pont-lÉvêque, La Croix du pays d'Auge, L'Echo de Paris, Le Peuple normand—только что возникшее провинціальное изданіе съ девизомъ. Tout pour le peuple et tout par le peuple, и другія. Очевидно, духовенство во Франціи не думаетъ уступать безъ борьбы антиклерикальному министерству Комба и многочисленнымъ сторонникамъ. Къ антиклерикальнымъ газетамъ принадлежатъ: наиболѣе рѣзкая Lanterne, затѣмъ Radical, а также соціалистскія гезеты: La Petite République („Nouvelles de touts, de tout et partout"), L'Humanité, L'Action—„anticléricale—républicaine, socialiste", L'Aurore и др.

3) По отношенію къ вопросу о націонализмѣ газеты образуютъ также двѣ группы: первая—сторонники націонализма во внутренней жизни Франціи; вторую—составляютъ органы интернаціональные или космополитическіе. Къ первой относятся: La Patrie—organe de la defense nationale. La Libre Parole съ девизомъ: „La France aux français", Le Temps, пожалуй Figaro, теперь постепенно утрачивающій свое прежнее значеніе, и нѣкоторыя другія газеты, поставившія себѣ задачею не только противодѣйствіе чрезмѣрно усилившемуся вліянію евреевъ, но борьбу съ все болѣе распространяющимся и разлагающимъ интернаціонализмомъ, представителями котораго являются явно или скрытно преимущественно евреи же, а по направленію взглядовъ соціалисты и соціалъ-демократы,

во главѣ съ выше названными органами печати: L'Humanité, L'Action, L'Aurore и многими другими „дрейфусарами".

Существованіе такихъ органовъ печати, какъ La Patrie, La Libre Parole, во Франціи, знающей въ своей внутренней политикѣ только одинъ инородческій вопросъ—еврейскій, очень поучительно для насъ, русскихъ, имѣющихъ много подобныхъ „вопросовъ" на разныхъ окраинахъ нашего отечества... Возникновеніе года 3 назадъ „Русскаго Собранія" въ Петербургѣ со своимъ печатнымъ органомъ: „Извѣстія Русскаго Собранія", помню, было встрѣчено со злорадствомъ и насмѣшками: нѣкоторая часть нашей печати и представители нашего космополитизма, а еще болѣе индифферентизма, отнеслись къ этому факту, какъ явленію ненужному, безполезному, или даже вредному, забывши, что истина лучше достигается общими усиліями, а справедливость вѣрнѣе осуществляется тогда, когда каждый самъ отстаиваетъ свои интересы. Между тѣмъ во Франціи, La Libre Parole существуетъ 12 лѣтъ, а La Patrie насчитываетъ уже 64 годъ своего существованія!

Кстати—многіе органы печати во Франціи отличаются большою давностью существованія: самою старою газетою является Journal des Debats—116 годъ, Figaro—51 годъ, Gaulois—39, Le Petit Parisien—29, La Lanterne—27 годъ и т. п.

Во Франціи вѣрятъ въ силу печатнаго слова; поэтому всякое направленіе взглядовъ, политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, экономическихъ, всякое предпріятіе, даже частный интересъ стараются себя пропагандировать при помощи существующихъ органовъ печати, или основываютъ свою газету, не щадятъ матеріальныхъ средствъ и не считаются даже съ убытками, неизбѣжными въ началѣ всякаго дѣла. Оттого при свободѣ слова въ печати отражается вся Франція со всѣми ея теченіями мысли, со всѣми ея интересами, цѣлями, стремленіями... До какихъ мелочей глубины и полноты доходитъ это отраженіе, показываетъ существованіе такихъ органовъ печати, какъ: Femina, La Femme, Charme, Galanterie, Le Jockey, L'Auto, Paris-Sport, L'Echo des plages, Le Sable (Organ independant defenseur des intérêts des plages normandes), Le billard français, газетка билліардистовъ, выходящая два раза въ мѣсяцъ. Даже уличные бродячіе пѣвцы-попрошайки имѣютъ въ рукахъ кипы листковъ „La gloire du chanteur" и, распѣвая пѣсни, предлагаютъ ихъ своимъ случайнымъ слушателямъ и слушательницамъ, распространяя этимъ способомъ новые парижскіе шансонетки и романсы. Мало того, въ общей печати находитъ себѣ мѣсто даже обмѣнъ мыслей

по поводу чисто личныхъ интересовъ, конечно, уже за отдѣльную плату. Мы имѣемъ въ виду здѣсь не объявленія, касающіяся брачныхъ вопросовъ, для которыхъ во французскихъ газетахъ есть особые отдѣлы: Mariages, наряду съ продажей мебели, наймомъ квартиръ и т. п., а отдѣлы личной переписки: Correspondance personelle, Petite correspondance, когда одна изъ заинтересованныхъ сторонъ потеряла изъ виду другую, или почему-либо иному не можетъ войти съ нею въ сношенія по почтѣ. Чаще всего, это—остроумный пріемъ секретной переписки между тайно влюбленными, способъ назначенія свиданій и т. п.; но тутъ же нерѣдки случаи анонимнаго обнаруженія сердечныхъ драмъ, разбитой жизни, тяжелыхъ душевныхъ страданій. Въ обоихъ этихъ отдѣлахъ можно найти много очень характерныхъ чертъ жизни и нравовъ французскаго семейнаго уклада: самыхъ прозаическихъ стремленій, чувственныхъ вожделѣній, коммерческаго расчета и т. п.

Изъ этой краткой и, безъ сомнѣнія, неполной характеристики французской печати читатели должны убѣдиться, какъ, благодаря свободѣ слова, богато, многосторонне, правдиво отражаетъ пресса народную жизнь Франціи во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, что благодаря той же свободѣ слова, среди французской печати, наряду съ серьезными и добросовѣстными органами, нерѣдко пышно расцвѣтаетъ и чертополохъ и дурманъ, въ родѣ Le Supplement—приложеніе къ журналу, неприличнаго названія, пошлѣйшаго изданія съ рисунками, изображающими женщинъ въ костюмахъ прародительницы Евы, и помѣщающему статьи, сплошь посвященныя вольному или невольному раздѣванію дамъ въ присутствіи знакомыхъ и не знакомыхъ мужчинъ съ самымъ подробнымъ перечисленіемъ разныхъ частей ихъ туалета, но, во-первыхъ, это еще болѣе подтверждаетъ полноту отраженія жизни во французской печати, а во вторыхъ, такія изданія имѣютъ свой спеціальный кругъ читателей, любителей и любительницъ флирта въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ—лицъ, торгующихъ своею, мужскою или женскою красотой. Въ общемъ же, французская печать, являясь свободнымъ выраженіемъ взглядовъ французскаго народа, его интересовъ, стремленій, настроеній и характера богато одаренной націи, теперь столь глубоко проникаетъ собою всѣ сферы его жизни, столь глубоко и многосторонне вліяетъ на весь ея укладъ, что сама становится уже стихіей жизни народа, и отнять у французовъ ихъ прессу значило бы лишить ихъ духа жизни, ослабить и обезцвѣтить всѣ ея проявленія.

Тѣмъ интереснѣе было намъ ознакомиться по печати и по бесѣдамъ съ многими собесѣдниками французами съ тѣмъ, какъ относится Франція къ намъ и нашей великой распрѣ съ Японіей.

5.

Уже первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ въ Парижъ показали, что французскій народъ и его печать относится къ намъ и нашей войнѣ съ гораздо болѣе напряженнымъ и глубокимъ интересомъ, чѣмъ Германія, хотя и въ Берлинѣ мы имѣли случай убѣдиться въ значительномъ вниманіи уличной толпы къ нашей войнѣ.

Устроившись съ вопросомъ о комнатѣ въ одномъ изъ отелей на rue Lafayette, мы пошли бродить по улицамъ города, и вышли на бульваръ Poissonière. Громадная толпа народа! Широкіе тротуары запружены народомъ; на улицѣ невообразимое движеніе экипажей, конокъ, омнибусовъ, трамваевъ и автомобилей. Кругомъ такое множество брошенныхъ рекламныхъ листковъ и карточекъ разныхъ цвѣтовъ и величинъ, что тротуаръ и вся улица кажутся засоренными и неопрятно содержимыми.

И, дѣйствительно, Берлинъ куда опрятнѣе Парижа. Улицы здѣсь метутся и моются только по утрамъ. Да, признаюсь, при такомъ движеніи, едва ли возможно устроить непрерывную ихъ уборку и очистку въ теченіи всего дня.

На углу Boulevard Poissonière и Rue Faubourg Poissonière увидѣли въ огромныхъ зеркальныхъ окнахъ цѣлую выставку, относящуюся къ нашей войнѣ съ Японіей. У витринъ стояла такая толпа, что у насъ городовой навѣрное вмѣшался бы и сталъ бы водворять порядокъ, такъ какъ стоявшая толпа запрудила широкій тротуаръ и мѣшала въ значительной степени проходить другой двигавшейся толпѣ, изъ которой непрерывнымъ потокомъ выдѣляется новый составъ зрителей, на смѣну уходившимъ отъ витринъ. На стѣнѣ дома укрѣплена огромная карта военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ съ обозначеніемъ, при помощи нашихъ и японскихъ флаговъ, мѣстъ, занятыхъ воюющими сторонами, и съ указаніемъ ихъ потерь во флотѣ посредствомъ маленькихъ фигуръ кораблей разной величины, символически обозначающихъ броненосцы, крейсеры, миноноски. Эти фигуры прибиты съ боку карты подъ надписью: „Perdus“. На этотъ разъ были показаны потери въ равномъ количествѣ съ обѣихъ сторонъ—по 3 корабля у насъ и у японцевъ. Три огромныхъ окна оказались заня-

тыми выставкою картинъ, иллюстрацій и фотографическихъ снимковъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи и къ русскимъ военнымъ дѣламъ. Здѣсь въ большомъ числѣ наклеены нѣсколько аляповатыя юмористическія московскія изданія картинъ и карикатуръ для народа, снимки со сценъ и городовъ на Дальнемъ Востокѣ, съ нашихъ отрядовъ всѣхъ родовъ оружія, съ нашихъ военныхъ судовъ, типы и виды Манчжуріи и новыя телеграммы. Едва ли въ самой Москвѣ можно найти столько выставленнаго матеріала, предназначеннаго для удовлетворенія естественнаго и сильно возбужденнаго любопытства публики!

Одно окно занято выставкою картинъ и фотографій, относящихся къ текущей японской военной жизни; тутъ тоже можно увидѣть всяческія каррикатуры по нашему адресу, изданныя въ Японіи; онѣ совсѣмъ неоригинальны, неостроумны и сдѣланы значительно хуже нашихъ московскихъ и воочію опровергаютъ заблужденіе на счетъ высокой культурности страны Восходящаго Солнца: печатное дѣло тамъ поставлено хуже нашего, даже въ народныхъ изданіяхъ. Смотрю, чтобы узнать, что это: музей, магазинъ или какое-либо другое подобнаго рода учрежденіе, оказывается—эта выставка устроена при редакціи газеты „Le Matin".

На Rue Lafayette, при редакціи газеты „Le Petit Journal", тоже можно найти такую же выставку. Рядъ подобныхъ же выставокъ устроили редакціи и остальныхъ главныхъ газетъ; картины подобраны умѣло и систематически, такъ что въ Парижѣ можно найти много мѣстъ, гдѣ всякій, остановившись на 5—10 минутъ, узнаетъ послѣднія новости и можетъ составить себѣ представленіе о положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, о мѣстныхъ дорогахъ, городахъ, деревняхъ и вообще объ условіяхъ жизни, о типахъ, о средствахъ борьбы, узнаетъ отдѣльныя ея сцены.

Уже въ этихъ внѣшнихъ фактахъ видна напряженность интереса къ нашей войнѣ среди столичнаго населенія Франціи съ явными обнаруженіями его къ намъ расположенія. Дальнѣйшія наблюденія, какъ нельзя лучше, подтвердили этотъ первоначальный выводъ, невольно являющійся при первыхъ впечатлѣніяхъ. Интересъ къ войнѣ и расположеніе французовъ къ намъ наблюдаются и въ содержаніи развлеченій въ Парижѣ: намъ приходилось встрѣчать на улицахъ и бульварахъ ходячія рекламы съ картинами предстоящихъ развлеченій и увеселеній въ разныхъ заведеніяхъ подобнаго рода. Среди картинъ были и такія, въ которыхъ высмѣиваются японцы, рисуется ихъ плачевное положеніе въ борьбѣ съ рус-

скими, и это—несмотря на то, что въ текущій періодъ войны успѣхъ и удачи пока стоятъ на сторонѣ нашего врага.

Дальнѣйшее ознакомленіе съ французской періодической печатью самыхъ различныхъ направленій и оттѣнковъ, отъ столичныхъ до провинціальныхъ изданій, а также и бесѣды съ случайными знакомыми внесли нѣкоторую поправку въ только что высказанный нами выводъ о расположеніи къ намъ французовъ, такъ какъ напряженность и глубина интереса во Франціи къ нашей войнѣ сами по себѣ еще не представляли бы для насъ особеннаго значенія: при страсти французовъ ко всему необычайному и сенсаціонному французская печать, какъ мнѣ кажется, точно также относилась бы и ко всякой войнѣ. Для насъ же важно то, что ближайшее и обстоятельное знакомство со многими органами печати во Франціи подтвердило вѣрность нашего перваго впечатлѣнія и выяснило, что огромное большинство французскихъ газетъ относится къ намъ съ горячимъ сочувствіемъ и несомнѣннымъ и глубокимъ расположеніемъ и доброжелательствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что въ многочисленной семьѣ французскихъ газетъ теперь есть и заклятые враги Россіи, чего нельзя было сказать еще 2—3 года назадъ. Но о нашихъ недругахъ мы скажемъ въ концѣ нашего доклада, а теперь обратимся къ большинству, намъ несомнѣнно благожелательному и сочувствующему, по крайней мѣрѣ, *на словахъ*. Говорю это не иронически, такъ какъ слово тамъ, гдѣ оно свободно и независимо, имѣетъ огромное и фактическое значеніе. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, до сихъ поръ все еще мало считаемся съ этимъ и мало заботимся о развитіи и вліяніи нашего слова и внутри нашего отечества и за границей, за что и расплачиваемся очень дорогою цѣною, уступая пока и въ этомъ отношеніи нашимъ желтолицымъ врагамъ, „варварамъ“ японцамъ.

Итакъ, повторяемъ, интересъ къ Россіи и къ нашей войнѣ съ Японіей во Франціи и напряженный и глубокій; но французы обнаруживаютъ весьма серьезный интересъ и къ Японіи. Важнѣйшія французскія газеты, къ которымъ надо отнести Matin, Petit Parisien. Echo de Paris, Petit Journal, Temps, Figaro, Journal, La Patrie. La Liberté и нѣкоторыя другія—всѣ эти газеты, говоримъ мы, имѣютъ спеціальныхъ и частныхъ корреспондентовъ въ нашей и японской столицахъ, въ важнѣйшихъ городахъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ арміяхъ воюющихъ сторонъ. Сообщеній получается очень много, газеты съ лихорадочнымъ интересомъ ловятъ и

передаютъ извѣстія, отводя для этого по два отдѣла для телеграммъ, какъ и у насъ. При этомъ пресса посвящаетъ не меньше вниманія нашему врагу, и странамъ, сопредѣльнымъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Въ приложеніи къ „Le Petit Journal" носящемъ названіе „Le Petit Journal militaire, maritime, coloniale", очень опрятномъ иллюстрированномъ изданіи, помѣщается цѣлый рядъ очерковъ и описаній Японіи, Кореи, Китая, а въ текстѣ газеты, равно какъ и въ другихъ газетахъ, печатается множество статей, посвященныхъ изученію Японіи въ разныхъ отношеніяхъ, много иллюстрацій, имѣющихъ цѣлью познакомить читателей съ формами и условіями жизни въ странѣ Восходящаго Солнца, со взглядами, нравами, обычаями ея жителей. Чтобы дать представленіе о содержаніи статей подобнаго рода, я назову нѣсколько наиболѣе крупныхъ, которыя намъ пришлось въ это лѣто читать во французскихъ газетахъ. 1) Thomas Grimm помѣстилъ въ Petit Journal (27 іюля н. ст.) статью „L'Origine du Japon", въ которой указываетъ на заносчивость, самомнѣніе, надменное отношеніе японцевъ ко всѣмъ другимъ народамъ, какъ на господствующія черты характера этой націи. Мнѣнія свои авторъ основываетъ и доказываетъ методомъ историческимъ, приводя различныя народныя преданія японцевъ, по одному изъ которыхъ, напримѣръ, японцы ведутъ свое происхожденіе не больше не меньше, какъ... отъ самихъ боговъ. Мнѣніе Томаса Гримма нашло себѣ новое подтвержденіе въ сообщеніи одного, сколько помню, англійскаго корреспондента изъ подъ Ляояна, въ которомъ онъ говоритъ, что японскіе солдаты считаютъ себя принадлежащими къ непобѣдимой арміи, посланной небесами. Опасная увѣренность, находящая себѣ, впрочемъ, историческій прецедентъ въ аналогическомъ воззрѣніи Чингисъ-хана, и его ордъ на свое высшее происхожденіе и предназначеніе.

2) Въ Le petit Parisien 25 іюля была напечатана статья Tenn'a Frollo и L'Ecole d'un peuple, въ которой авторъ, опираясь на мнѣніе извѣстнаго профессора College de France M. Jacque Flach'a, указываетъ на воинственность, мужество, смѣлость, мстительность и высокомѣрное отношеніе къ чужеземцамъ, какъ на главныя черты нравственнаго воспитанія, получаемаго въ школахъ самураями, представителями древняго японскаго дворянства и рыцарства, идеалы котораго усвоила теперь вся нація.

3) Въ этой же газетѣ была помѣщена статья „Новый японскій военный уставъ".

4) Рядъ статей въ „Echo de Paris", подъ заглавіемъ: „Le Japon et M. Rudyard Kipling", представляющихъ переводъ съ солидной работы Kipling'а, сдѣланный совмѣстно Louis Faboulet'омъ и Artour Austin-Sackson'омъ.

5) Статья Lucien'a Descaves'a въ Le Journal (19 іюля) „Nos confreres", характеризующая дѣльцовъ печатнаго слова въ Японіи.

6) Рядъ статей, специальнаго корреспондента газеты Le Temps, Charles Dettit'a въ Токіо и многія другія. Мы намѣренно остановились нѣсколько подробнѣе на этого рода статьяхъ, чтобы показать, насколько старательно и съ какихъ разнообразныхъ сторонъ французская печать изучаетъ сама и знакомитъ читателей съ вновь выдвигающимся факторомъ въ области международныхъ отношеній, съ факторомъ, съ которымъ и Франціи придется считаться въ виду близости Японіи къ французскимъ колоніямъ въ Индо-Китаѣ. Остается только пожелать, чтобы и наша печать послѣдовала этому примѣру и получила бы возможность широко и свободно изучать и обстоятельно знакомить русское общество съ нашими сосѣдями съ востока, съ запада, съ сѣвера и юга, чтобы нашему отечеству не пришлось во второй разъ попасть въ такія же неожиданныя и тяжкія условія обороны нашей чести и политическаго могущества, какія мы переживаемъ теперь. Дѣятельность чиновниковъ нашей дипломатіи оказалась недостаточною для этой цѣли: урокъ, данный намъ судьбою, слишкомъ ясенъ и убѣдителенъ. Однако изъ прошлаго перечня этихъ статей и указанія ихъ общихъ идей уже ясно, что интересъ къ Японіи у большинства французскихъ газетъ или академическій или же прямо враждебный. Руководящею мыслею этихъ статей является стремленіе раскрыть такія стороны жизни и характера японцевъ, которыя могутъ служить доказательствомъ или разъясненіемъ, какую опасность для Франціи и для бѣлой расы вообще представляетъ возрожденіе и усиленіе могущества этихъ представителей желтой расы.

Въ противоположность этому статьи, очерки, корреспонденціи, иллюстраціи, имѣющія отношеніе къ намъ, въ большинствѣ газетъ дышатъ симпатіей, стремленіемъ выяснить истинныя и непреодолимыя въ данный моментъ времени причины нашихъ отступленій, военныхъ неудачъ въ текущій подготовительный періодъ войны; газеты выражаютъ искреннее, горячее сожалѣніе по поводу утратъ, которыя мы испытывали въ составѣ нашихъ военачальниковъ и выдающихся офицеровъ,

скорбь, по поводу обнаруженія нашихъ внутреннихъ неустройствъ и язвъ нашей государственной и общественной жизни.

При этомъ считаю себя обязаннымъ сказать, что этотъ господствующій тонъ въ многоголосомъ хорѣ французскихъ газетъ одинаково свойственъ какъ столичнымъ, такъ и тѣмъ провинціальнымъ изданіямъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться. Сюда относятся: Le „Calvados"—ежедневная политическая и литературная газета, представляющая и отстаивающая интересы департамента Calvados и „Le Peuple Normand", въ этомъ году возникшее клерикальное изданіе для народа съ девизомъ „Tout pour le peuple et tout par le peuple".

Наиболѣе распространныя парижскія газеты, каковы: „Le Petit Parisien", „Le Petit Journal", „L'Echo de Paris", „La Patrie", „Le Journal" не пропускаютъ, кажется, ни одного благопріятнаго намъ случая, чтобы не отмѣтить, не подчеркнуть его, или въ текстѣ, или въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ, гдѣ таковыя имѣются, сопровождая рисунки и фотографическіе снимки пояснительными статьями, и это дѣлается съ самаго начала войны и до сихъ поръ. Органы печати сообщаютъ извѣстія или изображаютъ въ картинахъ различные случаи и боевые эпизоды, въ которыхъ обнаруживается несравненная стойкость, изумительный героизмъ храбрыхъ и самоотверженныхъ защитниковъ нашей народной чести и государственнаго могущества на Дальнемъ Востокѣ.

На страницахъ французскихъ газетъ я встрѣчалъ сообщенія о человѣколюбіи нашего солдата, о его удивительномъ умѣньи ладить съ китайскимъ населеніемъ, о его справедливости въ отношеніи къ нему. Думаю, что не безъ цѣли газеты брали подобныя свѣдѣнія иногда изъ англійскихъ и итальянскихъ источниковъ, вообще намъ враждебныхъ. Сообщая о нашихъ военныхъ неудачахъ, французскія газеты стараются объяснить ихъ малочисленностью нашихъ силъ или физическими трудностями и другими тяжкими внѣшними условіями веденія этой войны въ мѣстахъ, отдаленныхъ колоссальнымъ разстояніемъ отъ нашего центра—истинной базы войны.

Все это нельзя не вмѣнить въ заслугу дружественной намъ французской печати, особенно, если сопоставить ея общій тонъ съ огульно враждебнымъ отношеніемъ къ намъ англійской, швейцарской и итальянской прессы. Но еще болѣе важную услугу оказываетъ намъ французская печать тѣмъ, что важнѣйшія ея органы выясняютъ истину среди массы ложныхъ извѣстій, которыя мутными волнами наводняютъ за границею газеты, благодаря удивительно единодушному искаже-

нію правды во вредъ намъ, какъ со стороны японцевъ, такъ и со стороны враждебныхъ намъ телеграфныхъ агентствъ. Задача эта тѣмъ труднѣе была для французской печати, что въ первый оборонительный періодъ войны, въ силу нашей неподготовленности, мы все отступали передъ японцами и этимъ давали вѣроятность всевозможнымъ, иногда прямо оскорбительнымъ для нашей народной чести, измышленіямъ касательно происходившихъ въ это время битвъ и очищенія городовъ. Однако, несмотря на это, французская печать въ большинствѣ своихъ органовъ стойко и неизмѣнно или смягчала наши дѣйствительныя неудачи, или опровергала преувеличенныя и ложныя извѣстія, повѣряя ихъ нашими оффиціальными данными, или же пользуясь сообщеніями изъ тѣхъ же заграничныхъ источниковъ, зачастую взаимно противорѣчивыми, и жестоко высмѣивала ложь и клевету нашихъ недруговъ. Большинство газетъ, печатая телеграммы изъ Токіо, Лондона или Рима, всегда сопровождаетъ ихъ примѣчаніями о томъ, что этого рода сообщенія надо принимать съ осторожностью и для выясненія истины ожидать извѣстій изъ русскихъ источниковъ. Послѣднія всегда появлялись позже, особенно оффиціальныя, и потому картина при всякомъ военномъ столкновеніи получалась такая: сначала всѣ извѣстія представляли дѣло для насъ въ исключительно печальномъ и даже безнадежномъ видѣ; потомъ черезъ день черезъ два, дѣло представлялось въ иномъ видѣ, болѣе намъ благопріятномъ; а иногда первыя извѣстія оказывались и прямо ложными. Помню, занятіе японцами Кай-Пинга представлено было самими японцами, какъ блестящая побѣда. L'Eclair, приведя рапортъ г. Сахарова и указавъ, что потери русскихъ предъ оставленіемъ этого пункта состояли всего изъ 200 человѣкъ, ядовито добавилъ: „слѣдовательно, депеша изъ Токіо, сообщившая о занятіи этого города *послѣ цѣлой серіи жестокихъ битвъ*, является смѣшнымъ преувеличеніемъ успѣха". Мы привели эти слова потому, что они являются типичными для характеристики отношенія большинства французскихъ газетъ къ японскимъ извѣстіямъ. Особенно, помню, досталось адмиралу Того, за ложное сообщеніе о результатахъ боя, происшедшаго въ концѣ іюня между нашей и японской эскадрами и за извѣстіе о гибели еще одного нашего броненосца; кажется, онъ назвалъ тогда „Цесаревича". Сначала было французскія газеты повѣрили „оффиціальнымъ" японскимъ извѣстіямъ и успѣли даже выразить горячія сожалѣнія по поводу новаго несчастія, постигшаго нашъ флотъ; но когда русскія и иностранныя извѣстія раскрыли истину,

всѣ главныя газеты во Франціи помѣстили негодующія статьи и единодушно осудили проявленіе лжи въ рапортахъ главныхъ начальниковъ японскихъ силъ; газеты выразили сожалѣніе, что ложь находитъ себѣ мѣсто даже въ оффиціальныхъ японскихъ извѣстіяхъ и причиняетъ напрасныя страданія родственникамъ тѣхъ, которые служатъ на судахъ, показанныхъ адмираломъ Того погибшими, ради собственнаго прославленія и лести страстямъ японской черни. Такія статьи мы читали въ газетахъ: Presse. Eclair, Matin, Echo de Paris, Journal и др. Даже Intransigeant, Liberté, Radical, вообще спокойно разсматривающія ходъ военныхъ событій, не могутъ иногда удержаться отъ ироніи и насмѣшки по адресу японцевъ.

Особенно характерны были тѣ статьи французскихъ газетъ, которыя появились на ихъ страницахъ по случаю истеченія шести мѣсяцевъ послѣ начала войны. Petit Journal въ двухъ большихъ статьяхъ („Six mois de guerre", „Russes et Japonais"), сдѣлавъ обозрѣніе военныхъ событій за шестимѣсячный періодъ войны, сравнилъ силы воюющихъ, линіи ихъ сообщеній, дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ и битвы; сравненіе было произведено объективно; газета отдала должное храбрости солдатъ обѣихъ сторонъ; но въ концѣ концовъ, несмотря на явный перевѣсъ успѣховъ за это время въ пользу японцевъ, Petit Journal не счелъ возможнымъ предположить, чтобы конечный успѣхъ остался за нашими врагами.

La Patrie по этому же случаю помѣстила статью Russes et Nippons Alfred'a Duquet'a. Авторъ этой статьи также, объективно и многосторонне разсматривая взаимное положеніе воюющихъ сторонъ, указываетъ на невозможность дѣлать какіе либо выводы о ближайшихъ успѣхахъ воюющихъ за недостаткомъ вѣрныхъ извѣстій съ театра войны; обсуждаетъ тактику Куропаткина, указываетъ на длину и недостаточность развитія нашей комуникаціонной линіи, на плохую постройку сибирской желѣзной дороги, на происходящія отсюда малочисленность войскъ и слабость нашей артиллеріи, но все же не находитъ вѣскихъ основаній для слишкомъ большого пессимизма и говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Теперь насъ увѣряютъ, будто у Гай-Чена началась битва въ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для русскихъ. „По моему", говоритъ авторъ статьи, „пессимисты не достаточно принимаютъ во вниманіе силу сопротивленія русскаго солдата, которая необычайна".

Подобнаго же содержанія были помѣщены статьи въ „Petit Parisien", „Temps", „Figaro" и другихъ газетахъ. Между прочимъ, въ самомъ началѣ моего пріѣзда во Францію, когда

я еще не думалъ, чтобы чтеніе французскихъ газетъ меня такъ заинтересовало и увлекло, я прочиталъ, кажется въ газетѣ „Le Temps", статью, о которой мнѣ пришлось вспомнить позже уже здѣсь, въ дни лаоянскихъ боевъ и отступленія нашей арміи. Среди ликующихъ извѣстій руссофобскихъ телеграфныхъ агентствъ о нашихъ отступленіяхъ и неудачахъ, она понравилась мнѣ спокойствіемъ, объективностью и увѣренностью своего тона, къ намъ дружественнаго и полнаго довѣрія къ нашему военному могуществу. Авторъ разсматриваетъ всѣ условія возникновенія войны, сравниваетъ степень подготовленности обѣихъ сторонъ, различіе отдаленности противниковъ отъ базы войны и пути ихъ сообщеній, находитъ что всѣ эти наши отступленія передъ натискомъ японцевъ не только неизбѣжны, но и необходимы для пользы дѣла въ данный періодъ кампаніи, всецѣло одобряетъ тактику Куропаткина, говоритъ, что ему придется съ боемъ отступить за Лаоянъ, за Мукденъ, даже до Харбина. Онъ не скрываетъ, что все это будетъ стоить огромнаго и матеріальнаго и нравственнаго ущерба, будетъ сопровождаться временною утратою престижа среди китайцевъ и за границей, но тѣмъ не менѣе, авторъ высказывалъ тогда—это было при очищеніи нами Инкоу, только опасеніе, какъ бы какія либо внѣшнія причины давленія русскаго общественнаго мнѣнія или воля Государя не заставили Куропаткина преждевременно отступить отъ своего плана и принять рѣшительный бой, такъ какъ по убѣжденію автора этой статьи, только эта тактика, при данныхъ условіяхъ войны, въ концѣ концовъ обезпечитъ Россіи рѣшительное и полное торжество надъ Японіей.

Я собралъ цѣлую серію иллюстрацій, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ „Petit Journal" и „Petit Parisien". Вотъ ихъ сюжеты: „Героизмъ русскихъ музыкантовъ", „На батареяхъ Портъ-Артура" во время боя, „Бой при Тюренченѣ" 2-й и 3-й батареи 6-й бригады, „Аттаки казаковъ на отрядъ японцевъ къ сѣверу отъ Гензана", „Героизмъ русскаго священника", „Казаки, аттакованные стаями волковъ въ Манчжуріи" и многія другія картины въ этомъ родѣ. Считаю нужнымъ присоединить еще, что за все лѣто, просматривая юмористическія журнальчики во множествѣ выходящіе въ Парижѣ, я не видѣлъ ни одной каррикатуры, направленной противъ русскихъ, а это, при безусловной свободѣ и большомъ соблазнѣ для редакцій позубоскалить на счетъ нашихъ неудачъ, явленіе прямо замѣчательное.

Правда, что расположенныя къ намъ французскія газеты

не стѣсняются указывать многіе наши недостатки, язвы общественныя и политическія, бывшія несогласія между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ, интриги партій при дворѣ. Такія сообщенія было непріятно читать, и они казались противорѣчащими общему тону газетъ, но вдумавшись въ нихъ, я склоненъ и въ этомъ явленіи видѣть проявленіе ихъ расположенія: истинные друзья бываютъ откровенны. И замѣчательныя руссофобскія газеты L'Humanité, руководителемъ которой является Жанъ Жоресъ, L'Action—со своимъ главою Fleury Bérenger и L'Aurore, направляемый Клемансо, всѣ органы соціалистовъ и интернаціоналистовъ съ сотрудниками большею частью изъ евреевъ, проникнутые, мало сказать, руссофобствомъ, больше: бѣшеною ненавистью къ русскому правительству и Россіи—очень бѣдны сообщеніемъ фактовъ о нашихъ дѣйствительныхъ недостаткахъ и неустройствахъ: въ нихъ если и помѣщаются извѣстія о нашихъ непорядкахъ, то эти извѣстія такъ элементарно тенденціозны, такъ дѣтски наивно освѣщены, что не могутъ внушить къ себѣ довѣрія ни одному человѣку со здравымъ смысломъ и часто производятъ впечатлѣніе, обратное цѣли, ради которой они сфабрикованы. При этомъ главнымъ очагомъ фабрикація этихъ свѣдѣній, сколько я могъ замѣтить, по указаніямъ источниковъ въ названныхъ газетахъ, является западная, прусско-австрійская граница, кишащая еврейско-польскими руссофобскими элементами, но о нихъ будетъ рѣчь ниже. Но зато въ этихъ газетахъ много брани, глумленія, цинизма по адресу Россіи. При этомъ я никакъ не могъ найти въ нихъ выясненія основаній и причинъ ихъ ненависти къ намъ. Я спрашивалъ объ этомъ у моихъ случайныхъ знакомыхъ французовъ, и они мнѣ отвѣчали съ нескрываемымъ сарказмомъ, что они сами не могутъ хорошенько понять, почему Клемансо, Беранже и Жоресъ ведутъ руссофобскую политику; о Жоресѣ же, членѣ палаты депутатовъ, они отзывались, какъ о нахальномъ болтунѣ и фразерѣ, называли le canaille и высказывали предположеніе, что онъ получаетъ отъ англичанъ деньги за руссофобское и англофильское направленіе своей газеты. При этомъ мои собесѣдники старались увѣрить меня, что мнѣнія Жореса, Клемансо и Беранже не выражаютъ взглядовъ Франціи, какъ цѣлой страны и націи. При этомъ, одинъ изъ собесѣдниковъ, помоложе, говорилъ, что все же газеты, руководимыя этими господами, оказываютъ вліяніе на массу, особенно на рабочихъ; другой же, постарше, отрицалъ и это. Я старался, какъ могъ, про-

вѣрить слова моихъ собесѣдниковъ и вотъ факты, которые я собралъ по этому вопросу.

Въ Вилерѣ есть двѣ газетныхъ лавки; покупая ежедневно много газетъ, а въ томъ числѣ и вышеназванныя, я спросилъ однажды у продавщицъ (ихъ нѣсколько), не могутъ ли онѣ указать мнѣ французскихъ руссофобскихъ газетъ. Моя просьба показалась имъ удивительной; перекинувшись нѣсколькими фразами совѣщательнаго характера, онѣ мнѣ отвѣтили, что такихъ не знаютъ, а вотъ англійскія есть... Въ другой разъ я имъ указалъ на Humanité какъ на очень враждебную Россіи газету и спросилъ, сколько номеровъ въ день онѣ продаютъ. Француженки въ первую половину лѣта отвѣтили—одинъ два номера въ день... Въ числѣ этихъ номеровъ одинъ пріобрѣталъ я; во вторую половину лѣта число продаваемыхъ номеровъ Humanité поднялось до 6; L'Action, L'Aurore магазинъ пересталъ выписывать за ненадобностью. Въ другомъ же магазинѣ эти газеты совсѣмъ не получались, такъ какъ на нихъ „не было покупателей". Если къ этому прибавить еще тотъ фактъ, что L'Humanité имѣетъ только первый годъ изданія, L'Action—второй годъ, L'Aurore—тоже, сколько помню, молодая газета, а также то, что до Вилера доходило за лѣто всего отъ 84 до 103 экземпляровъ отпечатанныхъ номеровъ, то, пожалуй, дѣйствительно надо признать правдоподобнымъ, что эти газеты пока не пользуются ни распространеніемъ, ни вліяніемъ во Франціи и издаются *въ убытокъ* редакціямъ, что дѣлаетъ вѣроятнымъ и предположеніе моихъ знакомыхъ французовъ о субсидированіи этихъ газетъ англійскими деньгами. Самой опасной изъ нихъ является L'Humanité, руководимая Жоресомъ, первой скрипкой у котораго является M-r Herr, очевидно, еврей. Болѣе подробную характеристику этихъ органовъ печати мы откладываемъ до слѣдующаго засѣданія, а теперь, въ заключеніе нашей бесѣды, я не могу не обратить вниманіе г.г. сочленовъ на настоятельную необходимость для Россіи позаботиться объ основаніи во Франціи, да и не во Франціи только, а и въ другихъ государствахъ Западной Европы, каковы: Германія, Италія, Англія, Швейцарія—объ основаніи независимыхъ русскихъ газетъ на иностранныхъ языкахъ для истиннаго и доброжелательнаго ознакомленія чужеземцевъ съ нами и нашимъ укладомъ жизни, для опроверженія и противовѣса той лжи о насъ, тѣмъ клеветамъ, которыя распространяются нашими врагами. Правда, что соціалистическія интернаціональныя и разныя революціонныя газеты, издающіяся за границей и на русскомъ языкѣ отличаются

лживостью, крикливостью формы, нахальствомъ, крайнею односторонностью высказываемыхъ взглядовъ, сгущеніемъ красокъ; всѣ эти качества подрываютъ къ нимъ довѣріе у образованныхъ людей, и у лицъ, знающихъ Россію, но зато именно эта элементарность мышленія, смѣлость и наглость нападокъ дѣлаютъ эти газеты убѣдительными для полупросвѣщенной и непросвѣщенной массы читателей,—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ; да и высшіе интеллигентные слои заграничнаго общества могутъ быть въ концѣ концовъ загипнотизированны *согласнымъ по уговору* крикомъ и воемъ этой части зарубежной печати. Это тѣмъ болѣе возможно, что наша отечественная пресса не имѣетъ надлежащаго вѣса среди заграничныхъ собратій, такъ какъ они не безъ основанія полагаютъ, что наши газеты не могутъ при условіяхъ своего существованія выражать истинныхъ мнѣній русскаго общества и народа, и замѣчательно, голоса нашихъ газетъ доносятся за границу слабо, точно съ того свѣта; выраженія мнѣній ихъ кажутся вялыми, блѣдными сравнительно съ опредѣленнымъ и яркимъ рѣзкимъ выраженіемъ мнѣній, которыя приходится читать тамъ, за рубежемъ. Это особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ либо государствѣ, въ печати подымается кампанія противъ Россіи, которой обыкновенно нельзя найти эквивалентнаго противовѣса въ нашей прессѣ. Я убѣдился въ этомъ по случаю нашего дипломатическаго столкновенія съ Англіей по злополучному вопросу о нашихъ добровольцахъ „Петербургѣ", „Смоленскѣ" и о захватѣ ими англійскаго парохода „Малляки".

Борьба между народами идетъ вовсе не только на поляхъ битвъ, не только при помощи броненосцевъ и орудій разныхъ усовершенствованныхъ типовъ; борьба, не менѣе важная идетъ по всѣмъ линіямъ и непрерывно при помощи печатнаго станка и той международной арміей дѣятелей печатнаго слова, которые неустанно явно и тайно ведутъ цѣлыя военныя кампаніи и острыя перья которыхъ не менѣе опасны, чѣмъ штыки солдатъ. Больше того, дѣятельность этихъ армій является въ наше время той силой, которую недаромъ считаютъ „великой державой" и которая направляетъ разрушительныя силы народовъ въ желаемомъ направленіи. Ряды бойцовъ нашего печатнаго слова немногочисленны, голоса ихъ слабы и маловнушительны, пополнить ихъ тѣмъ необходимѣе, что Россія имѣетъ сплоченныхъ враговъ на западѣ и за океаномъ; натискъ ихъ отличается вовсе не случайнымъ характеромъ: онъ, несомнѣнно, имѣетъ международную организацію.

Во главѣ ихъ стоятъ наши заклятые враги англичане, и... интернаціоналисты, среди которыхъ большая часть евреевъ. Враги эти ведутъ кампанію противъ насъ по совершенно различнымъ причинамъ, но ряды ихъ проникаютъ за нашъ рубежъ, сѣютъ смуту, подпольными путями пропагандируютъ космополитизмъ, атрофируютъ наше патріотическое чувство, воспитываютъ дряблость и индифферентное чувство къ своему родному. Я бы могъ вамъ, господа, привести всякія данныя для поясненія и доказательства своихъ положеній, изъ имѣющагося у меня матеріала, но мое сообщеніе и безъ того затянулось.

Итакъ, господа, на основаніи всѣхъ, приведенныхъ мною фактовъ видно, что огромное большинство французскихъ газетъ стоитъ на нашей сторонѣ, ведетъ кампанію въ нашу пользу, отстаивая нашу военную честь, несмотря на наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ, выясняя всѣми способами правду въ безчисленныхъ, намѣренно ложныхъ донесеніяхъ съ театра военныхъ дѣйствій, распространяемыхъ враждебными намъ телеграфными агентствами и корреспондентами. Она радуется нашимъ удачамъ, скорбитъ объ испытаніяхъ, посылаемыхъ намъ судьбой, въ которыхъ, впрочемъ, и сами мы не безъ вины. Въ этихъ своихъ стремленіяхъ, она, скажу не колеблясь, достигаетъ своей цѣли и поддерживаетъ довѣріе къ намъ и нашимъ силамъ среди своихъ согражданъ, а можетъ быть, и вообще за границею. Гораздо меньше, даже почти ничего она не дѣлаетъ для выясненія истины о нашихъ внутреннихъ порядкахъ и укладѣ жизни, на которыя такъ усердно клевещутъ органы соціалистовъ, интернаціоналистовъ и нашихъ же революціонеровъ, бѣжавшихъ за границу и оттуда разливающихъ свою ядовитую ложь о нашемъ отечествѣ, о нашихъ нравахъ. Это впрочемъ и понятно: давать противовѣсъ этимъ элементамъ наша обязанность и мы должны цѣнить эти дружескія услуги нашихъ союзниковъ и быть имъ благодарны, хотя бы они дѣлали это по эгоистическимъ соображеніямъ и побужденіямъ. А это такъ и есть, и французы этого не скрываютъ, какъ это видно изъ передовой статьи газеты „Patrie“, написанной Lucien'омъ Millevoyl, въ которой онъ прямо заявляетъ, что онъ защищаетъ Россію не изъ пристрастія къ русскимъ, а потому что этого требуютъ интересы его отечества. Пенять на это нечего, такъ какъ и въ частныхъ нашихъ маленькихъ дѣлахъ мы стараемся держаться съ особеннымъ усердіемъ тѣхъ людей, ухаживаемъ, заискиваемъ у тѣхъ, которые намъ

могутъ быть полезны, то тѣмъ болѣе естественъ этотъ законъ отношеній между народами.

Сантиментальность и маниловская дружба въ политикѣ болѣе чѣмъ смѣшны. Оттого, если-бы меня спросили, насколько надеженъ нашъ союзъ съ Франціей и насколько возможно ея участіе и помощь въ нашей войнѣ съ Японіей, я бы отвѣтилъ словами французовъ, съ которыми я бесѣдовалъ: „C'est posille, c'est posille", но отъ себя добавилъ бы, что это тѣмъ возможнѣе, чѣмъ больше будутъ связаны съ нашими интересами существенные интересы Франціи.

Г. Дорофеевъ.

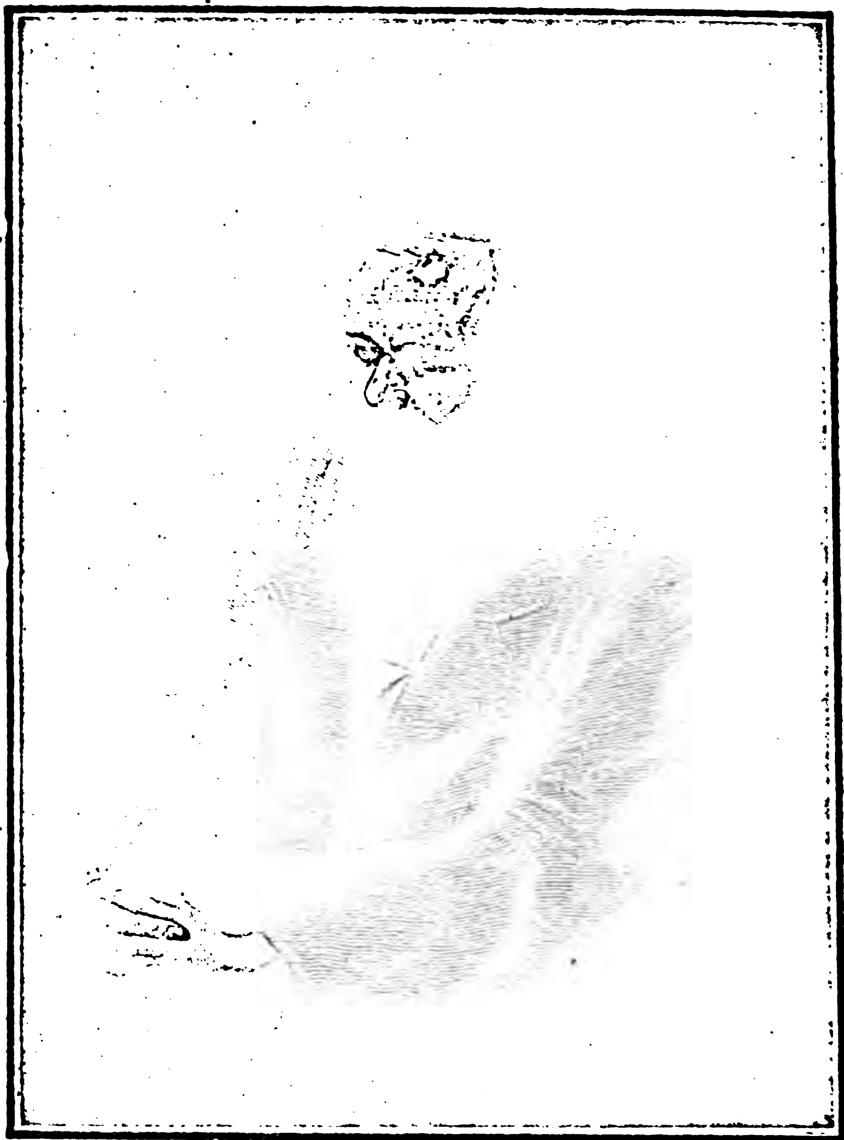
(Окончаніе слѣдуетъ).

СВОЙ и ЧУЖОЙ.

Басня

Однажды Золото Желѣзу прошептало:
„Какъ ты подъ молотомъ шумишь,
Ревешь, гремишь,
Мой грубый братъ!
Скорѣе мнѣ стонать пристало:
Вѣдь я тебя нѣжнѣй въ сто кратъ.
Однако-жъ тихо я страдаю,
Почти что молча все терплю
И блескомъ въ будущемъ—я знаю—
Свои мученья искуплю".
Въ отвѣтъ Желѣзо загремѣло:
„О, ты не знаешь горькихъ мукъ,
Когда въ пять-шесть и больше рукъ
Твое терзаетъ тѣло
Тобою же рожденный тяжкій молотъ,
Отъ плоти—плоть и кости отъ костей!
Что значитъ адскій жаръ и адскій холодъ
Въ сравненьи съ мукою моей!
Пойми, пойми, мой драгоцѣнный:
Тебя бьетъ молотокъ чужой,
Меня жъ со злобой неизмѣнной
Терзаетъ свой!"

М. Савиновъ.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

И. С. Аксаковъ и Ѳ. М. Достоевскій о мѣрахъ матеріальнаго обезпеченія духовенства.

Въ статьѣ „О пасхальномъ хожденіи по приходу", помѣщенной въ № 19 (за 1904 годъ) Церковнаго Вѣстника, свящ. о. Ильенковъ справедливо указываетъ на трудность и малоплодность этого хожденія при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно теперь совершается. Въ заключеніе говорится, что „если бы сельское духовенство было обезпечено жалованьемъ, то и

самое хожденіе сельскихъ причтовъ на пасху со святыми иконами можно бы иначе обставить", т. е. сдѣлать болѣе назидательнымъ для прихожанъ и менѣе обременительнымъ для причта.

Требованіе жалованья является обычнымъ лейтъ-мотивомъ большинства статей (особенно выходящихъ изъ подъ пера лицъ духовныхъ, что и естественно), въ которыхъ рѣчь идетъ о средствахъ подъема нравственной дѣятельности и матеріальнаго обезпеченія духовенства. Очень многими назначеніе жалованья признается панацеей не только отъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ духовенствомъ, но и отъ многоразличныхъ язвъ церковной жизни, въ которой духовенству принадлежитъ руководящая роль.

Такъ думаютъ не духовныя лишь, а иныя и свѣтскія лица, непосредственно (и въ нѣкоторомъ смыслѣ эгоистично) не заинтересованныя въ обезпеченіи жалованьемъ православныхъ причтовъ.

Вопросъ этотъ не только принципіально, а и практически разрѣшенъ лицами, власть имущими, въ положительномъ смыслѣ: рѣшено обезпечивать духовенство жалованьемъ, и это рѣшеніе постепенно уже осуществляется. Тѣмъ не менѣе я считаю не лишнимъ предложить вниманію читателей нѣсколько иную точку зрѣнія на данный вопросъ, которой держались два выдающихся русскихъ человѣка, два преданнѣйшихъ сына церкви, два даровитыхъ писателя, болѣвшихъ глубоко о всякихъ нестроеніяхъ родной земли. Я разумѣю И. С. Аксакова и Ѳ. П. Достоевскаго. Мнѣ извѣстны три статьи Ивана Сергѣевича, посвященныя вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Постараюсь изложить главныя мысли ихъ, по возможности, подлинными словами автора.

Первую статью свою, помѣщенную въ „Москвѣ" 22-го августа 1868 г., Ив. С. начинаетъ съ отклика одному священнику, который, разсматривая двѣ таксы за совершеніе требъ и святыхъ таинствъ, существовавшія въ двухъ епархіяхъ, признавалъ одну таксу слишкомъ высокой, другую – слишкомъ низкой. Говоря о послѣдней, священникъ доказывалъ, какъ дешево оплачивается трудъ іерея, которому, напримѣръ, предлагается служить заупокойную литургію по этой таксѣ за 25—30 коп.: „вѣдь къ литургіи надо приготовиться и служить ее съ утреней", и все это за 25—30 копѣекъ!

„Разсужденія основательныя", замѣчаетъ Ив. С., „точка зрѣнія практическая, вполнѣ соотвѣтствующая тому общему, чисто внѣшнему воззрѣнію на церковь и духовенство, которое утвердилось въ нашей церковной средѣ, благодаря воз-

дѣйствію бытовыхъ и государственныхъ началъ, внесенныхъ въ жизнь и управленіе церкви. Стоитъ только усвоить себѣ этотъ взглядъ на церковь, и служители алтаря Христова представятся намъ какъ сословіе, промышляющее своего рода ремесломъ, отъ котораго оно и кормится. Далѣе: стоитъ только приложить къ этому сословному занятію общіе вѣсы и мѣры (а такое приложеніе есть необходимое логическое послѣдствіе основнаго принятаго взгляда)—и мы непремѣнно придемъ къ заключенію, что дѣйствительно нѣтъ тягостнѣе ремесла приходскаго священника, и что онъ въ правѣ, какъ и всякій живущій своимъ ремесломъ, соображать плату за свой трудъ со всѣми тѣми живыми условіями, которыя поднимаютъ и убавляютъ,—однимъ словомъ, строятъ цѣны на ремесленное дѣло или товаръ. Но, съ другой стороны, мы должны признать правыми и тѣхъ, которые, руководясь точкой зрѣнія государственной и имѣя въ виду, что съ ремесломъ этимъ для православнаго общества связано удовлетвореніе его необходимѣйшихъ потребностей, стремятся обезпечить это удовлетвореніе наиболѣе правильнымъ образомъ и оградить общество отъ корыстнаго ремесленнаго произвола. Съ этой точки зрѣнія установленіе нормальной таксы за совершеніе требъ и таинствъ представляется вполнѣ естественнымъ, точно такъ же какъ и установленіе таксъ на предметы необходимыхъ жизненныхъ потребностей: хлѣбъ, воду и прочее...

Все это очень просто и естественно,—разумѣется, если смотрѣть со стороны внѣшняго, гражданскаго благоустройства.

„Но попробуемъ“, продолжаетъ И. С., „хоть на минуту сдвинуться съ этой точки зрѣнія, оглянемся кругомъ себя“... Куда это, въ какую трущобу мы зашли этимъ „естественнымъ“ путемъ?..“ Рѣчь идетъ о величайшихъ и страшныхъ таинахъ возрожденія, обновленія и спасенія человѣка, о возсоединеніи людей союзомъ любви и вѣры въ тѣло Христово, о пріобщеніи вѣрующихъ къ благодати Христовой въ Церкви и черезъ церковь, посредствомъ молитвенныхъ подвиговъ духа и таинствъ, видимо знаменуемыхъ церковнымъ священнодѣйствіемъ. „Развѣ есть здѣсь мѣсто куплѣ и продажѣ?“ съ горестью вопрошаетъ И. С—чъ. „Развѣ молитвенные подвиги церкви могутъ быть низведены до значенія ремесла или промысла, и молитва можетъ быть оцѣниваема какъ товаръ? Развѣ служитель церкви, освященный дарами Св. Духа, можетъ торговать своимъ святымъ полномочіемъ?“... „Мы говоримъ“, поясняетъ свою мысль Ив. С—чъ, „не о злоупотребленіяхъ, не объ обычаѣ, который есть слѣдствіе невѣжества и другихъ условій и

можетъ измѣниться вмѣстѣ съ нимп, а объ отвержденіи и регламентаціи обычая закономъ, о возведеніи его въ руководящее начало—ради государственнаго и общественнаго благоустройства. Едва ли кто-либо, отрезвившись на минуту отъ угара житейской премудрости, не содрогнется отъ ужаса при одной мысли о таксахъ на священнодѣйствія, и вообще объ этомъ низведеніи святаго, неизглаголаннаго, таинственнаго, духовнаго—до уровня вещественныхъ земныхъ интересовъ, до разсчетовъ корысти, до размѣровъ осязательной пользы, до расцѣнки на рубли и копѣйки. Такое упраздненіе святости въ святомъ, духа въ области духа, несмотря на всевозможныя видимыя практическія удобства, производитъ только мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ и упраздняетъ необходимость и причину бытія *всего учрежденія*".

„Вотъ она", со скорбью замѣчаетъ Ив. С—чъ, „та подмѣна идеала церковнаго мірскимъ, государственнымъ; вотъ она, та правда внѣшняя, которая такъ ловко подвернулась на мѣсто правды внутренней".

Упомянувъ мелькомъ о плодахъ этой подмѣны этого начала формализма, этого преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ, ослабляющаго, подрывающаго, матеріализующаго жизнь духа, плодахъ, каковы неудовлетворительность религіознаго чувства въ массѣ православнаго общества, печальное отчужденіе отъ церкви многихъ ея сыновъ, размноженіе лжнвыхъ вѣроученій и проч., упомянувъ обо всемъ этомъ, Ив. С. указываетъ, какъ по той же причинѣ, т. е. вслѣдствіе вторженія государственной стихіи въ область церкви, померкъ духовный идеалъ церковной жизни и въ средѣ духовенства. На основаніи очень многихъ статей и писемъ, полученныхъ Ив. С. отъ духовныхъ лицъ, которыя съ усердіемъ откликнулись на поднятый вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, онъ приходитъ къ заключенію, что „даже и лучшимъ изъ церковно-іерархической среды трудно выбиться изъ заколдованнаго круга внѣшнихъ, экономическихъ и юридическихъ соображеній, бытоваго матеріализма и государственнаго міросозерцанія". „Разоблачая отношенія приходскихъ священниковъ къ прихожанамъ съ откровенностью, доходившею до цинизма", читаемъ мы у Ив. С., „большинство статей склонялось въ пользу назначенія постояннаго жалованья сообразно съ существующей обычной таксой и тому подобными системами обезпеченія... Но почти ни въ одной статьѣ—обнаруживаемъ это съ искреннимъ прискорбіемъ—не было даже затронуто и вопроса о высшемъ назначеніи духовенства, не было даже и помину объ

общей задачѣ церкви, о какой либо потребности духовной, которая бы возносилась надъ заботою о потребностяхъ житейскихъ"... „Мы, конечно, въ правѣ были ожидать", замѣчаетъ Ив. С., „отъ служителей духа болѣе ревности къ духу; мы было надѣялись, что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи будетъ подчиненъ высшему вопросу о нравственномъ призваніи духовенства, вопросъ о средствахъ вопросу о цѣли; мы думали, что, разсматриваемый именно съ этой точки зрѣнія, онъ и представитъ намъ настоящія данныя для своего разрѣшенія. Матеріальное обезпеченіе необходимо, въ томъ нѣтъ и спора, но иначе, кажется, разрѣшается вопросъ для людей „духомъ горящихъ и Господеви работающихъ",—нуждающихся въ обезпеченіи только для свободнаго и всецѣлаго служенія своей задачѣ,—и иначе для людей, для которыхъ служеніе алтарю есть только одинъ изъ способовъ существованія, общественное положеніе, сословное ремесло. Одно матеріальное обезпеченіе, при скудномъ „горѣніи духа", какъ свидѣтельствуетъ исторія и дѣйствительность, не заключаетъ въ себѣ непремѣннаго ручательства въ нравственномъ подъемѣ духовенства, въ вѣрнѣйшемъ достиженіи имъ цѣли своего высокаго призванія. Въ богатыхъ приходахъ дѣло идетъ не лучше чѣмъ въ бѣдныхъ". „На что обильнѣе обезпечены у насъ вообще монахи?" задаетъ вопросъ Ив. С—чъ. „И что же?"—отвѣчаетъ онъ, „чѣмъ богаче монастырь, тѣмъ ограниченнѣе, нерѣдко, объемъ его духовной дѣятельности, тѣмъ менѣе назидательности представляетъ онъ для окружающаго его населенія"...

Однако „какъ бы то ни было,—а все же приходское духовенство наше бѣдствуетъ, особенно сельское", заключаетъ первую статью свою Ив. С—чъ. „Какъ бы то ни было, а порядокъ существующихъ отношеній между приходскимъ духовенствомъ и приходомъ долѣе терпимъ быть не можетъ, и настоящіе способы обезпеченія церковныхъ причтовъ становятся невыносимыми для нравственнаго чувства какъ причтовъ, такъ и прихожанъ. Никто изъ нихъ, ни та, ни другая сторона, не виноваты въ унаслѣдованномъ историческомъ порядкѣ дѣлъ,—въ томъ, что духовенство сложилось у насъ въ касту, а служеніе алтарю—въ наслѣдственное сословное ремесло; не виноваты они, положимъ, и въ томъ омертвеніи, которое замѣчается въ нашей церковной жизни: по крайней мѣрѣ оживленіе не отъ нихъ однихъ лично зависитъ... Мы можемъ желать, но не имѣемъ права требовать отъ священниковъ высшихъ подвиговъ самоотверженія и мученичества... Въ настоя-

щее время, какъ бы высоко не понималъ иной бѣдный сельскій священникъ свое призваніе, все же у него на рукахъ человѣкъ 5—6 дѣтей, которыхъ надобно кормить, воспитать и пристроить.. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства требуетъ неотложнаго разрѣшенія, но какъ разрѣшить его?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается въ третьей статьѣ. Вторая служитъ переходомъ отъ первой, изложенной нами, статьи къ третьей, заключительной.

Вторую статью свою („Москва", 23 августа 1868 года) Ив. С—чъ начинаетъ вопросомъ: „чего собственно желаютъ у насъ достигнуть разрѣшеніемъ вопроса объ обезпеченіи православнаго приходскаго духовенства? Имѣется ли въ виду прежде всего выгода извѣстнаго сословія, занимающаго значительное мѣсто въ общемъ государственномъ строѣ,—или же благо церкви? Въ томъ ли главная задача, чтобы облагообразить и привести въ порядокъ настоящіе безобразные и безпорядочные способы обезпеченія, несовмѣстные съ достоинствомъ благоустроеннаго государства,—или же поднять нравственный уровень духовенства? Что стоитъ на первомъ планѣ: забота ли объ улучшеніи и утвержденіи на прочныхъ основахъ благосостоянія церковнаго приходскаго причта, или же забота о томъ, чтобы этотъ причтъ соотвѣтствовалъ своему высокому назначенію въ приходѣ? Кого собственно слѣдуетъ обезпечить: приходское ли духовенство въ полученіи доходовъ, или прихожанъ въ исправномъ, со стороны мѣстнаго духовенства, исполненіи обязанностей? Спрашивается: духовенство ли для прихода, или приходъ для духовенства?" Трудно, кажется, возражать противъ такой постановки вопроса, вызываемаго существомъ церковной жизни. Тѣмъ не менѣе возраженія слышатся, хотя иногда и замаскированныя.

Соглашаясь, повидимому, съ тѣмъ, что благо церкви должно быть на первомъ планѣ, возражатели заявляютъ, что скудость средствъ существованія нудитъ священника заботиться прежде всего о насущномъ хлѣбѣ и роняетъ достоинство его сана Ergo...

Они какъ будто не видятъ богатыхъ приходовъ, гдѣ средства къ существованію съ избыткомъ обезпечены, гдѣ священники самымъ непритязательнымъ образомъ могутъ составить и составляютъ себѣ состояніе, но гдѣ нравственность причта стоитъ тѣмъ не менѣе на степени очень низкой, духовное значеніе его ничтожно, дѣятельность ограничивается однимъ формальнымъ, небрежнымъ богослуженіемъ и маши-

нальнымъ отправленіемъ требъ: народъ не назидается, но развращается, глядя на пастырей, и охладѣваетъ къ Божіей церкви.

Очевидно, устраненіемъ „скудости средствъ" не упрочивается достиженіе *главной* цѣли.

Скажутъ: „задача не только въ томъ, чтобы приходскіе священники не терпѣли никакихъ нуждъ, но преимущественно въ томъ, чтобы измѣнились самые способы, которыми обезпечиваются ихъ нужды, чтобы они вышли изъ унизительной зависимости отъ прихожанъ, часто невѣжественныхъ и грубыхъ".

Но какъ это сдѣлать? Отвѣты слышатся разные и служатъ пробнымъ камнемъ для всѣхъ отвѣчающихъ: въ отвѣтѣ сказывается настоящее внутреннее отношеніе каждаго къ задачѣ, и его сокровенная мысль и цѣль: смотря по тому, какъ кто смотритъ на мѣсто и назначеніе духовенства въ общественномъ строѣ, разнообразится и отвѣтъ. „Одни предлагаютъ регламентировать таксу на богослуженіе и требы: такимъ образомъ думаютъ оградить прихожанъ отъ корыстной притязательности причта, а причтъ отъ чрезмѣрной скупости прихожанъ и отъ несправедливаго обвиненія въ притязательности.

Другіе считаютъ необходимымъ поставить приходское духовенство въ совершенную независимость отъ прихожанъ и для этого назначить причту жалованье отъ казны.

Наконецъ, третьи полагаютъ возможнымъ: вычисливъ, съ помощью таксы, среднюю сложность доходовъ, получаемыхъ причтомъ съ прихожанъ, обратить ее въ постоянное жалованье, которое бы и выплачивалось приходомъ: *обязать* же къ тому прихожанъ приглашается земство.

Первые, въ своихъ мечтаніяхъ о таксѣ, руководствуются очевидно, точкой зрѣнія на священническое служеніе какъ на ремесло, а на отношенія между приходскими священниками и прихожанами, какъ на отношенія между *производителями* и *потребителями*.

Вторые, предлагающіе жалованье сверху, отъ казны, при полной независимости причта отъ прихода, смотрятъ очевидно на священниковъ какъ на чиновниковъ, пожалуй—„духовныхъ", а на духовенство какъ на своего рода служилое сословіе по части церковной.

Третьи, смѣшивая обѣ указанныя системы, отличаются существенно отъ обѣихъ тѣмъ, что не только освобождаютъ духовенство отъ произвола прихожанъ въ размѣрѣ вознагражденія (какъ защитники таксы), или отъ какой бы то ни было зависимости отъ прихода (какъ сторонники казеннаго жалованья), но, напротивъ, ставятъ приходъ въ зависимость отъ

причта, дѣлаютъ для прихожанъ платежъ жалованья и даже размѣръ жалованья обязательными.

Къ сказанному раньше о таксѣ можно прибавить, что въ самомъ ея практическомъ удобствѣ лежитъ уже нѣчто вредное, грубо матеріализующее, искажающее духовный смыслъ пастырства, духовную связь паствы съ пастыремъ. На практикѣ, въ нѣкоторыхъ приходахъ дѣйствительно существуетъ что то въ родѣ таксы, обычаемъ установленной, но этотъ обычай, коренясь въ самой жизни, видоизмѣняется свободно вмѣстѣ съ жизнью, подлежа всѣмъ условіямъ мѣста и времени. Совсѣмъ иное дѣло—возвести случайное, мѣстное, временное явленіе въ принципъ, въ начало, которымъ должно опредѣлиться разъ на всегда дальнѣйшее теченіе церковно-приходской жизни,—отвердить, кристаллизовать, сдѣлать формально обязательнымъ живой обычай,—обратить то, что есть только *послѣдствіе* извѣстнаго порядка вещей, въ незыблемое *основаніе*, во главу угла случайному порядку. Даянія прихожанъ, при совершеніи причтомъ требъ и богослуженія, имѣютъ смыслъ добровольнаго жертвованія, удовлетворяющаго чувству усердія и любви къ Божіей церкви: поэтому эти даянія должны быть непремѣнно свободны даже и въ такомъ случаѣ, когда они, какъ теперь, силою обычая обратились въ плату и получили названіе платы за требы... Такса рѣзко противорѣчитъ такому требованію и, лишая даяніе его основнаго высокаго нравственнаго смысла, признаетъ и узаконяетъ только одинъ смыслъ —низшій, житейскій, закрѣпляетъ за даяніемъ одно значеніе „платы", - слѣдовательно понижаетъ нравственный и духовный уровень самихъ понятій объ отношеніяхъ пастыря и пасомыхъ. Однимъ словомъ, здѣсь, незамѣтно, подъ воздѣйствіемъ государственныхъ началъ, порядка и благоустройства, совершается та *подмѣна* идеала, о которой говорилось раньше"... Съ другой стороны, „если такса и ограждаетъ прихожанъ отъ корыстной притязательности священника, то чѣмъ же она обезпечиваетъ ихъ въ томъ, что этотъ священникъ будетъ имъ истиннымъ пастыремъ, достойнымъ своего сана? Развѣ изданіе таксы, отнимающей у священника внѣшнюю возможность требовать себѣ за требы больше назначеннаго, способно тѣмъ самымъ очистить сердца церковнаго причта отъ всякихъ корыстныхъ вожделѣній?" Давая перевѣсъ вещественному надъ духовнымъ такса будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что „значеніе *производителя* и *потребителя* возобладаетъ надъ значеніемъ пастыря и пасомаго"...

„Гдѣ же тутъ благо церкви? Гдѣ же тутъ союзъ любви?"

Не лучше ли второй способъ обезпеченія, который теперь входитъ въ жизнь,—жалованье отъ казны?

По мнѣнію Ив. С—ча, перевести священника на казенное жалованье, значитъ „поставить пастыря внѣ всякой жизненной связи съ паствой. Другими словами: поставить священника въ положеніе чиновника на казенномъ содержаніи, такъ что, обѣднѣлъ ли приходъ, пораженъ ли неурожаемъ, моромъ,—пастырь на своей вещественной обстановкѣ не испытываетъ никакихъ послѣдствій бѣды, удручающей его паству. Такимъ образомъ первый, непосредственный результатъ этой мѣры для причта есть отчужденіе внѣшнее, бытовое, жизненное—отъ прихода. За этимъ естественно идетъ слѣдомъ и отчужденіе болѣе глубокое—внутреннее. Поставленный въ положеніе чиновника, священникъ и самъ на себя начинаетъ, и прихожане привыкаютъ смотрѣть на него—какъ на чиновника, отъ казны назначеннаго, казной оплачиваемаго, казной награждаемаго, казнѣ служащаго, по казенному вѣрующаго, въ интересахъ казны проповѣдующаго,—словомъ, какъ на человѣка *казеннаго*. А что значитъ это понятіе у насъ въ народѣ и обществѣ, и совмѣстимо ли оно съ понятіемъ „пастыря добраго", этого, кажется, мы можемъ и не объяснять. Здѣсь окончательный исходъ одинъ: значеніе слуги государственнаго имѣетъ постепенно возобладать надъ значеніемъ служителя алтаря".

„Мы не утверждаемъ", пишетъ дальше Ив. С—чъ, „чтобы изъ среды получающихъ жалованье не нашлось ни одного такого, который сумѣлъ бы не поддаться воздѣйствію на себя государственнаго начала, и своимъ образомъ жизни заставилъ бы прихожанъ забыть о своей чиновничьей обстановкѣ. Но мы положительно утверждаемъ, что одно содержаніе священниковъ на жалованьѣ, само по себѣ, еще не дѣлаетъ ихъ, да и не способно дѣлать—хорошими или добрыми пастырями. Во многихъ губерніяхъ Россіи уже введена система жалованья, и если она обезпечила бытъ духовенства нѣсколькими десятками и сотнями рублей, то нисколько не улучшила, не подняла его нравственно и ни на грошъ не прибавила къ нему уваженія въ народѣ. (Истинность этой мысли, высказанной Ив. С—чемъ 35 лѣтъ тому назадъ, блестяще подтверждается опытомъ и наблюденіемъ нашихъ дней...). Жалованье жалованьемъ, а полученіе платы и требованіе платы за требы продолжается своимъ порядкомъ; къ тому же жалованье это можетъ служить только подспорьемъ, но не замѣняетъ и не можетъ замѣнить всей суммы доходовъ причта отъ прихожанъ"...

„Стало-быть", заключаетъ Ив. С—чъ, „въ подобномъ обезпеченіи матеріальнаго положенія нашего приходскаго духовенства посредствомъ жалованья не заключается никакого обезпеченія для прихожанъ, что священники будутъ для нихъ истинными пастырями по слову Христову и апостольскому; напротивъ, эта мѣра, направленная къ уничтоженію „зависимости", можетъ лишь разрознить духовнаго пастыря съ паствой".

Опасенія Ив. С—ча оказались не напрасны. Вотъ что въ началѣ 1904 года писалъ одинъ православный пастырь, касаясь того же вопроса о способѣ обезпеченія духовенства:

„Почему Іисусъ Христосъ, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, не велѣлъ имъ брать съ собою ничего, но добавилъ, что вы будете сѣять духовное и пожнете вещественное, ибо слушатели обязаны будутъ дать вамъ необходимое къ жизни... Пасущему стадо овчее не возбраняется пользоваться отъ него млекомъ и руномъ. Нельзя не обратить также вниманія и на то, что великій русскій святитель, Филаретъ Московскій, всегда высказывался противъ назначенія духовенству жалованья... Дѣло въ томъ, что отношенія духовенства къ народу совершенно иныя, чѣмъ отношенія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ къ нему: чиновники служатъ правительству, а духовенство народу, и занимаетъ оно въ отношеніи къ нему положеніе отца и учителей, почему „дѣти" и должны были заботиться объ обезпеченіи своихъ отцовъ духовныхъ и вѣроучителей; они и обезпечивали ихъ, возлагая сами на себя налоги за совершеніе таинствъ и обрядовъ, а тамъ еще добровольно удѣляя имъ долю изъ своего вещественнаго богатства: хлѣба, овощей, дровъ, сѣна, соломы и проч.,—чѣмъ и не тяготились, и духовенство было сыто... И какія взаимныя прекрасныя отношенія духовенства и прихожанъ поддерживались этимъ способомъ обезпеченія... Идутъ члены причта къ прихожанамъ „посбирать ржи, яровинки, шерсти и проч."; входятъ въ домъ, привѣтствуя каждаго и каждую до младенцевъ, по имени, и бесѣдуютъ съ ними „чисто по отечески". А въ то же время, замѣчая въ домѣ какіе-либо непорядки житейскіе и религіозные, дѣлаютъ внушенія и разъясненія... И были близость и общеніе духовныя съ прихожанами самыя тѣсныя...

Теперь же начинается уже не то: отношенія духовенства къ прихожанамъ становятся холодными и чисто чиновничьими... Нынѣ члены причта, иногда проживая въ приходѣ 10—20 лѣтъ, не знаютъ по имени не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ. Нѣкоторые даже въ домъ прихожанина бѣдняка входятъ съ брезгливостью, и, совершивши требу въ домѣ, спѣшатъ бѣжать

домой безъ оглядки... Дѣло въ томъ, что духовенство нынѣ стало „интеллигентное“ и отъ мужика ставитъ себя далеко, потому и жалованья просятъ больше, чтобы не было зависимости отъ прихожанъ-мужиковъ. А о томъ, что съ этою зависимостью или подъ нею скрывается духовный союзъ духовенства съ прихожанами, и подумать не хотятъ. Между тѣмъ, не отъ того ли нашъ русскій народъ религіозенъ, не понимая сущности христіанскаго воззрѣнія, что онъ всегда жилъ жизнью духовенства, былъ близокъ къ нему, благодаря общности житейскихъ интересовъ?“

„Такого союза“, заключаетъ іерей, „между прихожанами и духовенствомъ при обезпеченіи послѣдняго жалованьемъ, намъ думается, никогда не будетъ: между ними будутъ лишь холодныя отношенія, чисто формальныя“.

Здѣсь опять умѣстно повторить вопросъ: гдѣ же тутъ благо церкви? гдѣ обезпеченіе прихожанъ? Что же здѣсь стоитъ на первомъ планѣ?..

Что касается третьяго способа обезпеченія духовенства, состоящаго въ томъ, чтобы „обязать приходъ—единовременно или въ сроки выплачивать приходскому причту ежегодно круглую сумму, равняющуюся, по разсчету, общему итогу всѣхъ прежнихъ доходовъ причта за требы, славленія и т. п.“, то этотъ способъ представляется еще болѣе неудовлетворительнымъ. „По какому праву могутъ быть *обязываемы* прихожане выплачивать приходскому духовенству ежегодно именно такое, а не другое, количество денегъ?.. Крестьянъ постигнетъ голодъ, пожаръ, сибирская язва, а они плати непремѣнно то же, что платили и прежде въ дни довольства и избытка?.. Да и вообще, могутъ ли быть *обязываемы* прихожане содержать приходское духовенство безразлично, какое бы оно ни было—дурно ли, хорошо, рачительно или нерадиво? Почему должны они священника, который не снискалъ ихъ уваженія и любви, вознаграждать одинаково, какъ священника, ими любимаго и уважаемаго?.. Такой принудительный способъ обезпеченія, конечно очень удобенъ для причта: чего-же лучше получать тѣ же, что и прежде, доходы съ прихожанъ—не кланяясь прихожанамъ и не съ большимъ усердіемъ исполняя свои обязанности, какъ и прежде! *Обязываются* прихожане въ отношеніи къ духовенству... Но чѣмъ же *обязывается* духовенство въ отношеніи къ прихожанамъ, порвавши всякія узы зависимости и, наоборотъ, поставивъ въ зависимость къ себѣ прихожанъ? Обезпечивается матеріальный бытъ духовенства,—но чѣмъ же обезпечивается приходъ въ удовлетвореніи своихъ

духовныхъ нуждъ, въ точномъ, живомъ, а не формальномъ исполненіи со стороны причта его святыхъ обязанностей? Другими словами: чѣмъ же здѣсь обезпечивается главная цѣль—благо церкви?"

Такъ показываетъ намъ Ив. С—чъ несостоятельность всѣхъ трехъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, способовъ обезпеченія приходскаго духовенства, несостоятельность, которая „состоитъ въ тѣсной логической связи съ извѣстнымъ воззрѣніемъ на церковь и духовенство, господствующимъ въ нашей церковной средѣ".

Ясно, что „вопросъ объ обезпеченіи не только разрѣшается во вредъ церкви, но даже и вовсе не находитъ себѣ удобнаго разрѣшенія, если будетъ поставленъ на первомъ планѣ, впереди существенныхъ вопросовъ,—вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно ему предшествовать, а не послѣдовать".

„Для правильнаго разрѣшенія вопроса объ обезпеченіи духовенства надо напередъ поставить и рѣшить вопросъ: какъ обезпечить—не духовенство въ матеріальномъ отношеніи, а прихожанъ въ отношеніи духовномъ, т. е. въ томъ, что церковный причтъ будетъ соотвѣтствовать ихъ духовнымъ потребностямъ. Разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса само собой приведетъ и къ разрѣшенію перваго". Таковъ исходный пунктъ третьей статьи Ив. С—ча („Москва", 3-го сентября 1868 г.). Положеніе это авторъ развиваетъ такъ:

„Дѣло идетъ о приходскомъ духовенствѣ и прихожанахъ,—о церковномъ причтѣ и о приходѣ. Что такое приходъ? Это есть та малая церковная община, которой центромъ служитъ храмъ, т. е. община, сложившаяся около храма, соединенная въ одно цѣлое храмомъ. Люди,—нерѣдко самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, принадлежащіе даже къ различнымъ гражданскимъ союзамъ,—связуются между собою единствомъ отношеній къ извѣстному храму, близъ котораго живутъ, и сознавая себя въ храмѣ и черезъ посредство храма одною духовной семьей, одною паствой, образуютъ новый союзъ, который и называется приходомъ. Всѣ отправленія приходскихъ союзовъ вращаются около храма, въ тѣсныхъ предѣлахъ приходской общины и имѣютъ въ виду одну цѣль: удовлетвореніе духовныхъ нуждъ прихожанъ и—чрезъ участіе въ богослуженіи и таинствахъ, совершаемыхъ въ мѣстномъ храмѣ—общеніе со всею церковью. Само собою разумѣется, что храмъ немыслимъ безъ священнослужителей. Такимъ образомъ, говоря: „приходъ", мы разумѣемъ общину, храмъ и духовенство, состоящихъ между собою въ неразрывной связи,

образующихъ одно органическое цѣлое. Но если приходъ долженъ быть и дѣйствительно представляется такого рода цѣльнымъ живымъ организмомъ, то онъ долженъ обладать и всею необходимою свободою для совершенія своихъ органическихъ отправленій, всѣми условіями жизни.

Этихъ то условій органической жизни нашему русскому приходу и недостаетъ. Они существовали прежде, но частію отняты, частію упразднились сами собою вслѣдствіе измѣненій всего бытоваго и гражданскаго строя. Сохраняются только нѣкоторыя внѣшнія формы,—но больше въ видахъ внѣшняго порядка и благоустройства и фискальныхъ интересовъ церкви. Есть прихожане, но нѣтъ прихода въ настоящемъ смыслѣ слова; люди расписаны по церквамъ, но церковной общины въ ея истинномъ, первоначальномъ значеніи эти люди не составляютъ. Приходъ лишенъ всякой самостоятельности, и связь между приходомъ и духовенствомъ ослабѣла... Отношенія мѣстнаго приходскаго священника къ своимъ духовнымъ дѣтямъ суть отношенія чисто личныя, единичныя, къ каждому изъ нихъ порознь, но не ко всѣмъ вмѣстѣ, но не выражаютъ собой отношенія пастыря къ *паствѣ*. А между тѣмъ, повторяемъ, приходъ (въ смыслѣ *паствы*) не значитъ только извѣстное количество отдѣльныхъ единицъ или прихожанъ (какъ мы это видимъ теперь), а означаетъ именно ту живую ихъ совокупность, которая является сама цѣльнымъ нравственнымъ лицомъ или единицею въ мірѣ земско-церковной жизни. Въ старину нашимъ приходамъ принадлежало именно такое значеніе: они избирали священниковъ и вообще церковный причтъ, даже заключали съ ними договоры, вѣдали церковно-приходское имущество и принимали на себя всѣ обязанности и заботы обезпеченія. Въ настоящее время, при господствѣ въ церковномъ высшемъ управленіи понятій совершенно инаго строя, при стремленіи напечатлѣть на церковь образъ и подобіе государства, при вторженіи въ область церковную государственныхъ началъ централизаціи, формализма, внѣшняго благоустройства, механической правильности и административной дисциплины, съ ущербомъ внутренней правдѣ,—въ настоящее время прежнее земское значеніе прихода замѣнено значеніемъ церковно-административной единицы и церковно-финансовой цѣнности или доходной статьи. Поэтому, съ отмѣною принадлежавшаго прихожанамъ права избранія приходскаго причта, явилось поползновеніе уничтожить и послѣдніе остатки приходской самостоятельности устраненіемъ всякой „зависимости" причта отъ прихожанъ. Поэтому только и могъ возникнуть

современный вопросъ объ обезпеченіи быта приходскаго духовенства. Въ сущности задача, такъ, какъ она поставлена теперь нашимъ церковнымъ правительствомъ, состоитъ въ томъ: какъ обезпечить бытъ приходскаго духовенства *безъ* признанія за приходомъ его прежнихъ правъ и значенія? Другими словами: какъ обезпечить матеріальный бытъ приходскаго духовенства въ его новомъ не церковно-*земскомъ*, а церковно-*государственномъ* значеніи? Аномалія породила аномалію; неправильное положеніе нашихъ приходовъ вызвало и задачу неправильную и неразрѣшимую. Между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи можетъ быть разрѣшенъ или просто самъ собой упразднится, какъ скоро приходы будутъ выведены изъ своего ненормальнаго положенія"...

При устраненіи земской стихіи въ церковномъ общественномъ строѣ проектируемые способы обезпеченія духовенства являются лишь эксплоатаціей паствы. „При назначеніи священникамъ жалованья отъ казны, при возведеніи (или въ сущности низведеніи) ихъ на степень чиновниковъ, они эксплоатируютъ паству въ интересѣ чисто политическомъ, въ пользу могущества государственной власти... При замѣнѣ случайныхъ доходовъ духовенства постояннымъ, опредѣленнымъ доходомъ въ видѣ принудительной повинности прихожанъ,—отношеніе духовенства къ приходу можетъ быть по справедливости названо эксплоатаціей денежной. Понятіе о такой эксплоатаціи присуще и предположенію—установить таксу за требы: это не болѣе, какъ попытка ввести правильный порядокъ въ эксплоатацію".

Это и естественно. „Какъ скоро живая связь между пастыремъ и паствой, между приходомъ и приходскимъ причтомъ ослаблена, и духовенство не удовлетворяетъ духовныхъ нуждъ своей паствы или прихода.—то ихъ взаимныя отношенія являются не инымъ чѣмъ, какъ своего рода политическою или денежною эксплоатаціей одной стороны другою".

„Приходъ—нравственная личность, и признавать ее слѣдуетъ не только со стороны приходскаго кармана, такъ сказать,—не только по отношенію къ матеріальному обезпеченію духовенства, но и по отношенію къ нравственнымъ нуждамъ самого прихода. Возлагая на приходъ обезпеченіе духовенства, нельзя же отказать ему въ правѣ обезпечивать и самаго себя относительно достоинства лицъ, которыхъ приходъ призванъ или приглашается содержать: другими словами, приходится необходимо возстановить прежнее значеніе самой приходской общины, возвратить ей право избранія и утраченную само-

стоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно понять,—особенно же имѣя за собою свидѣтельство прежнихъ временъ,—что излюбленный, избранный самимъ приходомъ священникъ будетъ имъ непремѣнно и обезпеченъ Въ этомъ одномъ состоитъ единственно возможное ручательство обезпеченія, слѣдовательно единственно возможное разрѣшеніе того вопроса, который такъ озабочиваетъ теперь духовенство и церковное управленіе".

„Намъ могутъ возразить, что правомъ избранія, принадлежавшимъ въ старину приходскимъ общинамъ, не обезпечивалось однако же нисколько нравственное достоинство священниковъ, такъ какъ есть несомнѣнныя свидѣтельства ихъ невѣжества, грубости, неприличнаго поведенія. Этого отрицать мы не станемъ, но замѣтимъ только, что здѣсь вина лежала не въ правѣ избранія, а въ отсутствіи строгаго запроса со стороны самихъ прихожанъ на знаніе и святость приходскихъ причтовъ, въ низости общаго нравственнаго и умственнаго уровня, въ грубости быта на всѣхъ ступеняхъ общественныхъ и т. д. Не высоко стояло приходское духовенство, это правда, почти на одномъ уровнѣ съ народомъ; но за то они были близки другъ другу и ближе чѣмъ теперь: за то ихъ судьбы были неразрознены; они были связаны живою органическою связью; пребывали въ духовномъ и земскомъ единствѣ другъ съ другомъ и со всею Русской землею... Какъ бы ни былъ низокъ уровень приходскаго духовенства въ XVI, XVII вѣкѣ,—слово его было дѣйственнѣе, вліяніе пастыря на паству могущественнѣе и плодотворнѣе. Во всякомъ случаѣ, важенъ путь, на который становится общество, направляясь къ извѣстной цѣли,—а право избранія прихожанами священниковъ, освященное вѣковымъ обычаемъ церкви и даже каноническими постановленіями,—это право, вмѣстѣ съ самостоятельностью приходскихъ общинъ, представляетъ самый вѣрный путь къ истинному обезпеченію приходовъ достойными пастырями, во благо церкви. Само собою разумѣется, что это право, будучи непремѣннымъ условіемъ такого обезпеченія, не есть единственное условіе... Приходамъ нужны пастыри, а не просто орудія для механическаго отправленія требъ,—нужны священники, одушевленные личнымъ *призваніемъ*, „духомъ горящіе и Господеви работающіе", а не священники по ремеслу, по сословной профессіи. Но здѣсь мы переходимъ уже въ область иного вопроса—вопроса о духовномъ *сословіи*". (Объ этомъ въ другой разъ). „Мы желаемъ только убѣдить нашихъ читателей въ томъ", заключаетъ третью статью свою Ив. С—чъ,

„что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, самъ по себѣ, отдѣльно взятый, есть вопросъ совершенно праздный и не допускающій никакого *правильнаго* и благого разрѣшенія прежде разрѣшенія вопроса о правахъ приходскихъ общинъ и о нашемъ духовно-сословномъ институтѣ,—прежде возрожденія въ церкви духа жизни и свободы, прежде очищенія ея отъ наплыва государственной внѣшней стихіи“...

Что касается Ѳ. М. Достоевскаго, то я не помню, чтобы онъ разсматривалъ данный вопросъ такъ детально, какъ это дѣлаетъ И. С. Аксаковъ. Но въ моей душѣ неизгладимо запечатлѣлся немногими, но яркими штрихами начертанный Ѳеодоромъ Михайловичемъ образъ того добраго пастыря, „духомъ горящаго и Господеви работающаго“, для котораго вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи „разрѣшается совсѣмъ иначе“ (по словамъ Ив. С—ча), чѣмъ для іерея-ремесленника.

Ив. С—чъ имѣетъ въ виду указать условія, способствующія нарожденію такого пастыря, Ѳедоръ Михайловичъ даетъ намъ живой образъ его. Оба сходятся въ томъ, что пастырь *духовно* обезпечивающій свою паству и становящійся чрезъ это „излюбленнымъ“, непремѣнно будетъ обезпеченъ *матеріально* доброхотнымъ даяніемъ благодарныхъ пасомыхъ.

„Други и учители“, читаемъ мы въ житіи старца Зосимы („Братья Карамазовы“), „слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно,—читалъ сіе самъ,—что не могутъ они уже теперь будто-бы толковать народу Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія, и если приходятъ уже лютеране, и еретики начинаютъ отбивать стадо, то и пусть отбиваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего, столь драгоцѣннаго для нихъ, содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но во истину говорю: если кто и виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетенъ все время работой и требами, но не все-же вѣдь время, вѣдь есть же и у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый же годъ работа. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ,—прослышатъ отцы и отцы приходить начнутъ. Да и не хоромы же строить для сего дѣла, а

просто къ себѣ въ избу прими; не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни ка онъ имъ эту книгу и почни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ вознošенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сія; изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ, какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: „Страшно мѣсто сіе", и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ, какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, Іосифа, сновѣдца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими не узнанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: „Люблю васъ и любя мучаю". Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ нибудь тамъ, въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: „Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!" Пусть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учители, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что давно уже знаете и о чемъ меня же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ

оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться къ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Думаете ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о прекрасной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, непремѣнно!), а наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя-бы житіе Алексѣя, человѣка Божія, и великой изъ великихъ, радостной страдалицы, Боговидицы и Христоносицы, матери Маріи Египтянки—и пронзите сердце его сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часъ въ недѣлю, не взирая на такое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣнія іерея и умиленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему большимъ прежняго,—вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣло столь простодушное, что иной разъ боимся даже и высказать, ибо надъ тобою же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрное!"

М. Новоселовъ.

Вышній Волочекъ.

Христіанство—религія мира и радости[1].

„Сказалъ имъ (пастухамъ) Ангелъ: не бойтеся; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ, ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ Господь... И внезапно явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе" (Лк. 2, 10—11, 13—14)

Надъ бѣдной колыбелью Младенца Іисуса ангелы возвѣстили міру о тѣхъ безконечно благихъ послѣдствіяхъ, какія будетъ имѣть для человѣчества воплощеніе Бога-Слова.—*„Я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ"*, сказалъ Ангелъ пастухамъ. *„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ"*,—неслась съ неба къ грѣшной землѣ ангельская пѣснь. *Миръ и радость!* Вотъ удѣлъ тѣхъ, кто увѣруетъ во Христа, кто будетъ исполнять Его святыя заповѣди, кто усвоитъ духъ Христовъ. Итакъ, христіанство открывается, какъ религія мира и радости. Сколько въ этомъ было отрады и утѣшенія для того времени, когда явился Христосъ, времени духовнаго мрака и сердечной скорби! Сколько въ этомъ отрады и утѣшенія и для насъ, братіе, склонныхъ предаться скорбямъ настоящей жизни, часто забывающихъ о тѣхъ неизъяснимыхъ радостяхъ, которыя источаетъ вѣрующей душѣ Спаситель міра.

Люди, мало знакомые съ сущностью ученія Христова, привыкшіе поверхностно относиться къ вопросамъ религіи, часто говорятъ, что христіанство враждебно радостямъ земной жизни, что убѣжденный истинный христіанинъ есть врожденный врагъ земного благополучія. Обвиненіе не новое. Еще язычники обвиняли учениковъ Христа за уклоненіе отъ участія въ народныхъ празднествахъ, въ общественныхъ увесе-

[1]) Слово Преосвященнаго Алексія, епископа Сумскаго, на праздникъ Рождества Христова, произнесенное въ Харьковскомъ Соборѣ 1904 года 25 декабря.

леніяхъ.—Какое заблужденіе! На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего противнѣе христіанству, какъ пессимизмъ, теоретическій ли то, или практическій. Никогда въ христіанствѣ вы не услышите стоновъ отчаянія, которые вырывались изъ груди индійскаго философа [1]).

Размышляя подъ смоковницею о бренности человѣческой жизни, онъ восклицалъ: „О, несчастная ты, юность, которую уничтожаетъ старость. Жалкая ты, тѣлесная крѣпость, которую сокрушаютъ болѣзни. Несчастна ты, жизнь, которой дано такъ мало дней. Все пустота, ничтожество, дѣйствительно только одно зло“.

Правда, и Іисусъ Христосъ сказалъ: *„Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете“* (Лк. 6, 25); но достаточно прочитать нѣсколько главъ Евангелія, чтобы видѣть, что здѣсь разумѣется радость нечестивыхъ людей, преданныхъ плотскимъ грѣховнымъ страстямъ, для которыхъ весь смыслъ жизни заключается въ наслажденіи чувственными удовольствіями; но есть иная радость—это радость души, сочетавшейся благодатью Св. Духа со Христомъ, нашедшей въ Немъ свою надежду и упокоеніе; она то и составляетъ достояніе истиннаго христіанина.

Вотъ почему мы говоримъ, что христіанская жизнь, правильно понятая, есть жизнь радостная.—радостная, несмотря на неизбѣжную борьбу для каждаго, кто хочетъ служить Богу; радостная несмотря на страданія и даже самую смерть.

Войдите въ православный храмъ во время торжественнаго праздничнаго богослуженія; прислушайтесь къ священнымъ чтеніямъ и пѣнію церковныхъ пѣсней; посмотрите на это множество пылающихъ свѣтильниковъ, на эти украшенія, богатыя и бѣдныя,—не чувствуете-ли вы, что вокругъ васъ разлита чистая святая радость. Прочтите православный чинъ погребенія! Здѣсь, сквозь слезы матери, оплакивающей свое любимое чадо, сквозь стоны жены, убивающейся надъ могилой мужа—надежды и опоры семьи, развѣ вы не видите голубое небо, откуда сіяетъ свѣтъ небесной надежды и чистой радости? Таково было всегда настроеніе Церкви Христовой. Св. Апостолъ Павелъ писалъ христіанамъ во время страшныхъ гоненій на нихъ со стороны императора Нерона: *„Радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю—радуйтесь“* (Фил. 4, 4).

Войдите въ христіанскія катакомбы и посмотрите на со-

---

[1]) Сакіа-Муни

хранившуюся тамъ живопись, прочтите надписи—вы не встрѣтите въ нихъ и тѣни отчаянія, унынія, скорби, жалобъ... Здѣсь вы увидите усыпальницы мучениковъ, въ которыхъ погребены первыми христіанами честные останки ихъ дорогихъ братьевъ; здѣсь они собирались на молитву, чтобы укрѣпить свой духъ къ пыткамъ предстоящихъ гоненій,—но здѣсь вы не слышите криковъ и стоновъ отчаянія, вы не видите слезъ, кромѣ слезъ умиленія, покорности волѣ Божіей и утѣшенія,—отовсюду вѣетъ поистинѣ небеснымъ миромъ, все напоено здѣсь благоуханіемъ безсмертія.

Великій учитель древне-христіанской церкви, Климентъ Александрійскій, писалъ: „Единственная скорбь, которая можетъ быть у христіанина, это скорбь при мысли, что онъ потерялъ чистоту возрожденія, полученную въ таинствѣ крещенія".

Подъ мрачными сводами монастырей, гдѣ все говоритъ о покаяніи и умерщвленіи плоти, мы болѣе всего склонны видѣть угрюмыя лица, печальные взгляды. Какое заблужденіе! Миръ, радость, спокойствіе духа—лучшее украшеніе инока. Преподобный Кассіанъ Римлянинъ, учитель христіанскаго аскетизма, считаетъ печаль въ числѣ семи главныхъ грѣховъ, *какъ тяжкую болѣзнь души, которая ослабляетъ и часто убиваетъ отшельника.*

Итакъ, христіанская религія есть прежде всего религія мира и чистой святой радости. Необходимо, братіе, не только помнить это, но и принять въ свое сердце: проникнуться чувствомъ мира и чистой радостью, и тогда мы можемъ достойно воспѣть ангельскую пѣснь: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ".

Епископъ Алексій.

Часовой.

(Изъ Гейне).

Постъ опустѣлъ... и битвѣ нѣтъ исхода.
Вѣдь сорокъ лѣтъ ему я вѣренъ былъ!
Все безнадежнѣй бился, годъ отъ года
Въ груди моей все меньше было силъ...

Стоялъ я день и ночь. Не могъ уснуть
Я межъ друзей предъ лагерной палаткой
(Такъ мнѣ мѣшалъ ихъ храпъ тяжелый—чуть
Смежалися глаза дремотой сладкой).

Какъ грустно иногда и страшно на часахъ!
Вѣдь дураки одни лишь не боятся...
И громко пѣлъ, чтобъ разогнать мой страхъ,
Я пѣсни дикія и начиналъ смѣяться.

Стоялъ я бодръ въ ночи, съ оружіемъ въ рукахъ.
Лишь только шагъ врага доносится до слуха
Подъ меткимъ выстрѣломъ ужъ падалъ подлый
врагъ,
Горячей пулею сраженный прямо въ брюхо.

Но и враги умѣли же стрѣлять,
Вѣдь иногда и въ цѣль попасть случится.
Ахъ! Этого я не могу скрывать:
Вотъ эти раны! кровь изъ нихъ сочится...

Постъ опустѣлъ. Я не робѣю: вдругъ
Падетъ одинъ, но есть въ другомъ защита.
Не побѣжденъ я палъ, не выбито изъ рукъ
Оружіе... вѣдь только грудь разбита...

Ф. Бергъ.

Финляндскій Генералъ-Губернаторъ,
Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ.

Дозв. ценз. Спб. 30 дек. 1904 г.

ПАМЯТИ

ФИНЛЯНДСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

Н. И. БОБРИКОВА.[1]

Минуло уже (4 декабря 1904 года) полгода со дня кончины выдающагося государственнаго дѣятеля, Николая Ивановича Бобрикова. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ помянуть его добрымъ словомъ. Сдѣлаю, поэтому, попытку кратко очертить честное и стойкое его служеніе русскому дѣлу на Финляндской окраинѣ.

На Финляндской окраинѣ... Едва произнесены эти слова, какъ мы сталкиваемся съ вопросомъ, о которомъ существуютъ рѣзко-противоположныя мнѣнія. Какъ только заходитъ рѣчь объ этой окраинѣ понятія точно перепутываются, мѣрки мѣняются и мы попадаемъ въ область какого-то хаоса.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ создается необходимость, хотя-бы въ двухъ словахъ, установить самыя нормы для оцѣнки дѣятельности Н. И. Бобрикова, или иначе говоря.—установить извѣстное воззрѣніе на самый финляндскій вопросъ. Только исходя изъ основныхъ положеній, возможно будетъ произвести надлежащую оцѣнку его дѣйствій и рѣшить честно-ли русское правительство, въ лицѣ Бобрикова, относилось къ Финляндской окраинѣ, или третировало эту „страну желѣзныхъ рыцарей (?) и аббатствъ (?) какъ вогуловъ и вотяковъ“ (по выраженію фельетона „Новаго Времени“ 28 ноября 1904 г.).

Я полагаю, что русскіе люди могутъ смотрѣть на Финляндію только съ русской государственной и націо-

[1]) Рѣчь М. М. Бородкина, произнесенная въ Русскомъ Собраніи.

нальной точки зрѣнія. Иной для нихъ быть не можетъ и не должно.

Насколько я понимаю русскую государственную и національную точку зрѣнія на финляндскій вопросъ, то она исходитъ изъ слѣдующихъ положеній: Финляндія добыта Россіей въ честномъ бою. Финляндія— „нераздѣльная часть“ Россіи и ни коимъ образомъ не отдѣльное государство. Далѣе мы, т. е. лица, проникнутыя національными стремленіями (къ которымъ, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ также и Н. И. Бобриковъ), не только признаемъ финляндское внутреннее самоуправленіе, но находимъ его полезнымъ и желаемъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія, не въ ущербъ, конечно, государственнымъ интересамъ Россіи. Основы сего самоуправленія—сеймъ, сенатъ и проч. не тронуты. Обѣщанное честно сохраняется и соблюдается. Наконецъ, съ нашей стороны никогда не подымались голоса противъ бытовыхъ, этнографическихъ, культурныхъ и иныхъ особенностей финновъ. Въ русской серьезной печати никто нивелировки и ассимиляціи не требовалъ и благосостоянія Финляндіи имъ въ жертву не приносилъ. На внѣшнее благоустройство Финляндіи никто не посягалъ и національно-духовной самобытности ея населенія не касался.

Изъ приведенныхъ положеній естественно слѣдуютъ для насъ нѣкоторые логическіе выводы и послѣдствія. Такъ, если Финляндія *„нераздѣльная часть“* нашей Имперіи, то финляндцы суть русскіе *подданные* и обязаны признавать себя таковыми; у насъ съ ними одно политическое *отечество* и долженъ существовать одинъ *патріотизмъ* и одинаковыя *міровыя задачи*.

Совершенно опредѣленно извѣстно, что финляндцы себя русскими подданными не признаютъ, Россіи своимъ отечествомъ не считаютъ, а русскаго патріотизма и наши міровыя задачи знать не хотятъ...

Итакъ, нравственно связующія начала ими сразу отвергнуты и отстранены.

„Россія,—говорятъ и повторяютъ финляндцы,—можетъ оказаться вынужденною вооруженною силою разрѣшать разнообразныя столкновенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами Финляндіи, и въ такихъ случаяхъ

несправедливо (!) посылать насъ умирать въ далекую Арменію или Хиву;... прискорбно созывать финляндскую молодежь сражаться для безъизвѣстныхъ ей цѣлей и противъ враговъ, враждебность которыхъ ей неизвѣстна".

У Финляндіи,—продолжаютъ они—имѣются и своя историческая миссія и „свои особыя свыше предначертанныя задачи": „бороться съ суровымъ климатомъ и скудною природой въ сосѣдствѣ съ сѣвернымъ полюсомъ". (Соображеніе сейма 1878 г., № 1, стр. 47 и слѣд. На шведскомъ языкѣ).

Сами финляндцы признаютъ, что ихъ родина *часть* Россійской Имперіи, и что внѣшняя политика у Россіи и Финляндіи одна, и, вопреки всему этому, на наше требованіе государственной и политической солидарности, они отвѣчаютъ рѣшительнымъ отказомъ. Правильно-ли это?

Такимъ образомъ мы видимъ полнѣйшее отсутствіе соотвѣтствія, взаимности, нравственной связи, солидарности. Вездѣ ничѣмъ не оправдываемая обособленность.

Торговыя сношенія, правда, продолжаются, но изслѣдованіе ихъ показываетъ весьма замѣтное отклоненіе ихъ отъ востока къ западу. Русскій капиталъ не связываетъ Финляндіи съ центромъ. Русской экономической силы въ краѣ не имѣется.

Что касается денежныхъ повинностей Финляндіи въ пользу общеимперской казны, *то Финляндія отъ нихъ не только избавлена*, но еще получаетъ отъ русской казны ежегодно болѣе 3-хъ милліоновъ рублей, расходуемыхъ нами на содержаніе войска, русской администраціи, учительскаго персонала и пр. А что-бы понять, какой колоссальной льготой является освобожденіе Финляндіи отъ денежной повинности, достаточно сказать, что она ежегодно должна была-бы вносить въ наше Государственное казначейство на уплату по государственному долгу, по министерству двора, по министерству иностранныхъ дѣлъ, по министерству военному и морскому—около $6^1/_2$ милліоновъ рублей. Теперь эту почтенную цифру ($3^1/_2+6^1/_2$ милліоновъ, т. е. всего около 10 милліоновъ) ежегодно вноситъ *за нее остальная Россія*. При такихъ условіяхъ легко, конечно, развивать свою культуру!

Обозрѣвая все указанное съ государственной точки

зрѣнія, трудно русскому патріоту утѣшиться подобной безотрадной картиной. Финляндія вскормлена Россіей и тѣмъ не менѣе она не желаетъ знать русскихъ государственныхъ интересовъ, финны не хотятъ называться русскими подданными! Нравственной связи Финляндіи съ центромъ, слѣдовательно, не существуетъ, а матеріальная слаба и кромѣ того сама по себѣ недостаточна. Языкъ насъ не связываетъ. Школа и печать вовсе не работаютъ надъ духовнымъ объединеніемъ окраины съ центромъ.

Остается одна лишь связь въ лицѣ Монарха. Финляндцы Его признаютъ, но одною подобною зависимостію намъ довольствоваться совершенно не возможно. Куда она ведетъ, достаточно наглядно показываетъ исторія послѣдняго времени Австро-Венгріи и Швеціи съ Норвегіей. Кромѣ того, преданность народа Монарху безъ расположенія и симпатій къ Его державѣ и къ Его подданнымъ большой цѣны не имѣетъ, такъ какъ сводится къ однимъ словеснымъ изъявленіямъ. Переходя отъ этого общаго разсужденія къ финляндцамъ, приходится сказать, что они сами характеризуютъ свою преданность *условной*. Они говорятъ такъ: если Верховная власть поведетъ финляндскую политику, то они будутъ ей преданны; только при этомъ условіи они послѣдуютъ за нею. При вступленіи на Престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора финлянская администрація не приводила населенія къ присягѣ, пока не узнала, что Монархъ подписалъ „удостовѣреніе“ ихъ привилегій, т. е. Самъ ранѣе, по ихъ понятіямъ, присягнулъ ихъ „конституціи“.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находимъ фактическое отношеніе къ намъ Финляндіи.

Но въ то же время передъ нами настойчиво встаетъ вопросъ: *нужна-ли Россіи Финляндія*, или ея завоеваніе явилось только прихотью и случайностію?

Полагаемъ, что двухъ различныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ не послѣдуетъ. Россія нуждается въ естественной границѣ и должна обезпечить свою столицу.

А если Финляндія нужна, то очевидно, что нельзя довольствоваться существующимъ ея отношеніемъ къ Россіи. Нельзя оставить ее на положеніи совершенно *чуждой* намъ страны. Если Финляндія необходима для

Россіи, то изъ этого государственнаго и жизненнаго условія ея существованія вытекаетъ ея *естественное право* объединенія Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи. Интересы и выгоды русскаго царства требуютъ тѣснѣйшаго слiянія Финляндской окраины съ центромъ. Пользы и нужды великой державы—суть верховные и безаппеляціонные судьи въ ея собственномъ дѣлѣ.

Финляндія принадлежитъ Россіи. Финляндія многимъ пользуется отъ Россіи, начиная съ государственной безопасности. и потому на финляндцахъ должны-же лежать какія-нибудь *обязательства по отношенію къ Россіи.* Нельзя-же имѣть одни права безъ обязательствъ. Спрашивается поэтому, въ чемъ-же выражается участіе Финляндіи въ общегосударственной жизни?

Общности государственныхъ цѣлей Княжества и Россіи финляндцы не признаютъ. Участвовать въ защитѣ Россіи они желаютъ лишь условно, когда опасность станетъ грозить ей *со стороны* Финляндіи.

Но если они будутъ развивать исключительно свою національность, не оглядываясь на государственныя потребности Россіи, то вѣдь это неизбѣжно поведетъ къ обособленію.

Какой, спрашивается, общій принципъ служитъ звеномъ между Финляндіей и Россіей, какъ единаго политическаго тѣла? Съ нашей русской точки зрѣнія -- принципъ Самодержавія. Чтобы быть сильной, Россія должна быть единой и нераздѣльной, съ единой все направляющей и все уравновѣшивающей неограниченной Верховной властью во главѣ. Таковы жизненныя условія существованія нашей Имперіи. Финляндія же принципа Самодержавія не признаетъ.

Изъ указаннаго ясно, почему наше правительство признало необходимымъ вести Финляндію къ единенію съ Россіей. Необходимость сближенія подсказана исторіей, требуется насущнымъ условіемъ существованія Имперіи. Вотъ почему въ манифестахъ и рескриптахъ послѣднихъ двухъ царствованій постоянно читаемъ указанія финляндскимъ генералъ-губернаторамъ вести край „къ тѣснѣйшему единенію" съ центромъ.

Вопросъ сводится только къ тому, какъ лучше и

справедливѣе произвести необходимое объединеніе. Надо избрать для сего вѣрный путь и полезныя для обѣихъ объединяемыхъ сторонъ средства. Нельзя при этомъ ни проявлять узкаго національзма, ни нарушать общепринятаго гуманнаго и нравственнаго кодекса. Надо идти къ цѣли, выдвигая силу нравственную и предпочитая ее силѣ физической. Теорія „бронированнаго кулака" у насъ никогда и нигдѣ не была популярна

Имѣя теперь передъ собою главную сущность финляндскаго вопроса, обратимся къ дѣятельности Н. И. Бобрикова. какъ финляндскаго генералъ-губернатора.

Выборъ Монарха остановился на Николаѣ Ивановичѣ Бобриковѣ уже въ 1897 г - 29 мая 1898 г. генералъ-отъ-инфантеріи Н. И. Бобриковъ удостоился продолжительной аудіенціи. Въ теченіе 1898 г. Николай Ивановичъ широко и внимательно знакомился съ финляндскимъ вопросомъ. по всѣмъ доступнымъ для него источникамъ. Вторая аудіенція состоялась въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, 18 августа 1898 г.—Здѣсь Н. И. Бобриковъ имѣлъ счастіе представить Государю Императору свою записку по финляндскому вопросу. Записка, всеподданнѣйше прочтенная Государю Императору и въ существѣ одобренная Его Величествомъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Она явилась политической программой Н. И. Бобрикова и въ теченіи всего своего управленія краемъ онъ не только строго держался ея духа и общаго направленія, но успѣлъ выполнить значительную часть намѣченныхъ въ ней реформъ.

Вотъ нѣкоторыя положенія этой записки, отысканной мною въ его дневникѣ:

„Покоренная русскимъ оружіемъ Финляндія „вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ" и, начиная съ 1809 г., она „состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединена". Ея граждане безспорно граждане Россіи и подданные Россійскаго Царя".

„Завоеваніе Финляндіи вызывалось необходимостію отдалить отъ Петербурга нашу сѣверную границу. Несмотря однако же на девяностолѣтнюю совмѣстную жизнь, цѣль такого завоеванія понынѣ совершенно недостигнута"...

„Вмѣсто иностраннаго государства вблизи русской столицы создалась окраина, до сихъ поръ чуждающаяся облагодѣтельствовавшей ее Россіи и открыто стремящаяся къ закрѣпленію за собою правъ независимаго конституціоннаго государства, соединеннаго съ Россіей лишь единствомъ Верховной власти“...

„Финляндская окраина остается на столько же чуждой намъ въ настоящее время, на сколько была во дни ея завоеванія“...

„При данныхъ условіяхъ обстановки представителю въ Финляндіи русской власти не легко сблизиться, въ интересахъ Имперіи, съ ея современными дѣльцами и дѣлами. Не малый срокъ потребуется для изученія дѣла на мѣстѣ и затѣмъ для установленія и утвержденія системы, въ большей мѣрѣ соотвѣтствующей основнымъ интересамъ Имперіи“...

„Для болѣе основательнаго и всесторонняго выясненія современнаго положенія Финляндіи необходимо желать производства въ ней ревизіи русскими людьми, по примѣру ревизіи сенатора Манасеина въ Остзейскихъ губерніяхъ. Не выжидая однакоже результатовъ такой ревизіи, можно было бы ограничить финляндскій сепаратизмъ произведя: 1) Объединеніе арміи, съ уравненіемъ повинности и средствъ на ея содержаніе. Преобразованіе кадетскаго корпуса въ русскомъ духѣ. Учредить въ Гельсингфорсѣ общее офицерское Собраніе для русскихъ и финскихъ войскъ. 2) Упраздненіе или ограниченіе значенія Статсъ-Секретаріата, съ предоставленіемъ Финляндскому Генералъ-Губернатору права присутствовать при всеподданнѣйшихъ докладахъ Министра Статсъ-Секретаря, хотя-бы по дѣламъ особой важности 3) Кодификація мѣстныхъ законовъ и узаконеніе особаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ общихъ Имперіи и Великаго Княжества. 4) Введеніе русскаго языка въ сенатѣ, учебныхъ заведеніяхъ и въ администраціи. 5) Предоставленіе возможности русскимъ людямъ поступать на службу въ учрежденія Великаго Княжества безъ тѣхъ стѣсненій, какія установлены въ этомъ отношеніи закономъ 1858 года. 6) Установленіе надзора за Университетомъ и пересмотръ учебниковъ во всѣхъ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. 7) Упраздне-

ніе особыхъ: таможни и монеты. 8) Введеніе русской правительственной оффиціальной газеты и облегченіе возможности русскимъ людямъ издавать газеты на русскомъ или мѣстныхъ языкахъ. 9) Упростить нынѣ дѣйствующій церемоніалъ открытія сейма, и 10) Пересмотрѣть положеніе о Генералъ Губернаторѣ Великаго Княжества, изданное въ 1812 году... Ему не подобаетъ находиться подъ опекою Сената, куда теперь онъ представляетъ копіи съ отдаваемыхъ имъ губернаторамъ распоряженій"...

„Въ нарожденіи современной въ краѣ неурядицы,— продолжаетъ Н. И. Бобриковъ,—несомнѣнно, виновна и русская власть, что вызываетъ необходимость примѣнять теперь ея силу съ особенною осторожностію"...

„Въ основаніе дѣйствій мѣстной власти должны быть положены требованія строгой системы, справедливости и безпристрастія. Изданные Всероссійскими Монархами законы и узаконенія, изъ числа остающихся по нынѣ мертвою буквою, подлежатъ непремѣнному исполненію. Исправленія мѣстнаго законодательства и возстановленія общественнаго порядка желательно достигнуть безъ коренной ломки и не вызывая, по возможности, въ краѣ раздраженія. Достоинство Россіи однакоже требуетъ, чтобы Финляндія, направляемая твердою рукою, постепенно становилась по чувству русскою окраиною и въ этомъ отношеніи неизбѣжныя по пути озлобленіе и противодѣйствіе слѣдуетъ сломить, во чтобы то ни стало".

Записка Н. И Бобрикова свидѣтельствуетъ о глубокомъ и всестороннемъ изученіи финляндскаго вопроса, а программа, имъ выработанная, показываетъ, что онъ очень вѣрно схватилъ первыя насущныя условія, для практическаго осуществленія принципа государственнаго объединенія.

30-го сентября 1898 г. новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Гельсингфорсъ Принявъ благословеніе финляндскаго архіепископа Антонія, въ Успенскомъ соборѣ, и выслушавъ привѣтствіе епископа Роберга, въ Лютеранскомъ Николаевскомъ соборѣ, генералъ-адъютантъ Бобриковъ вошелъ въ генералъ-губернаторскій домъ, гдѣ ожидали его всѣ главныя начальствующія лица края, съ мѣст-

нымъ сенатомъ во главѣ. Здѣсь онъ обратился къ собравшимся со слѣдующею историческою програмною рѣчью.

„Вступая въ должность Генералъ-Губернатора, я счастливъ передать населенію Финляндіи высокое Монаршее благоволеніе. Государю нашему извѣстна преданность къ Нему финскаго народа, но Его Императорское Величество также освѣдомленъ, что, къ сожалѣнію, въ краѣ распространено превратное толкованіе тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи. Подъ вреднымъ вліяніемъ этихъ толкованій, среди нѣкоторыхъ финляндцевъ не всегда проявлялось должное сочувствіе мѣрамъ, направленнымъ къ скрѣпленію узъ, связывающихъ край съ остальными частями Россійской Державы.

Россія едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій Престолъ, подъ сѣнію котораго Великое Княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось-бы поэтому въ душѣ каждаго финляндца, которому дороги интересы его родины, стремленіе къ единенію съ Россіею должно быть всегда естественнымъ чувствомъ. Тѣмъ болѣе этому чувству надлежитъ окрѣпнуть теперь, послѣ того, какъ Государь Императоръ въ рескриптѣ, данномъ на мое имя, Самъ указалъ близкой его сердцу Финляндіи на необходимость укорененія въ сознаніи ея населенія всей важности тѣснѣйшаго единенія этой окраины съ центромъ.

Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г., особенности Финляндіи—ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе—на сколько они, конечно не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи.

Отнынѣ ввѣренная Державною волею моему управленію Финляндія будетъ мнѣ дорога и я съ радостью посвящу свои силы на служеніе ея истиннымъ интересамъ. Буду горячо содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ и поддерживать каждое правое, законное дѣло. Сочту себя счастливымъ, если въ мое управленіе краемъ финскій народъ, неоднократно заявлявшій преданность

своимъ Государямъ, проникнется, наконецъ, сознаніемъ неизбѣжной необходимости добрыхъ и сердечныхъ отношеній къ Россіи, такъ какъ у насъ немыслимо разъединять преданность Монарху отъ преданности ко всей Имперіи. На всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, для всѣхъ, состоящихъ подъ могучимъ скипетромъ Царя, одно подданство и одна къ общему отечеству любовь.

Да поможетъ мнѣ Богъ свято исполнить Державную волю Государя и вѣрно послужить на благо дорогой Россіи. Твердо надѣюсь на ваше непрестанное мнѣ во всемъ содѣйствіе и особенно разсчитываю на дружную помощь моихъ ближайшихъ, по Императорскому Финляндскому Сенату, сотрудниковъ".

О началахъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи, онъ высказалъ то, что продумалъ, прочувствовалъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и вытекаетъ изъ прошлаго. Программу свою онъ выставилъ на виду у всѣхъ. Онъ подтвердилъ и призналъ внутреннее самоуправленіе края; никакой ломкой и стѣсненіемъ не грозилъ. Онъ хотѣлъ, чтобы финляндцы не замыкались въ своей исключительности, а дѣлали общее русское дѣло.—Н. И. Бобриковъ звалъ ихъ къ духовному сплоченію съ Россіей, къ совмѣстной работѣ на пользу „общаго отечества" и къ признанію его міровыхъ задачъ своими задачами. Установленіе „добрыхъ и сердечныхъ отношеній финновъ къ Россіи"—вотъ его задушевная мечта и главнѣйшая цѣль. „Все то,—предупреждаетъ онъ,—что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи, правительство не допуститъ". Ясно, что мѣры, намѣченныя имъ, отнюдь не истекали изъ права сильнаго, а изъ одной только справедливости и государственной необходимости. Н. И. Бобриковъ выработалъ руководящія для себя начала, сознавая, съ одной стороны, что нѣтъ ничего вреднѣе безсистемныхъ полумѣръ, а съ другой—не желая „нравственно стоять на запяткахъ" [1]) у финляндскаго сената и статсъ-секретаріата.

„Затѣмъ объѣзжая край и изучая положеніе дѣла на мѣстѣ, въ практическомъ его примѣненіи,—писалъ

[1]) Выраженіе В. Л. Величко.

Н. И. Бобриковъ въ другой своей запискѣ,—я убѣдился, что культурные успѣхи финновъ весьма значительны.— Пути сообщенія, общественныя зданія, вся обстановка жизни, торговое и школьное дѣло, количество періодическихъ изданій, финансовое положеніе, состояніе сберегательныхъ кассъ, и все прочее въ общей своей совокупности, свидѣтельствовало о томъ, что матеріальное благосостояніе было хорошо поставлено".

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ онъ, - меня болѣе интересовало выяснить *силу тяготѣнія Финляндіи къ Россіи и степень довѣрія и расположенія, оказываемаго въ краѣ, къ нашему правительству.* Мнѣ Высочайше повелѣно было продолжить намѣченныя объединительныя преобразованія, почему представлялось необходимымъ уяснить, какими путями возможно будетъ ихъ осуществить и на кого правительство въ состояніи опереться въ краѣ, какъ на своего союзника и помощника. Въ этомъ отношеніи я пришелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Когда были сдѣланы первыя русскія требованія, выражено желаніе государственно-политическаго объединенія Финляндіи съ Россіей, правящіе классы поднялись съ серьезнымъ протестомъ и проявили нерасположеніе къ правительству. Такое отношеніе къ русской власти тѣмъ болѣе поразило меня, что Финляндія въ теченіе столѣтія осыпалась неисчислимыми Царскими милостями. Финляндія выросла и окрѣпла только со времени ея перехода подъ власть Россіи. Отношеніе русской власти и русскаго народа къ финнамъ было всегда проникнуто великими началами христіанства и гуманности. Никогда русское правительство не смѣшивало государственнаго единства съ племеннымъ и никогда поэтому оно не посягало на духовную свободу инородцевъ и не стремилось къ уничтоженію особенностей, созданныхъ природой. Національно-племенная ассимиляція никогда не входила въ государственную программу Россіи и понынѣ не существовало даже и намека на возможность обрусѣнія. Приходится отмѣтить, что, не смотря на благодѣянія Всероссійскихъ Монарховъ, на дружескія отношенія Россіи къ Финляндіи, представителю русской власти въ краѣ рѣшительно не на кого опереться здѣсь, некому довѣриться. Всѣ учре-

жденія и образованные классы образуютъ изъ себя сплошную стѣну противъ самыхъ естественныхъ и справедливыхъ русскихъ требованій. Если и есть лица благоразумныя, то сочувствующія намъ негласно и притомъ не настолько, на сколько удовлетворяются интересы партій, къ составу которыхъ они принадлежатъ. Губернаторы Финляндіи оказались болѣе подчиненными сенату, чѣмъ Генералъ Губернатору. Собственная Канцелярія Генералъ-Губернатора была переполнена исключительно финляндцами, совершенію не склонными содѣйствовать его русскимъ начинаніямъ. Тоже самое приходится сказать о составѣ Статсъ-Секретаріата за первый годъ моего управленія краемъ. Въ Финляндскомъ Министрѣ Статсъ-Секретарѣ начальникъ края имѣлъ постояннаго оппонента, направляющаго свои усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать утвержденію его представленій.—Про магистраты и общины Финляндіи и говорить излишне"...

„При такихъ тяжелыхъ условіяхъ мнѣ пришлось начать свою служебную дѣятельность въ Финляндіи. Оставаясь (въ началѣ) безъ помощника и окруженный исключительно мѣстными уроженцами ея, я долженъ былъ взять лично на себя все бремя управленія"...

Однако передъ этой сплошной стѣной всякихъ препятствій Николай Ивановичъ не смолодушничалъ и не измѣнилъ, въ угоду обстоятельствамъ, своимъ основнымъ началамъ.

Осуществляя программу „тѣснѣйшаго единенія", Н. И. Бобрикову пришлось: ввести новый уставъ о воинской повинности; опубликовать манифестъ 3-го февраля 1899 г. о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, т. е. такихъ, которые равно относились, какъ къ Финляндіи, такъ и Россіи; ввести русскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ сената; создать „Финляндскую Газету"; озаботиться поднятіемъ русскихъ школъ; начать пересмотръ программъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Всѣми силами своего недюжиннаго ума и рѣдкаго сердца онъ принялся за трудную и отвѣтственную работу.

Каждая реформа не нравилась финляндцамъ и раздражала ихъ, такъ какъ никакого сближенія съ Россіей, какъ мы видѣли, они не желали и не желаютъ.

Сколько, напримѣръ, нареканій посыпалось на даровитаго и добросовѣстнаго Н. И. Бобрикова за введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство сената. Однако, онъ не смутился и продолжалъ настойчиво подготовлять пути и средства для практическаго осуществленія закона, который долженъ былъ войти въ силу въ сентябрѣ 1903 г.

Финляндскими перьями возбуждено было вниманіе Запада къ „новому насилію" русскагс правительства, причемъ авторы не гнушались и явною ложью. Русскій языкъ введенъ былъ только въ дѣлопроизводство сената, а герольды въ печати трубили о томъ, что даже въ „засѣданіяхъ торговыхъ и промышленныхъ обществъ примѣнялся исключительно русскій языкъ"...

Финляндцы апеллировали къ Европѣ!... Но если-бы финляндцы спокойнѣе отнеслись къ справедливому требованію и заглянули въ исторію тѣхъ государствъ. въ печати коихъ они наиболѣе шумѣли, то узнали бы, что единство языка озабочивало въ свое время всѣ правительства Запада. Сколько эдиктовъ было издано французскими королями противъ различныхъ мѣстныхъ нарѣчій! Наполеонъ I съ неумолимою суровостью водворялъ французскій языкъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Бретани, Эльзаса и Прованса. Въ послѣднее время республиканское правительство Франціи противилось введенію провансальскаго нарѣчія въ школы. Въ Англіи каждый, носящій мундиръ правительства или крупной компаніи, обязанъ говорить по англійски. Человѣкъ враждебный государству не найдетъ себѣ тамъ мѣста на службѣ. Въ прочномъ государствѣ нельзя себѣ представить болѣе одного государственнаго языка. Вотъ почему англійское правительство старалось изъять изъ обращенія мѣстные языки въ государственныхъ учрежденіяхъ своихъ обширныхъ колоній. Англійскій языкъ введенъ въ сеймахъ Норманскихъ острововъ, населеніе которыхъ говоритъ по-французски. На островѣ Мальтѣ англійскій языкъ тоже признанъ оффиціальнымъ языкомъ (съ 22 марта 1899 г.), взамѣнъ мѣстнаго—итальянскаго.

Водвореніе русскаго языка въ высшемъ административномъ учрежденіи Финляндіи, несомнѣнно, существенный успѣхъ въ дѣлѣ государственно-объединительной по-

литики послѣднихъ лѣтъ. Вездѣ завоеватель начиналъ съ того, что вводилъ свой языкъ въ покоренной странѣ, какъ вѣрнѣйшій залогъ ея духовнаго скрѣпленія съ метрополіей. Мы этого фактически не сдѣлали въ Финляндіи, почему цѣлый край, рядомъ со столицей Имперіи, остался внѣ русскаго надзора и воздѣйствія.

Теперь Россія исправила прежнюю оплошность и внесла въ Финляндію духовное знамя своей государственности. Честь этого важнаго дѣла принадлежитъ Н. И. Бобрикову! Если бы онъ болѣе ничего не сдѣлалъ на Финляндской окраинѣ для русскаго дѣла, то и тогда имя его было бы обезпечено въ исторіи.

9-го октября 1903 года Николай Ивановичъ Бобриковъ самъ впервые предсѣдательствовалъ въ сенатѣ, гдѣ уже всѣ доклады дѣлались на русскомъ государственномъ языкѣ. Отношеніе Николая Ивановича къ сенату живо отразилось въ его письмахъ. „Сегодня (9 октября 1903 г.) засѣдалъ въ сенатѣ отъ 11 до 2-хъ. Впечатлѣніе хорошее“. „Засѣдалъ еще разъ въ сенатѣ и всѣ сенаторы видимо сознаютъ пользу отъ болѣе живого моего въ дѣлѣ участія. Дѣла, прошедшія въ общегосударственныхъ интересахъ, доставили мнѣ тѣмъ не малое удовлетвореніе“ (18 октября 1903 г.). „Участіе мое въ сенатѣ идетъ пока успѣшно и для края плодотворно. До сихъ поръ разногласія не было“ (31 октября 1903 г.). „Засѣдалъ въ сенатѣ уже четыре раза и пропустилъ свыше 120 дѣлъ“ (3 ноября 1903 г.). „Я доволенъ сенаторами и думаю, что они не очень противъ меня“ (16 ноября 1903 г.). Еще ранѣе, а именно въ мартѣ того же года Николай Ивановичъ писалъ: „На сенатъ жаловаться теперь не могу, но бѣда въ томъ, что противъ него интригуютъ шведоманы, разсчитывающіе смѣнить финномановъ и упускающіе изъ вида, что ихъ управленіе сопровождалось для Финляндіи великимъ зломъ“.

Рядомъ съ указаніемъ на введеніе въ дѣлопроизводство сената русскаго языка, напрашивается занять мѣсто, въ приводимомъ краткомъ перечнѣ, учрежденіе перваго русскаго органа печати въ Финляндіи. Почти сто лѣтъ мы обладали краемъ и не завели тамъ русскаго изданія! До двухсотъ повременныхъ успѣли учредить тамъ шведы

и Финны, а мы, точно игнорируя силу и значеніе печатнаго слова, не позаботились устроить своей редакціи. Печатный станокъ работаетъ чуть-ли не на Шпицбергенѣ, а мы въ культурной окраинѣ обходились безъ его содѣйствія, то есть пренебрегали сильнѣйшимъ орудіемъ человѣческой борьбы. Честь учрежденія первой русской газеты въ Финляндіи также принадлежитъ Николаю Ивановичу Бобрикову.

Онъ желалъ, чтобы учрежденная имъ „Финляндская Газета“ возбуждала взаимное довѣріе между финнами и русскими, т. е. служила дѣлу единенія русскихъ подданныхъ, почему она выступила съ самой миролюбивой программой и самымъ умѣреннымъ тономъ. Финляндцы встрѣтили ее грубымъ и безсмысленнымъ бойкотомъ, забывъ прекрасныя слова своего поэта Зах. Топеліуса: „Для печатнаго слова нѣтъ границъ ни во времени; ни въ пространствѣ; оно родится въ день, а живетъ вѣчность; оно пролагаетъ себѣ путь ко всему, достигаетъ всего, проникаетъ сквозь всякую щель... Никакая стѣна его не заслонитъ, никакая плотина не сдержитъ. Разъ выпущенное, оно невозвратимо и не уничтожаемо. Бить его молотомъ—бить воздухъ, жечь огнемъ—жечь мысль“...

Итакъ, указанныя начинанія Николая Ивановича имѣли глубокій смыслъ и направлены были къ достиженію духовнаго сближенія и нравственнаго единенія.

Развѣ не съ тою же цѣлью имъ обращено было вниманіе на финляндскія и русскія учебныя заведенія края? Вездѣ послѣдовательно преслѣдовалась одна и та же цѣль единенія и согласія между финнами и русскими. Николай Ивановичъ понималъ, что всѣ административныя завоеванія въ Финляндіи будутъ снесены, какъ волной, мѣстной школой, если она не сдѣлается благопріятной по отношенію къ Россіи и не насадитъ новаго не враждебнаго намъ міровоззрѣнія.

Своими трудами на поприщѣ духовнаго сближенія финской и русской народности, Николай Ивановичъ заслужилъ глубокую признательность въ сердцахъ русскихъ людей, дорожащихъ интересами своей родины. Продлись его жизнь и неутомимая дѣятельность, мы были бы свидѣтелями новой эры въ Финляндіи.

Понимая, что одними внѣшними мѣропріятіями сплоченія достигнуть нельзя, онъ, при подходящихъ обстоятельствахъ, клалъ основы болѣе прочнаго нравственнаго сближенія. И какъ онъ радовался, когда замѣчалъ малѣйшіе всходы на этой духовной нивѣ! „Великимъ мнѣ утѣшеніемъ,—писалъ онъ (9 мая 1903 г.),—служитъ народная масса, оказывающая мнѣ сочувствіе при удобномъ случаѣ. По дѣламъ службы я только что посѣтилъ С.-Михель, Выборгъ и Фридрихсгамъ; не только въ городахъ, но и на станціяхъ собирался народъ, привѣтствуя меня криками „элёкёнъ" и маханіемъ платковъ"... Во время послѣдняго призыва тотъ-же народъ самъ сталъ ловить своихъ подстрекателей.

Рабочіе г. Гельсингфорса нуждались въ кускѣ хлѣба. Городскія власти не подали имъ помощи. Узнавъ объ этомъ, Николай Ивановичъ приказалъ немедленно организовать выдачу даровыхъ обѣдовъ. Все было устроено живо и прекрасно. Нуждающимся помогли. Въ Страстную субботу (1903 г.) Николай Ивановичъ объѣхалъ всѣ три столовыя, устроенныя въ русскихъ казармахъ. „Отъ умиленія народъ просто плакалъ, трогая насъ, русскихъ, до глубины души", сообщалъ онъ затѣмъ своему знакомому (8 апрѣля 1903 года), видимо, довольный достигнутыми результатами.

Вотъ живые примѣры, указывающіе, какъ Николай Ивановичъ стремился завоевать народъ *сердцемъ*... преслѣдуя все ту же завѣтную цѣль „сплоченія русскаго царства".

Народная масса чутка. Она сердцемъ почуяла, что Николай Ивановичъ Бобриковъ ея доброжелатель и союзникъ. Враги русскаго дѣла также очень скоро оцѣнили правильность и сердечность его дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ, почему поспѣшили очернить каждый его шагъ въ глазахъ простодушнаго населенія. Такъ, напримѣръ, когда Николай Ивановичъ велѣлъ кормить рабочихъ, то это хорошее и христіанское дѣло въ нелегальномъ финскомъ изданіи „Новости Недѣли" назвали „*печальной комедіей*"... „Неужели дошло такъ далеко, что Финляндія должна просить хлѣба у своихъ горчайшихъ непріятелей".. Н. И. Бобриковъ, посѣтивъ канцелярію

генералъ-губернатора, и при этомъ, конечно, совершенно искренно, выразилъ свое желаніе, чтобы русскіе чины ея изучали финскій языкъ. „Это попытка подкупить старофинномановъ!... „Это новая ловушка"... кричали агитаторы въ печати.

Главнѣйшія реформы, надъ которыми Николаю Ивановичу пришлось наиболѣе поработать въ первые годы своего управленія краемъ, вызвали наибольшее раздраженіе, несмотря на ихъ государственную неизбѣжность и справедливость. Мало того. Эти естественныя мѣропріятія, направленныя къ политическому сближенію финляндской окраины съ остальными частями Имперіи, повели вскорѣ къ смутѣ, которая быстро охватила весь край и продолжалась затѣмъ нѣсколько лѣтъ къ ряду. Смута и до сихъ поръ не улеглась. Лица, не знающія дѣла, стали выводить заключеніе, что вся общественная безурядица вызвана впервые и исключительно дѣйствіями Н. И. Бобрикова.

Въ настоящее время особенно легко доказать всю неосновательность подобныхъ заявленій. Для этого имѣется очень интересный и не обнародованный до сихъ поръ матеріалъ. Дѣло въ томъ, что руководители финляндскихъ партій и истинные творцы мѣстнаго „пассивнаго сопротивленія" всѣмъ правительственнымъ требованіямъ, переписывались между собою и часть ихъ бумагъ попалась въ руки русской власти въ то время, когда они подлежали выселенію изъ края.

Задержанная переписка прежде всего устанавливаетъ, что то движеніе, которое рѣзко проявилось въ послѣдніе годы, ведетъ свое начало съ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. задолго до назначенія Н. И. Бобрикова. „Уже въ 1881 г. баронъ Борнъ основалъ въ городѣ Ловизѣ свою газету („Östra Nyland"), въ которой дѣлались выходки противъ русскихъ коробейниковъ и выражалось недовольство русскимъ направленіемъ Министра Статсъ-Секретаря Бруна и Генералъ-Губернатора графа Ѳ. Л. Гейдена. Когда же въ Бозѣ почившій Незабвенный Монархъ Россіи, Императоръ Александръ III, намѣтилъ программу объединительныхъ реформъ и издалъ Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ новаго уголовнаго уложенія, то баронъ Борнъ

(въ газетѣ „Nya Pressen“) выступилъ со статьей („Съ открытымъ забраломъ“), которая въ сущности есть ни что иное, какъ открытое воззваніе не исполнять Царскихъ повелѣній и дерзкій совѣтъ судьямъ продолжать судить по уложенію, не признавая пріостановки его дѣйствія“.

Далѣе, помимо переписки, извѣстно, что въ 1890 г. въ Финляндіи возникла мысль основать общество для распространенія за границею правильныхъ понятій о правахъ Финляндіи.

Задержанная переписка показываетъ затѣмъ, что „идея и осуществленіе такъ называемаго „международнаго“ адреса ученыхъ исходили изъ финляндской среды. При содѣйствіи бывшаго Товарища Министра Статсъ-Секретаря, графа Армфельта, агитаторы надѣялись поднести Монарху этотъ адресъ; который они прозвали „международной бомбой“. И дѣйствительно, графъ Армфельтъ снабжалъ заговорщиковъ нужными свѣдѣніями, чѣмъ заслужилъ ихъ „особое расположеніе“.

Все таже частная переписка „руководителей смуты Борна. Вреде, Антеля и др. раскрываетъ еще, что мысль о большомъ всенародномъ адресѣ родилась уже въ 1892 г., когда задумали противодѣйствовать проекту графа Гейдена объ „учрежденіи управленія губерніями Великаго Княжества Финляндскаго“. Тогда подъ адресомъ подписалось ничтожное число лицъ, но мысль о затѣѣ и весь планъ ея осуществленія остались, и этимъ объясняется быстрота ея исполненія (какъ адреса-протеста) въ 1899 г.“.

Напомнимъ еще забытый фактъ: въ газетѣ „Uusi Suometar“ 1890 г. (№ 216) было помѣщено воззваніе, въ которомъ финскій народъ призывался стоять какъ одинъ человѣкъ противъ объединительныхъ реформъ.

Мысль о депутаціи, направленной къ Царю, также не новость. Въ 1890 году земцы послали въ Петербургъ своихъ четырехъ представителей, но они не были приняты.

„Отъ прежняго времени финляндцы унаслѣдовали также идею пассивнаго сопротивленія. Какъ теперь выясняется изъ частной переписки, ее проповѣдывалъ уже въ 1891 году профессоръ Гельсингфорскаго университета, баронъ Вреде въ статьѣ [1]), которую широко распростра-

[1]) „Обзоръ положенія въ странѣ“.

нилъ путемъ подпольной разсылки. Чтобы спасти основные законы Финляндіи, писалъ Вреде, необходимо, чтобы министръ Статсъ-Секретарь не контрасигнировалъ нежелательныхъ финляндцамъ Высочайшихъ повелѣній и Манифестовъ, чтобы сенатъ не распубликовывалъ ихъ, чтобы судьи не обращали вниманія на отсрочку дѣйствія уголовнаго уложенія. Кромѣ того, сеймъ обязанъ единодушно протестовать, общество не должно идти на встрѣчу новымъ русскимъ требованіямъ, родителямъ вмѣняется въ обязательство не обучать дѣтей русскому языку и т. п. По поводу положеній этого новаго политическаго катехизиса Финляндіи тогда же завязалась полемика, во время которой выработаны были дополнительныя правила о томъ, чтобы всѣ поголовно чиновники уклонялись отъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, несогласныхъ съ законами края, чтобы законный судъ ни смѣлъ никого осуждать изъ финляндцевъ. при ихъ столкновеніи съ русскими властями, чтобы сенаторы, въ случаѣ надобности, подавали въ отставку, такъ какъ ихъ замѣстители, русскіе генералы, „безъ денегъ и бумагъ“ не въ состояніи будутъ справиться со всѣми новыми обязанностями“.

Представленные извлеченія изъ документовъ самихъ финляндцевъ показываютъ, что въ Финляндіи все было въ броженіи, все было неблагопріятно настроено противъ объединительныхъ реформъ и нуженъ былъ малѣйшій поводъ, новая незначительная искра, чтобы все пришло въ движеніе, все было въ пламени. А тутъ еще, по случайному стеченію обстоятельствъ, на очереди стояли реформы огромной важности, реформы, частію коснувшіяся народной жизни, почему пламя недовольства получило широкое распространеніе.

Желая быть возможно краткимъ, я не буду воспроизводить здѣсь картины финляндской смуты и представлять финляндскую изобрѣтательность въ дѣлѣ противодѣйствія русскимъ государственнымъ требованіямъ. События этой смуты болѣе или менѣе памятны русскому читателю. Укажу лишь на факты менѣе извѣстные.

Началась японская война. Подпольные элементы края ожили. Особенно воспрянули духомъ административно выселенные въ Стокгольмѣ. Они бросились къ перьямъ

и полились по европейской печати новые потоки лжи и грязныхъ изліяній.

„Насталъ часъ возмездія для Россіи! писали они. Война окончится нашимъ освобожденіемъ отъ русскаго ига!“ Въ статьѣ „Начало конца“ говорилось, что „занавѣсъ поднялся навѣрное для послѣдняго акта трагедіи царства“. Въ Америкѣ, сообщалось ими, организованы изъ финновъ цѣлые отряды. Англія, Америка и Швеція помогутъ финнамъ.

Послѣ вѣроломнаго нападенія японцевъ на наши суда у Портъ-Артура, по Финляндіи циркулировала телеграмма такого, примѣрно, содержанія: Русскій флотъ уничтоженъ. Крѣпость въ пламени. Въ Петербургѣ большой переполохъ“. Кое-гдѣ въ краѣ не обошлось безъ пирушекъ и ликованій, въ надеждѣ на японскую побѣду.

Почему финляндскіе революціонеры обрадовались русско-японской войнѣ? На этотъ вопросъ отвѣтилъ особой статьей, бывшій руководитель главной политической газеты шведомановъ „Nya Pressen“, Аксель Лилле (А. Вернеръ).—Его статья „Передъ войной“ начинается обвиненіями Россіи въ томъ, что она вызвала наличное осложненіе. Затѣмъ слѣдуетъ его заявленіе, что „никто не будетъ оплакивать ея потерь“ и что „надо желать, чтобы Россія потерпѣла полное пораженіе, какъ можно скорѣе“. Надо,—говоритъ онъ,—пользуясь обстоятельствами, не только не идти на уступки, а съ удвоенными силами добиваться возстановленія нарушенныхъ правъ Финляндіи и вырвать „гарантію относительно дальнѣйшаго существованія этихъ правъ“. Послѣднія событія въ Финляндіи показываютъ, что программа Лилле пришлась по сердцу главнымъ политическимъ дѣятелямъ на сеймѣ.

Радуясь войнѣ, финляндскіе революціонеры, видимо, надѣялись также на возможность осложненій между Швеціей и Россіей. Вотъ отрывокъ изъ шведской газеты „Fäderneslandet“ (т. е. „Отечество“) № 15.. „На дняхъ я нечаянно столкнулся съ другомъ... Въ патріотическомъ раздраженіи онъ билъ объ столъ кулаками и кричалъ: Шведы настоящіе сапожники! Они не пользуются случаемъ напасть на русскихъ въ то время, когда тѣ терпятъ пораженіе за пораженіемъ. Теперь или никогда! Если бы

мы имѣли хоть немного прежней отваги, то настало самое удобное время захватить русскихъ врасплохъ. Ихъ флотъ почти весь истребленъ, а войска высланы въ Восточную Азію, ежели не замерзли въ степяхъ Сибири. Намъ не слѣдуетъ упускать этого удобнаго случая. а бомбардировать Петербургъ и отобрать Финляндію".

Во время этой смуты Н. И. Бобриковъ одиноко стоялъ среди мутныхъ общественныхъ волнъ, которыя бушевали на свободѣ во всей Финляндіи. Въ первое время вокругъ него во всей мѣстной администраціи не было ни одного сочувствующаго ему лица. „Жить мнѣ здѣсь и трудиться среди враговъ явныхъ и тайныхъ крайне трудно. Несу крестъ съ терпѣніемъ". (Изъ письма Николая Ивановича отъ 2 апрѣля 1904 года). Всѣ видѣли въ немъ какого то восточнаго варвара, готоваго превратить Финляндію чуть-ли не въ пустыню. А между тѣмъ загляните въ его скромный дневникъ и его письма того времени и вы легко убѣдитесь, что въ немъ не было и тѣни озлобленія. Въ немъ нѣтъ даже особаго безпокойства. Умъ и сердце подсказывали ему, что правительственныя требованія законны и правильны, необходимы и полезны, а потому онъ вѣрилъ, что „избранный имъ путь" все таки когда-нибудь приведетъ къ желанному умиротворенію и безъ примѣненія чрезвычайныхъ мѣръ", какъ записано въ его дневникѣ.

Онъ поразительно спокойно и правильно оцѣнивалъ происходившія вокругъ него событія. „Нѣтъ худа безъ добра", говоритъ русская пословица. Насколько манифестъ былъ мѣрою благодѣтельною, вызвавъ наружу истинное настроеніе шведомановъ и младофинновъ, настолько-же злополучный массовый адресъ принесъ свою долю пользы, открывъ полнѣйшую неурядицу во внутреннемъ административно-полицейскомъ управленіи края". (Изъ дневника).

„Продолжаю преслѣдовать газеты, которыя подъ всевозможными предлогами призываютъ къ возстанію. „Я сталъ получать подметныя письма съ угрозами, но пока хладнокровно ихъ сжигаю... Храню самообладаніе и за зло стараюсь платить добромъ.. Знаменательный законопроектъ (3-го февраля 1899 года) снялъ завѣсу съ финляндскихъ вожаковъ, готовившихъ святой Руси въ буду-

щемъ серьезныя осложненія. Врагъ открытый не такъ страшенъ, какъ сокрытый, къ тому-же способный на лесть и униженіе. Народная масса вообще стоитъ за русскую власть и тѣмъ причиняетъ мѣстнымъ вожакамъ большое горе... Народъ не смѣетъ проявить наружу своихъ чувствъ, находясь въ кабалѣ у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и хозяевъ фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ агитаторовъ". (Тамъ-же).

Думая о мирномъ „закрѣпленіи" за Россіей ея Финляндской окраины, онъ понялъ, что главнѣйшимъ препятствіемъ на этомъ пути явилась мѣстная школа, начиная съ высшей и кончая низшей. „Богъ вѣсть что, при отсутствіи русскаго надзора, проповѣдуется въ здѣшнихъ училищахъ о Россіи и отношеніяхъ къ ней Финляндіи, записалъ онъ. Надо, чтобы молодежь еще въ стѣнахъ школъ почерпала знанія, отвѣчающія общегосударственнымъ интересамъ. Чѣмъ это запущенное дѣло будетъ скорѣе распутано, тѣмъ, конечно, лучше"...

Школа видимо не разъ являлась предметомъ его думъ, такъ какъ далѣе въ дневникѣ опять находимъ подчеркнутыя строки о „необходимости перевоспитанія финляндской молодежи". Общее же положеніе дѣла въ краѣ, приводило его къ тому глубокому убѣжденію, что „мирное завоеваніе" Финляндіи возможно только при „постепенномъ и твердомъ" проведеніи намѣченныхъ съ высоты Престола предначертаній".—„Твердо, терпѣливо и настойчиво"—повторяетъ онъ „Съ Божьей помощію надѣюсь дѣло постепенно пойдетъ, согласно преподанныхъ мнѣ Высочайшихъ указаній"...

Терпѣнія и настойчивости, твердости и послѣдовательности нуженъ былъ громадный запасъ, такъ какъ неудовольствіе мѣстной интеллигенціи противъ генералъ-губернатора росло, по собственному признанію Николая Ивановича „за его стойкость при охраненіи русскихъ интересовъ". Кромѣ того, во время разгоравшейся борьбы стало проявляться прямое озлобленіе.—„Самое смѣлое воображеніе не можетъ себѣ воспроизвести,—читаемъ въ его собственноручной записи,—въ истинномъ свѣтѣ той ненависти, какую питаетъ къ Россіи и ея Монарху шведская интеллигенція, привыкшая безконтрольно править

страною и даже мечтающая о своемъ вліяніи на Имперію" (24 марта 1899 г.). „Здѣсь трудно дѣйствовать—записалъ Николай Ивановичъ 31 марта 1899 года—именно потому, что много финляндцевъ, вѣрныхъ только на словахъ и скоро себя выдающихъ, разъ удается выводить ихъ дѣломъ на чистую воду".

Обыкновенно наши генералъ-губернаторы пріѣзжали въ край и поступали въ полное вѣдѣніе мѣстнаго сената. Получалась, примѣрно, такая картина: Генералъ-губернаторъ спрашивалъ, какъ вамъ угодно, чтобы я правилъ краемъ? „Слушайтесь нашихъ совѣтовъ и все будетъ хорошо; слѣдуйте нашимъ указаніямъ и страна будетъ вами довольна и вы останетесь довольны страной", отвѣчали ему, указывая на слова генералъ-губернатора шведскихъ временъ Пера Браге.

Говоря такимъ образомъ, я, во-первыхъ не фантазирую, а воспроизвожу лишь смыслъ словъ финскаго журнала Valvoja (1881 г., №№ 11—12), а во-вторыхъ, разумѣю при этомъ преимущественно время управленія краемъ Штейнгеля и гр. Адлерберга, ибо не даромъ гр. Густавъ Армфельтъ назвалъ Штейнгеля „сущимъ ангеломъ" для Финляндіи, а финляндцы превозносили въ некрологахъ гр. Адлерберга за то, что онъ „искусно умѣлъ защищать противъ русскихъ чиновниковъ учрежденія края".

Со дня пріѣзда генералъ-губернатора Бобрикова, русскіе сами пожелали управлять краемъ и естественно, что ихъ вмѣшательство не могло понравиться мѣстнымъ дѣятелямъ. Шведская партія стремилась расширить *конституціонные порядки*, Николай-же Ивановичъ весь былъ проникнутъ не токмо за страхъ, какъ говорятъ, но и за совѣсть, - началами самодержавія. — „*Монархическій самодержавный принципъ*" онъ считалъ „прочнѣйшимъ залогомъ государственнаго единства, могущества, безопасности и благосостоянія русскаго народа и неразрывно съ нимъ связаннаго одною жизнію и подданствомъ народа финскаго". Но спѣшу прибавить, что противъ внутренняго самоуправленія Финляндіи Николай Ивановичъ ни въ дневникѣ, ни въ письмахъ, ни въ официальныхъ бумагахъ никогда не высказывался. Въ одномъ оффиціаль-

номъ документѣ значатся очень цѣнныя въ этомъ отношеніи его слова. Я хотѣлъ-бы провозгласить эти слова столь громко, чтобы финляндцы услышали ихъ, такъ какъ они во всѣхъ русскихъ дѣятеляхъ видятъ враговъ своего самоуправленія. Это большое заблужденіе! Большое недоразумѣніе! Враговъ финляндскаго самоуправленія нѣтъ среди людей серьезныхъ, есть только люди, не признающіе финляндской „*государственности*", ибо находятъ ее несовмѣстимой съ интересами Имперіи

„Въ государственномъ сплоченіи всѣхъ частей Державы – писалъ Николай Ивановичъ—прочнѣйшій залогъ ея славнаго будущаго. Финляндія можетъ благоденствовать при особомъ внутреннемъ самоуправленіи, но государственныхъ прерогативъ она не должна добиваться и не можетъ имѣть. Бытовыхъ или культурныхъ особенностей, также какъ и этнографическихъ правъ. или племенной самобытности финновъ правительство не трогало и не уничтожало; свобода ихъ совѣсти никогда не стѣснялась; лютеране всегда безпрепятственно исполняли ритуалъ своей церкви; проповѣдь ихъ пасторовъ не контролировалась и не ограничивалась; финнамъ оставленъ ихъ языкъ въ домашнемъ обиходѣ, школѣ, въ судѣ, въ общинномъ управленіи и только высшая ихъ администрація обязана считаться съ языкомъ всего государства. Преподаваніе родныхъ (мѣстныхъ) языковъ въ школѣ Финляндіи всегда было первою заботою (русскаго) правительства и впредь оно не намѣрено касаться его. Но своего провинціальнаго, мѣстнаго патріотизма финляндцы не должны развивать, такъ какъ они русскіе подданные, а у всѣхъ вѣрноподданныхъ одно отечество и одинъ Престолъ. Оставаясь финнами и лютеранами, финны могутъ и должны быть русскими по своимъ *правамъ, по своимъ стремленіямъ и по духу*" [1]).

„Таковы тѣ основныя начала, которыя руководили мною въ управленіи Великимъ Княжествомъ въ теченіе истекшихъ четырехъ лѣтъ и коимъ я, по мѣрѣ моихъ силъ. полагалъ-бы слѣдовать и впредь, въ глубокомъ убѣжденіи, что они, являясь благомъ для финскаго на-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

рода, послужатъ въ то же время на пользу Россіи и на славу царствованія Его Императорскаго Величества"...

Николай Ивановичъ былъ проникнутъ серьезностію возложенной на него политической задачи Онъ изучилъ исторію края и зналъ, что на его долю выпала трудная обязанность прокладки новаго пути государственнаго единенія. Все было запушено, все заросло бурьяномъ сепаратизма и травой забвенія всякихъ русскихъ правъ на Финляндской окраинѣ. Нужна была богатырская сила для расчистки запущеннаго поля и у Николая Ивановича эта сила нашлась и силы своей онъ не пожалѣлъ. „Приходится переживать великую историческую минуту. – записалъ онъ 26 марта 1899 года въ своемъ дневникѣ,—и я счастливъ, стоя здѣсь на часахъ, содѣйствовать охраненію русскихъ интересовъ, основанныхъ на несомнѣнномъ и безспорномъ правѣ". Чтобы отстоять часовымъ на столь отвѣтственномъ посту нужно было имѣть много терпѣнія, выдержки и знанія.

11 мая 1902 года Николай Ивановичъ Бобриковъ, обрисовывая въ письмѣ къ Вячеславу Константиновичу Плеве состояніе края, писалъ; „... Шесть губернаторовъ соблюдаютъ благопріятный сепаратистамъ нейтралитетъ и потому ничего не предпринимаютъ... Полиція плоха и слаба... Духовенство политикуетъ... При данныхъ условіяхъ, согласитесь, можно-ли достигать умиротворенія уступками?.. „Разумѣется край можетъ жить и при подобной печальной обстановкѣ, но вѣдь зараза будетъ проникать все глубже и глубже, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложнится и вопросъ о приведеніи Финляндіи въ порядокъ. Вѣдь все это я предвидѣлъ и своихъ впечатлѣній не скрывалъ. Если мои предложенія несостоятельны, то необходимо меня замѣнить другимъ лицомъ, болѣе прозорливымъ и способнымъ покупать миръ цѣною русскихъ интересовъ. Честь и совѣсть я ставлю выше всего, вслѣдствіе чего не отступлюсь отъ нихъ ни на іоту".

„Современная картина приводитъ меня къ убѣжденію, что поворотъ въ управленіи краемъ возможенъ въ сторону справедливыхъ требованій, но отнюдь не (путемъ) уступокъ и подачекъ. Генералъ-губернаторъ не можетъ оставаться куклою и лучше его вовсе упразднить, или

замѣнить такимъ, который былъ бы способенъ играть такую унизительную для русскаго человѣка роль"...

"Въ политикѣ я, конечно, лично не сдамъ,—читаемъ въ другомъ письмѣ Николая Ивановича своему знакомому,—но, пожалуй, прійдется уступить постъ другому". (16 декабря 1902 г.).

Такой критическій моментъ видимо былъ (весной 1903 года), когда онъ писалъ, между прочимъ, министру статсъ-секретарю: "Зубами вовсе не держусь за занимаемую должность и отъ требованій долга и совѣсти, ради какихъ-бы то ни было личныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не отступлюсь. Твердость моя покоится на знаніи дѣла и увѣренности, что проводимая мною Высочайше одобренная система даетъ благія для Россіи послѣдствія при условіи ея примѣненія безъ колебаній. Время покажетъ, правъ-ли я. Конечно, исправить девятидесятилѣтнюю слабость нужно время и терпѣніе".

Терпѣнія, твердости и вниманія финляндскому генералъ-губернатору нужно было имѣть особенно много, потому еще, что борьбу приходилось вести все время на два фронта.—Финляндскія силы сосредоточены не только въ Гельсингфорсѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ финляндскіе дѣятели постоянно и неустанно усердно работаютъ въ вліятельныхъ и административныхъ сферахъ.

Шведоманы работали "во всю", очевидно разсчитывая на поддержку въ Петербургѣ,—писалъ Николай Ивановичъ. Въ другомъ его письмѣ значится: "Въ Петербургѣ мало кто знаетъ истинное положеніе нашихъ здѣшнихъ дѣлъ и потому у финляндцевъ (тамъ) масса защитниковъ..." (2 апрѣля 1900 года).

На Петербургскія сферы финляндскому генералъ-губернатору приходилось поэтому часто оглядываться и въ собраніи писемъ Николая Ивановича петербургская политика и петербургскія настроенія занимаютъ довольно видное мѣсто. "Финляндцы продолжаютъ упорствовать, но я убѣжденъ въ неизбѣжности ихъ сдачи лишь-бы петербургскіе политиканы не мѣшали", писалъ Николай Ивановичъ 2 апрѣля 1900 года.

"Я, повѣрьте, понимаю всю тяжесть вашего положенія,—убѣждалъ Николая Ивановича одинъ изъ его

будущихъ сотрудниковъ... — Сциллы и Харибды петербургскія мнѣ извѣстны. Финляндскія шхеры ничто въ сравненіи съ ними и страшны они только благодаря Петербургу. Имѣю полную надежду, что при вашей твердости и умѣніи русское государственное дѣло... будетъ доведено, вопреки всему, благополучно въ тихую гавань" (21 мая 1902 года). Черезъ годъ тотъ-же корреспондентъ сообщалъ Николаю Ивановичу: „Господинъ X. меня предупредилъ, что г. Z orbi et urbi ругаетъ финляндское управленіе... и говоритъ тамъ, гдѣ ему не подлежитъ говорить...

„Но г. Z при этомъ не зналъ и знать не хотѣлъ, что происходило въ Финдляндіи. „Должно произойти, или полное отступленіе отъ нынѣшняго направленія лишенія финляндцевъ ихъ правъ, или введеніе военнаго положенія... Одно ясно, что у финляндскаго народа отбираютъ то, что онъ имѣлъ въ теченіе ста лѣтъ и что онъ привыкъ считать своимъ правомъ... Есть только „оффиціальная" русская литература о Финляндіи. Пускай Министръ Внутреннихъ Дѣлъ только на одинъ мѣсяцъ разрѣшитъ русскимъ газетамъ свободное обсужденіе финляндскихъ вопросовъ и тогда мы бы увидѣли, какъ смотритъ Россія на Финляндію... Уничтожьте въ Тамбовской губерніи, напримѣръ, земство и увидите, сколько будетъ выстрѣловъ. Финляндцы-же до сихъ поръ (до января 1903 г.) не позволили себѣ никакого насилія. Это удивительно".

„Господинъ Z говорилъ, какъ самый убѣжденный свекоманъ, и не хотѣлъ слышать не только опроверженій своихъ доводовъ, но и фактовъ... Это говорилъ не русскій человѣкъ, а финляндскій... Выйдя отъ него, я думалъ, что вышелъ изъ кабинета Мехелина или другого вождя агитаціи антирусской" (17 января 1903 года).

30-го декабря 1903 года Николай Ивановичъ получилъ новое сообщеніе изъ Петербурга: „Общее мое впечатлѣніе такое: въ настоящее время уже достаточно много лицъ, которыя громко говорятъ, что ваша политика приноситъ плоды, что успокоеніе края очевидно, и что поэтому нужно признать, что вы идете по вѣрному пути. Годъ тому назадъ такихъ голосовъ почти нигдѣ не было слышно".

Настроеніе, конечно, часто и скоро мѣнялось какъ

у петербургскихъ „особъ“, такъ и у петербургскихъ „крикуновъ“. Одно несомнѣнно, что „твердый курсъ“ искренно радовалъ всѣхъ не мало испытавшихъ русскихъ людей на финляндской окраинѣ.

9 ноября 1903 года Николай Ивановичъ получилъ изъ Петербурга еще одно очень интересное письмо отъ своего знакомаго г. N. N., въ которомъ заключалось слѣдующее указаніе: ‚Перемѣна направленія въ финляндскомъ и еврейскомъ вопросахъ была бы несчастіемъ потому еще болѣе, что оба они связаны тѣсно съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи“.

„Но вѣдь никто другой,—слышу я голоса моихъ оппонентовъ,—какъ именно Николай Ивановичъ настаивалъ на предоставленіе и ему чрезвычайныхъ полномочій, а это повело къ административной высылкѣ нѣкоторыхъ финляндцевъ“. Я понимаю, что на этотъ пунктъ часто и долго еще будутъ указывать недоброжелатели бывшаго генералъ-губернатора. Отвѣтъ мой могъ-бы быть коротокъ: я доказалъ уже, что его требованія были справедливы и истекали изъ государственной необходимости. Финляндцамъ угодно было отвѣтить на нихъ смутой. Генералъ Бобриковъ прибѣгъ къ наказанію. Кажется, логично и естественно. Однако, въ поясненіе дѣла укажу на нѣкоторыя обстоятельства.

‚ При разсмотрѣніи русской политики въ Финляндіи,—писалъ В К. Плеве англійскому публицисту Стэду,—нужно дѣлать различіе между содержаніемъ русскихъ требованій, ихъ конечною цѣлью, и—тѣмъ выраженіемъ, которое получила эта политика въ зависимости отъ обстоятельствъ. Первые, т. е. цѣли и основныя требованія, остаются неизмѣнными (и, прибавимъ отъ себя, являлись въ Финляндіи совершенно справедливыми), а второе, т. е. внѣшнее выраженіе политики, носитъ случайный и временный характеръ и не всегда зависитъ отъ русской власти“. Въ данномъ случаѣ чрезвычайныя мѣры были вызваны упорнымъ противодѣйствіемъ финляндцевъ. Объединительныя мѣропріятія „не затронули организаціи ни одного изъ мѣстныхъ національныхъ установленій Княжества“; „мѣстный укладъ Финляндіи остается незыблемымъ“; „законы, обезпечивающіе провинціальную автономію Финляндіи, сохраняются“.

Нѣкоторые чиновники были удалены со службы и лишились пенсіи; и, кажется, около сорока человѣкъ подверглись высылкѣ изъ края. Мѣры суровыя. Но что оставалось дѣлать начальнику края, когда состоящіе на службѣ отказались исполнять законы, когда въ заговоръ втягивалось мирное населеніе, когда гоненію агитаторовъ подвергались всѣ, стоявшіе на сторонѣ законной власти, когда тайные руководители смуты стали вчинять скандальные процессы и сажать въ тюрьмы по обвиненію въ вымышленныхъ проступкахъ (дѣло учителя К. изъ мѣстечка Сейняіоки), когда ненависть и нетерпимость къ русскимъ зашла такъ далеко что ихъ приравнивали къ дикимъ звѣрямъ и около 2000 коробейниковъ были изгнаны въ теченіе года изъ Финляндіи, лишившись привычнаго заработка?! Дѣло дошло до открытаго мятежа противъ власти...

Когда броженіе умовъ въ Финляндіи ясно обозначилось и широко разлилось по краю, генералъ-губернаторъ увидѣлъ, что вернуться къ нормальному порядку,—при политиканствѣ мѣстныхъ судей, при отсутствіи у него надлежащей власти, при малой полиціи и ничтожной административной помощи,—возможно только путемъ какихъ-либо особыхъ полномочій. „Чтобы сломить упорство сопротивленія мѣстныхъ заправилъ нужна сильная власть", —писалъ Николай Ивановичъ Бобриковъ. Къ первымъ его заявленіямъ объ этомъ въ Петербургѣ отнеслись скептически, предполагая въ его описаніяхъ невольное сгущеніе красокъ. Осторожный и терпѣливый Николай Ивановичъ не настаивалъ, допуская что иногда „со стороны виднѣе". Онъ охотно подвергъ себя новой провѣркѣ.

Агитаторы, дѣйствуя на свободѣ и видя, что ихъ союзниками въ краѣ являются чиновники, часть духовенства, судьи и печать, со дня на день становились болѣе смѣлыми и заносчивыми. Агитація велась столь дерзко и упорно, что „въ магазинахъ раскупили весь запасъ ружей и револьверовъ", (писалъ Н. И. Бобриковъ 16 апрѣля 1902 года). Когда же дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ, потребовавшихъ вмѣшательства войскъ, Николай Ив—чъ возобновилъ свое ходатайство и генералъ-губернатору были предоставлены особыя полномочія, вплоть до воспрещенія отдѣльнымъ лицамъ пребыванія въ Финляндіи.

Николай Ивановичъ понималъ и вполнѣ оцѣнивалъ тѣ шаги, которые онъ дѣлалъ по пути чрезвычайныхъ мѣропріятій.

10 октября 1901 года Николай Ивановичъ писалъ къ Вячеславу Константиновичу Плеве: „Современное положеніе Финляндіи вполнѣ оправдываетъ введеніе самыхъ строгихъ административныхъ мѣръ: крамола зашла слишкомъ глубоко и погасить ее не легко. Сепаратисты разсчитываютъ на наше великодушное снисхожденіе и совершенно убѣждены въ своей безнаказанности. Наступаетъ рѣшительный моментъ, которымъ мы должны воспользоваться въ интересахъ Россіи. *За усиленную охрану можетъ быть мнѣ и придется сложить здѣсь свою голову*[1]), но я на нее рѣшаюсь съ твердымъ убѣжденіемъ, что такая суровая мѣра неизбѣжна. Враги наши полагаютъ, что у насъ не хватитъ силы воли дать сильный отпоръ, вслѣдствіе чего они такъ и напираютъ".

Такова одна сторона дѣла. Но имѣется и другая. Лица, съ которыми Николай Ивановичъ въ ту пору совѣтывался и которые хорошо знали положеніе дѣлъ въ краѣ, въ одинъ голосъ поддерживали его.

„Весьма желательно, чтобы вы получили право, хотя на короткое время, напримѣръ, на три года, административной высылки", писалъ ему одинъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. „Крутыя мѣры необходимы по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ... Своевременно принятыя онѣ спасутъ сотни жертвъ. (12 марта 1899 г.).

8 февраля 1902 года другое лицо, само стоявшее у власти, писало Николаю Ивановичу: „Необходимость примѣненія строгихъ административныхъ мѣръ, для возстановленія порядка въ краѣ, сознается здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) не только русскими людьми, но и финляндцами, не сочувствующими агитаціи. Справедливость моего мнѣнія, вѣроятно подтвердятъ вамъ (слѣдуютъ имена)". Третій высокопоставленный чиновникъ Финляндіи писалъ: „Да иначе и нельзя было разсуждать, такъ какъ положеніе въ краѣ было революціонное" (5 января 1903 г.).

„Безъ репрессивныхъ мѣръ нельзя прекратить броженія", сказалъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве и въ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

декабрѣ 1902 года доложилъ Государю Императору, что „бороться съ агитаціею шведомановъ безъ мѣръ строгости не мыслимо". (Изъ письма В. К. Плеве отъ 22 декабря 1902 года).

„Я здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) сижу въ уединеніи, наблюдаю и думаю, какъ вы тысячу разъ правы, говоря, что безъ мѣръ рѣшительныхъ ничего сдѣлать нельзя... Пропагандируютъ неповиновеніе закону, администрація не слушается, судъ безчинствуетъ, студенты и ихъ вдохновители пропагандируютъ такъ, какъ я думаю нигдѣ въ самыхъ революціонныхъ странахъ не можетъ быть допущено, а власть молчитъ, ибо сама себя обезоружила..." (2 августа 1902 года).

Одно очень извѣстное въ Петербургѣ лицо рекомендовало Николаю Ивановичу достигнуть цѣли „нѣкоторыми миролюбивыми мѣрами". На это послѣдовалъ отвѣтъ, ярко обрисовывающій Николая Ивановича, какъ государственнаго дѣятеля: „Радъ слѣдовать вашему совѣту, совпадающему и съ моимъ личнымъ на дѣло воззрѣніемъ, но покупать миръ цѣною недостойныхъ уступокъ и поблажекъ—выше моихъ силъ. Стараюсь дѣйствовать мягко и примѣняю бархатныя формы, но противъ рутины и клеветы всего этого мало. Орудующая здѣсь партія свекомановъ, пользуясь непорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, грубо требуетъ унизительныхъ для русскаго имени уступокъ. Чтобы отвѣчать желаніямъ сепаратистовъ, надо жертвовать интересами Россіи и ея Державнаго Хозяина. На подобную мерзость я не способенъ и лучше переберусь въ свою новгородскую деревушку, испросивъ объ избраніи мнѣ преемника болѣе соотвѣтствующаго условіямъ обстановки. Я никогда не былъ злымъ и вѣрьте, мое сердце и совѣсть теперь болѣе спокойны, чѣмъ когда-либо..." (Гельсингфорсъ, 3 мая 1902 г.).

Къ приведеннымъ выпискамъ полезно прибавить еще нѣсколько строкъ самаго Николая Ивановича. „За долгіе минувшіе годы смута успѣла пустить столь глубокіе корни, что обычной власти генералъ-губернатора оказалось теперь уже недостаточно для обузданія крамольниковъ.

„Въ этихъ крайне непріятныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, видя, что лойяльный финскій народъ

сбивается съ толку и краю грозитъ серьезная опасность отъ постояннаго пренебреженія закономъ и властями, я вынужденъ былъ возобновить мое ходатайство о предоставленіи генералъ-губернатору временныхъ чрезвычайныхъ полномочій, чтобы избавить правительство отъ необходимости примѣненія болѣе серьезныхъ мѣръ, для охраненія государственной цѣльности и безопасности. Трудно мнѣ было рѣшиться на этотъ шагъ, такъ какъ я отлично понималъ и значеніе чрезвычайныхъ мѣропріятій и то неблагопріятное впечатлѣніе, которое они всегда вызываютъ въ обществѣ. Но другого исхода не представлялось. Крайность положенія настойчиво требовала экстренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Все это было взвѣшено и принято мною во вниманіе, но вѣрноподданническій долгъ обязывалъ меня испытать всѣ средства, для предотвращенія зла, которое стало грозить гибелью цѣлой окраинѣ, расположенной у самыхъ воротъ столицы Имперіи и потому требующей особеннаго попеченія и вниманія".

Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что къ чрезвычайнымъ полномочіямъ Николай Ивановичъ перешелъ съ болью въ сердцѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ размышленій и всевозможныхъ попытокъ унять броженіе обычными мѣрами. Сознаніе тяжелой отвѣтственности передъ Царемъ и родиной за ввѣренную ему окраину побудили его,—человѣка съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ,—прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя менѣе всего согласовались съ его воззрѣніями.

„Вообще лично я врагъ крутыхъ мѣръ,"—писалъ Николай Ивановичъ Бобриковъ еще въ мартѣ 1899 г. Въ то время, когда шла рѣчь объ административной высылкѣ, Николай Ивановичъ (23 декабря 1902 года въ письмѣ къ Вячеславу Константиновичу Плеве) все еще не терялъ надежды, что ему почти не прійдется примѣнять ее. „Къ самой высылкѣ, вѣроятно, вовсе не придется прибѣгать, если я буду облеченъ на то правомъ". Николай Ивановичъ Бобриковъ надѣялся устрашить и тѣмъ образумить революціонеровъ и избѣжать жертвъ. Повторяю, что суровыя мѣры были вовсе не въ его характерѣ. Николая Ивановича побудили къ нимъ исключительныя обстоятельства. О его мягкости и терпѣніи

достаточно говорять, напримѣръ, слѣдующіе факты: одной газетѣ онъ объявилъ девять предостереженій прежде, чѣмъ закрыть ее; по первому слову раскаянія, онъ простилъ болѣе 2000 неявившихся къ призыву.

Среди писемъ, полученныхъ генералъ-адъютантомъ Бобриковымъ въ послѣдніе дни его жизни (въ маѣ 1904 года), сохранилось одно, въ которомъ авторъ письма хорошо изучившій воззрѣнія и способы дѣйствія Николая Ивановича, слѣдующимъ образомъ подводилъ итоги государственной дѣятельности этого замѣчательнаго генералъ-губернатора на Финляндской окраинѣ: „Финляндія завоевана давно, но исторія ея присоединенія и фактическаго объединенія съ Россіей началась со дня Вашего назначенія ея генералъ-губернаторомъ.

„Присоединенія, объединенія—вотъ чего недоставало. Объ этомъ говорили давно; объ этомъ думалъ Александръ I.

„Начиная съ Каткова, многіе уяснили себѣ, какія преграды отдѣляли отъ насъ Финляндію; многіе намѣчали проэкты уничтоженія этихъ преградъ. Но всѣ работали лишь перьями, всѣ говорили, мечтали, практически же ничего не дѣлали.

„Недоставало твердой руки, которая могла-бы осуществить планы теоретиковъ; не было человѣка, который взялъ-бы на себя подвигъ практическаго осуществленія всего нужнаго. Однако, и такой человѣкъ нашелся.

„Когда Государь послалъ Васъ въ Финляндію представителемъ высшей тамъ государственной власти, то Вы въ первомъ-же Вашемъ словѣ громко заявили, что эта власть „не допуститъ дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи". Такой рѣчи ни Россія, ни Финляндія не слыхали отъ своихъ прежнихъ финляндскихъ генералъ губернаторовъ.

„И вотъ началась новая упорная Ваша работа по государственно-политическому сближенію двухъ народностей, двухъ братьевъ—россійскихъ подданныхъ," стоявшихъ въ отдаленіи другъ отъ друга по роковому и вѣковому недоразумѣнію. Русскій языкъ въ сенатѣ и въ высшей мѣстной администраціи, русская газета на общественной аренѣ, поднятіе русскихъ школъ и измѣненіе

нѣкоторыхъ программъ преподаванія въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ теченіемъ времени помогутъ сгладить сотни недоразумѣній, помогутъ финнамъ болѣе понять русскихъ и сойтись съ ними.

„Къ этимъ культурнымъ средствамъ сближенія, дастъ Богъ, присоединятся другіе могучіе двигатели объединенія:—соединеніе желѣзныхъ дорогъ, улучшеніе быта безземельныхъ, сліяніе экономическихъ интересовъ.

„Пройдетъ нѣкоторое время, при вашей выдержкѣ и послѣдовательности, финны во-очію увидятъ, что ваша система не имѣетъ въ виду превращенія ихъ въ православныхъ, лишенія ихъ своей національности, причиненія имъ какого-либо культурнаго или матеріальнаго ущерба или ограниченія въ ихъ преимуществахъ.—Финны убѣдятся, что русская власть сердечно доброжелательна, а русскій народъ—ихъ уважаетъ и цѣнитъ...

„Такимъ образомъ въ вашей политикѣ на лицо всѣ элементы, которые должны привести не только къ присоединенію и объединенію края съ Россіей, но къ полному примиренію двухъ народностей.

„Въ день вашего Ангела—продолжаетъ составитель письма—я отъ всей души желаю Вамъ достигнуть обѣихъ этихъ цѣлей—и объединенія и примиренія. Я глубоко вѣрю въ это объединеніе и примиреніе, при благоразуміи финскаго народа и при доброжелательности русскихъ людей. Лучше и скорѣе другихъ вы способны практически осуществить эту важную государственную задачу, а потому я горю желаніемъ, чтобы вы не ранѣе покинули финляндскую окраину, чѣмъ завершено будетъ и объединеніе и примиреніе. Этотъ день будетъ великимъ праздникомъ для всей Россіи и этотъ день вы подарите Россіи!“

До Николая Ивановича русскіе генералъ-губернаторы правили краемъ въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, но что при нихъ достигнуто? Что сдѣлано въ интересахъ Россіи? Ничего. При нихъ установлена равноправность финскаго языка со шведскимъ, дано право моцій, постановлено не допускать русскихъ людей ни въ число преподавателей исторіи, ни въ ряды финскаго войска, ни въ составъ финляндскихъ учрежденій...

Самостоятельный шагъ сдѣланъ едва-ли не однимъ только гр. Ѳ. Л. Гейденомъ въ послѣдніе годы его управленія, когда онъ весьма опредѣленно высказался о политическомъ положеніи Финляндіи. При немъ-же появились нѣкоторыя законоположенія, клонившіяся къ поднятію русскаго дѣла въ краѣ. При немъ вспомнили о правахъ русскихъ людей и о необходимости объединенія Финляндіи съ Россіей, но многіе изъ поднятыхъ тогда вопросовъ не были, къ сожаленію, осуществлены.

Почему все сдѣланное Бобриковымъ, даетъ намъ право сказать, что за девяносто лѣтъ не было сдѣлано столько, сколько въ теченіи пяти лѣтъ управленія Николая Ивановича. Тутъ храмъ воздвигнутъ, тамъ школа построена, заложено въ Гельсингфорсѣ обширное подворье, учреждено общежитіе, заведены читальни-библіотеки, десятокъ отдѣловъ Краснаго Креста и такъ далѣе, и такъ далѣе... Какъ прежде въ Россіи говорили: все отъ Петра Великаго ведетъ свое начало, такъ теперь, глядя на Финляндію, будутъ говорить: „все это сдѣлано было при Бобриковѣ".

Такимъ образомъ недолгое время управленія Николая Ивановича Бобрикова является цѣлою эрой въ исторіи финляндской окраины [1]).

[1]) Голова моя „занята была крамолой", признавался Николай Ивановичъ. Борьба со смутой поглотила много времени и тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ совершить по-истинѣ „колоссальную поступательную работу" въ теченіи неполныхъ шести лѣтъ управленія краемъ. „Ни одна сколько-нибудь существенная сторона русско-финляндскихъ отношеній не осталась не затронутой" Вотъ перечень его трудовъ:

Водворенъ русскій языкъ въ сенатѣ.

Число уроковъ русскаго языка увеличено въ финляндскихъ лицеяхъ

Учреждены инспекторы преподаванія русскаго языка.

Закончено почтовое объединеніе.

Издана новая инструкція генералъ-губернатора.

Преобразована генералъ-губернаторская канцелярія изъ финляндской въ русскую.

Учреждена первая русская газета.

Намѣченъ и начался пересмотръ: сеймоваго законодательства; учебныхъ плановъ мѣстной средней школы и нѣкоторыхъ ихъ учебниковъ; таможенныхъ порядковъ; монетной системы.

Проектировано желѣзнодорожное соединеніе постройкою моста черезъ Неву.

Большіе результаты достались Николаю Ивановичу нелегко. По своей природѣ онъ является изумительнымъ по выносливости и трудолюбію работникомъ. Въ послѣдніе годы его занимали только заботы о ввѣренномъ ему краѣ. О немъ онъ непрестанно думалъ и говорилъ; „съ мыслію о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ" (В. П. Крохинъ). Вездѣ и всегда мысль его занята была заботами объ управленіи. Роднымъ было трудно уловить время для переговоровъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Работоспособность Николая Ивановича поражала всѣхъ. Онъ отдыхалъ во время обѣда и краткаго послѣобѣденнаго сна На дневную обычную прогулку бралъ нерѣдко пріѣзжаго начальника и гуляя выслушивалъ его докладъ. Его двери для всѣхъ были широко раскрыты. Никого не задерживалъ, зная цѣну времени. Обладалъ поразительной памятью и удивлялъ предусмотрительностію („Финляндская Газета" 1904 г., № 91).

Приведено въ порядокъ дѣло по мобилизаціонной готовности желѣзныхъ дорогъ.

Улучшена качественно и количественно полиція и жандармскій надзоръ.

Упразднены финскія войска и кадетскій корпусъ.

Начата громадная работа по обезпеченію надѣлами безземельнаго населенія.

Ограничена возможность злоупотребленія сходками, лоттереями, общественными подписками, учрежденіями новыхъ обществъ, превратившихся въ политическіе клубы.

Приняты мѣры противъ гоненія коробейниковъ.

Русскія начальныя школы избавлены отъ финляндской опеки и добавочная субсидія на нихъ увеличена.

Въ первые четыре года Николаю Ивановичу Бобрикову удалось возобновить и заново отдѣлать десять храмовъ и часовенъ.

При Гельсингфорской русской мужской гимназіи основано общежитіе для иногороднихъ учениковъ.

Въ разныхъ городахъ учреждены библіотеки читальни.

Учреждена особая дирекція русскихъ школъ для Финляндіи.

Возобновлено дѣло о причисленіи жителей села Райвола къ Петербургской губерніи.

При его горячемъ участіи состоялся въ 1903 году народноучительскій съѣздъ въ Гельсингфорсѣ.

Проектирована новая каѳедра въ Гельсингфорскомъ университетѣ по русской исторіи, русскому праву и государствовѣдѣнію.

Поднятъ вопросъ о коренной реформѣ лоцманскаго вѣдомства и

Любовь къ дѣлу и преданность къ родинѣ дѣлала его неутомимымъ начальникомъ края. Найти другой примѣръ столь напряженной и плодотворной дѣятельности нелегко. Онъ былъ первымъ труженикомъ среди тружениковъ. Изъ его головы исходила вся идейная сторона дѣла; онъ давалъ всему тонъ.

Архіепископъ Финляндскій Николай Выборгскій, близко наблюдавшій покойнаго генералъ-губернатора, очень вѣрно назвалъ его „человѣкомъ великаго труда". Его дѣловая собственноручная корреспонденція была обширна. Приходится удивляться, какъ онъ справлялся съ нею и находилъ для нея время. „Здѣсь заботъ масса и нельзя оставить окрайны" (30 ноября 1902 г.). „Работѣ не вижу и конца... Отпускъ уже въ карманѣ, а воспользоваться имъ не дозволяютъ крамольники..." (14 мая 1903 года). „Хотѣлъ бы подышать Ульяновскимъ [1])

обращено вниманіе на необходимость сравненія правъ судовъ, приписанныхъ къ портамъ Имперіи.

Ожидалось изданіе новыхъ правилъ по переселенію въ Финляндію русскихъ уроженцевъ, а также открытіе Отдѣленія русскаго Государственнаго Банка.

28 октября 1903 года состоялось постановленіе о правѣ уроженцевъ коренной Россіи пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи.

По вопросу о военныхъ расходахъ, Николай Ивановичъ Бобриковъ ходатайствовалъ о возмѣщеніи русской казнѣ части тѣхъ ассигнованій, которыя по финляндскому бюджету были опредѣлены на содержаніе финскихъ войскъ.

Русскіе люди допущены на гражданскую службу въ Финляндіи.

Ограниченъ особыми правилами ввозъ оружія въ Финляндію и устройство стрѣльбищъ.

Мы уже не говоримъ о такихъ мѣропріятіяхъ, какъ упорядоченіе выдачи паспортовъ; сокращеніе переписки; увеличеніе окладовъ сенаторовъ и губернаторовъ; по контролю надъ избраніемъ должностныхъ лицъ общиннаго управленія, надъ эмигрантами.

Въ то-же время Николай Ивановичъ Бобриковъ оказывалъ широкую поддержку мѣропріятіямъ, начатымъ по иниціативѣ мѣстныхъ властей и направленнымъ ко благу Финляндіи. Такъ, напримѣръ, для развитія мореходства были приняты новыя мѣры; оказана поддержка кооперативной дѣятельности; въ союзѣ съ сенатомъ онъ успѣшно боролся съ послѣдствіями неурожая; народнымъ школамъ оказывалась поддержка; финскій языкъ получилъ полную равноправность со шведскимъ; велась разработка проекта избирателеной реформы и тому подобное.

[1]) Имѣніе генер. Бобрикова въ Новгородской губ.

воздухомъ, но опасаюсь оставить край" (5 апрѣля 1904 г.). Вотъ какими строками пестрятъ его письма. Когда же, наконецъ, онъ подымался въ свое лѣтнее убѣжище, то въ приказахъ указывалось о присылкѣ къ нему важнѣйшихъ бумагъ. „...А затѣмъ въ деревню но.. безъ сдачи дѣлъ", писалъ онъ (23 мая 1903 г.) Какой же это отдыхъ!

Эти строки хорошо рисуютъ его и показываютъ въ какомъ пеклѣ онъ постоянно находился. Въ то же время вокругъ него кипѣла и бушевала ожесточенная и неустанная борьба мѣстныхъ политическихъ партій, которая требовала напряженнаго его вниманія, такъ какъ каждая изъ сторонъ имѣла въ виду вовлечь въ свои сѣти и планы представителя русской власти, или еще чаще—обойти его.

„Шведоманы идутъ на все,—писалъ Николай Ивановичъ—и открыто возмущаютъ народъ. Власти бездѣйствуютъ, а на сторонниковъ порядка прямо плюютъ" (16 декабря 1902 г.). „На меня насѣдаетъ финская партія, предъявляя свои претензіи, особенно по введенію собратьевъ на должности высшаго разряда. Хотя и непріятно, но приходится давать отпоръ, предпочитая имъ честныхъ русскихъ тружениковъ" (3 ноября 1903 г.).

„Моя голова отвлечена крамолой", писалъ онъ, и потому, боясь быть одностороннимъ, Николай Ивановичъ просилъ содѣйствія у другихъ (2 февраля 1903 г.). Эти строки также прекрасны! Такая осторожность и осмотрительность должны быть присущи всѣмъ людямъ, стоящимъ на большихъ и отвѣтственныхъ постахъ.

3 іюня 1904 года Николая Ивановича смертельно ранили въ стѣнахъ сената. Агитаторы направили на него револьверъ рукою Евгенія Шаумана, рукою сына сенатора. Черезъ полсутокъ, послѣ перенесенной тяжкой операціи, не стало Бобрикова.

Умъ, послѣдовательность, настойчивость и предусмотрительность Николая Ивановича были таковы, что финляндскіе революціонеры не могли справиться съ нимъ иначе, какъ при посредствѣ гнуснѣйшаго убійства изъза угла. И онъ палъ жертвой крамолы!..

Онъ палъ, какъ вѣрный сынъ и слуга Россіи. Своею кровью онъ запечатлѣлъ вѣрность долгу, преданность

Царю и Родинѣ, а также послѣдовательность въ проведеніи своихъ воззрѣній. Онъ палъ, какъ истинный хоругвеносецъ русской политики. Палъ, какъ воинъ на передовомъ посту, но не отъ пули врага внѣшняго, а врага внутренняго.

Подлость убійства усугубляется тѣмъ, что озвѣрѣвшій агитаторъ напалъ на беззащитнаго человѣка и притомъ въ разгарѣ войны. Ударъ нанесенъ предательски и не безъ разсчета, въ моментъ тяжелой борьбы нашего отечества съ опаснымъ врагомъ.

„Внутренніе враги Россіи спѣшили подать руку внѣшнимъ ея врагамъ".

Спѣшили по разнымъ соображеніямъ. Было извѣстно, что Николай Ивановичъ склонялся къ созыву сейма (1904 г.). Этотъ шагъ могъ принести торжество его политикѣ, умиротворить край, сгладить оставшіяся недоразумѣнія. Но этого то и не желали враги его политики.

Одно изъ послѣднихъ писемъ (14 мая 1904 года) Николая Ивановича гласитъ: „Призывъ совершается успѣшнѣе нормальнаго времени и все указываетъ на возможность созыва сейма. Этому послѣднему противодѣйствуютъ агитаторы, опасающіеся подъема моего чрезъ то кредита. Они силятся доказать гибель Финляндіи отъ бобриковскаго режима, а между тѣмъ народъ и громадное большинство благоразумныхъ поддерживаютъ основательность моихъ дѣйствій"...

4 іюня Николай Ивановичъ предполагалъ выѣхать въ Петербургъ, чтобы порѣшить вопросъ о созывѣ сейма, а затѣмъ въ родную Ульяновку, „если не помѣшаетъ состояніе политическаго горизонта" (14 мая 1904 года). Подобныхъ оговорокъ онъ обыкновенно не забывалъ въ своихъ письмахъ, помня, среди какихъ условій онъ жилъ и работалъ. Оговорка была умѣстна Въ Петербургъ его отпустили крамольники... но мертвымъ! Зазнавшіеся агитаторы не хотѣли мириться съ русской системой, они не хотѣли признавать Россіи и ея правъ надъ Финляндіей, не пожелали допустить торжества бобриковской политики...

А между тѣмъ все указывало, что часъ торжества близился. Умъ и справедливость побѣдили. Болѣе спокойные и благомыслящіе стали понимать Николая Ива-

новича Бобрикова и мириться съ естественными и неизбѣжными русскими государственными требованіями. Голоса благоразумныхъ финновъ громко раздавались не разъ въ пользу изысканія путей къ полному сглаженію всякихъ шероховатостей и недоразумѣній. Создалась партія умѣренныхъ, или партія примиренія, съ которой возможно было договориться. „Uusi Guometar“ — вліятельнѣйшій органъ финномановъ — напечаталъ воззваніе объ исполненіи воинской повинности. Видные дѣятели финноманской партіи — профессоръ Даніельсонъ и Мерманъ издали брошюры: „По какому пути“, „Слово къ народу“ и др. Многіе финны поднялись противъ вреда подпольныхъ изданій и противъ дикихъ бойкотовъ. Сходки финномановъ росли и множились въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Улеаборгѣ, Куопіо. Ходъ послѣдняго призыва (1904 г.) наглядно свидѣтельствовалъ, что большинство въ краѣ не примкнуло къ пассивному сопротивленію. Этотъ же призывъ свидѣтельствуетъ о наступленіи умиротворенія въ Финляндіи [1]). Народъ перестамъ слушать крикуновъ. Общины стали избирать составъ призывныхъ присутствій — Раскаявшіеся въ неисполненіи воинской повинности сотнями подавали прошенія объ ихъ помилованіи. Главари смутъ настолько потеряли почву подъ собою, что безпрекословно удалились изъ страны, по первому приказанію властей, хотя другимъ проповѣдывали неповиновеніе и сопротивленіе Перемѣна настроенія опредѣленно отмѣчена была въ заграничныхъ изданіяхъ. Сами финны чаще и чаще обращались къ генералъ губернатору съ просьбами „унять“ агитаторовъ. Николай Ивановичъ, убѣдясь, что въ краѣ орудуетъ только кучка крамольниковъ, разрѣшилъ уже всенародное празднованіе столѣтія дня рожденія поэта Рунеберга. Начало японской войны ободрило руководителей смуты, но съ другой стороны вызвало въ Финляндіи сочувственныя манифестаціи по адресу Россіи. Короче — все указывало, что Финляндія успокаивалась, но среди этой тишины раздались выстрѣлы,

[1]) Среди бумагъ, сохраняющихся въ семейномъ архивѣ Николая Ивановича Бобрикова, имѣются письма отъ финляндцевъ о наступленіи болѣе спокойнаго времени.

оборвавшіе дни того, который положилъ столько труда и душевныхъ силъ на успокоеніе и замираніе!

Бобрикова убили; но тѣмъ отнюдь еще не доказана несостоятельность его политики. Напротивъ, приведенный перечень наглядно удостовѣряетъ, что его система начала торжествовать и по прошествіи еще нѣкотораго времени мы увидѣли-бы недоразумѣнія поконченными и край мирно продолжающимъ свою культурную работу. Обвинители Н. И. Бобрикова забываютъ, что въ приведенномъ только-что перечнѣ исторія всегда найдетъ полное оправданіе его системы и его дѣйствій. Чтобы ни говорила злоба и неразуміе, но доблестно погибшій на посту финляндскій генералъ-губернаторъ, Николай Ивановичъ Бобриковъ, „былъ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, однимъ изъ крупныхъ государственныхъ умовъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ сподвижниковъ Императора Николая II“ („Правительственный Вѣстникъ“), „образцовымъ окраинскимъ генералъ-губернаторомъ“ („Московскія Вѣдомости“)

„Итакъ не стало Николая Ивановича, на дѣятельность котораго въ Финляндіи съ восхищеніемъ и свѣтлыми надеждами взирали всѣ истинно-русскіе люди. Вѣчная ему память! Онъ умеръ на своемъ посту, какъ истинный христіанинъ“. Эти золотыя слова, которыя мы находимъ въ телеграммѣ высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, продиктованы русскимъ сердцемъ и даютъ вѣрную оцѣнку дѣятельности злодѣйски убитаго финляндскаго генералъ-губернатора.

Едва вѣсть о гнусномъ преступленіи достигла Петербурга, какъ проживающіе въ немъ финляндцы-политиканы стали увѣрять легковѣрныхъ и безпечныхъ по отношенію къ Финляндіи русскихъ людей въ томъ, что убійство генералъ-адъютанта, Николая Ивановича Бобрикова, не болѣе, какъ дѣло личной мести финляндскаго чиновника. Личная месть... Русскіе слушали и вѣрили. Нѣтъ! Убійство генералъ-адъютанта Бобрикова—убійство политическое.

Мысль объ убійствѣ Николая Ивановича Бобрикова особенно занимала финляндскихъ агитаторовъ въ концѣ лѣта прошлаго (1903) года. Генералъ-адъютантъ Николай

Ивановичъ Бобриковъ отлично зналъ объ этомъ, но вѣрилъ въ благоразуміе финляндцевъ.

Истинно-русскій человѣкъ и глубоко вѣрующій христіанинъ, Николай Ивановичъ Бобриковъ обладалъ большимъ героизмомъ, героизмомъ скромнымъ, непоказнымъ. Анонимныя письма и грубѣйшія угрозы поступали къ нему очень часто отъ финляндцевъ, но онъ ни на минуту не терялъ самообладанія и спокойствія, а продолжалъ мѣрнымъ и твердымъ шагомъ идти по избранному пути къ намѣченной цѣли. Онъ былъ спокоенъ, зная, что дѣйствуетъ по закону и совѣсти.

„Настроеніе здѣсь мрачное и пока выжидательное писалъ онъ. Мнѣ постоянно грозятъ мщеніемъ. Уповаю на силу Промысла, сознавая, что уберечь себя не легко" (19 апрѣля 1903 года). Въ ноябрѣ 1903 года ему донесли, что революціонеры постановили не дѣлать болѣе покушенія на его жизнь, въ виду того, что узнали о скоромъ его уходѣ изъ Финляндіи. Онъ хладнокровно положилъ въ сторону бумагу и отказался даже говорить по поводу новаго сообщенія. Съ возникновеніемъ русско-японской войны опять заговорили о томъ, что „къ веснѣ слѣдуетъ непремѣнно освободиться отъ Его Высокопревосходительства генералъ-адъютанта Бобрикова или насиліемъ или интригой". Николай Ивановичъ карандашемъ подчеркнулъ послѣднее слово и опять невозмутимо-спокойно отложилъ въ сторону сдѣланное ему донесеніе...

Агитаторовъ кучка, но кучка вліятельная. Изъ ихъ среды вышелъ убійца. Онъ дѣйствовалъ не одинъ. На его трупъ несли цвѣты; вечеромъ въ день злодѣянія извѣстные круги негодяевъ ликовали, разсчитывая на безнаказанность; на одной лентѣ, которую приготовляли для вѣнка преступнику, значилось „признательность за честно исполненный долгъ".

Агитаторы торжествуютъ... У убійцы были сообщники, ибо на другой же день, т. е. 4 (17) іюня, во многихъ стокгольмскихъ газетахъ была помѣщена подробная біографія убійцы, а въ одной (Aftonbladet) даже *его портретъ*. Ясно, что планъ новаго „національнаго героя" финновъ былъ извѣстенъ многимъ. Заговоръ, надо полагать, былъ организованъ въ Швеціи, но слѣды заметены.

Участники смуты избѣгли отвѣтственности. На нынѣшнемъ сеймѣ (1904 г.), котораго они не желали, шведоманы и младофинны въ большинствѣ. Ихъ избиратели живутъ надеждой, что все бобриковское будетъ снесено и отмѣнено. Нѣкоторые удаленные изъ края уже возвратились и засѣдаютъ на сеймѣ. „Разумѣется,—говорилъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве,—никакихъ репрессалій не будетъ и Россія станетъ спокойно продолжать свою прежнюю политику въ Финляндіи" („Приднѣпровскій Край" 1904 г., 20 іюня). Если признаки послѣдняго времени устойчивы, то приходится признать, что убійство Николая Ивановича Бобрикова явилось цѣлымъ государственнымъ переворотомъ на Финляндской окраинѣ. На сеймѣ готовится петиція съ настойчивыми домогательствами отмѣны *всего законодательства* бобриковскаго періода. Земскіе чины выступаютъ съ подобными требованіями, не смотря на то, что въ Царскомъ словѣ, которымъ былъ открытъ сеймъ, находится предупрежденіе о сохраненіи въ силѣ всѣхъ главнѣйшихъ постановленій послѣднихъ лѣтъ. Обвиняемый въ государственной измѣнѣ, бывшій сенаторъ Шауманъ,—отецъ убійцы,—еще по суду не оправданный пріѣзжаетъ въ Гельсингфорсъ и ему интеллигенція города устраиваетъ шумную уличную овацію. Какъ все это понять? Чѣмъ объяснить?

Ужъ не свидѣтельствуетъ-ли это о томъ, что листья съ насажденнаго Н. И. Бобриковымъ государственнаго дерева осыпаются?

Обломаются-ли вѣтви, сгніютъ-ли корни, или „съ новою весной листъ новый народится", - покажетъ только время. Но въ настоящій моментъ картина, развертывающаяся передъ нами въ Финляндіи, грустна для сердца истинно-русскихъ людей..

Въ океанѣ приливъ чередуется съ отливомъ. Можетъ быть нѣчто подобное господствуетъ въ нашемъ житейскомъ мірѣ. По отношенію къ Финляндіи на это обстоятельство было указано въ одномъ письмѣ къ Николаю Ивановичу (въ декабрѣ 1902 г.). Когда онъ сообщилъ своему знакомому, что быть можетъ, ему прійдется „уступить постъ другому", то знакомый отвѣтилъ: „Боже, избави отъ этого! Такой сильной руки, какъ ваша для этой

окраины не найдутъ, и тогда начнется „отлива часъ“ и „*часъ торжества*“ *шведомановъ*“.

Не прошло со дня кончины Н. И. Бобрикова и полугода, какъ на сеймовыхъ выборахъ успѣли уже восторжествовать шведоманы. Многіе изъ шведомановъ, административно высланныхъ, какъ напр., Л. Мехелинъ, фонъ-Боркъ и др., вернулись и въѣхали въ Гельсингфорсъ, какъ герцоги въ свои резиденціи, такъ какъ ихъ возвращеніемъ финляндцы воспользовались для новой демонстраціи: лошадей выпрягли, ихъ осыпали цвѣтами, воздухъ дрожалъ отъ восклицаній „Благодарю васъ, господа.—сказалъ толпѣ Л. Мехелинъ,—мнѣ оказанъ королевскій пріемъ!.. Такія минуты до гроба не забываются“...

Статьи мѣстной финляндской печати и ихъ подголосковъ въ Россіи звучатъ уже побѣдными кликами и восторженными маршами.

Петиція самой умѣренной въ краѣ политической партіи старофинномановъ, петиція составленная до сейма, начинается слѣдующими словами: „Продленіе нынѣшняго положенія въ Финляндіи поведетъ, шагъ за шагомъ, все къ большимъ затрудненіямъ. Въ результатѣ во всѣхъ слояхъ нашего народа укоренится мнѣніе, что нынѣшнее правительство Россіи является непримиримымъ врагомъ Финляндіи, соглашеніе съ которымъ невозможно. Мнѣніе это недавно повело къ политическому убійству... Если вызвавшія его причины, останутся въ силѣ, то слѣдуетъ опасаться. что оно (т. е. убійство) не будетъ послѣднимъ“...

Вотъ въ какой формѣ финляндцы признаютъ удобнымъ излагать свои желанія, при обращеніи къ русской власти...

Рядъ указанныхъ и имъ подобныхъ фактовъ наводитъ, русскихъ людей на тяжелыя размышленія. Не буду дѣлать выводовъ, такъ какъ они удручающіе. Дай Богъ, чтобы мы русскіе ошиблись. Дай Богъ, что-бъ всѣ подобные примѣры и факты нашихъ дней въ ихъ послѣдовательномъ изложеніи, занесенные на страницы исторіи, не оказались чреватыми какими либо дурными послѣдствіями, такъ какъ Россія опоясана инородческими окраинами и между ними электрической искрой пробѣгаютъ уже мысли о совмѣстномъ дѣйствіи противъ метрополіи.

интересы и домогательства этихъ окраинъ въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами и нуждами центра Имперіи. Дай Богъ, чтобы поведеніе финляндцевъ послѣднихъ лѣтъ не послужило примѣромъ для другихъ окраинъ и чтобы онѣ, подобно Финляндіи, не стали противодѣйствовать смутой самымъ естественнымъ и справедливымъ требованіямъ Россіи, въ надеждѣ этой смутой достичь своихъ цѣлей.

Въ этихъ печальныхъ размышленіяхъ утѣшеніе находимъ только въ Царскихъ словахъ, произнесенныхъ 17 іюня и 26-го ноября.

Въ высочайшемъ рескриптѣ 17 іюня 1904 г. нынѣшнему генералъ-губернатору значится: „Забота о тѣснѣйшемъ единеніи Финляндіи съ остальной Имперіею всегда составляла неуклонную задачу государственной власти; *таковою она должна остаться и впредь*“ [1]). Далѣе въ томъ же рескриптѣ слѣдуетъ признаніе того, что Н. И. Бобриковъ „съ разумною твердостью“ исполнялъ „возложенный на него долгъ“ и тѣмъ стяжалъ себѣ „почетное имя въ лѣтописяхъ учрежденія русской государственности на сѣверной окраинѣ“. Николай Ивановичъ Бобриковъ искалъ связующихъ элементовъ въ государственномъ языкѣ, въ постановкѣ печати, школы, въ созданіи новыхъ каѳедръ и въ разныхъ иныхъ мѣропріятіяхъ, въ которыхъ всегда отражалась главная идея единенія. Этими путями и способами Англія, Пруссія и другія цивилизованныя государства ищутъ сплоченія своихъ составныхъ частей. Отсюда мы въ правѣ заключить, что путь, избранный Н. И. Бобриковымъ, путь правильный. При осуществленіи Высочайшаго повелѣнія (17 іюня 1904 года), замѣстителямъ Николая Ивановича придется идти по его пути, т. е. имъ необходимо будетъ удержать русскій языкъ въ сенатѣ, въ школѣ и нѣсколько распространить его въ высшей мѣстной администраціи; имъ прійдется прибѣгать къ помощи русскихъ людей, такъ какъ одними финляндскими руками нельзя будетъ вести край къ сближенію съ Россіей; создастся необходимость обратить вниманіе на школу и печать, которыя къ Россіи пока весьма не-

[1]) Курсивъ нашъ.

благосклонны и т. п. Иныхъ путей и средствъ, кромѣ бобриковскихъ, еще не найдено, да и сомнительно, чтобы они отыскались. Путь уступокъ и подачекъ никто не возьметъ на себя смѣлости рекомендовать, такъ какъ онъ ведетъ къ униженію достоинства Россіи и оскорбленію національнаго самолюбія Программы финляндскихъ политическихъ партій къ единенію не ведутъ. У нихъ иныя стремленія. Сами финляндцы братски руки Россіи не протянутъ. Прошлое указываетъ на это. Девяносто лѣтъ они оставались на полной свободѣ и Россія никакихъ своихъ требованій къ нимъ не предъявляла. И что-же! Финляндцы ни единаго серьезнаго шага въ нашу сторону не сдѣлали. Мы остаемся столь-же чуждыми другъ другу, какъ были въ первые дни послѣ покоренія Великаго Княжества.

Допустимъ даже, что средства для достиженія цѣли единенія Финляндіи съ Россіей могутъ быть иныя, чѣмъ бобриковскія, и что таковыя средства будутъ примѣняться. Въ добрый часъ! Если средства окажутся цѣлесообразными и справедливыми, то останется лишь пожелать успѣха въ дѣлѣ ихъ использованія. Но каковы-бы ни были средства, *колебаній въ направленіи* политики быть не должно. „Всѣ наши окраинскіе вопросы, утверждалъ Н. И. Бобриковъ, возникли въ сущности изъ непослѣдовательности и вѣчныхъ противорѣчій нашей политики". Забвеніе этой истины, добра не сулитъ Россіи. И вотъ въ другомъ Царскомъ словѣ, которымъ открытъ былъ 26 ноября (9 дек.) сеймъ въ Гельсингфорсѣ, находимъ Высочайшее указаніе, что главныя начала „Основныхъ Положеній 3 (15) февраля 1899 г." объ общегосударственныхъ законахъ, Манифеста 7 (20) іюня 1900 года о введеніи въ Финляндіи русскаго языка и утвержденнаго 29 іюня (12 іюля) 1901 г. устава о воинской повинности, Государь Императоръ „рѣшилъ оставить въ непреложной силѣ". Слѣдовательно, главнѣйшія реформы, надъ которыми трудился Николай Ивановичъ, не будутъ съ корнемъ вырваны изъ финляндской почвы.

Да, будемъ вѣрить и надѣяться, что кровь его пролита не напрасно для государственно-объединительныхъ стремленій его дорогой родины. Въ Финляндіи онъ очень не популяренъ среди интеллигентныхъ круговъ. Финлян-

дія глубоко эгоистична и замкнута, почему она быть можетъ не скоро примирится съ нарушеніемъ своей замкнутости этимъ русскимъ политическимъ дѣятелемъ. Не скоро, но примирится... Когда улягутся взволнованныя страсти, то увидятъ, что въ немъ не было и тѣни озлобленія. и тѣни недружелюбія къ нимъ.

Уже и теперь имѣются отзывы большой красоты и большой цѣнности. Въ видѣ примѣра напомню, что „Svensk Dagbladet“ писалъ: „генералъ Бобриковъ несомнѣнно представлялъ собою типъ честнаго и способнаго русскаго сановника. Онъ былъ одушевленъ патріотизмомъ, который находился въ гармоніи съ истинными интересами Россіи и имѣлъ всѣ свойства лояльности“. Рьяный ненавистникъ Николая Ивановича Бобрикова, финляндскій дворянинъ X., сказалъ недавно: „Бобриковъ былъ очень умный человѣкъ; онъ—фанатикъ-патріотъ, который считалъ то, что онъ дѣлаетъ. полезнымъ Россіи. Такихъ патріотовъ у васъ (русскихъ) мало“. Даже враги Николая Ивановича Бобрикова не могутъ, слѣдовательно, отрицать, что онъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ. человѣкомъ съ опредѣленной программой, въ осуществимость которой онъ *честно вѣрилъ* и проведеніемъ которой надѣялся принести пользу Финляндіи и Россіи. Это большое достоинство. Такихъ людей и враги обязаны уважать.

Но кромѣ того, финляндскій историкъ, которому придется описывать и оцѣнивать эпоху Бобрикова, долженъ помнить, что ему, какъ начальнику края, державшемуся извѣстной политической программы, грозили, и этими угрозами желали побудить измѣнить „курсъ“. Письма съ угрозами стали поступать уже съ марта 1899 г. Подъ вліяніемъ угрозъ,—какъ онъ самъ отмѣтилъ въ дневникѣ,—не могъ „безъ крайне уважительныхъ причинъ“ отмѣнять своихъ распоряженій. Уступи онъ сопротивленію, финляндцы первые осмѣяли-бы его. Теперь же послѣдовательность и стойкость въ убѣжденіи обезпечиваютъ уваженіе всѣхъ къ его имени.

Мы, русскіе, обязаны помнить, что Николай Ивановичъ Бобриковъ явился первымъ піонеромъ въ области практическаго насажденія русскихъ государственныхъ началъ на Финляндской окраинѣ. Первые бойцы обыкно-

венно гибнутъ. Палъ геройской смертью и Николай Ивановичъ Бобриковъ.—И ему, подобно Арнольду Винкельриду, пришлось вонзить въ свою грудь острія многихъ недоразумѣній и неудовольствій, направленныхъ противъ Россіи и русскихъ. Такіе герои гибнутъ, но не забываются...

Николай Ивановичъ скончался... Прахъ его покоится въ нѣдрахъ земли Сергіевской пустыни (около Петербурга).

„Какъ былъ хорошъ день тихій и прощальный!
Тянулся дымъ прозрачной пеленой,
Со стѣнъ. на гробъ. святыхъ взирали лики,
Лилась въ тиши спокойно рѣчь владыки,
А хоръ вѣщалъ о жизни неземной...“

Владыко говорилъ: „Имѣю непреложное свидѣтельство совѣсти своей, что почившій, до послѣдняго вздоха своего, непостыдно исполнилъ святой долгъ свой предъ Царемъ, предъ Родиной и предъ Церковью православной... Это былъ человѣкъ воли непреклонной, благородный, открытый, съ геройскимъ самоотверженіемъ несшій въ рукахъ своихъ священное русское знамя, часто совершенно одинъ, среди открытыхъ и скрытыхъ нападеній...“

Теперь, при воспоминаніи о незабвенномъ Николаѣ Ивановичѣ, эти прекрасныя слова чередуются въ моей памяти съ стихомъ молодого поэта:

„Онъ шелъ одинъ среди подпольной смуты,
Въ чужомъ краю безтрепетный боецъ!
И ждалъ давно предательской минуты,
Предугадавъ страдальческій конецъ
Какая жизнь и сколько сильной вѣры
Въ права страны державной и родной!“

Владыко продолжалъ: „Онъ зналъ, что несетъ не простое знамя, а знамя святое, знамя родины своей, и шелъ твердо, бодро, непреклонно, пока не палъ, сраженный пулею злодѣя, въ стѣнахъ учрежденія, на которомъ лежала священная обязанность охранять его. Какое нужно было мужество, какая вѣра, какая сила воли, чтобы умѣть исполнить долгъ свой... при такихъ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ, при какихъ судилъ ему Господь трудиться“.

Съ высоты Царскаго Престола мы слышали слова Державнаго и Вѣнчаннаго Главы великой нашей Имперіи: „Имя Николая Ивановича Бобрикова будетъ всегда памятно истинно-русскимъ людямъ“. Съ церковнаго амвона высшій представитель нашей церкви, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Антоній, сказалъ, что „никогда не забудется имя Н. И. Бобрикова въ сердцахъ нашихъ и неизгладимо напишется оно на страницахъ отечественной исторіи, какъ имя одного изъ славныхъ сыновъ великаго русскаго народа“.

Общественное мнѣніе русской Россіи преклонилось предъ этимъ приговоромъ. Историку остается только занести его на страницу отечественной лѣтописи.

„И мнится мнѣ, въ какой-то чудной дали,
Тамъ, гдѣ людей хранятся имена,
Еще одно нетлѣнно начертали
Персты вѣковъ въ родныя письмена“ [1]).

М. Бородкинъ.

[1]) Лейтенантъ С. Случевскій „Русскій Вѣстникъ“ 1904 г., іюль.

Измѣнникамъ и предателямъ Россіи.

Зачѣмъ, измѣнники, предатели отчизны,
Зачѣмъ вы подняли безплодный, наглый шумъ?
Кому дерзаете метать вы укоризны?
Что помутило вамъ вашъ раболѣпный умъ?

Болѣетъ родина навязанной войною:
Исконный врагъ Христа наслалъ на насъ орду,
И съ адскимъ хохотомъ надъ кровью пролитою
Наполнилъ смутой Русь, бѣснуясь, какъ въ чаду.

Весь міръ опуталъ онъ, какъ паутиной, ложью,
И сѣетъ онъ, какъ встарь, вражду средь христіанъ.
Но какъ-же вы, свои, поправши правду Божью,
Къ стадо жалкое, запутались въ обманъ?

Какъ не поймете вы, въ смятеньи стадно-дикомъ,
Что врагъ давно купилъ всѣхъ вашихъ вожаковъ,
Что правдой да трудомъ, а не ножомъ и крикомъ
Пора спасать народъ отъ вражескихъ оковъ?

Вотъ вамъ примѣръ: гдѣ Франціи былая слава?
Увы, въ агоніи несчастная страна,
Тамъ смутамъ краю нѣтъ, народъ въ тискахъ удава
Тамъ чашу горя пьетъ, и чаша та безъ дна...

Прозрите-же слѣпцы, смѣлѣй откройте очи.
Взгляните: рѣже сталъ предутренній туманъ,
И прячется, какъ воръ, тоскливый сумракъ ночи,
И понялъ нашъ народъ предательскій обманъ.

Онъ распозналъ врага; онъ не позволитъ чести
И дорогихъ святынь пришельцу въ грязь топтать,
Онъ грозно встанетъ весь, и въ день стихійной мести
Ни алчному врагу, ни вамъ не сдобровать.

Ф. Пестряковъ.

ВЕСНА.

Война застала Россію врасплохъ; ни военное, ни морское вѣдомства не оказались на высотѣ должной подготовленности; слѣдствіемъ явился рядъ тяжелыхъ ударовъ для чувства русской народной гордости, и Богъ вѣсть, что ждетъ еще насъ впереди. Неудачи политики внѣшней осложнились кризисомъ жизни внутренней. Онъ подготовлялся постепенно и былъ неизбѣженъ: война лишь ускорила развязку. Общество, ставъ отъ военныхъ неудачъ нервнѣе, раздражительнѣе, требовательнѣе, теперь „особенно ясно почувствовало всю громоздкость, неповоротливость и мѣстами негодность государственной машины". Правительство „пошло навстрѣчу общественному чувству", объявляя мобилизацію силъ народныхъ, призывая всѣхъ къ созидательной работѣ, „снова выражая довѣріе къ общественнымъ начинаніямъ". „Общество дружно откликнулось на призывъ": зашумѣли, заговорили столица и провинція; „печать, освобожденная отъ узкихъ рамокъ цензуры", принялась на всѣ лады обсуждать вопросъ о необходимыхъ реформахъ; посыпались доклады, лекціи, петиціи,—однимъ словомъ

Шумятъ ручьи, гремитъ разбитый ледъ,
Поля, лѣса полны толпой созвучій,
Веселый шумъ со всѣхъ сторонъ идетъ,
Веселый шумъ, нестройный и могучій,—

весна, да и только.

Конечно, прежде, чѣмъ созидать, нужно доподлинно доказать негодность стараго, и вотъ за это-то дѣло и принялось русское „общественное мнѣніе" „Россія переживаетъ кризисъ политическій", „нашъ государственный строй потерпѣлъ полный крахъ", и далѣе „безспорныя" доказательства: „такой-то министръ...", „тамъ-то земскій начальникъ...", „тамъ-то два пьяныхъ дворника...", „въ такомъ-то департаментѣ..." и т. д. и т. д. „Фактовъ" не обобраться! Разверзлись хляби, только отнюдь не небесныя, и потокъ обличеній, обвиненій, разоблаченій, подозрѣ-

ній, клеветъ, разныхъ грязныхъ исторій и измышленій прошумѣлъ первымъ весеннимъ потокомъ нашей отечественной весны.

Идетъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а потокъ не изсякаетъ и дѣлается все шире и глубже. Кому измѣняетъ память—тому помогаетъ фантазія; исчерпывается современность—сзади не одинъ десятокъ лѣтъ въ запасѣ, только пиши да говори—матерьялу хватитъ. И говорятъ всюду, гдѣ только возможно: въ гостинныхъ, въ канцеляріяхъ, въ аудиторіяхъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ засѣданіяхъ выборныхъ учрежденій, на спеціально устраиваемыхъ обѣдахъ и банкетахъ. Говорятъ красиво и увлекательно, выставляя длинный рядъ „дураковъ и негодяевъ", и въ видѣ обобщенія объявляютъ полную несостоятельность началъ, созданныхъ тысячелѣтней исторіей Русской Земли. Нашъ государственный строй разбитъ и уничтоженъ, и на побѣдныхъ знаменахъ гордо сіяетъ: „*кон-сти-ту-ці-я*". Далѣе... точка. Слово сказано, эффектъ произведенъ, и комментаріи излишни; найденъ вѣрный исходъ всѣхъ бѣдъ и нестроеній; исполненъ долгъ гражданскаго мужества; толпа рукоплещетъ, и ораторъ съ чувствомъ собственнаго достоинства сходитъ съ каѳедры.

— Баринъ, дай ради Христа на хлѣбъ копѣечку!—остановилъ на дняхъ на улицѣ г. Петербурга прибредшій изъ голодной деревни Антонъ-Горемыка одного очень почтеннаго редактора-издателя одной очень почтенной и весьма ходко идущей, вслѣдствіе особенно безпощаднаго къ нашей жизни отношенія, газеты.—Ты голоденъ?—Два дня не ѣмши, подайте, баринъ!—А хочешь быть всегда сытымъ? Хочешь, чтобы у тебя въ деревнѣ была хорошая школа, хорошая больница, хорошія дороги?

Антонъ-Горемыка и ротъ отъ изумленія разинулъ.

— Это значитъ, что у Христа за пазухой?

Почтенный редакторъ-издатель ходко идущей газеты, многозначительно оглянувшись по сторонамъ, заговорилъ потише:

— Знаешь, какъ это все называется? Кон-сти-ту-ці-я!!! Требуй кон-сти-ту-ці-и!

И почтенный господинъ побѣдоносно двинулся дальше. Антонъ-Горемыка, постоявъ минуту неподвижно, бросился за нимъ:

— Баринъ, такъ ужъ вы того... значитъ, будь такая ваша милость... дайте ужъ, ради Христа, эфту самую... какъ ее.. коститукцію-то... два дня не ѣмши, ба-аринъ!..

Почтенный редакторъ вошелъ въ богатый подъѣздъ, а Антонъ-Горемыка остался на морозѣ.

Я не знаю, можетъ быть, это и анекдотъ: за что купилъ, за то и продаю. Во всякомъ случаѣ въ № 1 одной изъ недавно появившихся въ свѣтъ „либеральной“ газеты я читалъ нѣчто подобное вышеприведенному діалогу.

Конституція, оказывается, средство универсальное и излѣчивающее отъ всѣхъ болѣзней: голодныхъ она дѣлаетъ сытыми, воровъ честными, бѣдныхъ богатыми, дураковъ умными и пр. и пр.—всего не перечтешь. Слава о новомъ средствѣ быстро разнеслась по всей Руси необъятной, а такъ какъ по нашимъ временамъ больныхъ вездѣ оказывается много, то и спросъ на новое лекарство появился не малый; а чѣмъ больше спроса, тѣмъ шире реклама, тѣмъ больше вѣры въ чудодѣйственную силу новаго средства.

Собираютъ мѣстныхъ людей, облеченныхъ чрезъ выборы общественнымъ довѣріемъ, для выработки мѣръ борьбы съ экономическимъ бѣдственнымъ положеніемъ народа, просятъ указать рядъ практическихъ мѣръ. Гг. земскіе люди ухмыляются.

— Хмъ, да вы что ли изъ Азіи или прямо съ луны сюда пріѣхали: Не слыхали, нѣшто, о конституціи?—Что-съ?! А вы, м. г., развѣ не знаете, что за этакое-то слово по 23 примѣч. статьи 1487...—Ссс..., толкаетъ подъ бокъ сосѣдъ-сослуживецъ,—(шепотомъ) забылъ новую инструкцію?..—То-есть.. собственно говоря... (смущеніе)... позвольте, такъ сказать, васъ спросить, что же это собственно за конституція-съ? какія-съ, значитъ, ваши предначертанія и пути проведенія-съ?—Ммм... (смущеніе съ другой стороны).—Да вы, пожалуйста, не безпокойтесь,—соберитесь, подумайте!

Начинается разборка, что такое конституція: всѣ твердятъ на разные голоса—„конституція“, „конституція“, а что это за штука, никто понять не можетъ. На седьмой день одинъ старенькій старичекъ, 40 лѣтъ неопустительно получавшій 10 самыхъ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ и благоговѣйно ихъ перечитывавшій отъ заглавія и до объявленій включительно, явился съ торжествующимъ видомъ: въ рукахъ у него было „Русское-добро“ за январь 1864 года:

— Вотъ, господа! Нашелъ! Здѣсь это все прикровенно, но она самая и есть,—конституція!

Обрадовались, прочли, подѣлили по пунктамъ и подали.

А вотъ и еще. Собрались, къ примѣру, инженеры пообѣдать. Потолковали о томъ, о семъ, кто больше съ подрядчика сдернулъ, кто ремонтъ выгодный получилъ, кто командировку, кто назначеніе,—ну, словно богатыри свято-русскіе за столомъ у Владиміра Краснаго-Солнышка—сидятъ, да величаются. До-

брались потомъ и до политики; къ серединѣ обѣда ужъ стали поговаривать о негодности современнаго строя, а послѣ шампанскаго и о путяхъ ко спасенію заговорили.

— Что же дѣлать?—Да что,—конституцію!—Валяй, пиши!..—Господа, прошу подписаться. Кто не согласенъ, тѣхъ просимъ удалиться, потому рѣшено, чтобы было единогласно.

Въ одномъ городскомъ самоуправленіи собрались старцы градскіе; толковали, толковали о городскихъ дѣлахъ, 67 коммиссій избрали, а дѣло все туго идетъ.

— Что-жъ 68-ую попробовать? Молчатъ брады уставя. —Еврика! господа! а новое-то средство? чай, слыхали?—Какъ? Что? Какое?—Кон-сти-ту-ці-я!—Урр-рра-аа!!!...

Это все люди почтенные, а молодежь погорячѣе: что тутъ думать—дѣло рѣшенное. и стали ужъ на практикѣ всѣ „свободы" пробовать. Въ одномъ храмѣ науки дважды въ актовый залъ двери высаживали, неделей бить хотѣли, одного профессора изъ аудиторіи выгнали,—ну, словно въ парламентѣ! На улицахъ по панелямъ ходить не хотятъ,—ходятъ по середкѣ, скопомъ и съ пѣніемъ, шапка на затылокъ, пальто на распашку, въ рукахъ дубинка—выходи, кто не за свободу! А, если пріѣдетъ градоправитель, да начнетъ усовѣщивать, такъ его такъ изругаютъ, словно свобода слова ужъ давно у насъ провозглашена...

Только вотъ въ одномъ женскомъ храмѣ науки случился недавно, говорятъ, большой казусъ. Учрежденіе передовое, такъ что ужъ и конституція тамъ вещь устарѣлая, и дернула нелегкая кого-то предложить настроеніе испробовать, опросъ сдѣлать, кто консерваторъ—за конституцію, кто либералъ—за республику И... о ужасъ!.. консерватизмъ восторжествовалъ. Мнѣ объ этомъ разсказывали шепотомъ и съ оглядкой и указывали, какъ на примѣръ поднимающей свою голову реакціи.

Таковы настроенія: здравствуй, матушка-весна! Но... все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Сквозь крики и шумъ, сквозь обвиненія, обличенія и увѣренія въ крахѣ государственнаго строя все яснѣе и яснѣе начинаетъ вырисовываться наличность другого краха.—краха общественнаго, краха русской общественной мысли, общественнаго самосознанія. Подъ обществомъ я подразумѣваю такъ называемую интеллигенцію, то, что претендуетъ на названіе „передового", вождей, заступниковъ и просвѣтителей народныхъ. Самъ народъ, впереди котораго хотятъ идти эти господа, не потерялся, не засовался безсмысленно во всѣ стороны, не сталъ растерянно хвататься за общія, хотя и громкія, но пу-

стыя фразы,—онъ отнесся къ дѣлу сознательно и покойно. Не будучи въ состояніи уяснить себѣ истинный смыслъ и значеніе настоящей войны, онъ все же почуялъ горечь національной обиды и безтрепетно пошелъ умирать на поля далекой Маньчжуріи. Г. Меньшиковъ въ „Нов. Вр.“ поднялъ вопросъ о недостаткѣ въ нашей арміи теплой обуви, и тотчасъ онъ получаетъ рядъ практическихъ совѣтовъ отъ крестьянъ въ то время, какъ въ „интеллигентныхъ“ кругахъ судили и рядили, тыкали другъ на друга пальцами, искали виновныхъ. Спросите мужика по вопросамъ, о которыхъ истерически и безпочвенно фразируютъ въ нашихъ гостинныхъ, онъ вамъ отвѣтитъ просто и дѣльно. Спросите, отчего онъ бѣденъ, онъ скажетъ, что земли мало, а не оттого, что газету „С. О.“ на три мѣсяца закрыли.

Да, какъ ни грустно въ этомъ сознаться, а наша интеллигенція потерпѣла крахъ, проявила и проявляетъ полное умственное безсиліе и растерянность, полное незнаніе родного прошлаго и настоящаго. Не столько порядки плохи, сколько люди плохи. Кричатъ, долой чиновниковъ—они пьяницы, бездѣльники, воры, насильники и пр. и пр. А кто же наша интеллигенція, какъ не тѣ же чиновники? Много ли у насъ людей, которымъ бы ничего не давало 20 число, которые такъ или иначе не пристроились около казны-матушки? Земцы, думцы, инженеры, профессора..., чѣмъ они лучше служащихъ въ —омъ, департаментѣ? Развѣ не тѣ же ли злоупотребленія и ничегонедѣланіе? Развѣ все это не тѣ же бывшіе студенты, воспитанники одной общей „alma mater“, которые дни юности вмѣсто серьезной работы для подготовки къ государственной и общественной дѣятельности убивали на безтолковыя сходки или шумныя попойки? Надъ кѣмъ смѣетесь? Чей крахъ провозглашаете? Свой, господа! Ничего не дѣлая раньше, не зная, за что взяться, чтобы помочь горю, оторванные отъ прошлаго, съ самыми смутными представленіями о родной дѣйствительности, гг. интеллигенты шумятъ, ищутъ виновныхъ, говорятъ общія фразы, и въ концѣ концовъ, указывая на голоднаго мужика, начинаютъ требовать его именемъ конституціи.

Конституціи? Т. е. правъ и привиллегій все тѣмъ же состоятельнымъ классамъ въ ущербъ все тому же мужику? Дарованіе капиталу, теперь дѣйствующему лишь противозаконно, чрезъ обходъ и злоупотребленія, свободы для порабощенія бѣдной массы? А государственная цѣлость и національное могущество? Всѣ враждебные русскому народу элементы поняли, что можетъ имъ дать конституція, и тянутъ за одно

съ гг. революціонерами и конституціоналистами. Не бывать этому, господа,—не на то Россія создана тысячелѣтней своей исторіей, чтобы рухнуть отъ безумія одного поколѣнія: еще есть порохъ въ пороховницахъ, еще не погнулась русская сила!

Намъ нужно самоуправленіе по дѣламъ хозяйственнымъ, самоуправленіе мѣстное, раздробленное, опущенное до массъ народныхъ: намъ нужна децентрализація власти административной; намъ нужна относительная свобода печати, какъ контроль дѣйствія агентовъ власти центральной и проч. и проч.; и все это будетъ, къ этому зоветъ историческій ходъ событій, къ этому постепенно, пожалуй урывками, идетъ и правительство. Но при всемъ этомъ намъ необходимо единство власти политической,—власть самодержавная: за нее исторія. за нее чисто теоретическія убѣжденія. Намъ не нужны чужіе примѣры. за нами свой историческій опытъ. Лишь строя на фундаментѣ родного прошлаго. лишь въ немъ отыскивая указанія къ путямъ будущаго. должна идти и развиваться русская государственность и общественность. И это такъ и будетъ: великій народъ не свернетъ со своей дороги; народная волна снесетъ препоны, ставимыя кучкой оторванной отъ родной почвы интеллигенціи.

Въ морскомъ мірѣ нашелся г. Кладо, который съ непобѣдимой логикой доказалъ невозможность сохраненія порядковъ дѣйствительности и указалъ практическія мѣры къ выходу изъ затруднительнаго положенія. указалъ, основываясь на знаніи теоріи дѣла. на знаніи фактовъ: дѣйствовалъ онъ во имя любви къ родинѣ и вѣрности присяги Государю. Будемъ вѣрить, что и въ другихъ сферахъ русской жизни найдутся смѣлые, честные, умные и знающіе свое дѣло люди, которые укажутъ намъ. куда идти, что дѣлать, чтобы выйти изъ современнаго затруднительнаго положенія, слѣдуя по пути начертанному исторіей Русской Земли.

В. Ермоловъ.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Продолженіе).

CXXIII.

Мѣткое замѣчаніе графа фонъ-Бюлова.

Въ декабрѣ 1903 года германскій имперскій канцлеръ, фонъ-Бюловъ, отражая нападки вождя соціалъ-демократовъ, Бебеля, произнесъ въ Рейхстагѣ большую и мастерскую рѣчь, подвергавшую критикѣ программу соціалъ-демократической партіи. Въ этой рѣчи затрогивался, между прочимъ, вопросъ: гдѣ больше льстецовъ, около троновъ или среди демагоговъ. Ораторъ сказалъ по этому поводу:

„Г. Бебель упомянулъ о византизмѣ, и я удивляюсь, что онъ упомянулъ это слово потому, что можно лакействовать предъ высшими, а можно заискивать и предъ низшими. Существуютъ и лакеи народа. Это тѣ, кто льститъ народнымъ инстинктамъ, кто думаетъ, что демосъ никогда не ошибается,— и объ этихъ народныхъ лакеяхъ нашъ величайшій поэтъ сказалъ, что нѣтъ подлѣе ихъ".

CXXIV.

Особенности китайскаго монархизма.

Съ представленіемъ о восточномъ деспотизмѣ, одною изъ разновидностей котораго считается обыкновенно и китайская форма правленія, соединяется представленіе о стѣсненіи свободы мысли и слова и объ отсутствіи повременной печати, вообще, или, по крайней мѣрѣ, ея свободы. И что-же? Оказывается, что въ Китаѣ газеты стали издаваться болѣе тысячи лѣтъ назадъ, и что Китай, какъ нельзя лучше, сжился со свободою печати.

„Китай,—говоритъ Гесе-Вартегъ,—въ противуположность многимъ государствамъ съ самою современною культурою, чистый рай въ смыслѣ свободы печати. Каждый можетъ печа-

тать и издавать въ свѣтъ, что ему угодно. Никакихъ законовъ о печати, цензурѣ и т. д. въ Китаѣ не знаютъ. Китайцы не знаютъ и обычной въ другихъ странахъ системы оффиціальнаго замалчиванья. Я былъ крайне изумленъ, прочитавши въ „Пекинской Газетѣ" откровеннѣйшія сообщенія правительства о злоупотребленіяхъ министровъ, высшихъ мандариновъ и манчжурскихъ генераловъ. Даже претензіи и обвиненія, съ которыми выступаютъ государственные прокуроры (цензора) противъ самой императрицы-регентши, противъ женъ императора и принцевъ, и тѣ печатаются въ „Цзинъ бао". Сообщается и о налагаемыхъ на всѣхъ этихъ лицъ императоромъ взысканіяхъ". И дѣйствительно, въ оффиціальной газетѣ, не стѣсняясь, указываются правительственнымъ сановникамъ всѣ ихъ вины и ошибки, если только они какимъ либо путемъ дошли до богдыхана. Свободою пользуется не только оффиціальная, но и всѣ иныя газеты, издаваемыя въ любой провинціи. Можетъ быть, ихъ мало читаютъ, на что указываетъ ихъ небольшое число, хотя китайцы чуть не всѣ грамотны; можетъ быть этимъ газетамъ не вѣрятъ, но фактъ остается фактомъ: въ отношеніи свободы печати, политической и иной, Китай перещеголялъ Европу".

Но эта свобода только относительна. Предварительной цензуры Китай не знаетъ, изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что государственная власть не караетъ дѣятелей печатнаго слова. Послѣ того, какъ въ сентябрѣ 1898 года богдыханъ Тсан-тьенъ былъ взятъ подъ опеку вдовствующею императрицею, въ Пекинѣ народилось семь или восемь газетъ реформаторскаго направленія, въ духѣ газеты „Китайскій Прогрессъ", которую издавалъ эмигрировавшій въ Японію Канк ю-вей, бывшій врагомъ императрицы и вообще всѣхъ приверженцевъ старыхъ порядковъ. Правительство сперва не трогало эти новыя газеты, но такъ какъ онѣ были противниками или династіи, или императрицы-регентши, то терпѣнію послѣдней скоро насталъ конецъ. Одинъ изъ главныхъ редакторовъ „Су-боа" былъ арестованъ въ Пекинѣ за оскорбленія императрицы, заключавшіяся въ его статьяхъ, и присужденъ къ смертной казни; онъ былъ забитъ бамбуковыми палками; казнь продолжалась 6 часовъ. Другіе его коллеги, находившіеся въ Шанхаѣ, гдѣ издавалась газета, избѣжали его участи. Правительство арестовало ихъ, но европейскіе консулы отказались выдать ихъ, такъ какъ виновные были арестованы на англійской землѣ въ Шанхаѣ. Они были подвергнуты смѣшанному суду и подверглись какому то легкому взысканію.

Газета „Куо-мингъ-йе-йе бао" оставила систему „Су-бао", простиравшаго свою дерзость до того, что называлъ богдыхана не „Сыномъ неба", а просто по имени. Подобное отношеніе къ государю, которому не даютъ принадлежащаго ему титула, было бы нетерпимо и въ Европѣ. По китайскимъ же обычаямъ, оно считается невозможнымъ, безусловнымъ оскорбленіемъ величества, самымъ большимъ знакомъ неуваженія, какой только можно оказать императорской власти" [1]).

Съ представленіемъ объ единоличной власти соединяется обыкновенно представленіе и объ общегосударственномъ войскѣ, непосредственно подчиненномъ монарху. Но въ Китаѣ система административной децентрализаціи доведена до такой степени, что ошеломляетъ европейца, начинающаго знакомиться съ порядками Срединной Имперіи.

„Прежде всего поражаетъ,—говоритъ Вартегъ,—что главная масса китайскаго войска не подчинена императору, не вербуется его именемъ и не содержится на его средства. Каждый вице король имѣетъ свои собственныя, совершенно независимыя отъ сосѣднихъ войскъ, арміи. Въ этомъ отношеніи китайскіе вице-короли пользуются почти такими же правами, какъ прежніе нѣмецкіе владѣтельные князья. Но одинъ вице-король заботится объ обмундировкѣ, вооруженіи и обученіи своей арміи больше, другой меньше. Вице-короли береговыхъ провинцій, находящіеся въ большемъ общеніи съ иностранцами, имѣютъ лучше организованныя и вооруженныя арміи, нежели вице-короли внутреннихъ провинцій, гдѣ войска бываютъ иногда очень запущены. Каждому вице-королю, однако, даны точныя предписанія относительно численности войска, которое онъ долженъ содержать и, центральное правительство каждую минуту можетъ потребовать, чтобы вице-король выставилъ въ поле всю свою армію или часть ея. Наименьшую армію содержитъ внутренняя провинція Анхой, а именно въ 8,700 человѣкъ, самую многочисленную, 70.000—провинція Гуан-Дунь. Другія провинціи содержатъ арміи въ 20,000—60,000 человѣкъ. Провинція Чжи-ли, важнѣйшая провинція Китая, бывшая долго подъ управленіемъ Ли-Хун-Чанга, имѣетъ армію въ 42,000. Общая численность этихъ провинціальныхъ войскъ, или какъ ихъ зовутъ въ Китаѣ, войскъ Зеленаго знамени, достигаетъ 650,000 человѣкъ".

Китай представляетъ типичный образчикъ теократической и бюрократической монархіи восточно-азіатскаго типа.

---

[1]) „Новое Время", 19 апрѣля 1904 г., № 10108.

Вотъ разсужденіе одной китайской газеты о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ китайскаго правительственнаго механизма.

„Высокій идеалъ государственнаго управленія понизился и затемнился многочисленными промахами и пятнами, тѣмъ не менѣе самый идеалъ безъ сомнѣнія остается. Налагаемыя на чиновниковъ взысканія, о которыхъ постоянно извѣщаетъ правительственная „Пекинская Газета“, доказываетъ старанія правительства очищать систему управленія отъ всякихъ золъ и поддерживать ея жизнедѣятельность. Но какъ въ религіяхъ съ теченіемъ времени обыкновенно искажается самый духъ ученія, такъ и сложная бюрократическая система постепенно теряетъ тѣ животворныя начала, которыми она была проникнута при своей первоначальной организаціи.

„Нельзя поэтому обобщать золъ, безъ сомнѣнія вкравшихся въ эту систему. Между чиновниками найдется много лицъ безукоризненной нравственности, талантливыхъ и энергичныхъ; многіе посты заняты дѣльными, честными, уважаемыми людьми, хотя самое полученіе постовъ и связано съ испытаніями такого характера, которые осуждаются современной наукою. Народныя массы пользуются значительною личною свободою; китайцы, правда, обременены налогами, но все-таки не такъ ими задавлены, какъ нѣкоторые изъ западныхъ народовъ. Между послѣдними есть вѣдь такіе, которые хотя и считаются цивилизованными, но у которыхъ народное хозяйство куда въ большемъ разстройствѣ, нежели хозяйство Срединнаго царства“ [1]).

CXXV.

О воспитаніи русскаго народа въ духѣ монархизма путемъ церковной проповѣди.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая 1866 года, подъ впечатлѣніемъ выстрѣла Каракозова, на имя предсѣдателя Комитета министровъ, князя Гагарина, прекрасно опредѣляются политическія задачи церковной проповѣди въ Россіи:

„Православному русскому духовенству, въ предоставленномъ ему кругу дѣятельности предложить наипаче послужить къ охраненію правъ народа русскаго отъ вредныхъ лжеученій и обнаружившихся въ послѣднее время стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все искони священное для нашего отчества: на ученіе вѣры, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе

[1]) Ibidem.

установленнымъ властямъ. Божественное ученіе, преподанное Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. Его апостолами, призываетъ всѣхъ къ высокому нравственному усовершенствованію; оно заповѣдуетъ взаимную любовь, освящаетъ союзъ семейный воспрещаетъ даже и мысль о посягательствѣ на собственность ближняго, повелѣваетъ воздавать *Божіе Богови и кесарева кесареви* и поучаетъ повиноваться *властямъ предержащимъ*. Утвержденіе сихъ Божественныхъ правилъ въ православномъ народѣ есть долгъ пастырей Церкви"[1]).

Утвержденіе русскаго монархизма въ умахъ и сердцахъ русскихъ подданныхъ составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязанность всѣхъ, вообще, духовныхъ лицъ и вѣроучителей, живущихъ въ предѣлахъ Имперіи: армянскихъ священниковъ, ксендзовъ, пасторовъ, раввиновъ, караимскихъ газановъ, муллъ, ламъ и т. д. и т. д.

CXXVI.

О русской монархической точкѣ зрѣнія на служеніе Богу, Царю и Отечеству.

Нагляднымъ ея проявленіемъ служатъ три нижеприводимые историческіе документа. Первый изъ нихъ принадлежитъ знаменитому сподвижнику Императора Александра II по освобожденію крестьянъ—Я. И. Ростовцеву, а два другіе „апостолу Аляски и Камчатки", архіепископу Иннокентію (Веніаминову), впослѣдствіи митрополиту московскому. Эти документы показываютъ, съ какими чувствами принимаютъ лучшіе русскіе люди назначеніе на высокіе посты и во имя какихъ соображеній они берутся за возлагаемыя на нихъ обязанности.

Въ началѣ 1859 года особая коммиссія при Главномъ Комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ представила Императору Александру Николаевичу на Высочайшее воззрѣніе свое заключеніе объ учрежденіи двухъ коммиссій, съ наименованіемъ ихъ Редакціонными, съ тѣмъ, чтобы первую, для составленія общихъ положеній, образовать изъ членовъ, назначенныхъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, а вторую, для мѣстныхъ положеній,—изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, а равно изъ „экспертовъ", избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ коммиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ

---

[1]) Прот. О. І. Чижевскій: „Устройство православной Россійской Церкви", 281.

или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію.

4 февраля 1859 года утверждая журналъ Особой коммиссіи при Главномъ Комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ Императоръ Александръ Николаевичъ положилъ резолюцію:

„Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы председательство въ редакціонныхъ коммиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцеву, если онъ согласится принять эту обязанность на себя“ На письмо председателя Главнаго Комитета князя Орлова, сообщавшее Ростовцевъ царскую волю, онъ отвѣчалъ следующимъ письмомъ: „Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня председателемъ коммиссій составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, „если только я буду на это согласенъ“, какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга. Съ *молитвою* къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя; съ *благоговѣніемъ* къ Государю, удостоившему меня такого святого призванія; со *страхомъ* предъ Россіею и предъ потомствомъ; съ *чувствомъ долга* передъ моею совѣстью. Да простятъ мнѣ Богъ и Государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу эту не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ. Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“ (Татищевъ: *Императоръ Александръ II, Его жизнь и царствованіе*. Т. I, стр. 348).

А вотъ, что разсказываетъ біографъ знаменитаго миссіонера Иннокентія (Веніаминова) о томъ, какъ онъ принялъ назначеніе его митрополитомъ московскимъ.

„Эту телеграмму (оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода гр. Д. А. Толстого) преосвященный получилъ въ то время, когда совершалъ литургію въ своей домовой церкви. Прочитавши депешу, по разсказамъ очевидцевъ, онъ былъ пораженъ, измѣнился въ лицѣ и нѣсколько минутъ былъ въ раздумьи, не замѣчая его окружающихъ, и какъ бы не вѣрилъ содержанію ея; перечитывалъ нѣсколько разъ, затѣмъ цѣлый день былъ въ задумчивости и въ возбужденномъ состояніи и никого не допускалъ къ себѣ, а вечеромъ, на ночь, болѣе обыкновеннаго молился, стоя на колѣнахъ. На другой день онъ составилъ отвѣтную депешу такъ: „Оберъ-прокурору Синодальному. Со-

всею преданностью Господу и благопокорностію Государю пріемлю новое назначеніе Его . . . . ". И вслѣдъ за сею депешею, въ тотъ же день, преосвященный Иннокентій писалъ къ оберъ-прокурору же слѣдующее письмо (*отъ 19-го января 1868 года*): „Съ изумленіемъ и трепетомъ вчера я получилъ и прочелъ телеграмму вашего сіятельства отъ 5 числа текущаго мѣсяца. Съ полною преданностію Царю небесному и благоговѣйнымъ послушаніемъ царю земному пріемлю новое Его назначеніе меня на служеніе Церкви—безъ всякаго разсужденія о моихъ силахъ и трудностяхъ предстоящаго мнѣ поприща. Да будетъ воля Господня во всемъ и всегда!" (И. Барсуковъ. *Иннокентій*, стр. 559—560).

CXXVII.

Черта русскаго монархическаго героизма.

18, 20 и 24 августа 1854 года, въ эпоху Крымской кампаніи иностранная эскадра, состоявшая изъ шести французскихъ и англійскихъ судовъ, съ двумя адмиралами, 224 пушками и около 2500 человѣкъ команды бомбардировала Петропавловскъ (въ Камчаткѣ), имѣя на своей сторонѣ втрое больше силъ. Но наши батареи дѣйствовали такъ энергично, а союзный дессантъ встрѣтилъ такой отпоръ, что врагъ, думавшій завладѣть городомъ и уничтожить его, 27 числа ушелъ въ море.

Вотъ нѣкоторые эпизоды изъ страшной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышающей душу, исторіи этихъ дней:

„20-го числа видно было, что непріятель готовится къ рѣшительному нападенію. Пароходъ повелъ три фрегата и десантные бота къ нашимъ батареямъ. Г. губернаторъ Камчатки (В. С. Завойко) сошелъ на батарею и сказалъ: „Братцы! велика сила идетъ, но Богъ за насъ, будемъ сражаться за вѣру. Многихъ изъ насъ не будетъ. Сегодня да будетъ послѣдняя молитва наша за Царя". Пропѣли „Боже, Царя храни" на всѣхъ батареяхъ нашихъ и на судахъ, и стрѣлковыя партіи вторили. Грянули „ура!" и „умремъ съ ружьями въ рукахъ, а не отступимъ ни на шагъ"!—и принялись съ крестомъ за дѣло. Началась страшная канонада".

Вспоминая бомбардированье Петропавловска супруга губернатора, Ю. Е. Завойко, писала:

„У насъ теперь есть два мальчика-калѣки; когда одному изъ нихъ отнимали руку, онъ говорилъ доктору: „скорѣе, мнѣ не больно. Я за Царя руку потерялъ..." („Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій" Ив. Барсукова, стр. 348 и 352).

CXXVIII.

О бюджетѣ министерства Императорскаго Двора.

Доводы антимонархистовъ направляются обыкновенно прежде всего на предполагаемую a priori разорительность монархическаго правленія.

Посмотримъ же насколько „разорительно" Русское Самодержавіе для Имперіи.

Расходы по министерству Императорскаго Двора распадаются на двѣ основныя рубрики, изъ которыхъ вторая, собственно говоря, не имѣетъ никакого отношенія къ министерству Двора. Росходы по этимъ двумъ рубрикамъ государственной росписи на 1904 годъ выражены въ слѣдующихъ цифрахъ: на содержаніе Особъ Императорской Фамиліи и установленій Министерства Императорскаго Двора 12.845.447 рублей, на содержаніе состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Императорскаго Двора Императорскихъ театровъ, театральныхъ училищъ, Императорской Академіи Художествъ, Императорской Археологической Коммиссіи и Музея Императора Александра III 3.282.473 руб. Итого по Министерству Императорскаго Двора 16.127,920 рублей.

На основаніи Высочайшаго указа министру Императорскаго Двора отъ 1-го апрѣля 1904 года ассигнованіе на расходы по министерству на 1904 годъ уменьшены на 1.000.000 рублей. Но, если даже остановиться на первоначальныхъ ассигнованіяхъ и ограничиться лишь первой рубрикой, то окажется, что при общемъ итогѣ государственныхъ итоговъ, исчисленномъ на 1904 г. въ суммѣ 2,178,637,055 руб., расходы на содержаніе Членовъ Династіи и собственно Императорскаго Двора не доходятъ до 13.000,000 руб., т. е. составляютъ каплю въ морѣ въ общей суммѣ государственныхъ расходовъ (0.006 или $^1/_{167}$). Полагая населеніе Россіи въ 140,000.000, получимъ 8,6 коп., падающихъ въ годъ на каждаго человѣка Имперіи по данной статьѣ расходовъ.

Оказывается, что „разорительность" Самодержавія для Россіи совсѣмъ не велика.

CXXIX.

Монархическіе праздники въ современныхъ монархіяхъ[1].

Есть монархіи, въ которыхъ нѣтъ національныхъ праздниковъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ царскихъ дней.

---

[1] Эта статья написана на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ въ Almanach de Gotha за 1904 г.

Таковы: Абиссинія, Афганистанъ, Китай, Венгрія, Греція, Княжество Лихтенштейнъ, Княжество Монако и Марокко.

Во всѣхъ другихъ монархіяхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, европейскихъ и неевропейскихъ, празднуется обыкновенно рожденіе государей. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ является, кажется одна Бельгія: въ ней рожденіе короля не празднуется.

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, кромѣ рожденія государей, празднуется еще и рожденіе наслѣднаго принца. Такихъ государствъ всего четыре: Пруссія, Португалія, Болгарія и Княжество Рейссъ младшей линіи.

Есть западно-европейскія государства, въ которыхъ празднуются еще и дни рожденія нѣкоторыхъ другихъ членовъ династіи, главнымъ образомъ супруги государя и его матери (Пруссія, Бельгія, Португалія, Швеція, Испанія и Голландія).

Именины государей празднуются за границей въ Бельгіи, Испаніи, Конго и Болгаріи, монархи которыхъ римскіе католики и на островѣ Самосѣ, балла (князь) котораго долженъ быть греческой національности.

День восшествія на престолъ государей празднуется въ Бельгіи, Испаніи, Турціи, Болгаріи и въ Кореѣ. Празднуется восшествіе на престолъ хедива и въ Египтѣ.

Въ Швеціи и Португаліи есть дни, въ которые совершается всенародное поминаніе нѣкоторыхъ монарховъ, сошедшихъ въ могилу: въ Швеціи—Густава-Адольфа, а въ Португаліи—покойнаго короля и короля, своего отца Донъ-Педро IV.

День коронаціи ежегодно празднуется за границей только въ православной Румыніи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, переходимъ къ обзору монархическихъ дней по отдѣльнымъ государствамъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ только.

Германія, разсматривать ли ее какъ союзъ государствъ, или какъ союзное государство, состоитъ изъ 21-ой монархіи, 3-хъ республикъ (вольныхъ городовъ) и имперской земли—Эльзасъ-Лотарингіи. День рожденія германскаго императора считается національнымъ праздникомъ для всей Германіи, но въ дѣйствительности его не признаютъ своимъ праздникомъ нѣкоторыя германскія государства, что, конечно, объясняется партикуляризмомъ.

Кромѣ рожденія императора, въ цѣломъ рядѣ германскихъ монархій празднуется и рожденіе, если можно такъ выразиться, мѣстныхъ государей.

Есть въ Германіи и такія монархіи, которыя, не празд-

нуя рожденія императора, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, для того, чтобы стушевать свое нерасположеніе къ прусской гегемоніи, не празднуютъ дней рожденія и мѣстныхъ государей.

Изъ германскихъ государствъ всего болѣе монархическихъ дней въ Пруссіи: въ ней празднуются дни рожденія не только императора-короля, но и императрицы-королевы, а, кромѣ того, день рожденія наслѣднаго принца и день коронаціи.

Вотъ германскія государства, въ которыхъ празднуются какъ день рожденія императора, такъ и день рожденія мѣстнаго государя: Баденъ, Брауншвейгъ, Гессенъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Ольденбургъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ, Шамбургъ-Липпе, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и княжество Вальдекъ.

Германскія государства, въ которыхъ нѣтъ монархическихъ дней, т. е. въ которыхъ не празднуется ни рожденіе императора, ни рожденіе мѣстнаго государя: Баварія, Гамбургъ, Княжество Липпе, Любекъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, королевство Саксонское и Эльзасъ-Лотарингія.

Въ Ангальтѣ и въ Баденѣ празднуется только рожденіе императора, но мѣстныхъ монархическихъ праздниковъ нѣтъ.

Германскія Государства, не празднующія рожденія императора, но празднующія дни рожденія мѣстнаго государя: оба Рейсса (старшей и младшей линіи), Саксенъ-Мейнингенъ, Шварцбургъ-Рудольштадтъ и Вюртембергъ.

Кромѣ Пруссіи, въ которой праздуется день рожденія наслѣднаго принца прусскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣднаго принца Германской имперіи, только княжество Рейссъ младшей линіи празднуетъ день рожденія своего наслѣднаго принца.

По числу монархическихъ праздниковъ, Испанія, какъ это ни странно, можетъ быть принята за страну, проникнутую монархическими инстинктами и преданіями. Кромѣ именинъ короля, въ Испаніи въ 1903 годл праздновались именины его бабушки и дѣдушки (королевы Изабеллы и короля Францизска Ассизскаго) и, кромѣ дня рожденія короля, дни рожденія королевы, его матери, и принцесы Астурійской, его сестры.

Въ Британской имперіи монархическіе дни существуютъ только въ метрополіи и въ Индіи. Въ Великобританіи и Ирландіи празднуется день рожденія короля, а въ Индіи, кромѣ рожденія императора, празднуется еще и день восшествія его на престолъ.

Въ Швеціи—Норвегіи есть разница въ празднованіи монархическихъ дней. Въ обѣихъ частяхъ монархіи празднуется день рожденія короля, но въ Швеціи празднуются и его

именины. Въ этомъ случаѣ Швеція составляетъ единственное исключеніе изъ лютеранскихъ государствъ.

Изъ второстепенныхъ государствъ православнаго міра монархическихъ дней не существуетъ только въ Греціи. Въ Румыніи празднуется только день коронаціи, въ Сербіи только день рожденія короля, въ Болгаріи же существуетъ три праздника въ честь князя: рожденіе, именины и восшествіе на престолъ.

Въ Португаліи празднуются дни рожденія короля, его матери и наслѣднаго принца, но день рожденія королевы, его супруги, не празднуется.

Въ Черногоріи, кромѣ именинъ и дня рожденія князя, празднуется еще и день святого Георгія, какъ патрона Княжескаго Дома и по той же причинѣ—день св. Петра. Поэтому можно сказать, что въ Черногоріи всего-на-всего четыре національныхъ и монархическихъ праздника.

Неевропейскія и нехристіанскія государства, имѣющія монархическіе праздники: Конго, Корея, Персія, Сіамъ, Турція, Египетъ и Японія.

Остановимся изъ этихъ государствъ на Японіи.

Ея національные праздники, по ихъ числу и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ, указываютъ, съ одной стороны, на строго монархическій духъ современной Японіи, а съ другой стороны, на ея неразрывную связь со старой Японіей, жившей замкнутой жизнью.

Въ Японіи насчитывается четыре національно-монархическихъ праздника, при чемъ три изъ нихъ посвящены воспоминаніямъ о прежнихъ микадо.

Вотъ событія, память о которыхъ чествуется въ эти дни: во-первыхъ, рожденіе теперешняго императора, во-вторыхъ, смерть его отца, микадо Комеи, въ-третьихъ, вступленіе на престолъ перваго микадо—Дзинму Тенно, жившаго въ VII вѣкѣ до Р. Х., въ-четвертыхъ, смерть Дзинму Тенно.—Въ честь императрицы и престолонаслѣдника въ Японіи не существуетъ національныхъ праздниковъ.

Нигдѣ не существуетъ, какъ и слѣдовало ожидать, столько *царскихъ* дней, какъ въ Россіи, чѣмъ и опредѣляется значеніе Самодержавія для Имперіи и нравственная связь Императора и Самодержца Всероссійскаго съ народомъ.

Въ настоящее время въ Россіи насчитывается десять царскихъ дней.

Въ Россіи празднуются: дни рожденія и тезоименитства Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника Цесаревича и, кромѣ того, день восшествія на

престолъ Государя Императора и день Священнаго Коронованія и Миропомазанія Ихъ Величествъ.—Къ числу царскихъ дней принадлежатъ въ Россіи не только *высокоторжественные* праздничные дни, которые могутъ быть названы днями Государя Императора, Государыни Императрицъ и Государя Наслѣдника Цесаревича, но и *торжественные* дни рожденія и тезоименитствъ прочихъ Августѣйшихъ Особъ Царствующаго Дома. Эти послѣдніе дни съ 1862 г. отправляются въ храмахъ въ ближайшіе воскресные дни [1]).

Изъ всѣхъ царскихъ дней въ православныхъ храмахъ съ особеннымъ торжествомъ отправляются день восшествія на Престолъ Государя Императора и день Священнаго Корононованія миропомазанія. Въ эти дни совершается молебное пѣніе, составленное по Чину Священнаго Коронованія.

Значеніе и многочисленность царскихъ дней въ Россіи объясняются частью значеніемъ Русскаго Самодержавія, частью духомъ Православія, никогда не забывавшаго заповѣди Спасителя: „воздадите Божія—Богови, Кесарева—Кесареви".

Упадокъ монархическихъ началъ ведетъ собой и забвеніе этой заповѣди, что сказывается въ православной Греціи, въ которой существуетъ только одинъ національный праздникъ— въ память политическаго возрожденія Греціи. Было уже отмѣчено, что день Коронованія празднуется въ православныхъ государствахъ, кромѣ Россіи, только въ Румыніи.

Не смотря на многочисленность царскихъ дней въ Россіи, въ ней, къ сожалѣнію, не существуетъ національныхъ празднествъ въ честь великихъ историческихъ дѣятелей и великихъ историческихъ событій, вліяніе которыхъ до нынѣ чувствуется русскимъ народомъ. У насъ не празднуется ни день перваго православнаго, святого и равноапостольнаго Императора Константина (21 мая), ни день святого и равноапостольскаго князя Владиміра (16 іюля). У насъ не празднуется и день воцаренія Михаила Ѳеодоровича, перваго государя изъ дома Романовыхъ

Подъ днемъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича нужно, конечно, разумѣть не день его избранія на престолъ которое состоялось 21 февраля 1613 года, а тотъ день, когда онъ принялъ престолъ по просьбѣ соборныхъ пословъ и народа и съ благословенія своей матери Марѳы Ивановны, что произошло 14 сентября.

---

[1]) О царскихъ дняхъ въ Россіи см. „Дни богослуженія въ Православной церкви" о. Г. С. Дебольскаго, изд. 7-е, I, 685—686.

CXXX.

Всеподданнѣйшее прошенie крестьянина.

Крестьянинъ деревни Поляны, Владимiрской губернiи, Василiй Сметанинъ, препроводилъ въ мартѣ 1904 года въ распоряженiе Его Императорскаго Величества Великаго Государя Императора 200 руб. при нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ прошенiи:

„Благочестивѣйшiй, Самодержавнѣйшiй и Всемилостивѣйшiй Великiй Государь Императоръ, нашъ Батюшка, Николай Александровичъ.

„Всепокорнѣйше прошу Васъ, примите отъ меня бреннаго, грѣшнаго раба Вашего Василiя сто рублей на усиленiе флота и сто рублей больнымъ и раненымъ воинамъ, но во всякомъ вслучаѣ на усмотрѣнiе Ваше, Ваше Императорское Величество. Но прошу Васъ, Христа ради, Ваше Величество, Батюшка, не отрини мое по силѣ возможности подаянiе. Примите и употребите на мѣсто; затѣмъ, прошу Васъ, Христа ради простите меня грѣшнаго раба Вашего Василiя. Я не наученъ ни чтенiю, ни писанiю. А какъ меня Господь Богъ Iисусъ Христосъ, Сынъ Божiй, на разумъ наставилъ, такъ я и сдѣлалъ и написалъ. Остаюсь къ Вамъ съ чистымъ моимъ сердцемъ и душею по гробъ жизни моея слугою Владимiрской губернiи Муромскаго уѣзда прежде бывшiй Багратiоновскiй крестьянинъ, а нынѣ Вашъ, Батюшка Ваше Царское Величество Николай Александровичъ, житель деревни Поляны. Василiй Ѳедоровичъ Сметанинъ".

Государь Императоръ, изволивъ милостиво принять пожертвованiе Сметанина, повелѣлъ сто рублей изъ пожертвованiя передать Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику въ Высочайше учрежденный Комитетъ по усиленiю флота. Его Императорскому Высочеству Почетному Предсѣдателю комитета благоугодно было изъявить Сметанину свою сердечную признательность, о чемъ жертвователь увѣдомленъ чрезъ посредство начальника губернiи [1]).

CXXXI.

Разсказъ крестьянина, „какъ онъ Царя бачивъ" 4 мая 1904 года въ Харьковѣ.

Въ „Южномъ Краѣ" (№ 19 за 1904 г.) напечатанъ, повидимому, съ буквальной точностью, хотя мѣстами и съ явнымъ

[1]) „Новое Время", № 21 марта 1904 г.

искаженіемъ малорусской рѣчи разсказъ крестьянина Харьковской губерніи, бывшаго на охранѣ въ день осмотра Государемъ Императоромъ въ Харьковѣ войскъ, отправлявшихся на Дальній Востокъ. Этотъ разсказъ представляетъ своего рода историческій документъ, характеризующій политическое настроеніе малороссовъ—вообще, и деревенскаго населенія Харьковской губерніи въ частности.

— Здорово, дядька!

— Здоровы булы.

— Откуда же ты пріѣхалъ?

— У Харькови, у Харькови. бувъ. Царя, бачыты, остыригалы!

— Ну, что-же? видѣлъ Царя?

— Якъ-же, якъ-же, бачывъ, бачывъ, теперь уже можно и вмираты, слава Богу. Ни дидамъ, ни батькамъ ны прыходылось. а я побачивъ,—взволнованно залепеталъ хохолъ.

— Ну, разскажи, какъ ты попалъ въ охрану? Что видѣлъ и что чувствовалъ?

— Эге! ото, бачыты, якъ объявылы на сели, що четвертаго числа буде Царь у Харькови, требусця зъ кожного сыла по тры чоловика стырыгты дорогу, староста и указалъ на мене. Якъ почувъ-же я, такъ ажъ у гору пидскочивъ отъ радощивъ. Ну, ставъ збыраця, надивъ новеньку чынарку, билу сорочку, хлиба взявъ дви паляныци у торбыну, и зъ Богомъ на вокзалъ. Прыходю, а тамъ ждуть други чоловики. Мынутъ чырызъ двадцять прибигае човунка. Купыли билетыки, силы. А машина гуде, чмыха, гуркотыть... А що, Каленыку!—кажу сусиди,—опынылись ажъ у Гапоніи. А той мини и каже: Катъ зна, що и мелишь. *Куды* идешь, а объ чимъ балакаешь!—Такъ я переставъ и мовчавъ поки до Харькива.

Прiыжаемъ у Харькивъ... Господы мылостывій: народу, якъ неначе ярмарокъ зибрався.

— Онъ-дэ,—кажу своимъ,—стоять наши, ходимъ до миста. Прійшлы, поздоровкалысь и стоимо Якъ бижыть урядныкъ, чи жандаръ. чи Богъ-его зна. Идыть!—каже,—скоришь, у полыцію. тамъ вамъ усимъ дадуть ярлычки, щобъ васъ выдно було. що вы охрана. Пишлы. Господы мылостывый! Вулыця, якъ шляхъ, а по бокахъ хаты стоять и... Господы! и верха не выдно. И на кажный хати „хлакъ“. „хлакъ“, а де и тры вмисти. прямо якъ рушныки розвиваюця. Прыходымо, далы намъ по ярлычку, мы ихъ почиплялы, а дали и повылы насъ, мабуть, верстовъ симъ. Колы це, якъ зазвонять по всихъ церквахъ, гуде, ничого и нечуты. Тутъ полыцевскій объявывъ:

„Царь прїихавъ“—каже. Мы прычыпурылысь, поправылы на соби одежу, стоимо. И скажу вамъ правду; то исты хотилось, ногы болилы, а то якъ рукамы все зняло. Стоимо, якъ салдаты, а сердце—„стукъ, стукъ!“ а самому якъ-то чи страшно, чи радисно, чи, я и самъ не скажу, якъ воно. Вси головы поповернулы до вокзалу. А тамъ уже чуты—крычать—„гура“, „гура“... Кой-хто перекрестывся, ждымо. Ось, лытыть на кони чи охвыцеръ, чи генералъ, увесь у золоти, такъ и блыщыть, а дали показався щось за другый генералъ... И тутъ же изъ-за вугла выихавъ ище одынъ тарантасъ..: Господы! я тутъ уже нызнаю, що зо мною робылось... Попоночило, у голови зашумило, ухватывся за оградку и стою. Народъ прямо роздыраеця, крычыть „гура“, „гура“, „гура“. Бабы плачуть. „Ось Винъ, нашъ Голубчикъ Сывенькій, иде!“ Пидъижае, дывлюсь, ей, богужъ якъ намалеваній, якъ свытый, а Лыце таке добре-добре, щей осьмихаеца. Мини тоди вже стало не страшно, а такъ радисно, що ище и одъ роду такъ ны було, встромывъ свои очи прямо на Царя и давай такъ крычаты; шо посли ажъ живитъ боливъ. Прямо ны можу вамъ и передаты, якый же и добрій на выду нашъ Царь. А нашы мужыкы и кажуть: Отъ теперъ будемо знаты, якый Царь; якъ у церкви будуть почытуваты, то заразъ и здумаемъ Его добре, добре та прыятне Лыце. а то, було, почитуютъ, а хто его зна, якій той Царь. Стоишь тилько та слухаешь. Такъ, ото, проихалы уси тарантасы у соборъ, а тарантасы яки-жъ! совсимъ ны те, шо нашъ старшына изде. та де тамъ: и самъ земьскій на хужому прїижа. Такъ ото проихалы, народъ и загомонивъ, и уси объ однимъ: ажъ плачуть отъ радощивъ... Якый-же Винъ и гарній. нашъ Царь! А хтось каже: а Наслидныкъ прямо якъ макъ цьвите! Дэ?—кажу... Хиба и Наслидныкъ ихавъ? А якъ-же? рядомъ съ Царемъ. Эге, думаю. прыдывлюсь, назадъ идучи. Ны вспивъ подуматы, ось, изнову народъ—„гура“, „гура“, „гура“ та картузамы такъ махають. шо прямо на мисти не устоять. Пидъижаетъ, знову знявъ и я свою шапку, такъ начавъ нею махаты у гору. та у ныэъ. шо трохы и ны порвалась.

Дывлюсь, и Наслидныкъ. якъ картыночка-жъ,—и такый же и добрый, якъ самъ Царь!.. Мыни, такъ зразу показалось, якъ Царь поихавъ, а мы уси зосталысь, що, ны мовъ, я риднаго батька потирявъ. Ради мы, золото, своего Ныняглядного Царя остыригаты, прямо на рукахъ готови носыты. Я самъ бы ийже-Богу на рукахъ нисъ-бы до самаго полустанку. *Я такъ его полюбывъ*, шо якъ-бы Винъ тоди сказавъ мини: „Овсію! отдай своихъ усихъ трехъ сыновей на войну, а то у мене

мало солдативъ",—такъ ий-Богу,—усихъ до одного,—сказавъ-бы, бырить, Ваше Вылычество, самъ бы оставься жныва убираты, а сынивъ бы пославъ на Цареву службу. Отакый добрый, добрый Царь! Винъ, якъ ихавъ, та такъ на усихъ дывыця, дывыця, нымовъ такъ и каже: Мои диты дороги! Я, вамъ усе, усе. дамъ, а бы вы булы у мены счастлывы та усымъ довольни.

..Прыйшлы на полустанокъ...

— Не полустанокъ,—обрываю его какъ „интервьюеръ" на словѣ, а станція.

— Ага. прыйшлы на станцію, а народъ, такый усе веселій, та радосній, та усе кажутъ: ну, теперъ Слава Тоби Господы, побачылы Царя! Николы нызабудемо Его доброго та пріятнаго Лыця. А други кажутъ: Господы мылостывый! А у Пытырбурзи люде жъ каженъ День Его бачуть, яки щаслыви! А мій сусидъ и пидхватывъ: „А що, Овсію, якъ бы узявъ Царь та прыихавъ у нашу слободу, и... щобъ воно й було! Що жъ тамъ булобъ?—кажу, кажній бы обидаты завырнувъ, ще й на полустанокъ одвизъ своею конякою, а жинки рушныками дорогу бъ выслалы.

— А что-же это ты купилъ?—спрашиваетъ его мой корреспондентъ.

— Оце й вы думавъ купуваты, якъ ихавъ изъ дому, а тутъ-же у Харькиви такъ стало радисно, що я пишовъ уже опосля у лавку та на цилыхъ пятнадцять карбованцивъ накупывъ усякаго матырьялу. Нынай уся симья згадуе, якъ батько издывъ Царя стрічаты! Я такъ хочу, щобъ усимъ було радисно, колы Царь бувъ ни далеко одъ насъ! Ну, прощай ты!"—уходя, сказалъ хохолъ.

CXXXII.

Коронація Валахскихъ господарей въ старину.

При короновaніи государей муро употреблялось издревле. Въ Египтѣ и у Израиля оно возливалось на голову монарха. Византійскіе императоры и французскіе короли тоже помазывались на царство. Помазаніе мvромъ совершается и при коронаціи великобританскихъ и прусскихъ королей. Въ Россіи мvропомазаніе стало совершаться при священномъ короновaніи со временъ Ѳеодора Іоанновича съ преизнесеніемъ формулы таинства мvропомазанія и, какъ объяснялъ московскій митрополитъ Макарій (Булгаковъ), имѣетъ значеніе таинства мvропомазанія, совершаемаго дополнительно въ виду исключитель-

ной важности Царственнаго служенія, нуждающагося въ особыхъ благодатныхъ дарахъ Духа Святого.

Изъ пятаго выпуска „Путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка", описаннаго его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ (переводъ съ арабскаго Муркоса. Москва, 1900 годъ) видно, что, коронація Валахскихъ господарей, бывшихъ вассалами турецкихъ султановъ, представляла точное воспроизведеніе совершенія таинства священства, причемъ произносилась и обычная при хиротоніи молитва.

Изъ названной книги оказывается, что при коронаціи валахскаго господаря Михаила была прочитана молитва:

„Божественная благодать, во всякое время исцѣляющая недужныхъ и несовершенныхъ довершающая, возводитъ Христолюбиваго князя Михаила, сына Радулы воеводы, на степень господаря; помолимся нынѣ о немъ, да снизойдетъ на него благодать Святого Духа".

Въ литературѣ уже было замѣчено, что описаніе коронаціи господаря Михаила представляетъ ни малый интересъ для церковныхъ историковъ и литургистовъ („Русскій Вѣстникъ, 1901 годъ, іюнь). Оно представляетъ большой интересъ и для исторіи монархическихъ началъ. Чинъ коронованія валахскихъ господарей сложился, конечно, подъ вліяніемъ византійскихъ преданій, но въ концѣ концовъ, сдѣлался въ высшей степени своеобразнымъ. Въ Византіи при производствѣ въ гражданскіе чины обряды и формулы таинства священства не имѣли мѣста (В. Л. Савва, *Московскіе цари и Византійскіе василевсы*, 120—121).

Н. И. Черняевъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Письмо Ивана Саввича Никитина.

Родныя русскому сердцу поэтическія произведенія Ивана Саввича Никитина сдѣлали самого поэта настолько извѣстнымъ и любимымъ, что воспоминанія о немъ всегда будутъ для насъ дороги и святы. Его жизнеописаніе хотя и не блещетъ красками быстро смѣняющихся событій, однако всегда сохраняетъ для насъ тотъ интересъ, что заставляетъ дивиться и силѣ самороднаго таланта, который могъ пробиться на свѣтъ Божій, не смотря на мракъ, непрестанно густѣющій надъ поэтомъ, дивиться и силамъ физическимъ, благодаря чему Ив. Сав. могъ дожить до 37 лѣтъ при такихъ неимовѣрно тяжелыхъ и гибельныхъ для здоровья условіяхъ жизни. Вѣрнѣе то была не жизнь, а сплошное страданіе нравственное и физическое. Ив. Сав. самъ описываетъ ее такъ:

„И все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной,—
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды оборванной и блѣдной
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ“.

и еще: „Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная шла
И, какъ степной огонекъ, замерла“.

Лишь на послѣднемъ году его жизни судьба разжала, наконецъ, свои когти, давая свободнѣе вздохнуть Ив. Сав. Но это была лишь злая насмѣшка судьбы. Ив. Сав. уже не былъ жильцомъ на этомъ свѣтѣ. Это видѣли и понимали всѣ знавшіе Ив. Сав., а тѣмъ болѣе врачи, которые его лѣчили. Въ числѣ этихъ врачей былъ и мой покойный отецъ. Онъ былъ землякъ Ив. Сав., уроженецъ воронежской губерніи и почти его сверстникъ. Служилъ нѣкоторое время врачемъ въ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ въ Воронежѣ, откуда перешелъ на службу въ Кострому. Зная хорошо бѣдственное семейное по-

ложеніе Ив. Сав. и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ врачъ, видя его надорванное здоровье, мой отецъ вмѣстѣ съ Де-Пуле способствовалъ объединенію того кружка друзей Ив. Сав и поклонниковъ его поэтическаго таланта, который помогъ въ тяжелую годину улучшить матеріальное положеніе Ив. Сав., снабдивъ деньгами для пріобрѣтенія книжной лавки и библіотеки, дававшей ему возможность болѣе или менѣе сносно существовать. Читая намъ въ дѣтствѣ стихотворенія своихъ земляковъ-поэтовъ,— Кольцова и Никитина, отецъ мой, между прочимъ, разсказывалъ намъ и про ихъ жизнь; вспоминалъ, какъ Ив. Сав. съ наболѣвшей душею и тѣломъ изливалъ ему свое безъисходное горе, горе, что ему не пришлось окончить ученья и ѣхать въ университетъ, горе, что его силы надорваны, а талантъ загубленъ на постояломъ дворѣ, горе, что все идетъ прахомъ, а впереди безпросвѣтная нужда и злой недугъ.

Новаго и болѣе интереснаго въ этомъ, разумѣется, ничего нѣтъ. Но найденное письмо Ивана Саввича, написанное за восемь мѣсяцевъ до его смерти, (16 октября 1861 года) безусловно имѣло интересъ и огромную цѣнность для моего отца, и, думается, сохранило ихъ до настоящаго времени для всякаго грамотнаго русскаго человѣка. Вотъ это письмо.

Милостивый Государь

Павелъ Михайловичъ,

Грѣшно Вамъ думать, что я забылъ Васъ почему бы-то ни было. Мое молчаніе происходило отъ весьма простой причины: я затруднялся адресовать свое письмо, не зная мѣста Вашего жительства въ Костромѣ; мнѣ казалось, что письмо безъ полнаго и точнаго адреса затеряется на почтѣ, если я ошибался, пожалуйста мнѣ извините! Повторяю: я Васъ не забылъ потому, что не въ моемъ характерѣ забывать близкихъ мнѣ людей. А Ваши заботы о моемъ здоровьѣ? я тоже ихъ помню и заочно крѣпко пожимаю Вамъ руку.

Увы! Павелъ Михайловичъ! я не имѣю ничего, или почти ничего сообщить Вамъ новаго о нашемъ городѣ.

Знакомое Вамъ зданіе Пал. Госуд. Им. по прежнему сохраняетъ свой грязный видъ; по прежнему извѣстная Вамъ личность, курносый Василій Ѳедотычъ, занимаетъ ея нижній этажъ и попиваетъ на доброе здоровье *зеленò винцо* на счетъ почтеннѣйшей публики, щедро имъ надѣляемой произведеніями родной ему Тулы. Театральная трупа, никогда не заслуживавшая названія порядочной, теперь по справедливости можетъ назваться безобразнымъ сбродомъ. На сценѣ Вы ничего

не увидите кромѣ фарса, однакожъ большинство невзыскательной публики хлопаетъ и фарсу. Что дѣлать! о вкусахъ не спорятъ. За то какая литературная дѣятельность пробудилась у насъ съ нѣкотораго времени! Всѣ сдѣлались прогрессистами, всѣ пишутъ и о всемъ пишутъ. Г. Хованскій написалъ: „Молитвы за усопшихъ", Горденинъ ихъ напечаталъ и продаетъ православному люду. Но „Филологическія Записки" издав. Г. Хованскимъ находятся при послѣднемъ издыханіи Знаете ли, онъ, между прочимъ, хотѣлъ напечатать въ нихъ разборъ книги Гумбольдта, кажется, „о вліяніи организма на языкъ" и прочее... Представьте себѣ Хованскаго, разбирающаго книгу Гумбольдта, чѣмъ, подумаешь, чертъ не шутитъ! „Воронежскій сборникъ" издаваемый Горденинымъ выйдетъ такимъ сумбуромъ, что самый добросовѣстный рецензентъ не проглотитъ его до послѣдней страницы. Въ немъ, между прочимъ, помѣщена будетъ драма изъ англійскаго быта, ей-ей не лгу! Слышите ли? въ „Воронеж. Сборникѣ" драма изъ англійскаго быта... Это очень, очень оригинально! Въ „Воронежской бесѣдѣ", редактируемой Де-Пуле, участвуетъ и Вашъ покорнѣйшій слуга, дерзнувшій, кромѣ стиховъ, на прозу. Да-съ, милый Павелъ Михайловичъ! я написалъ „Дневникъ семинариста" и если только цензура пропуститъ его цѣликомъ, въ чемъ я крѣпко сомнѣваюсь,—вопросъ о воспитаніи въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ едва ли не будетъ затронутъ...

Но довольно о quasi литературѣ.

Здоровье мое плоховато. Опять съ нетерпѣніемъ жду весны и купанья. Хотѣлось бы пожить въ деревнѣ, но не на кого оставить книжный магазинъ. Число подписчиковъ на чтеніе у меня возрасло до 180 человѣкъ. Можете себѣ представить легко ли угождать мнѣ разнообразнымъ вкусамъ при бѣдности нашей литературы...

Вчера я видѣлъ Де-Пуле. Онъ посылаетъ Вамъ поклонъ. А какъ теперь поживаетъ Софья Михайловна? [1]) Поклонитесь ей, когда будете писать.

Всею душою уважающій Васъ
И. Никитинъ.

Воронежъ. 1861 г.
февраля 3-го дня.

Сообщилъ В. П. Вицинскій

---

[1]) Сестра моего отца, живетъ въ Севастополѣ.

„Духа не угашайте!“

Такой совѣтъ даетъ авторъ статьи „Новое счастье“ въ первомъ номерѣ „Новаго Времени“ [1]) за наступившій годъ.

Ничего нельзя имѣть принципіально противъ подобныхъ благочестивыхъ восклицаній, особенно въ такую трудную и грозную пору, какую нынѣ переживаетъ Матушка-Русь. Но вѣдь это наставленіе взято изъ ряда другихъ, не менѣе важныхъ увѣщаній и назиданій великаго апостола любви и вѣры, св. Павла,—сподвижника Христа Спасителя [2]).

Загляните въ эту небольшую страничку Великой Книги Жизни,—и предъ вами развернется цѣлая картина ужаса и страха, предъ которыми каменѣло сердце новообращеннаго христіанина, испытывающаго страданія, гоненія и всякія иныя неимовѣрныя бѣдствія, проникнутаго мыслью о внезапной кончинѣ міра, объ отвѣтѣ на послѣднемъ „Страшномъ“ Судѣ. При такомъ состояніи настроенія вѣрующихъ нужно было слово мощное, исходящее какъ бы отъ самого источника силы и власти духовной, могущаго возвысить свой голосъ не по праву властвованія внѣшняго, а вслѣдствіе авторитета, пріобрѣтеннаго внутреннимъ, испытаннымъ опытомъ, чистотой помысловъ, святостью жизни и твердой вѣрой въ исповѣданіе Проповѣдуемаго.

„Духа не угашайте!“—слышится намъ... А благодарили ли мы „за все“?... Искали ли „всегда добра другъ другу и всѣмъ?“... Смотрѣли ли за тѣмъ, „чтобы кто кому не воздалъ зломъ за зло?“... Были ли „долготерпѣливы ко всѣмъ?“... Поддерживали ли „слабыхъ“, утѣшали ли „малодушныхъ“, вразумляли ли „безчинныхъ“?...

За исключеніемъ очень немногихъ, нами ничего не было сдѣлано для осуществленія этихъ предпосылокъ „неугашанію

---

[1]) См „Новое Время“ № 10360.

[2]) См. 1 Өессалоник. гл. 5, ст. 19. Читателю слѣдуетъ просмотрѣть всю эту главу отъ начала до конца.

духа". И общество, и печать вспоминают объ нихъ лишь, когда грянетъ громъ, а до тѣхъ поръ нерѣдко позволяютъ себѣ и другимъ подсмѣиваться надъ самыми завѣтными святынями родной земли.

Жить по одному влеченію необузданнаго сердца невозможно. Для того, чтобы не угашался духъ нашъ, слѣдуетъ непремѣнно собрать въ себѣ всѣ разумныя силы этого духа: ума, сердца и воли,—и только при такихъ условіяхъ возможно дышать и дѣйствовать свободно, мыслить ясно, любить сознательно и крѣпко.

Какъ мы можемъ говорить „духа не угашайте", если сами другимъ ногу подставляемъ, ямы роемъ, хотимъ перекричать всѣхъ въ общемъ хорѣ пессемистическихъ пѣсенниковъ, конкурируемъ на рынкѣ проектированія блестящихъ передовыхъ идей, какъ болѣе назрѣвшихъ и своевременныхъ въ переживаемый моментъ. Мы слышимъ о свободѣ слова, о свободѣ личности, но въ то же время видимъ, какъ это святое и благодатное „слово" попирается самыми отъявленными крикунами, желающими этой свободой лишь создать себѣ минутную геростратовскую славу, подъ шумокъ нажиться и властвовать надъ толпой такихъ же крикуновъ; свобода же личности нами лицезрѣется, какъ свободное оскорбленіе чести всякаго, кто не „нашъ", мыслитъ не „по нашему", дѣйствуетъ самостоятельно, а не такъ, какъ приказываетъ ему „партія".

Каждому должно зорко слѣдить за движеніями своихъ разумныхъ силъ. Не будетъ этой внутренней критики своихъ побужденій, помысловъ, до тѣхъ поръ духъ всякаго станетъ угашаться и атрофироваться для нравственныхъ воспріятій. Временныя, случайныя бѣдствія не должны насъ пугать своимъ наплывомъ. Они—не сцѣпленіе слѣпыхъ силъ рока, а результатъ нашей послѣобѣденной дремы, небреженія за своими силами физическими, нравственными и политическими. Отъ нерадивости къ своему „добру", плохой охраны чужихъ и своихъ интересовъ жизни происходятъ всѣ подобные наплывы испытаній.

Но развѣ предъ ними унывать?!—складывать руки и отдаваться невѣдомому теченію стихійной струи?... Нѣтъ! стряхнемъ эту надоѣдливую кручину, ибо не время распускать слезы,—пора опомниться и раскаяться въ своихъ нерадивыхъ дѣйствіяхъ, безмолвіи и преступномъ бездѣйствіи!... Пусть будетъ широкая гласность, но гласность не ради безобразнаго оголенія своего государственнаго тѣла, а для скорой и дѣйствительной помощи Государеву дѣлу—устроенію земли родной,

народной славѣ, благоденствію самого народа. Пусть знатные не кичатся своимъ преимуществомъ предъ простыми смертными: теперь рядовой Рябовъ именитъ на вѣчныхъ скрижаляхъ исторіи. Богатые!... Пришло время показать вамъ свое усердіе не только въ собираніи сокровищъ, но и въ употребленіи ихъ во время бѣдственныхъ испытаній, на благо всѣхъ малообезпеченныхъ или совсѣмъ ничего не имущихъ, но отдающихъ за честь Родины святой свое здоровье, свою жизнь! Всѣ, кто только чѣмъ можетъ, помогайте ей, вставайте и идите на защиту своей родной земли, дружно беритесь за возстановленіе чести и славы ея; да не потому, что вы изъ нея хотите сдѣлать второй Римъ,—по владычеству надъ всѣми племенами міра,—а за то, что она для васъ мать родная, святая своею многострадальностью, чистая по нравственному идеалу, православная по исповѣданію вѣчной Правды и глаголовъ жизни!...

1 января. 1905 года. С.-Петербургъ.

М. Алютинъ.

ВЕРША и ПРУДЪ.

Басня.

Издѣвалась Верша драная
Надъ прудовой гнилью-тиною:
«Какъ воняешь ты, поганая!»
Все ворчала съ злобной миною.
А на это ей отвѣтила
Гниль прудовая съ улыбкою:
«Ты, должно быть, не замѣтила,
Что моей живешь ты рыбкою!»

М. Савиновъ.

Гоненія на Русскую молодежь.

Космополитическая закваска, положенная у насъ въ основу воспитанія подрастающихъ поколѣній, уже давно содѣйствуетъ изготовленію какихъ то „общечеловѣковъ“, витающихъ въ мірѣ книжныхъ построеній и бумажныхъ теорій. Чуждые дѣйствительности, не знакомые ни съ историческимъ прошлымъ нашей страны, ни съ произведеніями лучшихъ писателей земли родной, ни съ твореніями русской политической мысли, они привыкаютъ рѣшать міровые вопросы по указкамъ „популярныхъ книжекъ“, бойкихъ журнальныхъ статеекъ и вѣщаній „развивателей“, которые умѣло пользуются той неудовлетворенностью, той пытливой жаждой знанія, которая рано или поздно просыпается въ душѣ всякаго, мало-мальски одареннаго юноши. Не находя отвѣта у своихъ присяжныхъ преподавателей, а тѣмъ болѣе въ нѣдрахъ семьи, старшіе члены которой, сплошь и рядомъ, не могутъ, даже при желаніи, разъяснить недоумѣнія младшихъ, наша молодежь встрѣчаетъ откликъ на свои запросы на сторонѣ и попадаетъ въ руки убѣжденныхъ противниковъ нашего уклада. Безъ идеаловъ, безъ широкихъ замысловъ не можетъ обойтись русскій юноша и въ этомъ сказывается могучій размахъ, присущій русской душѣ, всегда склонной къ идеалистическимъ порывамъ и сочувствующей подвигу самопожертвованія.

Если бы эти исконныя силы были направлены и использованы надлежащимъ образомъ для служенія Родинѣ и ея дѣйствительнымъ нуждамъ, для осуществленія достижимыхъ цѣлей, то многимъ печальнымъ явленіямъ нашей общественной жизни былъ бы положенъ желанный конецъ. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, необходимыя преобразованія нашей школы въ духѣ національномъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ остаются неосуществленными, несмотря на ихъ признанную безотлагательность. Нестроенія усугубились путаницей, вносимой неопредѣленностью положенія, а жизнь не ждетъ и годъ за годомъ все новые выпуски „зрѣлыхъ“ юношей всту-

паютъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ политическая пропаганда уже давно свила теплое гнѣздо. Неподготовленные къ самостоятельному отпору, лишенные критическаго развитія юноши дѣлаются жертвой ненасытнаго удава и пополняютъ ряды борцовъ за насильственный переворотъ. Наука мало ихъ занимаетъ и аудиторіи въ часы лекцій пустуютъ, наполняясь во время сходокъ и пламенныхъ обсужденій.

Но не всѣ заражаются политиканствомъ; многіе развертываютъ неудовлетворенную гимназіей пытливость и желаютъ углубленіемъ въ науку пополнить свои пробѣлы, облегчивъ правильнымъ товарищескимъ общеніемъ достиженіе высокой цѣли разносторонняго саморазвитія. Мирныя совмѣстныя занятія надъ различными научными вопросами ради подготовки къ послѣдующему служенію роднѣ привлекаютъ къ себѣ всѣхъ, желающихъ не даромъ провести не повторяющееся время пребыванія въ университетѣ. Естественно, что забастовки, прерывающія правильное теченіе академической жизни, не могутъ пользоваться сочувствіемъ этихъ сторонниковъ девиза: „университетъ для науки". Отсюда возникаетъ естественное желаніе ихъ обезпечить себѣ возможность использовать годы ученія, сбросивъ гнетъ политикановъ, искажающихъ задачи университета. Эта потребность въ самопомощи сказывается тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ чаще безпорядки терзаютъ наши высшія учебныя заведенія. Ихъ уставы превратились въ мертвую букву и для окончанія образованія теперь требуется разрѣшеніе, выдаваемое на право держать экзамены горстью „непримиримыхъ противниковъ" существующаго строя. Разъ этого разрѣшенія нѣтъ, то никто не смѣетъ приступать къ испытаніямъ подъ страхомъ оскорбленій, побоевъ, даже послѣдующихъ преслѣдованій, мѣшающихъ использовать пріобрѣтенныя знанія. Державшихъ экзамены отказываются принимать на мѣста, позорятъ, обвиняютъ въ доносахъ, шпіонствѣ и проч. и проч.

Беззащитные предъ всѣми этими гоненіями юноши желаютъ честно работать, но не могутъ и падаютъ, обезсиленные отсутствіемъ надлежащей поддержки отъ общества, профессоровъ и даже начальства, которое отъ мѣръ строгости переходитъ къ уступчивости, то удаляетъ „виновныхъ", то принимаетъ ихъ обратно. Эти колебанія изъ стороны въ сторону развиваютъ увѣренность въ безнаказанности, соблазняютъ умѣренныхъ, содѣйствуютъ запугиванію слабыхъ, поощряютъ къ упорству и настойчивости „непримиримыхъ". Но сильна въ русскомъ юношѣ жажда знанія и въ этой столь неблаго-

пріятной обстановкѣ онъ проявляетъ живое стремленіе къ ея утоленію и ради осуществленія этого своего святого и непреложнаго права объединяется въ кружки и общества, сопротивляется превращенію университетовъ и институтовъ изъ храмовъ науки въ мѣсто политическихъ сходбищъ. Какъ было указано [1]) въ рядѣ учебныхъ заведеній появились противники насилій надъ совѣстью и запретовъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ. Но смѣльчаковъ ждали новыя, усиленныя гоненія со всѣхъ сторонъ и отъ товарищей, и отъ иныхъ преподавателей, и отъ общества; въ концѣ концовъ, началась настоящая травля въ печати, ухватившейся съ жадностью за дѣло студента Петрова, выстрѣлившаго въ своего товарища. Пока судъ не произнесъ своего приговора, обусловленнаго тщательнымъ изученіемъ всѣхъ подробностей этого прискорбнаго случая, но уже цѣлые потоки грязи вылиты на несчастнаго юношу, а его поступокъ поставленъ въ вину всѣмъ его товарищамъ. Развѣ доказано, что онъ дѣйствовалъ по ихъ порученію? Надо очень много злобы и человѣконенавистничества, чтобы взводить столь нелѣпыя обвиненія, какія позволилъ себѣ напр. мнящій себя архилибераломъ г. А. Яблоновскій. Этотъ развязный господинъ вполнѣ бездоказательно утверждаетъ, что „молодые члены Русскаго Собранія иногда заходятъ такъ далеко по пути доносовъ, ябеды, предательства и буйной наглости, что вести съ ними „научныя" бесѣды для человѣка съ нормальнымъ обоняніемъ положительно неистерпимо" [2]). Но получать гонораръ отъ этихъ самыхъ студентовъ люди съ „нормальнымъ обоняніемъ" могутъ? могутъ класть въ карманъ жалованье, не выполняя своихъ главныхъ обязанностей—„вести научныя бесѣды съ юношами", не производя допросовъ, не прибѣгая къ сыску? Преподавателю, по нашему глубокому убѣжденію, нѣтъ дѣла до политическихъ воззрѣній студента, обращающагося къ нему за совѣтомъ, и разъ онъ отказывается выполнить свою обя-

[1]) См. „Мирный Трудъ" 1904 г. № 1 и № 7.

[2]) Образованіе. Декабрь 1904 г. стр. 79. „Родныя картины". Въ этой пошленькой статейкѣ дѣлается новая лживая и клеветническая вылазка противъ „Мирнаго Труда", свидѣтельствующая, что въ Харьковѣ имѣется нѣкій заинтересованный „сторонникъ свободы печати", стремящійся упорными и нелѣпыми доносами своихъ благопріятелей привлечь въ литературный застѣнокъ г. Каута за его прямыя мнѣнія. Но въ Россіи караетъ законъ, а не „слово—дѣло", къ которому прибѣгаютъ эти трусливо скрывающіеся „доносчики", безплодно и наивно желающіе заглушить правдивый голосъ или подорвать къ нему довѣріе столь недостойными средствами.

занность, оплаченную, быть можетъ, последними грошами бѣдняка, покунающаго ими необходимыя свѣдѣнія у своихъ наставниковъ, то этимъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей полной несостоятельности. Профессоръ не сыщикъ, не палачъ, а наставникъ, не имѣющій права забывать о своемъ долгѣ, обязанный подавать примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ мнѣніямъ, хотя бы онъ ихъ не раздѣлялъ. Кто же научитъ юношу цѣнить свободу убѣжденій, неприкосновенность личныхъ воззрѣній, если профессора будутъ поступать вопреки своимъ словамъ и гнать иномыслящихъ? Можно ли строго обвинять послѣ этого студентовъ за ихъ вражду къ товарищамъ, которую нагло сѣютъ различные клеветническіе извѣты, бездоказательно повторяемые въ „самыхъ передовыхъ повременныхъ изданіяхъ"? Разные, съ позволенія сказать, „писатели" (напр. Од. Нов № 6484) безстыдно позволяютъ себѣ намекать на „факты такого свойства, что говорить о всѣхъ здѣсь нѣтъ возможности", или называютъ русскихъ студентовъ за ихъ вѣрность національнымъ святынямъ „кучкой молодыхъ людей съ весьма сомнительными достоинствами" (Южн. Обоз. № 2657). Когда отъ нихъ требуютъ, чтобъ былъ указанъ „хоть одинъ фактъ предосудительнаго характера въ образѣ дѣйствій корпораціи", дѣйствующей по гласному уставу, обвинители ссылаются на цензурный запретъ или отмалчиваются.

А клевета уже сдѣлала свое черное дѣло, опозорила юношей въ глазахъ легковѣрной толпы и лишила нѣкоторыхъ изъ нихъ честнаго заработка, причемъ ихъ „политическіе противники" пускаютъ въ ходъ даже такую гнусную уловку, какъ разсылка родителямъ учениковъ, съ которыми занимаются гонимые, позорящихъ ихъ честь анонимныхъ писемъ!

Вотъ почему обществу необходимо знать, что дѣлается въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, куда оно отдаетъ своихъ дѣтей нерѣдко на гибель, вмѣсто наставленія. Вотъ почему отчеты о дѣятельности такихъ кружковъ должны дѣлаться достояніемъ гласности, чтобы дать всякому объективные факты для самостоятельныхъ сужденій.

Этотъ пробѣлъ мы постараемся восполнить, частью подѣлившись имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями, частью надѣясь на полученіе ихъ отъ самихъ студентовъ.

А. Каутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обозрѣніе духовныхъ журналовъ.

Новогоднія мысли. „Зерцало изъ св. Писанія", Бл. Августина.

Подошли мы еще разъ къ Новому Году,—этой таинственной грани, начертанной въ безпредѣльности пространства и времени. Минута торжественная для вдумчивой души. Въ такую минуту подводятъ итоги пережитому и всматриваются въ загадочную даль грядущихъ событій... Каковы же будутъ эти событія для дорогой нашей матушки Россіи? Этотъ вопросъ тревожитъ нынѣ всѣхъ русскихъ людей. И въ самомъ дѣлѣ,—тяжело бѣдной Родинѣ стало отъ безпрепятственнаго хозяйничанья ея внутреннихъ враговъ, забывшихъ Бога, а съ Нимъ и все доброе, честное, справедливое. Насъ хотятъ ввергнуть въ бездну политическихъ нестроеній. Сыны противленія съ нахальствомъ рабовъ, оставленныхъ безъ надзора,—расположились въ священной храминѣ Русскаго Государства и начали смущать людей своими беззаконными требованіями, уличными демонстраціями, подстрекательствами...

Нашли время, когда заводить смуту! Тутъ потоками льются русская кровь и русскія слезы, тутъ недруги со всѣхъ сторонъ затрудняютъ положеніе Отечества, а они—сознательно играютъ имъ въ руку, злорадствуютъ, когда у насъ неудачи, и вздыхаютъ, когда намъ становится легче... Неслыханные злодѣи! По истинѣ, охладѣла въ васъ любовь и возлюбили вы неправду! Будьте же лихомъ поминаемы, покуда живъ русскій народъ! Онъ васъ терпитъ до сихъ поръ, но *только* потому, что для русскихъ людей святы повелѣнія Божіи, а Богъ требуетъ отъ людей смиренія и осуждаетъ надменное самоволіе. Русскій народъ и смирился, уповая на заступничество Того, Кому Богъ вручилъ державу и власть.

Вотъ единственно-вѣрное объясненіе нашему „непротивленію". Въ этомъ непротивленіи нѣтъ ни трусости, ни, тѣмъ менѣе,—равнодушія. Напротивъ! Чѣмъ тише становится рус-

скій народъ, тѣмъ болѣе сосредоточивается его исполинская сила, готовая сокрушить зло,—по первому знаку своего вѣнценоснаго Вождя.

И знакъ этотъ будетъ данъ: рано или поздно, непосредственно или посредственно,—но онъ будетъ данъ въ минуту, *опредѣленную свыше!*

Откуда такая увѣренность? И такъ-ли все это будетъ? Да; именно такъ. Живетъ какое-то несомнѣнное знаніе, какое-то безусловное вѣдѣніе сокровенной Истины въ душахъ вѣрующихъ людей, начиная съ апостола Павла и кончая преп. Серафимомъ Саровскимъ и отцомъ Іоанномъ Кронштадскимъ. И это знаніе не ошибается. Оно и утверждаетъ съ несокрушимой убѣдительностью, что наши злодѣи *ни въ чемъ не успѣютъ*, но будутъ въ скорости посрамлены предъ всѣми!

Дѣло совершенно ясно: Россія—еще не сказала своего послѣдняго слова; она не окончила той апостольской миссіи, къ которой ее неуклонно подводили всѣ событія ея тысячелѣтней исторіи. И покуда это послѣднее слово не будетъ сказано,—никакая сила не помѣшаетъ ея торжественному шествію по пути, указанному ей Провидѣніемъ.

Путь этотъ тернистъ, какъ всѣ пути, предназначенные *избранникамъ* Божіимъ. Но Россія не покинетъ его, не смотря ни на какія препятствія: Порукою служитъ глубокая религіозность русскаго народа, его „вѣра младенца", какую требовалъ Спаситель, и не надо быть пророкомъ, чтобы предугадать неизбѣжный выводъ, при наличности ясныхъ посылокъ.

А посылки эти бросаются въ глаза. На зарѣ своей исторической жизни Россія уже пріяла зародышъ своего будущаго значенія: Отъ своей предшественницы, Византіи, она приняла Православіе, т. е. самое чистое, неискаженное исповѣданіе вѣры Христовой, и—принявъ свою вѣру—осталась ей вѣрна до готовности умереть за нее. Ни двухсотлѣтнее татарское иго, ни польская пропаганда, ни нѣмецкое вліяніе не поколебали Православія русскаго народа, хотя всѣ другіе народы подобнымъ вліяніямъ поддавались. Далѣе. Религіозныхъ реформаторовъ, имѣвшихъ дѣйствительный успѣхъ, мы видимъ во всѣхъ странахъ, только не въ Россіи; искаженія догматовъ—у всѣхъ народовъ, только не у русскаго; отпаденія отъ вѣры, безвѣріе—широко распространены повсюду, только не у „нищихъ духомъ" русскихъ людей. Но такая стойкость въ вѣрованіяхъ не можетъ остаться безъ послѣдствій: она, очевидно, росла и крѣпла не иначе какъ для выполненія великой цѣли. Съ другой стороны, вопреки миролюбію, скромности и

безкорыстію—русскій народъ сдѣлался властителемъ шестой части земного шара; онъ покорилъ множество народовъ, но покорилъ *такъ*, что народамъ этимъ „легко живется“ подъ русскимъ скипетромъ: единеніе, стало быть, произошло естественнымъ путемъ, какъ бы въ силу всѣми признанной необходимости, и не такъ, какъ присоединились народы къ государствамъ другихъ покорителей. Наконецъ теперь, въ переживаемые дни, тотъ же рокъ толкаетъ Россію, еще болѣе чѣмъ прежде равнодушную къ пріобрѣтеніямъ,—опять къ новымъ завоеваніямъ и ассимиляціямъ новыхъ народовъ, толкаетъ *помимо ея воли!*

Чѣмъ же объяснить такую судьбу? Какой смыслъ всѣмъ приведеннымъ фактамъ, такъ какъ—великій разсказъ не обрывается на полусловѣ, но договариваетъ свою истину до конца, а Великій Полководецъ не посылаетъ Своихъ отрядовъ на авось, но въ мѣстности, заранѣе изслѣдованныя... то печальники Земли Русской могутъ и теперь спокойно смотрѣть въ ея будущее: гроза пройдетъ, не причинивъ большого вреда, и все, съ Божьей помощью, окончится благополучно...

Съ такимъ упованіемъ и возобновимъ наши занятія.

Труды Кіевской Духовной Академіи. Наряду со множествомъ цѣнныхъ самостоятельныхъ статей этотъ журналъ печатаетъ съ начала минувшаго года переводъ „Зерцала изъ Священнаго Писанія“, одного изъ твореній *Блаженнаго Августина*, епископа Иппонскаго.

Блаженный Августинъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся философовъ-подвижниковъ Христіанской Церкви. Его обширная ученость, выступавшая при религіозныхъ состязаніяхъ во всеоружіи тогдашней мудрости, удивляла не только его современниковъ, но и на всѣ времена стяжала ему славу одного изъ знаменитѣйшихъ отцовъ западной Церкви. Онъ родился въ 354 году, въ Тагастѣ, городѣ сѣверной Африки, гдѣ и получилъ подъ руководствомъ достойной матери-христіанки, свое первоначальное образованіе. Въ качествѣ ученаго язычника, Августинъ считалъ нужнымъ изслѣдовать христіанское вѣроученіе, ради всесторонняго ознакомленія съ религіознымъ вопросомъ. Проникшись этимъ вѣроученіемъ до глубины души, онъ обратился въ христіанство, въ 384 году, и съ этого времени почти всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ донатистами, манихеями, аріанами и язычниками. Его могучій умъ, слѣдуя влеченію сердца, проникъ въ сокровенныя тайны

христіанской вѣры: всѣ его творенія свидѣтельствуютъ о мудрости богослова-мистика, и всякій ищущій Истину можетъ смѣло черпать познанія изъ его твореній, безъ опасенія встрѣтить въ нихъ разочарованіе въ смыслѣ поверхностныхъ или сухихъ сужденій...

Въ упомянутомъ сочиненіи бл. Августинъ, почти безъ разъясненій, просто выписываетъ подъ рядъ всѣ встрѣчающіеся поучительные тексты Ветхаго Завѣта, оставляя въ сторонѣ его повѣствовательныя и символическія части. Въ этомъ трудѣ (по крайней мѣрѣ, въ его первой части) Августинъ является не ученымъ толкователемъ Писанія, а какъ бы простымъ чернорабочимъ, отбрасывающимъ слой земли съ поверхности, и тѣмъ обнаруживающимъ драгоцѣнный кладъ, хранившійся подъ этимъ слоемъ. Удивительное впечатлѣніе производитъ чтеніе этого „Зерцала изъ Священнаго Писанія". Читая его, чувствуешь, что дѣлаешься лучше; на душѣ становится свѣтло, спокойно; пробуждается убѣжденіе, что напрасно обвиняли Ветхій Завѣтъ въ жестокости, мстительности и т. п., ибо каждая страница его свидѣтельствуетъ о любви, справедливости, мудрости и цѣломудренной чистотѣ. Но, вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ, насъ непремѣнно будетъ сопровождать—уже невольное чувство: въ каждомъ словѣ намъ будетъ слышаться—гласъ „власть имущаго". Это впечатлѣніе все болѣе и все яснѣе входитъ въ сознаніе, и вотъ тутъ, наконецъ, мы убѣждаемся, что дѣйствительно въ лицѣ Библіи мы имѣемъ передъ собою не книгу рукъ человѣческихъ, а именно—Откровеніе, Откровеніе высшей, божественной правды. И тогда намъ станетъ уже совершенно понятно, что до скончанія вѣковъ ни одна іота этой книги не можетъ быть ни вычеркнута, ни видоизмѣнена, ни закритикована кѣмъ бы то ни было. Словомъ,— мы *повѣрили* Писанію, и благодаря этому пріобрѣли незыблимую точку опоры; мы нашли авторитетъ, безконечно великій и могучій, а съ нимъ и успокоеніе для мятущейся души и руководителя въ нашей жизни: „Господу Богу вашему слѣдуйте, говоритъ Второзаконіе,—и Его одного бойтесь. Повелѣнія Его соблюдайте и *слушайте голоса Его*. Ему служите и къ нему прилѣпляйтесь". А немного раньше пророческая рѣчь словно обращается къ современнымъ поклонникамъ Запада: „Остерегайся, чтобы не подражать чужеземцамъ и не искать ихъ обрядовъ, говоря: „„какъ почитали эти народы боговъ своихъ, такъ и я буду почитать"". Не дѣлай подобнаго Господу Богу твоему. Ибо всѣ мерзости, отъ которыхъ отвращается Господь, они дѣлали богамъ своимъ. Дѣлай Господу только то, что Онъ запо-

далъ тебѣ: не прибавляй ничего и не уменьшай". (Изъ главъ XII и XIII). Что можетъ быть снисходительнѣе или благостнѣе такого обращенія? „Не дѣлай подобнаго Господу Богу твоему"! Вотъ все, въ чемъ увѣщаетъ Всемогущій Свою неблагодарную тварь...

* * *

Приводить отрывочныя выписки изъ творенія бл. Августина, значило бы нарушить общее впечатлѣніе о немъ. Ограничусь поэтому указаніемъ двухъ особенностей Ветхаго Завѣта, ясно выступающихъ при чтеніи „Зерцала". Во-первыхъ: *строгость ветхозавѣтнаго Закона*. Ее отрицать нельзя. Но невольно восхищаешься этой великолѣпной, бодрящей строгостью, благодаря которой Израильтяне только и сохранились да же до нашихъ дней! Сравнивая благородную ветхозавѣтную строгость съ пошлой снисходительностью нашего „гуманнаго" вѣка, намъ эта снисходительность дѣлается омерзительной, потому что становится ясно, что она единственная причина современной ужасной порочности всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Наши сердобольные суды прежде всего стремятся „къ оправданію" какого угодно преступника, не обращая вниманія на развращающія послѣдствія для окружающей среды, а древній законъ повелѣваетъ: „Выведи преступныхъ мужа и женщину къ воротамъ города твоего, и да будутъ они забросаны каменьями. Рука свидѣтелей да поразитъ ихъ первою, и рука остального народа да будетъ направлена послѣдней, *чтобы удалить зло изъ среды твоей*" (Втор. XVII, 2—7). Потомъ нѣсколько спустя: „А кто будетъ превозноситься, не желая повиноваться власти священника, который въ то время служитъ Господу Богу твоему, и рѣшенію судіи: да умретъ человѣкъ тотъ и *да удалишь ты зло отъ израиля*; а весь народъ, слыша это, будетъ бояться, такъ что никто не будетъ надмеваться гордостью" (ст. 12—13).

Какъ все это—мудро! Въ текстахъ нѣтъ и тѣни жестокости: въ нихъ сказывается одна только глубокая предусмотрительность и вѣрное знаніе людской природы, такъ какъ только строгость въ состояніи дѣйствительно *обуздывать* людей. Благодаря ей случаи преступленій, а слѣдовательно и случаи примѣненія крутыхъ мѣръ становятся рѣдкими, чего Второзаконіе и добивается... Очень тонко, между прочимъ,— это требованіе отъ свидѣтелей, *первыми* бросить камень. Въ немъ заключается надежная преграда развитію лжесвидѣтельствъ. Дѣйствительно, солгать при показаніяхъ для многихъ

не трудно; но *первымъ* поднять руку на невиннаго... тутъ и злодѣй призадумается.

Приведенныя изреченія высочайшаго авторитета подтверждаютъ, кромѣ того, законность *проявленія* твердой власти, до казни включительно. Всякій носитель власти не только имѣетъ право на власть, но и *обязанность*—проявлять ее въ нужную минуту. Онъ совершаетъ „грѣхъ", если оставляетъ ее безъ дѣйствія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ: доказательствомъ служитъ примѣръ первосвященника Иліи.

Итакъ, если носитель какой-либо власти на дерзость отвѣчаетъ снисхожденіемъ—онъ грѣшитъ; если онъ не казнитъ возмутителя, но прощаетъ его,—онъ въ отвѣтѣ предъ Богомъ, какъ человѣкъ, зарывшій въ землю ввѣренный ему талантъ.—Но въ наши дни эту истину забыли, къ великому ущербу какъ общественной, такъ и семейной жизни.

Учители вѣка, отрицая спасительное вліяніе строгой власти, уничтожили примѣненіе какъ бы „дезинфекціи" въ народномъ обиходѣ. И народы начали подвергаться нравственному гніенію.

Необходимо помнить это при оцѣнкѣ современныхъ сужденій о „милостивомъ" судѣ, о гуманности, снисходительности, „свободѣ" и разныхъ другихъ послабленіяхъ власти.

* * *

Вторая особенность Ветхаго Завѣта—его цѣломудренная чистота. Сказано: „не прелюбы сотвори", и заповѣдь эта разъяснена многими указаніями, ясно обрисовывающими всю чудную красоту, лежащую въ основѣ чистоты. И вѣдь замѣтьте: такого рода разъясненія и заповѣди давались израильтянамъ въ мѣстностяхъ, окруженныхъ глубокимъ язычествомъ, преисполненнымъ всякаго блуда и нечистоты [1]). Чѣмъ-же объяснить появленіе такой заповѣди въ развращенной средѣ? Особенностями израильскаго народа? Этихъ горячихъ южанъ-семитовъ, обладающихъ всѣми свойствами своей расы? Подобное предположеніе противорѣчило-бы всѣмъ выводамъ науки, противорѣчило бы всѣмъ фактамъ исторіи, ибо разбираемая заповѣдь не имѣетъ никакой связи съ естественными услові-

[1]) Язычество не есть результатъ невѣжества или умственной темноты, какъ обыкновенно считаютъ, но духовное состояніе людей, находящихся подъ вліяніемъ діавола, духа „нечистаго". Нечистота была *всегда* отличительнымъ свойствомъ язычества. Подтверждаютъ это и современные язычники-декаденты, съ ихъ загрязненной, чувственной фантазіей.

ями времени и мѣста. Она не вытекаетъ изъ природы вещей, и ни у кого не заимствована; она не только не есть—законъ природы, но идетъ прямо противъ природы. А потому, желая остаться послѣдовательными,—намъ приходится прибѣгнуть къ единственно-разумному объясненію,—къ признанію *сверхъприроднаго* источника этой заповѣди.

Такой выводъ несравненно логичнѣе вывода Бюхнера, Молешота и остальныхъ матеріалистовъ, голословно утверждающихъ, будто седьмая заповѣдь „произвольное“ запрещеніе. Не осиливъ значенія этого запрещенія, они полагали отдѣлаться отъ него пріисканнымъ словцомъ. Мы имѣемъ, впрочемъ, полную возможность убѣдиться въ цѣлесообразности седьмой заповѣди уже изъ однихъ историческихъ данныхъ. Исторія доказываетъ, что развратъ губитъ народности даже въ физическомъ отношеніи, приводя ихъ къ истощенію и постепенному вымиранію. Достаточно указать на современную Францію. Но на это матеріалистъ опять отвѣчаетъ: „таковъ уже законъ природы; народы вымираютъ отъ различныхъ причинъ, между прочимъ и отъ истощенія; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было запрещать людямъ, удовлетворять свои естественныя потребности“. Къ несчастью, столь поверхностный отвѣтъ представляется убѣдительнымъ еще для многихъ, ибо хотя матеріализмъ и отжилъ свой вѣкъ въ высшихъ слояхъ научнаго міра [1]), но его отсталые приверженцы до сихъ поръ твердятъ его избитые лады и соблазняютъ совѣсть людей. Нужно постараться, поэтому, доказать не только основательность, но и всю роковую необходимость седьмой заповѣди.

Въ самомъ дѣлѣ: земная жизнь человѣка, какъ разумнаго и свободнаго существа, имѣетъ цѣлью подготовить или воспитать душу его такимъ образомъ, чтобы она была въ состояніи принять участіе въ вѣчной блаженной жизни небожителей. Для этого ей совершенно необходимо пріобрѣсти вкусы, желанія и даже свойства этихъ небожителей, потому что если не будетъ гармоніи во вкусахъ и стремленіяхъ, то немыслима и счастливая совмѣстная жизнь, каковой должна быть жизнь въ раю [2]).

[1]) См. *П. П. Кудрявцевъ*: „Къ характеристикѣ современнаго эмпиризма“. Труды Кіевск. Дух. Ак.—Январь, 1904.

[2]) Въ бытіе загробной жизни все человѣчество, независимо отъ степени своего развитія, во всѣ времена своего существованія—твердо вѣрило и вѣритъ. Но разъ какъ всѣ всегда вѣрили, т. е. всѣ всегда *побуждались* къ одному и тому-же направленію мыслей и чувствъ, то, въ силу закона причинности, обязательно долженъ существовать и тотъ

Но и помимо этого для блаженной совмѣстной жизни, душа должна прежде всего выработать въ себѣ такія свойства, которыя дѣлали бы ее *вообще* способной къ вѣчному духовному существованію. А для этого ей нужно настолько полюбить небесные законы, т. е. законы духа,—*цѣломудренные* по существу,—чтобы мало по малу сдѣлаться совершенно равнодушной къ законамъ матеріи. Самымъ-же сильнымъ тормазомъ къ достиженію небесной любви, а потому и самымъ сильнымъ магнитомъ, притягивающимъ душу къ матеріи является—страсть плоти. Если душа не будетъ всѣми силами противодѣйствовать этому искушенію, то плотская страсть окончательно отвлечетъ душу отъ ея стремленія къ духовному міру; душа всецѣло возлюбитъ плоть, погрязнетъ въ ней, и не только забудетъ свои первоначальные духовные запросы, но и возненавидитъ ихъ, какъ мѣшающіе ей спокойно предаваться плотскимъ удовольствіямъ. Въ такомъ состояніи душа пріобщается всѣмъ свойствамъ бренной матеріи и лишается вложенныхъ въ нее зачатковъ духовной жизни: зачатки духа угасаютъ подобно искрѣ, заливаемой водой, и душа умираетъ для вѣчной жизни, ибо вѣченъ только духъ.

Эту смерть души не слѣдуетъ, однако, представлятъ себѣ какъ прекращеніе бытія, а какъ мучительнѣйшее прозябаніе, съ чувствомъ вѣчной неудовлетворенности и вѣчно-грызущей тоски, причиняющей несказанныя страданія. (Выраженіе Христа: *червь неумирающій*). Вотъ почему независимо отъ всѣхъ другихъ соображеній, и было необходимо установить седьмую заповѣдь. Она ограждаетъ душу отъ засасывающихъ свойствъ матеріи, отъ духовной смерти.

внѣшній, реальный предметъ, который это общее побужденіе производитъ. Предметъ этотъ вліяетъ на мысли, чувства и волю, т. е. на духовныя силы. Онъ, слѣдовательно, долженъ быть однороденъ съ этими силами. Онъ—эта внѣшняя вліяющая сила,—и есть тотъ духовный міръ или та загробная жизнь, въ существованіи которой только помраченный умъ можетъ сомнѣваться.

Замѣчу кстати: существованіе небольшого числа невѣрующихъ въ загробную жизнь только усиливаетъ мои доводы. Если-бы не было этихъ исключеній, то оставалась бы возможность—признать упомянутую вѣру за *внутреннее* свойство самой человѣческой природы, и мой выводъ рухнулъ бы. Исключенія-же доказываютъ именно, что вѣра не есть „свойство", а нѣчто благопріобрѣтаемое; она стало быть результатъ какого-то внѣшняго воздѣйствія. Но воздѣйствія могутъ производить только реальные предметы или силы, и мы опять приходимъ къ силамъ небеснымъ или что то же—къ загробной жизни.

Тѣ же разсужденія имѣютъ силу относительно всѣхъ остальныхъ земныхъ пристрастій.

Теперь ясно, что изъ себя представляетъ седьмая заповѣдь! Она, словно прикрытый кингстонъ, не даетъ волнѣ искушеній проникнуть въ нашу душу, не даетъ втянуть эту душу въ пучину страстей и смерти. И такую заповѣдь нѣкоторые ученые считали „произвольной", неосновательной, лишней.. Не даромъ-же апостолъ Павелъ называетъ ихъ безумцами!

Все здѣсь изложенное не есть личная фантазія или личный выводъ, а непосредственно вытекаетъ изъ самихъ текстовъ Библіи,—группированныхъ, правда, опытной рукой такого учителя, какъ блаженный Августинъ. Онъ въ своемъ „Зерцалѣ" сосредоточилъ лучи божественной мудрости и отразилъ ихъ въ нашемъ сознаніи. И уже отъ насъ зависитъ—принять или не принять предложенныя истины.

Ѳ. Задонскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣятельность „Русскаго Кружка“ въ Варшавѣ.

25 октября состоялась обычная бесѣда членовъ Русскаго Кружка, во время которой о. протоіерей А. Ковальницкій сдѣлалъ докладъ на тему: „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, какъ богословъ“. Обрисовавъ въ немногихъ словахъ, какое вліяніе имѣли на будущаго поэта-богослова его родители и наставники, достопочтенный о. протоіерей указалъ на „единство“ и на „соборность“, какъ на отличительные признаки богословскихъ сочиненій А. С. Хомякова. Эти двѣ черты проявляются, какъ въ духовныхъ началахъ (напр. „Богъ, Единое Высшее Существо, троиченъ въ лицахъ“), такъ и въ человѣкѣ, въ „его разумѣ, сердцѣ и волѣ“. Другою выдающеюся чертою міровоззрѣнія Хомякова является взглядъ его на значеніе вѣры: „Какова вѣра (которую поэтъ понимаетъ, какъ „совокупную дѣятельность всѣхъ силъ духа человѣческаго“), такова и національность“, такъ какъ одно положеніе безъ другого существовать не можетъ. Переходя затѣмъ къ вліянію этихъ началъ на общество и выяснивъ цѣль религіознаго общества, согласно ученью Христа, А. о. Ковальницкій указалъ, какъ представляется А. Хомякову различіе церкви православной отъ западныхъ церквей—католической и протестантской: „Православная церковь—это кругъ, всѣ звенья котораго одинаково отличаются единствомъ, между тѣмъ какъ римская—конусъ, имѣющій одну лишь общую точку при вершинѣ, а протестантская уподобляется зернамъ, разбросаннымъ въ полѣ на произволъ судьбы“. Коснувшись далѣе сущности науки на Западѣ и на Востокѣ, о. А. Ковальницкій замѣтилъ, что средствами ея, по Хомякову, у насъ является религіозно-нравственное альтруистическое воспитаніе человѣка, служеніе его ближнему своему (недаромъ и самъ Христосъ „Зракъ раба пріимъ“) т. е. построеніе своей жизни для счастья другихъ, и въ общемъ, всего государства, тогда какъ въ западной церкви единеніе ея съ государствомъ чисто внѣшнее: „Если тамъ вытекаютъ добрыя начала, то это происходитъ лишь вслѣдствіе того, что въ душѣ каждаго че-

ловѣка таится зародышъ православія..." Этимъ закончилъ свой докладъ о. А. Ковальницкій.

Въ послѣдовавшемъ собесѣдованіи предсѣдатель Русскаго кружка, генералъ А. А. Боголюбовъ, просилъ талантливаго лектора дополнить свой докладъ въ понедѣльникъ, 1 ноября, поставивъ цѣлью выясненіе „значенія православія для русской народности по А. С. Хомякову", такъ какъ теперь, въ смутную годину особенно важно раскрытіе сущности русской національности и особенно необходима послѣдовательность выводовъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ именно и отличался А. С. Хомяковъ. Послѣ этого проф. Д. Цвѣтаевъ высказалъ свой мнѣніе о понятіяхъ „соборности" въ западныхъ церквахъ, а проф. Филевичъ въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтилъ вліяніе Хомякова на русское общество, противопоставивъ нашу „внутреннюю правду" (которую мы видимъ, напримѣръ, у славянофиловъ) „внѣшней правдѣ" западниковъ.

1-го ноября состоялся докладъ протоіерея о. А. Ковальницкаго на тему: „Значеніе православія для русской народности по взглядамъ А. С. Хомякова".

Сначала лекторъ въ краткихъ чертахъ, руководствуясь взглядами Хомякова, указалъ на существенныя отличія православія, римскаго католичества и протестанства. Различіе этихъ церквей состоитъ, главнымъ образомъ, въ неодинаковомъ взглядѣ на христіанскую церковь. По мнѣнію Хомякова, христіанская церковь какъ, общественный организмъ, есть фактъ примиренія на чисто нравственной основѣ двухъ началъ: свободы личности и единства многихъ. Православная церковь, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія—есть свобода въ единствѣ, по закону любви: всѣ члены, входящіе въ составъ церкви, называются не рабами, а сынами православной церкви. Римская церковь, отвергнувъ нравственное единство всѣхъ вѣрующихъ и святость соборнаго единенія вѣрующихъ, устроила у себя внѣшнее единство, основанное на власти папъ, при этомъ признала эту власть непогрѣшимою. Отвергнувъ, такимъ образомъ, святость единства всѣхъ членовъ церкви, римская церковь отвергла и свободу церкви: свободою пользуется только іерархія, а всѣ остальные члены римской католической церкви оказываются не сынами, а рабами церкви: они безпрекословно должны слушать представителей папы, не имѣютъ права голоса въ своей церкви, не имѣютъ права даже читать Слова Божія безъ разрѣшенія и руководства представителя папства. Римлянину естественно любить такую церковь потому, что христіанство явилось въ міръ тогда, когда римлянинъ въ своей

жизни опирался на сильное государственное начало, а деспотизмъ давилъ рабовъ. Принявъ христіанство, римлянинъ перенесъ этотъ взглядъ и въ область принятой имъ религіи. Вѣра для него сдѣлалась только внѣшнимъ закономъ; простому римлянину предоставлено только исполнять распоряженія іерархіи; церковь для римлянина стала явленіемъ земнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра, но въ тоже время требующимъ единства формально юридическаго: символомъ такого внѣшняго единства явился римскій епископъ, какъ пастырь всемірной столицы. Руководясь такимъ взглядомъ, римлянинъ отвергъ непогрѣшимость всей христовой церкви, перенесши непогрѣшимость только на одну личность папы. Такимъ образомъ, въ римской церкви находится единство чисто внѣшняго характера и въ тоже время нѣтъ свободы для всѣхъ вѣрующихъ.

Въ средніе вѣка римская церковь, механически сплоченная подъ властью внѣшне поставленнаго главы, стала мало по малу распадаться. Тогда, чтобы спасти себя отъ окончательнаго разрушенія, римская церковь стала поддерживать себя усиленными механическими же средствами: она стала своихъ послѣдователей, нежелавшихъ быть ея слѣпыми рабами, подвергать инквизиціи, заточенію ихъ въ тюрьмахъ, пыткамъ и кострамъ. Но эти мѣропріятія зданія католицизма не поддержали: оно стало рушиться. Развившаяся на западѣ личность не снесла гнета папскаго деспотизма,—и явился протестантизмъ. Западно-Европейскій человѣкъ не захотѣлъ быть рабомъ папства, а потребовалъ себѣ совершенной свободы.

Но отвоевавъ себѣ свободу, протестантизмъ впалъ въ другую крайность: непризнавая папскаго авторитета, онъ отвергъ всякій авторитетъ, и, вслѣдствіе этого, вмѣсто одного папы явилось на Западѣ Европы множество папъ. Явились, впрочемъ, протестантскія общины, но въ протестантствѣ постановленія одной общины необязательны для другой. Правда, всѣ протестанты пожелали благоговѣть предъ библіею, какъ книгою богодуховенною, но каждый протестантъ присвоилъ себѣ право объяснять библію по своему, да и изъ библіи принимать для руководства въ своей жизни только тѣ книги или изреченія, которыя онъ своимъ умомъ признаетъ богодухновенными. Самъ Лютеръ выбросилъ изъ библейскаго кодекса священную книгу: „Посланіе Апостола Іакова“ только, потому что оно ему не понравилось, какъ ученіе о добрыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, въ протестанствѣ явилась, въ противоположность римской церкви, свобода, но не оказалось единства. Да и

свобода въ протестантствѣ отличается чисто субъективнымъ характеромъ, выражаясь въ произволѣ и раціонализмѣ.

Намъ, православнымъ, не сродно любить р.-католицизмъ потому, что тамъ нѣтъ свободы. Не сродно намъ любить и протестантовъ, потому что тамъ нѣтъ единства. Намъ, православнымъ, свойственно любить свою православную церковь потому, что она представляетъ собою свободу, основанную на единеніи всѣхъ членовъ церкви въ духѣ любви, почему она и называется соборною: іерархія въ нашей церкви является не поработительницею своихъ членовъ, а истолковательницею и исполнительницею воли всей церкви. И только предъ рѣшеніемъ всей церкви склоняетъ свою свободу православный человѣкъ.

Сродно ли православіе русской національности? Мы, русскіе, приняли свою вѣру отъ Византіи. Въ эпоху явленія христіанства Византія находилась въ другомъ положеніи, чѣмъ Римъ. Грекъ, обладая высокимъ развитіемъ личности и философскимъ умомъ, былъ чуждъ формализма римскаго государственнаго начала. Къ христіанству онъ отнесся всесторонне. По своей художественной натурѣ, онъ почувствовалъ прелесть нравственной красоты той основы, на которой построена церковь, примирившая на законѣ любви два начала: свободу и единство. Этотъ духъ, пріобрѣтенный Грекомъ, переданъ и славянскому міру, во главѣ котораго Господь судилъ поставить Россію. У славянъ въ эту пору не было стремленія къ деспотизму власти, не было юридическаго формализма государственности; славяне не были заражены аристократизмомъ завоевательныхъ народовъ. Соединяясь въ общины, они мирно занимались земледѣліемъ и торговлею и вели безукоризненную семейную жизнь; поэтому единство общихъ интересовъ у нихъ мирилось съ свободою личности. Славянскій міръ, очевидно, представлялъ собою общество особенное, отличное отъ общества римско-германскаго. Понятно послѣ сего, почему славяне, и въ частности Россія, благодаря своему общинному строю, возлюбили всей душой византійское православное ученіе. Въ основѣ этого ученія лежала идея соборности, сочетающая начала единства и свободы въ духѣ любви. Вотъ почему православная церковь такъ много содѣйствовала объединенію русской земли около Москвы и вотъ почему слова „русскій и православный“—понятія синонимическія.

Уяснивъ какую силу имѣло для Русскаго Государства и народа—Православіе, Хомяковъ, горячо нападаетъ на стараніе наше слѣпо подражать, безъ критической разборчивости, плодамъ иноземной культуры, иноземнаго просвѣщенія, пред-

лагая для возстановленія истинно-русскихъ началъ русскаго просвѣщенія возвратиться на путь здраваго самобытнаго развитія. Этого можно достигнуть только путемъ возстановленія связи съ народомъ. Но установить же связь съ народомъ мы можемъ только тогда, когда сознаемъ и полюбимъ нравственный и духовный законъ, проявившійся въ народномъ историческомъ развитіи, т. е. мы должны воспринять христіанскій законъ любви, сочетавшій въ Православіи начала свободы и единства. Самобытность тѣсно связана съ вопросомъ о народности. Укоряли Хомякова, что онъ, проповѣдуя самобытность народа, какъ бы отрицалъ значеніе общечеловѣческаго элемента въ человѣческомъ прогрессѣ. Но Хомяковъ доказывалъ, что общечеловѣческое нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ: вездѣ все живо, все народно; народность есть живая конкретная форма, въ которой воплощаются общечеловѣческія начала. Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а по народамъ: каждому своя заслуга передъ всѣми и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа. Значитъ, служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому.

„Русскій народъ также имѣетъ свою великую задачу, надъ рѣшеніемъ которой, долго и безплодно, мучался Западно-Европейскій міръ“.

Западно-Европейскій міръ обратилъ вниманіе на развитіе ума (раціонализма) и преслѣдовалъ утилитарно-эгоистическія цѣли. Западно-Европейская культура учитъ строить свое счастье въ ущербъ своему ближнему. Отсюда громкая проповѣдь на Западѣ о борьбѣ за существованіе среди общества. Хомяковъ же доказываетъ что русскому человѣку назначена задача доказать собою міру, что счастье человѣка состоитъ не въ развитіи своего эгоизма, а въ его подавленіи: оно должно быть основано на любви къ ближнему. Идеаломъ для русскаго народа служитъ Іисусъ Христосъ, пострадавшій за благо другихъ потому, что Богъ Отецъ такъ возлюбилъ міръ, что послалъ Сына Своего на страданіе, чтобы спасти міръ.

Въ своихъ религіозно-полемическихъ работахъ, особенно по поводу сочиненій Лоренси, князя Гагарина и другихъ, которые тщетно пытались оклеветать православіе и русскую національность, Хомяковъ сказалъ въ защиту нашей вѣры и народности весьма много поучительнаго и для нашего времени. Особенно ясно и интересно было имъ доказано отсутствіе „Цезаре-Папизма“ въ нашей церкви и раскрыто значеніе „соборности“.

Въ современную Хомякову эпоху было сильное увлеченіе Западно-Европейскимъ раціонализмомъ, а потому служеніе и защита Хомяковымъ русской національности и православной церкви особенно возвышаетъ его личность; онъ становится безсмертнымъ въ исторіи православно-русской церкви и русскаго народа

8-го ноября Г. К. Дорофеевъ сдѣлалъ въ Русскомъ Кружкѣ чрезвычайно интересный и содержательный докладъ на тему: „О фондѣ народнаго образованія", собираемомъ газетою Русь. Сообщеніе докладчика представило объективное изложеніе положенія, въ которомъ находится въ данный моментъ вопросъ о „фондѣ" на основаніи статей и писемъ, помѣщенныхъ въ „Руси", со времени его возникновенія. Охарактеризовавъ яркими чертами письма учащейся молодежи, крестьянъ, ремесленниковъ, земцевъ, докторовъ и статьи интеллигентныхъ представителей общества и указавъ особенности въ письмахъ каждой группы, докладчикъ установилъ тотъ фактъ, что больше всего писемъ отъ учащейся молодежи, а менѣе всего отъ такъ называемой интеллигенціи: изъ 7,649 человѣкъ (до 29 октября) она дала всего 260 человѣкъ (изъ нихъ 8 публицистовъ и 1 литераторъ). Объясненіемъ такой сдержанности служатъ многія причины, какъ, напр., невыяснившееся направленіе фонда и не опредѣлившееся отношеніе къ этому вопросу правительства. Отсюда происходитъ отсутствіе опредѣленнаго правового положенія „фонда". Онъ виситъ какъ бы въ воздухѣ, не имѣя подъ собою ни юридической почвы, ни опредѣленности въ самыхъ понятіяхъ о томъ, какое должно быть даваемо народу образованіе. Все это вызываетъ недовѣріе къ прочности и даже самой возможности осуществленія идеи о фондѣ, въ принципѣ заслуживающей полнаго сочувствія.

Немалое значеніе для объясненія холодности и сдержанности въ отношеніи интеллигенціи къ этому вопросу имѣетъ и то обстоятельство, что многіе считаютъ возбужденіе его маневромъ при подпискѣ; иные-же полагаютъ, что онъ несвоевременъ въ виду военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., письмо проф. Строганова, помѣщенное въ „Новомъ Времени", съ чѣмъ самъ докладчикъ не нашелъ возможнымъ согласиться, указавъ на пожертвованія Государя Императора и въ пользу семьи погибшаго героя, Василія Рябова, и въ пользу основанія школы его имени, какъ на высокій образецъ, которому русское общество должно слѣдовать. Жертвы на войну стоятъ на первомъ мѣстѣ,

но намъ важно теперь же положить начало болѣе широкому развитію образованія.

Докладъ Г. К. Дорофеева вызвалъ оживленный и горячій обмѣнъ мнѣній. Въ виду большого интереса, который представляетъ поднятый вопросъ, председатель кружка резюмировалъ его слѣдующимъ образомъ: хотя за время введенія всеобщей воинской повинности образованіе массъ сдѣлало замѣтные успѣхи, что подтверждаетъ ростъ процента грамотныхъ среди ежегодныхъ контингентовъ новобранцевъ, но несомнѣнно Россія нуждается въ просвѣщеніи. Однако необходимо точно выяснить, что именно понимаютъ подъ этимъ словомъ: одни придаютъ ему значеніе космополитическое, другіе готовы признать въ немъ задачи государственныя, но лишь въ узкомъ значеніи этого слова: наконецъ, третьи полагаютъ, что только та школа будетъ для ядра Россіи истинно полезна, которая слѣдуетъ указаніямъ того знамени, подъ которымъ мы стоимъ: православіе, самодержавіе, народность. Только для такого дѣла и стоитъ собирать деньги. Между тѣмъ въ газетѣ Русь именно эта сторона остается въ полной тѣни. Поэтому, прежде всего намъ нужно разобраться самимъ и посвятить ближайшія бесѣды на выясненіе вопроса о томъ: какова должна быть народная школа.

Послѣ предсѣдателя говорило нѣсколько ораторовъ, но вопросъ остался недостаточно разработаннымъ.

Въ собраніи членовъ Русскаго Кружка, 22 ноября, о. В. Шингаревъ сдѣлалъ очень интересное сообщеніе на тему: „Къ вопросу о возрожденіи церковнаго прихода" (Древне-русскій приходъ и современныя попытки его возрожденія) [1]), а 29-го ноября въ Русскомъ Кружкѣ былъ прочитанъ докладъ (Д. С. В.) на тему: „Направленіе газетъ и результаты его". Въ настроеніи печати, по словамъ докладчика, намъ удалось подмѣтить два направленія, взаимно дополняющихъ другъ друга: одно, желающее подорвать вѣру не только въ отрасли государственнаго управленія Россіи, но даже въ силу и мощь русскаго народа; другое,—стремящееся, опираясь на первое, какъ бы указавшее русскому обществу, что существующій строй Россіи не годенъ, убѣдить какъ власть предержащую, такъ и народъ, что счастье свое и организованность государство найдетъ въ примѣненіи къ нему западно-европейскихъ образцовъ. Однимъ изъ видныхъ представителей перваго направленія является г. Меньшиковъ. Въ своемъ фельетонѣ (отъ 19 сентября) въ

[1]) Этотъ докладъ будетъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ журнала „Мирный Трудъ".

Новомъ Времени, онъ говоритъ, что народъ, проявляющій варварство, дикость и равнодушіе къ своей судьбѣ не внушаетъ вѣры въ свои силы. Утвержденіе г. Меньшикова настолько ошеломило всѣхъ, что въ началѣ съ протестомъ противъ него выступаетъ только... англичанка въ „Руси", предсказывая русскому народу великое будущее [1]). Въ одной изъ слѣдующихъ статей г. Меньшиковъ обрушивается на интендантство за его формальное отношеніе къ дѣлу. Докладчикъ не касается статей другихъ лицъ (напр., г. Артемьева: „Настроеніе въ Финляндіи" въ газетѣ Русь), поддерживающихъ это направленіе извращеніемъ фактовъ, только потому, что дѣйствія г. Меньшикова и подобныхъ ему говорятъ сами за себя.

Другое, какъ бы организаціонное направленіе видно въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, и другихъ газетахъ, которыя, подъ видомъ „сближенія Царской Самодержавной власти съ народомъ", своими требованіями, граничащими съ освобожденіемъ отъ всякихъ узъ, хотятъ насъ передѣлать по шаблонамъ западнаго государственнаго строя, не заботясь объ исторически выработанныхъ идеалахъ и стремленіяхъ Россіи. „Возможны и съѣзды,—возражаетъ докладчикъ Русскимъ Вѣдомостямъ,—если они рѣшаютъ тѣ задачи, для которыхъ собраны, а не преслѣдуютъ политическихъ цѣлей", и въ подтвержденіе приводитъ выдержку изъ „Родной Рѣчи" о запрещенномъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію. Возможна и свобода слова и печати,—продолжалъ онъ,—но только подъ условіемъ, чтобы руководители ея не только имѣли права, но признавали бы и обязанности служенія Родинѣ на ея самобытныхъ началахъ, происшедшихъ отъ воспитывающаго вліянія на народъ, Православія и Самодержавія и, въ совмѣстномъ обсужденіи уродливыхъ и безнравственныхъ условій современной жизни, указывали новые пути исправленія ихъ, памятуя: „Землѣ—свобода мнѣнія, Царю—свобода рѣшенія". Переходя далѣе къ евреямъ, употребляющимъ всѣ усилія, чтобы подорвать твердость основъ Россіи, докладчикъ указываетъ на статью „Восхода" о правовомъ государствѣ и на г. Канторовича, который, ссылаясь на сродные ему авторитеты, тужится доказать, что теперь людей можетъ связать только договорно-юридическій принципъ правового государства. Дальнѣйшими выразителями этого направленія являются газеты „Наша Жизнь" и „Право". Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Нашей Жизни" г. Ходскій

---

[1]) Въ журналѣ „Мирный Трудъ" за 1904 годъ были помѣщены возраженія г. Меньшикову, сдѣланныя г.г. А. Каутомъ и С. Ячейкинымъ (№ 8) и проф. Я. А. Денисовымъ (№ 10).

призываетъ народъ чуть ли не къ безпорядкамъ. „Право“ точно такъ же старается доказать всю спасительность примѣненія западнаго строя къ русскому укладу... Впрочемъ, уже появляются протесты противъ нашихъ либераловъ (инцидентъ съ представителемъ Русск. Вѣдом. въ желѣзнодорожномъ клубѣ). Вѣяніе, высказанное въ направленіяхъ газетъ, ярко отразилось въ работахъ съѣзда земскихъ дѣятелей. Что дѣлалъ этотъ съѣздъ, мы не знали, пока въ передовой статьѣ „Галичанина“ не прочли, что строй, выработанный земствами, до того компрометируетъ себя, что едва ли разумные граждане о немъ мечтаютъ... Глубоко вѣрны и невольно приходятъ въ голову, какъ закончилъ докладчикъ, слѣдующія строки:

„Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ,
Чужого-жъ строя къ намъ не приноси...
Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ:
Имъ дорожить, что кладомъ, мы должны...“

7-го декабря 1904 года въ Русскомъ Кружкѣ состоялось засѣданіе гг. членовъ Кружка подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Боголюбова.

Предметомъ бесѣды было чтеніе и обсужденіе писемъ, написанныхъ нѣкоторыми членами общества и адресованныхъ въ „Русское Собраніе“ въ Петербургѣ, въ которыхъ выражалось желаніе кружка войти въ сношеніе съ послѣднимъ для совмѣстной работы противъ теперешняго настроенія въ обществѣ печати и ввиду серьезности переживаемаго времени.

Первымъ прочелъ свое письмо предсѣдатель общества генералъ-маіоръ Боголюбовъ. Въ немъ онъ обращается къ своему „старшему брату“—„Русскому Собранію“ въ Петербургѣ съ слѣдующими вопросами: 1) Считаетъ ли „Русское Собраніе“ въ Петербургѣ возможнымъ и своевременнымъ выступить противъ идей, высказываемыхъ газетами относительно вопросовъ государственнаго устройства; 2) Должно ли намъ стать подъ знаменемъ самодержавія, народности и православія и громко отстаивать интересы русской земли съ ея божескими законами или намъ слѣдуетъ ожидать почина въ этомъ дѣлѣ со стороны правительства. Мы вѣруемъ, говоритъ далѣе авторъ письма, что только одинъ русскій народъ въ состояніи быть самымъ полезнымъ для государства въ дѣлѣ реформы его, а не лица, жаждущіе ввести въ Россію парламентаризмъ; далѣе—цѣль реформъ должна преслѣдовать соединеніе самодержавія съ народомъ; при реформахъ, какъ полагаетъ предсѣдатель, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на устройство и управленіе древняго русскаго прихода и то, что въ немъ со-

отвѣтствуетъ духу времени, народности и самодержавія, должно быть положено въ основу реформъ. Ввиду постоянно и энергично, въ духѣ требованія, а не предложенія, высказываемыхъ печатью идей о переустройствѣ государственныхъ началъ, искони лежащихъ въ основѣ государственнаго могущества, и ввиду безпрепятственнаго распространенія этихъ идей среди всѣхъ слоевъ общества, молчаніе, по этимъ вопросамъ, лучшей части общества, должно считаться тяжкимъ грѣхомъ какъ передъ Царемъ и народомъ, такъ и передъ тѣмъ знаменемъ, защищать которое взялось само общество. Въ подтвержденіе своихъ словъ предсѣдатель указалъ на два существенныхъ пункта, осуществленіе коихъ желательно въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Царь долженъ знать истинныя нужды народа и 2) Предполагаемыя реформы должны быть начаты не съ верхушекъ общества, а съ низшихъ слоевъ его—народа и прихода.

Второе письмо было прочитано профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета г. Никольскимъ.

Въ немъ онъ излагаетъ слѣдующіе взгляды относительно благовременности и несвоевременности реформъ. Взглядъ 1-й тотъ, что настоящее время не соотвѣтствуетъ разработкѣ какъ государственныхъ, такъ и никакихъ вообще реформъ: все вниманіе и вся дѣятельность общества должны быть сосредоточены на дружномъ мирномъ трудѣ внутри государства; на охраненіи его внутренняго порядка и спокойствія: 2-й взглядъ тотъ, что Россія послѣ войны явится могущественнѣе и сильнѣе, чѣмъ она была до нея, что самое лучшее время для реформъ наступитъ послѣ войны. Затѣмъ профессоръ призываетъ общество смѣло выступить, во-первыхъ, противъ вреднаго и несоотвѣтствующаго духу народному литературнаго направленія, которое является на здоровомъ народномъ организмѣ какимъ-то злокачественнымъ наростомъ, язвой, микробомъ, подтачивающимъ главные корни его существованія: во-вторыхъ, онъ убѣждаетъ своихъ сочленовъ смѣло и откровенно высказывать всѣмъ народамъ Россіи, что западный парламентаризмъ, конституціонализмъ, конституціонное направленіе совершенно непригодны ни для Русскаго Государства, ни для русскаго народа; въ-третьихъ—цѣль реформъ должна, главнымъ образомъ, преслѣдовать устраненіе существующихъ въ государственномъ механизмѣ недостатковъ, сообразуясь съ исконными началами государства и народа—православіемъ, самодержавіемъ и народностью; и наконецъ, въ-четвертыхъ, теперь время не реальныхъ реформъ, а время всеобщаго сосредоточенія какъ физическихъ, такъ и моральныхъ силъ общества для возможно

большей и успѣшной помощи раненымъ и больнымъ на Дальнемъ Востокѣ. Теперь не время, говоритъ профессоръ, думать о преобразованіяхъ и реформахъ въ области религіи, свободы вѣроисповѣданій, народности, земствѣ и т. п., такъ какъ для этого нужна усиленная, тяжелая и медленная, чрезвычайной важности работа, для которой потребуется много времени не только до, но и послѣ прекращенія войны, слѣдовательно, задаваться такими вопросами теперь будетъ какъ не подъ силу обществу, такъ и безполезно и несвоевременно.

На это предсѣдатель общества возразилъ:

„Если наши реформы получатъ направленіе въ смыслѣ двухъ вышеуказанныхъ мною пунктовъ, (Царь долженъ знать свой народъ; реформы должны начаться съ нижнихъ слоевъ общества), то онѣ увѣнчаются успѣхомъ, такъ какъ онѣ не будутъ скороспѣшны“.

Г. Логановъ къ сказанному предсѣдателемъ добавилъ, что дѣятельность „Русскаго Общества“ должна сообразоваться съ теоретическими воззрѣніями націоналистовъ, что Общество должно указать людямъ истинные пути къ прогрессу, что мыслить и разсуждать о реформахъ разрѣшено самимъ Царемъ, который въ манифестѣ отъ 26-го февраля 1903 года Самъ призналъ, съ высоты Своего престола, необходимость реформъ въ Россіи. За г. Логановымъ свой взглядъ на современное положеніе дѣлъ, какъ внутри, такъ и внѣ государства, высказалъ профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета г. Цвѣтаевъ. Упомянувъ о значеніи Великой Сѣверной войны для Россіи, назвавъ вообще войну важнѣйшимъ стимуломъ реформъ, указавъ на причины петровскихъ реформъ и на то, что большая часть изъ нихъ была совершенно непонятна для большинства современнаго Петру общества, высказавъ мысль, что война вводитъ реформы, а реформы ускоряютъ ходъ войны, г. Цвѣтаевъ указалъ на то, что настоящая война, не только для простого народа, но даже и для большинства интеллигенціи является вполнѣ непонятной. Многіе недоумѣваютъ надъ той кровью, которая широкими ручьями льется изъ груди доблестнаго воинства, недоумѣваютъ точно также, какъ и прежде недоумѣвало большинство гражданъ русскаго народа, непонимающихъ, зачѣмъ тогда нужны были Россіи берега Балтійскаго моря, а теперь берега Тихаго океана; они совершенно забыли про Великій Сибирскій путь. Вмѣсто подбадривающихъ голосовъ среди нихъ раздаются голоса, полные пессимизма, нарекающіе и ропщущіе на современное управленіе: въ пику намъ, людямъ самобытнаго направленія, они ставятъ на видъ то обстоятельство, что

Японія-де побѣждаетъ Россію оттого, что у первой введена конституція: это обстоятельство заставляетъ насъ взглянуть внутрь самихъ себя и глубоко поразмыслить о томъ, что происходитъ вокругъ и внутри дорогого нашему сердцу отечества. Мы думаемъ, говоритъ далѣе профессоръ Цвѣтаевъ, что воодушевляющія насъ идеи мы должны высказывать съ подобающимъ достоинствомъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ могли слабыхъ ободрить, а нахальныхъ и дерзкихъ придержать. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сознаютъ, а государство особенно, необходимость реформъ, обновленія жизни; всѣ сами чувствуютъ, что реформы висятъ какъ бы въ воздухѣ. Желая подорвать основы нашего государства и не подвергаться въ тоже время наказанію за распространеніе противоправительственныхъ идей, наши противники во-первыхъ, кричатъ о томъ, что правленія они не трогаютъ, но только управленіе, хорошо зная, что за всякое поползновеніе къ посягательству на правленіе, ихъ, по законамъ Россійской Имперіи, ожидаетъ смертная казнь. Какое постыдвое лицемѣріе кроется въ ихъ стремленіяхъ! Вѣдь, затрогивая вопросы объ управленіи, они запрашиваютъ державную власть, а не самодержавную, хотя всѣ ихъ помыслы и дѣйствія скрыто направлены противъ послѣдней: во-вторыхъ, они кричатъ о національной равноправности, совершенно забывая о томъ, что въ дѣлѣ сооруженія Великой Россійской Имперіи никакіе народы и племена, покоренные ею, кромѣ исконно-русско-православнаго народа не принимали участія.

Русскому народу, какъ основателю этой имперіи, и должна принадлежать роль полноправнаго помѣщика и домохозяина, а всѣмъ прочимъ народностямъ роли арендаторовъ и квартиронанимателей. Не можетъ покоренный быть господиномъ покорившаго его. Свою рѣчь профессоръ Цвѣтаевъ окончилъ слѣдующими словами:

„Провозглашеніе нами нашей національности не есть стыдъ для насъ, а долгъ и священная обязанность каждаго искренно преданнаго своему отечеству гражданина".

На сказанное профессоромъ Цвѣтаевымъ возразилъ профессоръ Никольскій. Война нынѣшняя, по его мнѣнію, начата исключительно евреями, которые всячески возбуждали и возбуждаютъ, поддерживали и поддерживаютъ японцевъ, съ цѣлью въ мутной водѣ ловить рыбу т. е. пользуясь тяжелымъ положеніемъ Россіи, они стараются осуществить свою завѣтную мечту—добиться полныхъ или же, по мѣрѣ возможности, гораздо большихъ политическихъ и гражданскихъ правъ въ сравненіи съ теперешними. Евреи—этотъ единственный въ своемъ

родѣ народъ—во всѣхъ почти государствахъ земного шара добились своего и въ нихъ они господствуютъ, словно они то въ нихъ полные господа; только въ одной Россіи они стѣснены настолько, что должны подчиняться не своимъ, а Русскаго правительства законамъ Поэтому то всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы подорвать святость этихъ законовъ, уничтожить и стереть съ лица земли тѣхъ государственныхъ дѣятелей, коими свято охраняются законы Россійскаго Государства и кои всѣми силами своей души до послѣдней капли крови оберегаютъ и отстаиваютъ самодержавіе. Для болѣе успѣшнаго дѣла они распространяютъ среди учащейся молодежи, фабричныхъ рабочихъ и народа разнаго рода прокламаціи, подрывающія авторитетъ и спасительную вѣру въ силу самодержавія для Русской Имперіи.

Люди, слабо образованные, откликаются на эти громкія по слогу, но глупыя по содержанію прокламаціи; люди же слабохарактерные, непонимающіе всей важности нынѣшней войны для Россіи, громко, во всеуслышаніе кричатъ: „Прекратить войну"! Вернуть Рождественскаго"! „Война не можетъ быть удачной для Россіи, такъ какъ внутри ея господствуютъ безпорядки".

Естественно, заканчивая свою рѣчь, говоритъ профессоръ Никольскій, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что государство находится въ затрудненіи; выйти государству изъ него должно помочь все русское общество, которое организовавшись между собой, представитъ изъ себя единое, сильное, нераздѣльное и непобѣдимое цѣлое; это общество должно выработать программу для государства, по которой, послѣднее могло бы произвести въ своей землѣ реформы; въ данный же моментъ всѣ силы государства должны быть направлены не на реформы, а на войну.

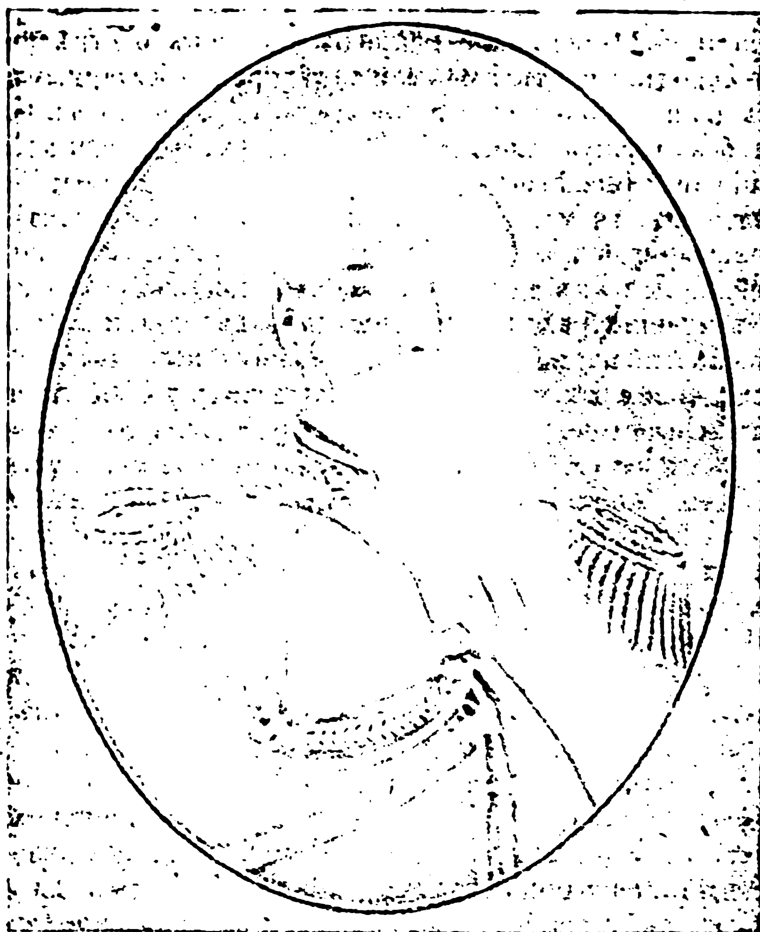
На это предсѣдатель возразилъ, что общество само по себѣ, безъ участія правительства, не можетъ вырабатывать программы государственнаго управленія; оно лишь въ состояніи указать правительству на тѣ пути, кои, по своему глубокому убѣжденію, считаетъ самыми истинными и правильными. Какъ у каждаго человѣка, такъ и у общества есть инстинкты, указывающіе ему, что правда присутствуетъ не тамъ, гдѣ ее предполагаетъ совѣтъ четырехсотъ, а заключается въ томъ, что Царь долженъ знать свой народъ. Поэтому, задача нашего Общества будетъ заключаться, во-первыхъ, въ протестѣ противъ совѣта четырехсотъ, противъ газетныхъ идей и противъ говорильни противоправительственныхъ агитаторовъ,

и во-вторыхъ, въ подготовительной разработкѣ программы по вопросу преобразовательныхъ реформъ въ Россіи.

Секретарь общества высказалъ свой взглядъ на дѣятельность организованныхъ и сплоченныхъ воедино русскихъ обществъ. По его мнѣнію, дѣятельность этихъ обществъ должна быть направлена къ тому, чтобы она была въ состояніи доказать своимъ противникамъ ихъ ошибки въ дѣлѣ преобразованія Россіи на началахъ противоположныхъ началамъ партіи, проповѣдующей противъ Самодержавія, Православія и народности. Голосъ правительства долженъ имѣть рѣшающее значеніе. Правительство обязано взять власть въ руки и твердымъ голосомъ сказать: довольно, остановитесь. Тогда и мѣропріятія, вышедшія изъ ихъ рукъ, тихо и стройно вольются въ жизнь. Какъ нѣкогда незабвенный М. В. Катковъ сказалъ: „Встаньте, господа, Правительство идетъ!“ Желали бы и мы тоже это увидѣть.

Э. С. В.

Р. И. Кондратенко.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Въ то время какъ манджурскія арміи, подготовляя рѣшительныя столкновенія, ограничивали сьою боевую дѣятельность развѣдочной службой и мелкими схватками съ противникомъ, одиннадцатый мѣсяцъ войны принесъ крупнѣйшую изъ утратъ, нами понесенныхъ съ ея начала: геройское сопротивленіе Портъ-Артура прекратилось, сломленное не вражеской силой, а мощью неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ было отмѣчено [2]), взятіе Высокой горы послужило нача-

[1]) Продолженіе. „Военное обозрѣніе" ведется въ Мирномъ Трудѣ съ самаго начала войны: см. № 2—10 за 1904 годъ.

[2]) См. „Мирный Трудъ". Декабрь, стр. 229.

ломъ конца: 11-дюймовые снаряды японцевъ обстрѣливали и самый городъ и рейдъ, гдѣ были закупорены бездарнымъ адмираломъ наши броненосцы и крейсера, обреченные на безславную и безполезную гибель возвращеніемъ въ „ковшъ“ вмѣсто движенія во Владивостокъ или нейтральные порты [1]). Подъ губительнымъ огнемъ опускались на дно одно за другимъ многомилліонныя суда и лишь „Севастополь“ могъ выйти на внѣшній рейдъ, гдѣ онъ подъ защитой береговыхъ батарей отбивалъ въ теченіе ряда ночей минныя нападенія японцевъ. Ихъ миноноски гибли, но упорно стремились повредить и этотъ одинокій обломокъ нѣкогда могучей эскадры. Въ концѣ концовъ и „Севастополь“ получилъ поврежденіе, лишившее его возможности самостоятельно двигаться. Эскадра перестала существовать уже къ концу ноября и непріятель получилъ возможность подготовлять свои суда для отпора адмиралу Рожественскому, который все ближе и ближе подвигается къ мѣсту боевыхъ событій.

Покончивъ съ остатками русскаго флота, японцы уже смѣлѣе могли развивать на сушѣ свои дѣйствія противъ Портъ-Артура. „Случайность“, играющая въ этой войнѣ какую то странную роль [2]), вырвала изъ рядовъ осажденныхъ ихъ главнаго вдохновителя, Р. И. Кондратенко: 2 декабря онъ со своимъ штабомъ обдумывалъ планъ отраженія японскихъ минныхъ аттакъ и вотъ въ казематъ форта № 2, гдѣ шло совѣщаніе, влетаетъ одиннадцати-дюймовый снарядъ.. 15 офицеровъ оказываются выбывшими изъ строя за мгновенной смертью (8) или пораненіями (7), а доблестнаго вождя разрываетъ на части. Отлетѣла душа портъ-артурской обороны, погибъ любимый войсками начальникъ, вселявшій вѣру въ успѣхъ борьбы негромкими приказами и звонкими словами, а непрерывнымъ

[1]) См. „Мирный Трудъ“. Сентябрь, стр. 200—203.

[2]) Свѣдущіе люди говорятъ, что попасть въ руль судна равносильно попаданію на 100 шаговъ въ туза изъ ружья, слѣдовательно „случайности“ мы обязаны поврежденіемъ Цесаревича, Рюрика и Новика. Гибель адмирала Макарова—„случайна“, ибо онъ натолкнулся на мину, которую могъ избѣжать, уклонившись въ сторону, или протраливъ рейдъ, какъ обыкновенно дѣлалъ. „Случайное“ ядро убило въ рѣшительную минуту не кн. Ухтомскаго, а именно адмирала Витгефта и погубило весь планъ прорыва. Залетѣть въ „прозоръ“ капитанской рубки ядро можетъ только случайно, а оно истребило, именно въ такихъ условіяхъ, весь старшій персоналъ Рюрика! Р. И. Кондратенко былъ въ казематѣ форта, помѣщеніи защищенномъ, и снарядъ „случайно“ попалъ во время совѣщанія лучшихъ силъ осажденныхъ.

скромнымъ подвигомъ, дѣля съ солдатомъ его невзгоды и лишенія. Огромныя знанія, крупный инженерный талантъ и умѣнье примѣнить его къ дѣлу превратили Р. И. Кондратенко въ главнаго двигателя всей обороны. Съ его кончиной мы видимъ лишь послѣднія судороги обезглавленнаго тѣла.

Уже 5 декабря японскія минныя работы, не встрѣчая теперь необходимаго противодѣйствія, приводятъ къ взрыву форта № 2, расположеннаго на сѣверо восточномъ фронтѣ. Но храбрость русскаго солдата снова сказывается въ полномъ блескѣ и упорный двухчасовой приступъ завершился отбитіемъ всѣхъ нападеній непріятеля. Но и наши не могли держаться въ почти совершенно разрушенномъ укрѣпленіи: 6-го былъ очищенъ русскими фортъ № 2, но отступленіе ихъ не сломило боевого ихъ духа, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Стессель въ своемъ привѣтѣ Государю по поводу Его тезоименитства. Однако одной отваги мало: нужны снаряды и другіе потребные для боя предметы, нужны свѣжіе съѣстные припасы, нужны люди для смѣны усталыхъ бойцовъ, нужны лекарства и перевязочные запасы для больныхъ и раненыхъ. Всѣхъ этихъ необходимыхъ приспособленій, дѣлающихъ укрѣпленія мощными и неодолимыми, въ Портъ-Артурѣ *не было*. Каждый приступъ причинялъ невознаградимую убыль въ снарядахъ и воинахъ; тѣснота и тяжкія условія осады, обиліе непогребенныхъ труповъ послужили источникомъ болѣзней; развился тифъ; сидѣвшіе безъ овощей, на хлѣбѣ и рисѣ, воины стали страдать отъ цынги; все съѣстное вздорожало до чрезвычайности; ѣли лошадей и собакъ, но жили надеждой на выручку. Японцы позаботились погасить и ея животворный лучъ: они подбрасывали газеты, подсылали „корреспондентовъ", сообщавшихъ о „пораженіи" Куропаткина подъ Ляоляномъ, о промедленіи балтійской эскадры и съ утонченной жестокостью отказывали въ пропускѣ къ осажденнымъ перевязочныхъ средствъ и лекарствъ, обстрѣливали госпитали, вопреки международному праву и протестамъ русскихъ. Раненые и больные расползались изъ своихъ убѣжищъ по улицамъ, умирали на нихъ или получали новыя раненія, оставаясь безпомощными и обреченными на вѣрную гибель.

Наоборотъ, противникъ получалъ все новыя подкрѣпленія: такъ 8 декабря къ нему подошли свѣжія силы, въ размѣрѣ до 10 баталіоновъ, позволившія смѣнить усталыхъ и подготовить болѣе рѣшительныя дѣйствія. Гибель генер. Кондратенко также была использована японцами: не встрѣчая должнаго противодѣйствія, они вели минные подкопы, завершив-

шіеся 14 декабря взрывомъ форта № 5; но попытка штурмовать и это полуразрушенное укрѣпленіе была отбита, главнымъ образомъ ружейнымъ огнемъ. Такъ гасло сопротивленіе твердыни, лишенной необходимыхъ запасовъ артиллерійскихъ спарядовъ; пушки безмолвствовали даже въ самыя опасныя минуты и японцы успѣли встащить на Высокую гору мощныя 11-дюймовыя орудія. Эта работа была бы невыполнимой, если бы русскіе могли непрерывно держать подъ дождемъ снарядовъ столь важную позицію, ключъ къ обладанію Портъ-Артуромъ. Ставъ на ней твердой ногой, японцы продолжительной бомбардировкой безъ отдыха подготовляли новые штурмы: 15 декабря они бросились на фортъ № 3 и послѣ 8-часового упорнаго боя овладѣли имъ; часть нашихъ воиновъ была отрѣзана въ полузасыпанномъ казематѣ и, въ геройскомъ сопротивленіи до конца, нашла славную могилу. Захватъ этого форта отдалъ въ руки врага весь сѣверо-восточный фронтъ и послужилъ предверіемъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ: 18-го декабря взлетѣло на воздухъ еще одно укрѣпленіе, а по всей линіи открытъ жестокій огонь, длившійся два часа и подготовившій общій приступъ на Орлиное гнѣздо и Китайскую стѣнку. Съ огромными потерями для японцевъ эти нападенія были отражены, но держаться за разрушенными укрѣпленіями, безъ необходимой поддержки артиллеріи, подпускать противника на вѣрный выстрѣлъ и бить его залпами сдѣлалось невозможнымъ и наши покинули позиціи, которыя удержать не могли, хотя врагъ оказался безсильнымъ овладѣть ими въ открытомъ бою. Отступленіе на высоты, лежавшія позади захваченной японцами главной линіи укрѣпленій, не предвѣщало ничего добраго. Наскоро сдѣланныя прикрытія не были способны предохранить отъ растрѣла изъ непріятельскихъ пушекъ; весь городъ лежалъ передъ врагомъ, какъ на ладони; подходъ подкрѣплецій къ подвергавшимся нападенію мѣстамъ былъ затрудненъ до крайности, ибо японцы держали подъ выстрѣломъ всѣ пути сообщенія и стоило русскимъ показаться изъ-за какого-либо прикрытія, какъ тучи снарядовъ несли смерть и гибель въ ихъ ряды. Отступленіе на Ляотешанъ, Золотую гору и Тигровый полуостровъ не было заранѣе подготовлено и эти пункты не оказались приспособленными для дальнѣйшаго сопротивленія. Войска измучились отъ нервнаго напряженія, полнаго отсутствія отдыха; люди превратились въ „тѣни"; варварскій обстрѣлъ госпиталей причинялъ душевную пытку всѣмъ уцѣлѣвшимъ, ибо ихъ сопротивленіе сулило новыя муки беззащитнымъ, слабымъ, погибающимъ. Герои, безстрашно смо-

трѣвшіе въ лицо грозящей имъ смерти, не мирились съ мыслью о чужихъ безполезныхъ страданіяхъ.. И вотъ генералъ Стессель созвалъ военный совѣтъ, который постановилъ начать переговоры о „почетной сдачѣ". Бѣлый флагъ показался на русскихъ позиціяхъ и сопротивленіе грознаго Портъ-Артура прекратилось. Въ нашихъ рукахъ нѣтъ еще достаточныхъ надежныхъ данныхъ для воспроизведенія всѣхъ подробностей послѣдовавшей сдачи; многое еще остается не выясненнымъ и надо ждать суда надъ генераломъ Стесселемъ, который раскроетъ передъ нами всѣ обстоятельства, приведшія русскихъ героевъ къ столь нежданному концу. Вопреки своему торжественному обѣщанію „биться до послѣдняго человѣка" начальникъ укрѣпленнаго района сдалъ крѣпость, комендантомъ которой состоялъ генералъ Смирновъ. До 5000 чел. были еще способны оказывать сопротивленіе; имѣлись еще запасы муки, риса, консервовъ; японцы сообщаютъ о милліонахъ патроновъ и тысячахъ снарядовъ, имъ доставшихся; почти двѣ тысячи лошадей представляли запасъ свѣжей конины, а бывали осады, когда ѣли мышей и грызли ремни, но не сдавались. Вдобавокъ частные склады не были конфискованы, а потому возможно было ихъ использовать, продолжая заблаговременно подготовленное сопротивленіе Ляотешана, обстрѣлъ котораго очень труденъ, а приступъ почти вовсе не возможенъ. При жизни генерала Кондратенко предпріимчивость и изобрѣтательность русскихъ не знала усталости, тогда какъ послѣ его смерти замѣчается отсутствіе планомѣрной обороны и предусмотрительной заботливости о продолженіи сопротивленія во что бы то ни стало, согласно ясному требованію закона.

Но трудно разобраться во всѣхъ этихъ и подобныхъ недоумѣніяхъ: печальный конецъ не лишаетъ портъ-артурцевъ лавроваго вѣнка, завоеваннаго почти 8 мѣсячными непрестанными подвигами. Русскій воинъ покрылъ себя неувядаемой славой и явилъ міру высокій образецъ неколебимаго мужества, вѣрности долгу и безстрашной готовности положить душу за други своя. Онъ заслужилъ удивленіе и преклоненіе со стороны всего міра, но не японцевъ. Эти варвары не способны понять величіе чужого подвига и отдавать ему должную дань великодушіемъ: въ войнѣ между европейскими народами бывали случаи дѣйствительно почетныхъ сдачъ (напр. Бельфора), когда противникъ позволялъ осажденнымъ съ музыкой, развернутыми знаменами, оружіемъ и пушками выходить изъ крѣпости, сдавая лишь ея орудія и запасы. Японцы въ сущности весь гарнизонъ объявили военноплѣнными; „почетная сдача"

была удѣломъ одного генерала Стесселя; даже не всѣ офицеры сохранили оружіе; даже генералы отправились въ плѣнъ, дѣлить съ солдатомъ его невзгоды, какъ дѣлили подвиги обороны. Есть извѣстія, что японцы прибѣгли даже къ „принудительнымъ работамъ", заставивъ нашихъ героевъ вылавливать мины и исправлять укрѣпленія и это въ то время, когда ихъ плѣнные у насъ безъ всякаго труда получаютъ отъ нашего правительства жалованье, уходъ, пищу и ведутъ безпечальную жизнь, ублаготворяемые всячески россійскими обывателями и обывательницами „передового направленія"! Нашихъ героевъ ждутъ всѣ ужасы плѣна въ странѣ язычниковъ, безчеловѣчныхъ и жестокихъ азіатовъ, чуждыхъ понятій христіанскихъ народовъ. Въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, скученные, оборванные, задыхающіеся отъ нечистотъ, истощаемые паразитами, угнетаемые тоской по родинѣ, отсутствіемъ извѣстій, затрудненіемъ выполненія религіозныхъ потребностей (японцы потребовали исповѣди *черезъ* переводчика, вопреки международнымъ соглашеніямъ) наши воины страдаютъ въ чуждой имъ странѣ и нуженъ великій запасъ самоотверженія, чтобъ пойти сознательно на всѣ эти ужасы, хорошо вѣдомые тѣмъ генераламъ, которые остались со своими подчиненными, хотя стоило дать „слово" и они, подобно генералу Стесселю и адмиралу Ухтомскому, вернулись бы на родину, въ дорогія семьи, на отдыхъ отъ перенесенныхъ лишеній. Добровольно осудить себя на такія невзгоды, подвергнуться опасности умереть отъ болѣзни въ японскомъ плѣну и никогда не увидѣть святую Русь могли только истинно великія души, предъ которыми благоговѣйно преклонится всякій русскій человѣкъ, не любящій мишурныхъ героевъ, раздувающихъ свои „подвиги" громкими приказами и трескучими обѣщаніями... Адмиралъ Виренъ, оставшійся военноплѣннымъ со своими богатырями-матросами, предпринялъ, однако, попытку сохранить для отечества хотя что нибудь отъ нѣкогда мощной эскадры, погубленной Портъ-Артуромъ: уже въ бою 28 іюля наши суда не располагали всей артиллеріей, ибо часть орудій была снята съ судовъ и поставлена на укрѣпленія; возвратившіеся броненосцы и крейсера отдали и своихъ людей и свои пушки тому же Портъ-Артуру и сгинули, не обезсиливъ врага. Иное дѣло, если бы отчаянный прорывъ закончился бы той же гибелью: японскій флотъ неизбѣжно потерпѣлъ бы тогда ущербъ въ свою очередь, а выбытіе изъ строя хотя нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ уже существенно облегчило бы задачу адмирала Рожественскаго, ослабивъ его врага. Наконецъ, хотя

два-три судна могли укрыться послѣ боя въ какомъ либо нейтральномъ порту и послѣ войны увеличить наши силы на Дальнемъ Востокѣ. Теперь повторилось севастопольское потопленіе флота [1]) и съ такими же послѣдствіями для крѣпости, въ концѣ концовъ доставшейся непріятелю. Какъ должно было болѣть сердце такого адмирала, какъ Виренъ, когда онъ принималъ участіе въ совѣтѣ, рѣшающемъ вопросъ о сдачѣ Портъ-Артура! Вождю флота пришлось заняться самоистребленіемъ: „Севастополь" вывели на глубокое мѣсто и затопили; взрывами повредили остальныя суда; портили орудія, разрушали мастерскія и доки, возводимые съ такими усиліями; „Амуромъ" закупорили входъ въ докъ; другія суда засорили „ковшъ" и теперь не скоро Портъ-Артуръ сдѣлается стоянкой для боевыхъ, глубоко сидящихъ въ водѣ судовъ. Лишь нѣсколько миноносцевъ успѣло проскользнуть въ Чифу и Кіа-Чао, гдѣ они разоружились вмѣстѣ съ людьми. На сушѣ тоже шла разрушительная работа: орудія портили; ломали замки ружей; взрывали укрѣпленія, но тутъ меньше причинили вреда и сухопутная добыча японцевъ неизмѣримо превышаетъ по своему значенію ихъ морскіе трофеи, въ сущности отсутствующіе и требующіе значительныхъ усилій и затратъ для приведенія ихъ въ сколько-нибудь пригодный видъ.

Такъ, „палъ" Портъ-Артуръ, капитуляція котораго на предложенныхъ японцами условіяхъ послѣдовала 20 декабря. Груда развалинъ, заваленныхъ трупами и нечистотами, пропитанныхъ заразой досталась генералу Ноги. Самолюбіе японцевъ получило удовлетвореніе, хотя и не полное: они не сумѣли *открытой силой* овладѣть, даже послѣ столь продолжительной осады, крѣпостью, которую взяли у китайцевъ съ разбѣга, почти безъ потерь. Много милліоновъ русскихъ денегъ погибло въ Портъ-Артурѣ, но не дешево обошелся онъ и японцамъ. Помимо тяжелыхъ человѣческихъ жертвъ надо принять во вниманіе стоимость осадныхъ работъ и разстрѣлянныхъ снарядовъ. Въ итогѣ, несомнѣнно, получатся десятки милліоновъ, которые причинили бы намъ большій вредъ, если бы японцы не стремились къ обладанію Портъ-Артуромъ во что бы то ни стало. Энергія, ими затраченная на борьбу съ этой твердыней, принесла бы намъ непоправимый ущербъ, если бы была приложена къ разгрому слабой въ началѣ войны русской арміи. Ея разгромъ былъ возможенъ и отдавалъ бы Портъ-Артуръ, какъ спѣлый плодъ въ руки врага, отрѣзавшаго всякую на-

[1]) См. Мирный Трудъ 1904 г. № 8.

дежду на помощь рѣшительнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ генералу Куропаткину. Это пораженіе обезпечило бы японское торжество, но его не послѣдовало въ самое опасное время, а теперь, Богъ дастъ, чаша вѣсовъ склонится въ нашу пользу.

Войну часто сравниваютъ съ шахматной игрой, а потому можно уподобить осаду Портъ-Артура стремленіемъ взять туру противника, который тѣмъ временемъ успѣлъ произвести рокировку, вывелъ короля изъ подъ шаха и обезпечилъ для ферзя свободу дѣйствій. Партія еще не проиграна: вторая тура (Владивостокъ) въ нашихъ рукахъ; кони стали уже безпокоить противника (Мищенко и Ренненкампфъ); цѣлы офицеры (арміи Линевича, Каульбарса); ферзь (Куропаткинъ) занялъ угрожающее положеніе. Кто же прекращаетъ игру, потерявъ одну туру и нѣсколько пѣшекъ, когда аттака противника отбита и онъ, въ свою очередь, утратилъ часть своей боевой силы и, главное, разстроилъ свое положеніе. Теперь аттака возможной сдѣлалась для насъ и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ начнутся рѣшительные ходы. Пока держался Портъ-Артуръ, планъ игры для японцевъ былъ ясенъ: они ждали движенія для его выручки и могли принимать соотвѣтствующія мѣры. Теперь творчеству русскихъ открывается полный просторъ и надо угадать ихъ намѣренія, надо проникнуть въ ихъ передвиженія. Особой сообразительности, геніальнаго умѣнья использовать свои военныя силы и качества японцы не обнаружили, а потому теперь ихъ могутъ постичь весьма непріятныя неожиданности.

Нѣтъ основаній тревожиться за исходъ войны, лишь бы Россія осталась вѣрна своему долгу, лишь бы внутренніе союзники японцевъ, цинично заявляющіе „побѣда Японіи—наша побѣда“, не привели къ домашнимъ осложненіямъ. Никогда удовлетвореніе потребности въ объединеніи, прекращеніи розни, партійныхъ счетовъ не было такъ настоятельно необходимо, какъ именно теперь. И что же мы видимъ, международная плутократія, извѣрившись въ своихъ наемникахъ—японцахъ, поднимаетъ смуту, а недальновидные, близорукіе русскіе протягиваютъ голову въ подготовленное уже ярмо. Всѣ „требованія“, всякія „пожеланія“, всякія „петиціи“ и проч. теперь неумѣстны и служатъ только въ пользу японцевъ. Только враги отечества могутъ возбуждать вопросъ о мирѣ, ибо милліардъ рублей контрибуціи заплатитъ наша бѣдная страна, нашъ народъ, цѣною кабалы капиталистамъ и рабства иноземцамъ: мы будемъ вѣчными данниками и работниками на плутократовъ, если пойдемъ на позоръ мира съ врагомъ. Этого могутъ

желать, или по неспособности понимать смыслъ событій, или по нежеланію служить Родинѣ, т е. или глупцы или наймиты космополитовъ—а тѣхъ и другихъ нельзя считать выразителями русскаго общественнаго мнѣнія. Въ тысячу разъ лучше истратить милліардъ для достиженія побѣды, для сохраненія *экономической свободы* русскаго народа, перваго условія и политической самостоятельности. Намъ нужна побѣда и лучше смерть, чѣмъ омерзительное рабство жрецамъ золотого тельца!

Н. Черниковъ.

Книги, поступившія въ редакцію журнала „Мирный Трудъ" по 10 января 1905 года.

Аксентьевъ М. и Дружининъ А. Правда о русскихъ евреяхъ (Отвѣтъ г. Купернику на его брошюру „Еврейское царство.") Кіевъ 1904 г.

Волковъ Л. Что нужно? Кіевъ 1904 г.

Волыно-почаевскій патерикъ, или сказаніе о жизни угодниковъ божіихъ, насаждавшихъ и утверждавшихъ православную вѣру въ Волынской землѣ. Почаевъ 1904 г.

Г. А. Ш. „Россія и Европа„. По поводу усиливающихся призывовъ „сравняться" съ Европой. Москва 1905 г.

Кашковъ М. Н. О самодержавіи и конституціи. Москва. 1905 г.

Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? С.П.Б. 1904 г.

Родзевичъ Н. Какъ идутъ наши дѣла на Дальнемъ Востокѣ. Одесса 1904 г.

Христіанское содружество учащейся молодежи за первый годъ своего существованія и дѣятельности.

Шумахеръ А. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ его жизни и царствованія. С.-П-гъ 1905.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Goetz, Das Kiever Höhlenkloster, als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands (Кіевскій Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Руси). Passau, 1904. XXXIV+242 s.s.

Названное сочиненіе о Кіевопечерскомъ монастырѣ принадлежитъ перу профессора Боннскаго университета, старокатолическаго священника, который хорошо знаетъ русскій и славянскій языки и занимается изученіемъ славянской и вообще восточно-европейской культуры, находя въ ней не мало самобытнаго, оригинальнаго и придавая ей значительную важность. Исполняя эту работу, авторъ довольно долго проживалъ въ Кіево-печерской лаврѣ и пользовался находящимися тамъ матеріалами. Въ предисловіи къ своему труду профессоръ Гётцъ заявляетъ, что онъ намѣренъ написать обширное изслѣдованіе на тему Христіанство и культура въ Кіевской Руси, для котораго уже собралъ много матеріаловъ и въ отношеніи къ которому выпущенный трудъ является подготовительной работой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ пожеланіе, чтобы былъ основанъ особый органъ для изученія исторіи восточной Европы и чтобы въ германскихъ университетахъ было обращено болѣе вниманія на изученіе русскаго языка и восточноевропейской культуры. Съ полнымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эти disiderata почтеннаго нѣмецкаго ученаго, а еще съ большимъ— его изслѣдованіе по исторіи Россіи.

Трудъ проф. Гётца состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагается главнымъ образомъ внѣшняя исторія Кіевопечерскаго монастыря отъ основанія его (въ 1051 г.), до нашествія татаръ на Россію (въ 1240 г.); во второй опредѣляется значеніе этого монастыря для домонгольской Руси. Частнѣе: въ трехъ отдѣлахъ первой части авторъ разсуждаетъ о происхожденіи и особенностяхъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей и отношеніи къ послѣднимъ монастыря Кіевопечерскаго, затѣмъ подробно говоритъ объ основаніи и устройствѣ этого монастыря, описывая въ связи жизнь и дѣятельность основателей его—преподобныхъ Антонія и Θеодосія, а также сподвижниковъ послѣднихъ, наконецъ, излагаетъ исторію этого монастыря по смерти Θеодосія до нашествія татаръ, а также жизнь и дѣятельность всѣхъ игуменовъ его въ это время. Въ четырехъ отдѣлахъ второй части авторъ отмѣчаетъ религіоз-

ный и соціально-экономическій авторитетъ Кіевопечерскаго монастыря, обусловливавшій его великое культурное значеніе для Руси, изображаетъ разностороннюю дѣятельность иноковъ его: хозяйственную (садоводство, плодоводство, хлѣбопашество, хлѣбопеченіе, скотоводство, рыболовство и друг.), „духовнорелигіозную“ (занятія наукой, писательствомъ и живописью, душепастырство, духовничество и учительство), благотворительную и соціальную (врачеваніе больныхъ, вспомоществованіе бѣднымъ, заботы о плѣнныхъ и пр.), опредѣляетъ отношенія монастыря Кіевопечерскаго къ другимъ факторамъ гражданской и духовной жизни Кіевской Руси (князьямъ, высшему классу общества и народу,—къ митрополиту, епископамъ, монастырямъ и духовенству), наконецъ, разъясняетъ національный (русскій) характеръ иноковъ этого монастыря и всей его дѣятельности.—Большую честь дѣлаетъ нѣмецкому проф. самое тщательное и строго критическое изученіе какъ источниковъ предмета, такъ и литературы его, древнѣйшей и новѣйшей. Такъ, онъ пользуется въ своемъ сочиненіи начальной русской лѣтописью, Кіевопечерскимъ патерикомъ, трудами по исторіи русской церкви митрополита Макарія (Булгакова) и проф. Голубинскаго, изслѣдованіями: о патерикѣ—проф. Шахматова и Абрамовича, о монашествѣ (греческомъ и русскомъ)—Яковлева, Казанскаго и Соколова, о богослуженіи—проф. Дмитріевскаго, о топографіи Кіева—проф. Петрова, а также статьями, напечатанными въ разныхъ журналахъ, духовныхъ и свѣтскихъ.

Въ сочиненіи проведенъ авторомъ оригинальный взглядъ по вопросу о происхожденіи первыхъ монастырей въ Россіи. Не соглашаясь съ утвердившимся въ нашей наукѣ мнѣніемъ проф. Голубинскаго, что первыми монастырями на Руси были такъ называемыя вольныя монашескія слободки, состоявшія изъ отдѣльныхъ келлій на церковныхъ погостахъ, въ которыхъ жили удалившіеся изъ міра люди, безъ всякихъ правилъ и организаціи,—проф. Гётцъ прототипъ монастырей видитъ въ тѣхъ епископскихъ домахъ и тѣхъ жилищахъ для священнослужителей (bischöfliche Residenzen, Pfarrhäuser), которые построилъ князь Владиміръ для призваннаго имъ греческаго духовенства, исключительно, какъ онъ полагаетъ, монашескаго званія. Этими призванными греческими миссіонерами и ограничивался контингентъ первыхъ монаховъ на Руси. Монастыри въ собственномъ смыслѣ появились только при сынѣ св. Владиміра, князѣ Ярославѣ Мудромъ, весьма заботившемся о христіанскомъ просвѣщеніи своего народа, когда появилось вполнѣ христіанское поколѣніе, которому, какъ воспитанному въ строго-

христіанскомъ духѣ, монашество представлялось идеаломъ нравственной жизни. Въ этихъ монастыряхъ настоятели и нѣкоторая часть братіи были не-русскаго происхожденія, но были въ нихъ уже и иноки русскіе. Они представляли точную копію греческихъ императорскихъ монастырей и строились по инициативѣ князей, для которыхъ служили домовой церковью, а по смерти—усыпальницей. Полную противоположность этимъ, такъ сказать, государственнымъ, княжескимъ монастырямъ представлялъ собою монастырь Кіевопечерскій, обязанный своимъ возникновеніемъ не князю, а простолюдину, основанный, по словамъ лѣтописца, со слезами и вздохами, бдѣніемъ и молитвой и представлявшій собою учрежденіе національно-русское: онъ былъ созданъ людьми русскими, даже въ первое время наполнялся преимущественно русскими иноками и сдѣлалъ не мало для національнаго развитія русской церкви.

Равно при раскрытіи общепринятыхъ положеній проф. Гётцъ вскрываетъ такія детали, отмѣчаетъ такія явленія, которыя не принимались во вниманіе прежними изслѣдователями исторіи Кіевопечерскаго монастыря и которыя много помогаютъ полному опредѣленію духовнаго образа этой обители.

Основной предметъ изслѣдованія—культурное значеніе Кіевопечерскаго монастыря—раскрытъ авторомъ весьма основательно и всесторенне. По его мнѣнію, этотъ монастырь былъ въ полномъ смыслѣ слова центромъ духовной, соціально-экономической и политической жизни Кіевской Руси домонгольскаго періода. Между монастыремъ и міромъ было постоянное духовное общеніе: душепастырство, духовничество, учительство; благотворительность иноки не ограничивали обителью, а переносили и на міръ. Они давали мірянамъ отпущеніе грѣховъ (исповѣдь), знакомили ихъ съ истинами вѣры, утѣшали въ постигшихъ скорбяхъ, лѣчили отъ болѣзней, спасали отъ голода, укрывали ихъ отъ преслѣдованія непріятеля или во время междуусобицъ. Наравнѣ съ народомъ и князья искали у монаховъ исцѣленія отъ недуговъ, утѣшенія въ скорбяхъ, испрашивали благословенія на дѣла свои Нерѣдко князья даже обращались къ инокамъ за совѣтомъ въ дѣлахъ государственныхъ. Иногда сами иноки вмѣшивались въ споры князей и вліяли на исходъ ихъ. Монастырь былъ разсадникомъ просвѣщенія на Руси: его иноки становились миссіонерами, дѣлались епископами, онъ давалъ Руси вообще книжныхъ людей.

Сочиненіе профессора Гётца о Кіевопечерскомъ монастырѣ имѣетъ большую цѣну. Оно представляетъ собою первое капитальное научное изслѣдованіе исторіи этой обители. Су-

ществовавшіе до сихъ поръ труды по исторіи ея несовершенны и неудовлетворительны. Описаніе Кіевопечерскаго монастыря, составленное въ концѣ XVIII в. митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ, очень кратко; описаніе его, составленное въ 1886 г. протоіереемъ Лебединцевымъ, болѣе популярнаго свойства; наконецъ, описаніе его, составленное въ 1826 г. извѣстнымъ ученымъ, митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, хотя имѣетъ характеръ ученаго труда, уже устарѣло и неполное, такъ какъ въ немъ изображается преимущественно внѣшняя исторія монастыря. Такимъ образомъ, трудъ нѣмецкаго ученаго восполняетъ большой пробѣлъ въ русской церковноисторической наукѣ. Но онъ имѣетъ значеніе и для Западной науки. Нѣмецкій языкъ. на которомъ онъ вышелъ, дѣлаетъ его вполнѣ доступнымъ для Западныхъ ученыхъ. Это весьма кстати. Въ послѣднее время зарубежные богословы все чаще и чаще обращаются къ русскимъ изслѣдованіямъ и даже заглядываютъ въ русскія книгохранилища (напр., геттингенскій проф. Бонвечъ, мюнхенскій проф. Крумбахеръ и друг.); слѣдовательно, на Западѣ назрѣла потребность въ пользованіи русской наукой и ея мѣстными источниками. Проф. Гётцъ даетъ на вполнѣ доступномъ для Западныхъ ученыхъ языкѣ цѣлое изслѣдованіе, посвященное одному изъ выдающихся факторовъ въ исторіи домонгольской Руси, и указываетъ на важную область—восточноевропейскую культуру, которая вполнѣ заслуживаетъ вниманія западныхъ ученыхъ

Профессоръ Э. Бродовичъ.

М. Н. Катковъ. „О Самодержавіи и конституціи". Москва. 1905 г. 68 стр.

Въ этой небольшой, очень изящно изданной книжкѣ собраны отзывы извѣстнѣйшаго публициста и государственнаго дѣятеля, М. Н. Каткова, о самодержавіи и конституціи. Въ пору общаго шатанія прислушаться къ голосу такого умнаго и образованнаго человѣка, какимъ былъ покойный писатель, особенно полезно и поучительно: „русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что рисуютъ себѣ люди, судящіе о немъ по чужимъ понятіямъ. Понятое въ своемъ истинномъ смыслѣ, оно окажется лучшимъ и вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ всякаго блага, какимъ только можетъ дорожить человѣчество. Оно выражаетъ собою единую власть, ни отъ какихъ партій и отдѣльныхъ интересовъ не зависящую, надо всѣмъ возвышенную, чистую отъ всякаго эгоизма, равную цѣлому. Церкви и съ ней всему народу свобода, а власть, полная и не раздѣльная, Царю—вотъ наша система".

Всякая свобода и самая жизнь, по истинѣ человѣческая, въ обществѣ возможны только при условіи единой и безспорной, надъ всякою властью господствующей власти. Ея ослабленіе порождаетъ смуту. По мѣрѣ того, какъ ослабляется дѣйствіе законной власти, нарождаются дикія власти, начинается разложеніе, совершаются насилія, колеблются основы всякой нравственности, духъ растлѣнія овладѣваетъ умами и вмѣсто явнаго правительства появляются тайныя, дѣйствующія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе дѣйствіе государственной власти". „Да соблюдаетъ верховная власть на Руси свое священное значеніе и всю полноту, всю свободу свою въ живомъ единенія съ народными силами!" „Предлагаютъ много плановъ... но есть одинъ царскій путь Это не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. Съ высоты царскаго трона открывается стомилліонное царство. Благо этихъ ста милліоновъ и есть тотъ идеалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ компасъ, которымъ опредѣляется истинный царскій путь. Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ, чтобы предъ нимъ уравнивалось различіе сословій, цеховъ, разрядовъ и классовъ. Бароны и простолюдины, богатые и бѣдные, при всемъ различіи между собою, равны предъ царемъ. Единая власть и никакой иной власти въ странѣ и стомилліонный только ей покорный народъ, вотъ истинное царство. Въ лицѣ Монарха оно владѣетъ самою сильною центральною властью для подавленія всякой крамолы и устраненія всѣхъ препятствій къ народному благу. Оно же, упраздняя всякую другую власть даетъ мѣсто и самому широкому самоуправленію, какого можетъ требовать благо самаго народа—*народа*, а не партій". „Да положитъ Господь, Царь царствующихъ, на сердце Государя нашего шествовать именно этимъ воистину царскимъ путемъ, имѣть въ виду не прогрессъ или регрессъ, не либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего стомилліоннаго народа"! Къ этому пожеланію присоединится всякій, въ чьей груди бьется русское сердце! Въ сущности, если приводить всѣ достопримѣчательныя мѣста, то пришлось бы перепечатать всю книжку, распростаненіе которой въ самыхъ широкихъ кругахъ весьма желательно, какъ противовѣсъ разнымъ превратнымъ ученіямъ и нагубнымъ заморскимъ средствамъ: „Царь за весь народъ, весь народъ за Царя"—вотъ правильное и истинно русское отношеніе между Царемъ и народомъ.

Н. Хорсовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА еженедѣльные иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества (XXIX г. изд.) СО МНОГИМИ ПРЕМІЯМИ.

Подписной годъ начался 1-го ноября 1904 года.—Первые №№ высылаются немедленно.

Задушевное Слово для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ). Гг. годовымъ подписчикамъ будетъ выслано: **52 №№** интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала, съ массою повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній, **и 42 преміи и приложенія**, въ числѣ которыхъ: 1) **Большая картина въ 24 краски** худ. Тима: **„ЖУЧКИНА СЕМЬЯ“**, 2) **12 игръ и занятій для дѣтей** на больш. раскраш. и черн. листахъ, 3) **12 отдѣльныхъ картинъ изъ дѣтской жизни.** 4) **6 книгъ „Библіотечки Задушевнаго Слова“**, 5) **Маленькій русскій историкъ.** Родная исторія въ разсказахъ и рисункахъ. 6) **Игра—„Звѣринецъ-Лото“** съ 28 раскрашенными фигурами.

II. **Задушевное Слово для дѣтей старшаго возраста** (отъ 9 до 14 лѣтъ). Гг. годовымъ подписчикамъ будетъ выслано: **52 №№** интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала, съ массою повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній, **и рядъ премій и приложеній**, въ числѣ которыхъ: 1) **12 иллюстриров. кн. сочин** извѣстныхъ писателей для юношества: **М. Б. ЧИСТЯКОВА и В. САМОЙЛОВИЧЪ**, 2) **Исторія 349 великихъ дней.** съ массою иллюстрацій, 3) **6 кн „Исторической Библіотеки“**, въ папочныхъ переплетахъ, 4) **Альбомъ „На память“.** 5) **Записная книжка-календарь.** въ изящномъ переплетѣ, 6) **Настольный отрывной календарь-ежемѣсячникъ.**

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ премій, при каждомъ журналѣ будутъ высылаться для родителей и воспитателей **„ДѢТСКІЯ МОДЫ“ и „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕЧКА“.**

Подписная цѣна каждаго изданія „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявлен. преміями и приложеніями, съ дост. и перес: на годъ **6 руб.** на полгода (6 мѣс.)—**3 рубля**, на треть года (4 мѣс. **2 р.**

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 2 рубля: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая. Съ перес. за границу годовая подписная цѣна каждаго журнала—**8 рублей.**

При подпискѣ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ указывать желаемое изданіе, (т. е. ВОЗРАСТЪ).

Подписка принимается: Въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ: 1) С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18; 2) Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 3) Москва, Моховая ул. 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета); въ редакціи журналовъ „Задушевное Слово“—С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 16-я линія. 5—7, собств. домъ, а также у всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ.

